

Белорусский государственный университет
иностранных языков
Минский городской научно-педагогический центр «Тайген»
Кафедра теории и практики китайского языка БГУИЯ

**ПУТИ
ПОДНЕБЕСНОЙ
中国之路**

Сборник научных трудов
论文集

Выпуск XI
第十一集

Минск
БГУИЯ
2025

УДК 811.581+905(510)(063)
ББК 81.711.1+26.890(5Кит)+95.4
П90

Сборник основан в 2006 году

Рекомендовано
Редакционным Советом БГУИЯ
25 ноября 2025 г., протокол № 6/80

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор *А. Н. Гордей* (отв. ред.);
кандидат филологических наук, доцент *Н. В. Михалькова* (зам. отв. ред.);
кандидат педагогических наук, доцент *М. С. Филимонова*;
кандидат филологических наук, доцент *А. Ю. Москалёва*;
кандидат исторических наук, доцент *В. Р. Боровой*;
кандидат искусствоведения, доцент *Е. Ф. Шунейко*

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент *Н. В. Дардыкова*;
кандидат филологических наук, доцент *К. В. Карасёва*;

Пути Поднебесной : сб. науч. тр. Вып. XI / Белорус. гос. ун-т иностр. яз. ;
П90 редкол. : А. Н. Гордей (отв. ред.), Н. В. Михалькова (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск :
БГУИЯ, 2025. – 236 с.

ISBN 978-985-28-0340-3.

Сборник научных трудов подготовлен по материалам XI Международной научной конференции «Китайская цивилизация в диалоге культур», проходившей в Минске 20–21 марта 2024 г. Представленные в сборнике научные статьи касаются широкого круга проблем китаеведения в таких отраслях научного знания, как лингвистика, литературоведение, международные отношения, география, история, философия, юриспруденция, религиоведение, искусствоведение, педагогика.

Адресован научным работникам, преподавателям китайского языка и литературы, аспирантам, магистрантам и студентам, а также всем интересующимся китаеведением.

УДК 811.581+905(510)(063)
ББК 81.711.1+26.890(5Кит)+95.4

Электронная версия издания доступна в
электронной библиотеке БГУИЯ
по ссылке e-lib.bsuf.by или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0340-3

© УО «Белорусский государственный
университет иностранных языков», 2025
© ОО МГНПЦ «Тайген», 2025

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. С. АСТРАМЕЦКИЙ

ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА МОДЕРНИЗМА КАК ЭЛЕМЕНТ КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье рассмотрены основные факторы, обусловившие формирование знаковой системы модернизма как специфического элемента китайской языковой картины мира, а также посредством семиотического анализа выявлены некоторые характеристики знаков и знакосочетаний модернизма (на примере художественной прозы Китая 80-х гг. XX в.).

Ключевые слова: семиотический анализ, модернистский знак, знаковая система, природа знака, китайская языковая картина мира, язык модернистской прозы.

U. S. ASTRAMETSKI

SIGN SYSTEM OF MODERNISM AS AN ELEMENT OF THE CHINESE LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD

The article examines the main factors that determined the formation of the sign system of modernism as a specific element of the Chinese linguistic view of the world, and through semiotic analysis, some characteristics of the signs and sign combinations of modernism are identified (using the example of Chinese literary prose of the 80s of the 20th century)

Key words: semiotic analysis, modernist sign, sign system, nature of the sign, Chinese linguistic view of the world, language of modernist prose.

Человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков – а возможно, и вообще интеллект следует отождествить именно с функционированием знаков.

Ч. У. Моррис

На рубеже XX–XXI вв. усилились процессы глобальных изменений в подходах к лингвистическим исследованиям в области китайского языка: стали активно использоваться такие направления, как семиотика, культурология, корпусная лингвистика, дискурсология и др., а сам язык всё чаще начал рассматриваться в проекции на этногенез, национальное сознание и психологию, историю и культуру (С. Н. Зенкин, В. В. Иванов, И. Г. Меркулова, Г. Е. Крейдлин, Ф. Б. Успенский, В. В. Мартынов и др.). Одним из актуальных исследовательских аспектов в области современного китайского языкознания стала необходимость установления характера связи китайского языка и мышления с культурой и реальностью, в которой он функционирует (В. М. Солнцев, А. М. Карапетьянц, Тань Аошуан и др.).

С точки зрения семиотики, в процессе коммуникации знаки служат основным инструментом передачи и восприятия информации. Особенности природы знаков модернистского «языка» относительно китайской ЯКМ во многом обусловлены тем, что она – продукт единственной из существующих цивилизаций, сохранившей в качестве основного культурного кода иерогли-

фическую письменность. Профессор В. В. Мартынов отмечал: «...практически бесконечное количество ситуаций, отображаемое в бесконечном количестве представлений, может быть описано при помощи ограниченного количества знаков. <...> Коммуникация всегда предполагает априорное знание языка сообщения. Если в сообщении встречается прежде нам неизвестный элемент семиотической системы, наступает непонимание, нарушение коммуникативной функции. Ясно, что избежать подобного явления можно лишь путём регламентации элементов семиотической системы, т. е. преобразования сигналов в знаки» [6, с. 272]. Семиотический подход к исследованию знака позволяет получить представление о его характере и проявлениях этого характера в ЯКМ. Исследователь текстов модернистской прозы Д. Сапрыка отмечал: «...открывая книгу китайского автора в поисках экзотики, в надежде обнаружить любопытные детали жизни «Поднебесной империи», мы перелистываем страницы, удивлённые созвучием проблем, совпадением болевых точек в истории наших народов. Там, где мы привыкли искать различия, обнаруживается поразительное сходство» [9].

Исследуя природу влияния «образов» модернизма на китайскую ЯКМ, мы рассматриваем понятие «языковая картина мира», которое сформировалось к началу XIX в. и получило определение в работах Гумбольдта, Гердера и др. Что есть ЯКМ? По определению Гумбольдта: «Речь идёт, во-первых, о том, что язык как идеальная, объективно существующая структура подчиняет себе, организует восприятие мира его носителями. А во-вторых, о том, что язык – система чистых значимостей – образует собственный мир, как бы наклеенный на мир действительный» [3]. Гумбольдт также указывал: «...язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [3]. Выявление специфики модернистского «языка» не может быть полным без средств семиотики. Э. Б. де Кондильяк обращал на это внимание в своих трудах: «...анализ производится и может быть произведён только при помощи знаков» [4, с. 400] и что «пользование знаками есть истинная причина развития воображения, созерцания, памяти» [4, с. 400]. Семиотик У. Эко разработал собственную теорию понимания знаковой природы языка: «Семиология изучает различные семиотические системы и рассматривает их как модели, объясняющие мир, в котором мы живем. Среди таких систем язык выделяется как первичная система: мы воспринимаем мир, пользуясь моделью, предложенной самим языком» [15]. С точки зрения А. Н. Гордея: «...язык является, прежде всего, средством сознательного управления интеллектуальной деятельностью, протекающей главным образом на подсознательном уровне» [2].

Любой естественный язык владеет собственными способами репрезентации одной и той же реальности. В конкретной ЯКМ язык представляет собой целостный инструмент, который используется в различных вариантах знакового выражения. При этом язык, рассматриваемый как знаковая система, будучи связующим элементом между картинами мира и сознанием человека, по мысли Гумбольдта «одновременно есть и отражение, и знак, а не целиком продукт впечатления о предметах и произвольное творение говоряще-

го» [3]. Являясь частью картины мира, китайская ЯКМ не является при этом элементарным отображением реальности и активно интерпретирует стереотипы, полученные при взаимодействии с окружающей действительностью. «Языковой знак – это вторичный материальный (звуковой или графический) объект особого рода, звуко-слуховая или графико-оптическая оболочка которого неразрывно связана с определённым идеальным содержанием (значением). Это, в понимании некоторых лингвистов, материальный носитель тех знаний, которые человек приобретает в процессе мыслительной (отражательной) деятельности, практического или теоретического познания действительности» [10]. Такой подход к пониманию природы понятия «языковой знак» подсказывает, что его собственное значение находится вне знака и вне времени.

Знаковая система китайского модернизма представляет собой уникальный фрагмент китайской ЯКМ. Предпосылками появления и формирования этой системы стали внутренние факторы развития Китая: закончившаяся «культурная революция» и, позднее, политика реформ и открытости, позволившая китайцам приобщиться к достижениям западного культурного опыта. Модернизм, сформировавшийся на китайской почве, обрёл двойственную природу: его язык вылился в форму уникальных семантико-структурных образований, обусловленных как внешним воздействием (западные «образы» модернизма), так и внутренним (традиционное мировосприятие). В отличие от Запада, где язык модернизма начал уступать место авангарду уже в середине XX в., в Китае это культурное явление просуществовало до конца 1980-х гг., пройдя с начала XX в. три «проекта модернизации». В 1985 г. после публикации произведений Лю Сола, Хань Шаогуна, Цань Сюэ, Мо Яня и др., литературная критика была вынуждена официально признать существование модернизма в литературе. «Их произведения отчётливо показали, что в современной китайской литературе произошла не просто смена инструментов в арсенале изобразительных средств, но и наметился кардинальный поворот. Вместо того, чтобы изучать объект и пытаться на страницах произведения создавать иллюзию действительности, изображать «кусочек жизни», эти писатели занялись исследованием собственного “я”» [12]. За короткий отрезок времени «язык» модернизма основательно изменил литературный язык, уведя его от однообразия реалистического политизированного повествования к поливариантным языковым возможностям отражать своё мировосприятие. По мнению В. П. Руднева, это способствовало появлению национального феномена – «модернистской личности» [11], способной по-новому воспринимать и интерпретировать реальность. Используя западный опыт, писатели отказались от слепого копирования и сумели утвердить своё уникальное видение мира. С появлением модернизма начала меняться и языковая картина мира, так как авторы получили доступ к новым «образам» (стереотипам) мира и новые способы выражения мысли: «...китайская проза стала вторгаться в «запретные зоны», писатели обратили свой взор к безграничности проявлений жизни, к постоянно меняющемуся миру, многообразию общественных явлений, тонкостям и нюансам человеческой психологии, связывая своих ге-

роев с условиями их жизни» [1]. Сублимируя последствия пережитой «культурной революции» в создание индивидуального языка, конструируемого под воздействием западных модернистских «образов» и в соответствии с особенностями национального мировосприятия, китайские писатели смогли, наконец, реализовать самые смелые попытки осознания себя и своих взаимоотношений с миром. На аспекты сложности и «многоликость» модернистского языка, формирующего у китайцев новые особенности мышления и мировосприятия, указывала Н. К. Хузиятова: «...присущее ему [модернизму] многообразие форм и, что ещё более существенно, утверждение свободы личности и свободы самовыражения этой личности в значительной степени повлияли на литературную ситуацию последних двух десятилетий XX века, если не в корне изменили её» [13, с. 150]. Лингвистическая проблема изучения системы модернистских знаков, безусловно, требует тесного соотнесения с теоретическими аспектами литературоведческих научных исследований «образа» модернизма как системы знаков, представленных текстами, кодами, метафорами и символами – средствами выражения модернистского «языка».

Проблема исследования знаковой системы модернизма практически не рассматривалась в современных исследованиях учёных. В той или иной степени, вопросов семиотического подхода к изучению модернистских текстов художественной литературы с точки зрения литературоведения и языкознания касались А. А. Генис, С. А. Торопцев, Ю. М. Лотман, В. В. Мартынов, Н. Б. Мечковская, Чжао Ихэн, Юань Мэнмэн и др. Выявляя природу единиц знаковой системы модернизма, мы будем ориентироваться на исследования учёных, в которых они определяли значение и смысл исследуемых знаков по следующим характеристикам: иносказательный, метафоричный смысл; общие для всех авторов-модернистов мотивы потерянности и одиночества; глубокая рефлексия и философское осмысление прошлого; новые языковые формы и способы изображения действительности; неоднозначность и противоречивость смыслов; отсутствие авторской оценки.

Рассмотрим некоторые примеры отражения традиционного мировосприятия, характерного для начального этапа формирования модернизма в литературе Китая (20-е гг. XX в.) и сравним данные примеры с компонентами модернистского «языка», сформировавшегося на конечном этапе развития модернизма (80-е гг. XX в.). Н. П. Мартыненко отмечал: «Независимость от действительного произношения означаемой лингвистической единицы [в нашем случае – модернистского знака] даёт иероглифической письменности также и вневременные качества» [7, с. 280]. Каким образом человек осваивает мир посредством языка, какие смыслы и символы создаёт в процессе мыслительной деятельности? И. Кочергин отмечал: «Иероглифическое письмо представляет собой в структурном плане 2 макросистемы: идеографию и фонографию. Эти понятия отражают способ реализации отношения «иероглиф – слово (морфема)» в графической номинации и характеризуют то, в какой степени отражаются план выражения и план содержания единицы звукового языка, фиксируемой иероглифом. В буквенных системах письма графическая номинация строится на основе установления связи «звук – буква (комбина-

ция букв) – значение», иероглифическая же номинация устанавливает связь «знак – значение» [5, с. 192]. Иероглифическое письмо в отличие от буквенного, имеет отличительные традиционные особенности: в то время как буква представляет собой код звука речи (без раскрытия смысла), иероглиф кодирует понятие (то есть, раскрывает смысл). По словам В. В. Мартынова, необходимо: «...в первую очередь отметить закрепление метафорической во многом произвольной смысловой кодификации сочетаний иероглифов, составных знаков. Так, идеограмма, состоящая из иероглифа А «человек» и Х «дерево», означает «отдохнуть». <...> Но каждый иероглиф, взятый в отдельности или в сочетании с третьим, уже не обнаруживает никакой смысловой связи» [6, с. 272].

Попробуем выявить особенности семантики отдельных знаков посредством выведения их в логическую цепь, включив в неё название текста, имя главного героя (далее – ГГ), его прозвище и психофизическую характеристику. Для семиотического среза используем два текста модернистской художественной прозы и попробуем выявить закономерности в репрезентации ГГ авторами произведений:

1. Рассказ Лу Синя «Кун И-цзи» 孔乙己 (1919), направление – утрированный реализм как начало формирования модернистских тенденций («первый проект модернизма»).

2. Повесть А Чэна «Король шахмат» 棋王 (1984), направление – «поиск корней» как вершинная форма модернизма в китайской художественной прозе («третий проект модернизма»).

Рассмотрим в таблице компоненты «ключевой» цепи знаков художественного текста, в которую включены «название текста», «имя ГГ», «прозвище ГГ», «психофизическая характеристика ГГ»:

№ п/п	Название текста	Имя ГГ	Прозвище ГГ	Психофизическая характеристика ГГ
1	«Кун И-цзи» 孔乙己	Кун 孔 «пустота», «дыра», «пролёт»	Кун И-цзи 孔乙己 孔 – «пустота» 乙 – «второй» 己 – «сам, свой»	«всклобоченная седоватая борода»; «морщинистое лицо, покрытое рубцами»; «его почти никто не понимал»
2	«Король шахмат» 棋王	Ван Ишэн 王一生 王 – «король» 一 – «один» 生 – «жить»	Шахматный балбес (Фанат) 棋呆子 棋 – «шахматы» 呆子 – «глупец»	«слабак»; «вид жалкий»; «жилистая худая нога»; «волосы свалялись в клочья»; «губы потрескались»

1. Семиотический анализ ключевых знаков текста Лу Синя «Кунь И-цзи» показывает:

– знак – название текста «Кун И-цзи»: план выражения (означающее): иероглифы 孔乙己; план содержания (означаемое): иероглифы 孔乙己, объ-

единённые в название, имеют прямое семантическое выражение (смысловой «ключ», отмыкающий тему будущего повествования); ассоциации выстраиваются в логический ряд; на основании возникающих ассоциаций предполагается, что знак содержит информацию, которая указывает на имя ГГ в тексте.

– *знак – имя ГГ*: план выражения (означающее): *Кун 孔* (контекстуально известна лишь часть настоящего имени героя); план содержания (означаемое): в китайском языке иероглиф 孔 имеет стойкие ассоциации, вызываемые значением иероглифа 孔 kǒng: «1) *щель, нора, дыра, отверстие; пора; пустота; полость; пролёт* (также счётное слово предметов с жерлом, отверстием), напр., *百孔千疮* «сто щелей и тысяча язв» (означает: а) полная разруха; множество недостатков; б) бесчисленные трудности и страдания) [16]. Знак *Кун 孔*, называющий имя ГГ, дан обособленно (часть имени); ассоциативно – это указывает на неполноценность образа ГГ, что соответствует далее описанию ГГ в тексте: ГГ – пустое место, никчемный неудачник. Однако, не смотря на отчётливую ассоциативность, вызываемую семантикой знака 孔, образ ГГ не является типичным: в отличие от авторов старых романов, у которых ГГ был либо идеал, либо злодей (принцип типизации), Лу Синь использует новый подход – изображает противоречивый, неоднозначный образ ГГ, что, в соответствии с принципами модернизма, усиливает социальное значение и реалистичность как главного действующего лица, так и всего произведения в целом.

– *прозвище 孔乙己*: план выражения (означающее) 孔乙己 – три иероглифа; план содержания (означаемое) – контекстуально иероглифы указывают на «говорящее» имя: иероглиф 孔 – первая часть настоящего имени ГГ (孔 – «пустота»), а иероглифы 乙己 – последовательность иероглифов, которая обладает «нулевой» смысловой характеристикой, что априори указывает на семантический образ ничего не значащего, пустого «бессмысленного» человека. 乙己 – иероглифы, которые используются в качестве понятийных операторов в семействе наук классической китайской метафизики и относятся к системе так называемых «циклических знаков десятичного цикла» [17], служащих в Китае для календарных обозначений. Чаще всего, совместное использование двух циклических знаков объясняется как символ взаимодействия *инь и ян, Неба и Земли* и т. д. Исходя из данной информации, можно заключить, что объединение этих знаков создаёт семантику, указывающую на противоречивость образа ГГ, который в тексте характеризуется как жалкий и как комичный одновременно (символ противоречивого характера). Кроме того, употребление 乙 己 в качестве имени собственного (фамилии) имеет следующие значения: «1) второй циклический знак (из десяти); 2) в перечислении *второй* (напр., 乙级 [yǐjí] – второй разряд (категория, сорт))» [16] Что, безусловно, является отражением авторского мировосприятия, которое рисует ГГ, как человека второго сорта. [16]. Объединение иероглифов в знак «прозвище» имеет также и значение: «孔乙己 kǒng yǐ jǐ Кун, И, Цзи (три иероглифа, с которых во времена династии Тан начинались школьные прописи)» [16], то есть примитивный набор ничего не значащих начертаний.

– психофизическая характеристика ГГ: контрастный «двойственный» образ ГГ – основной приём модернистского изображения. На фоне описания: 他身材很高大; 青白脸色, 皱纹间时常夹些伤痕; 一部乱蓬蓬的花白的胡子。 («Это был человек высокого роста, с всклокоченной седоватой бородой и иссиня-белым морщинистым лицом, покрытым рубцами») даётся контрастная характеристика: 他对人说话, 总是满口之乎者也, 教人半懂不懂的。 («Он так обильно уснащал свою речь архаизмами, вроде дабы и паки, что его почти никто не понимал» [8]).

2. Рассмотрим характеристики ключевых компонентов (знаков) в языке повести И Чэна «Король шахмат» 棋王:

– название текста «Король шахмат» 棋王: план выражения (означающее) – иероглифы, указывающие на предметы «король», «шахматы»; план содержания (означаемое) 棋王 – традиционный смысл легко интерпретируется вне контекста; «ключ» выстраивает ряд «высоких» ассоциаций («король», «шахматы» – гений, интеллектуал, интеллигент), содержит прямую ассоциативную отсылку к образу ГГ; контекстуально – выявляется «ложная» информация относительно остальных знаков цепи (семантика знака 棋王 имеет двойную природу, так как противоречит тому, о чём (ком) на самом деле будет повествоваться в тексте). Знак названия содержит ироничный смысл, так как «король» (ГГ), которого должны почитать и превозносить, воспринимается социумом, как ущербный зависимый фанат, не приспособленный к жизни и не понимающий реального положения вещей. При этом в «мире» шахмат для «короля» (ГГ) не существует ничего невозможного и там он в состоянии держать всё под контролем и находить решение проблем в любой ситуации.

– имя Ван Ишэн 王一生: план выражения (означающее) – знак имени 王一生 ассоциативно соотносится с названием текста, так как в состав обоих знаков входит иероглиф 王 («король»); план содержания (означаемое) – иероглиф «王 wáng: 1) князь; король; 2) главный; голова; перен. царь; — уī: 1) 1, один, единица, один раз; 2) первый (по порядку); 3) одинаковый; 生 shēng: 1) родиться, появляться на свет; жить, существовать (в..., на...); 2) жить, водиться (где-л.)» [16].

– прозвище Шахматный балбес (Фанат) 棋呆子: план выражения (означающее) – знаки названия текста и прозвища включают одинаковый иероглиф 棋, который приобретает противоположные коннотации относительно двух знаковых ситуаций (семиозиса); план содержания (означаемое) 棋呆子 – «шахматный болван»: реакция социума на особенности личности ГГ. В переводе с китайского возможны различные варианты, но если «ци» можно обозначить как «шахматы», то «дайцзы» здесь – это «олух», «балбес», «дурачок», «болван». «棋 qí; jī 1) qí шахматы; 呆子 dāizi 1) дурак, дурень; глупец; [16]. Как видим, характер знака содержит семантико-смысловое противоречие, очевидно возникающее при интерпретации обоих знаков: название текста, соотносясь с прозвищем ГГ приобретает глубокий метафоричный смысл, где знак 棋王 открывает переносный смысл, заложенный в имени. Как видим, семантика знака, обозначающего имя героя, значительно расширяется и так же значительно трансформируется в результате семантического усиления

ния (дублирования знака-имени знаком-прозвищем), дополняясь при этом психофизической характеристикой ГГ, обладающего очевидными признаками физической немощи. Свойства знака реляционны, они приобретаются объектами, участвующими в семиозисе.

– *психофизическая характеристика ГГ*: существует общее знаковое выражение, присущее образу модернистского ГГ и указывающее на обязательный психический или физический изъян: при встрече с Ван Ишэном автор использует знаки, семантика которых обусловлена этим же требованием языкового выражения: «слабак», «вид жалкий», «жилистая худая нога»; «волосы свалялись в клочья», «губы потрескались» [14, с. 25]. В китайской картине мира слишком худой человек – символ бедности либо физического истощения, в ЯКМ 骨瘦如柴 («худой как палка») 瘦骨嶙峋 («кожа и кости») – знак физической недоразвитости и ущербности.

Центром и осью каждого из двух повествований является «язык» модернизма, представляющий собой уникальное слияние смыслов, заложенных в знаках, образующих характеристику модернистского «образа» в цепи знаков: «название текста – имя ГГ – прозвище ГГ – психофизическая характеристика ГГ». Вводя ключевые знаки (название текста, имя и прозвище ГГ, его психофизическая характеристика), писатели используют модернистский приём: не дают прямой авторской оценки, а осуществляют ненавязчивый психологический анализ, связанный с сюжетом в ходе повествования. Знаки и символы западного модернизма привносили в китайскую ЯКМ писателей не сам предмет реальности, а тот его образ, который навязывался носителю языка с уже сложившимся в его сознании представлением и пониманием этого предмета, подвергаясь при этом процессу творческой интерпретации воспринимающего и обретая дополнительные коннотации. Это обеспечило модернистскому знаку большую специфичность и сложность в выявлении семантических наслоений частного характера.

Безусловно, использование в языке художественной прозы знаков модернизма указывает на значительные трансформации китайской ЯКМ. Это можно объяснить тем, что в китайском традиционном мировосприятии под влиянием модернизма происходило очевидное искажение стереотипов как в изображении героя (его знаковые характеристики), так и в форме презентации содержания текста. Знаковая система модернизма, вступая в соотношение с реальным миром, репрезентирует не его самого, а показывает другие возможные реальности, которые приводят к трансформации китайской ЯКМ.

В обоих текстах наблюдается ещё одна грань, отличающая «язык» модернистской прозы от «немодернистских» текстов – отличия в форме повествования. Лу Синь был одним из первых, кто в начале XX в. ввел в так называемую «обличительную прозу» повествование от первого лица – исключительно новый приём, почерпнутый из опыта западных модернистов и связанный с первыми попытками субъектного выражения и анализа пробуждающегося самосознания личности. Этот же приём использует в тексте И Чэн: повествование в повести идёт от первого лица.

Итак, в данной статье выявлены основные условия и факторы формирования «образов» модернизма, получившего развитие на национальной китайской почве в XX в. На примерах из текстов художественной прозы модернистской направленности рассмотрены и проанализированы с точки зрения семиотики некоторые ключевые знаки системы модернистского «языка». Анализ знаков показал, что факторы окружающей действительности, формируя национальную картину мира как национально-специфическое восприятие мира человеком, находят отражение в ЯКМ, целостность которой обусловлена структурой национального языка, заключающего в себе ментальные особенности культуры. Кроме того, было выяснено, что видение и понимание действительности формируется в результате соприкосновения человека с определёнными культурными условиями. Специфика китайской ЯКМ, формировавшейся под влиянием лингвокультурной «модели» модернизма, обусловлена не только «образами» западного мышления, но и присущим носителям китайского языка мировосприятием, с помощью которого они интерпретировали окружающую реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван, Цзябо. Развитие китайской прозы в 80-е годы XX века / Цзябо Ван : Дисс. ...канд. филол. наук 10.01.06. – М. : 1992 // Диссертации по гуманитарным наукам. – «Киберленинка» – 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/razvitie-kitayskoj-prozy-v-80-e-gody-xx-veka>. – Дата доступа: 10.02.2023.
2. Гордей, А. Н. Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь=Vocabulum et vocabularium. – Гродно, 2005. – С. 32–35
3. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М., 2000. – 400 с.
4. Кондильяк, Э. Б. де. Сочинения: В 3 т. / Э. Б. де Кондильяк // Т. 3. – М., 1983. – 388 с.
5. Кочергин, И. В. Очерки лингводидактики китайского языка / И. В. Кочергин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2006. – 192 с.
6. Мартынов, В. В. В центре сознания человека / В. В. Мартынов. – Минск : БГУ, 2009. – 272 с.
7. Мартыненко, Н. П. Эволюция знакового кода: от пиктографии к системе иероглифического письма / Н. П. Мартыненко // Личность, Общество, Культура. Т. VIII. Вып. 2 (30). – М., 2006. – 280 с.
8. Синь, Лу. Правдивая история А-Кью: сборник / Лу Синь // Пер. А. А. Штукиной. – Л. : Изд-во «Прибой», 1929.
9. Сапрыка, Д. От переводчика / Д. Сапрыка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/814551-zhenschina-polovinkamuzhchiny/toread>. – Дата доступа: 28.02.2024.
10. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – М., 1977. – 92 с.
11. Руднев, В. П. Модернистская и авангардная личность как культурно-психологический феномен [Электронный ресурс] / В. П. Руднев // Русский авангард в кругу европейской культуры. – Режим доступа: <https://ppt-online.org/353777>. – Дата доступа: 10.07.2023.
12. Хузиятова, Н. К. Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х гг. как поиск идентичности в контексте глобализации / Н. К. Хузиятова. Автореф. дис. канд. филол. наук. – СПб., 2008. – 26 с.
13. Хузиятова, Н. К. Становление и развитие модернизма в современной китайской литературе / Н. К. Хузиятова. – Вестник Челябинского государственного университета, 2008. – № 36. – 150 с.

14. Чэн, А. Король шахмат / А. Чэн // Пер. В. Аджимамудовой // Современная новелла Китая. – М., 1988. – 25 с.
15. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 544 с.
16. 汉俄大词典. = Большой китайско-русский словарь онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bkrs.info/>. – Дата доступа: 25.02.2024.
17. 现代汉语词典. – 第五版. – 北京 : 商务印书馆, 2010. – 1957 页. = Современный китайский словарь. – 5-е изд. – Пекин : Коммерческое издательство, 2010. – 1957 с.

Информация об авторе:

Астрамецкий Владислав Сергеевич – старший преподаватель кафедры теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 811.581,37+811.581,35

В. А. АТРОХОВА

ВАРИАТИВНОСТЬ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ С КЛЮЧОМ 鱼 «РЫБА»

В работе проводится анализ вариативности графики китайских иероглифов на примере иероглифического гнезда 鱼 «рыба», определяется частотность вариативности с другими детерминативами, освещаются особенности семантики детерминатива 鱼 «рыба» и вариантных ключей.

Ключевые слова: ключ 鱼 «рыба», детерминатив, вариативность, иероглиф, китайский язык, семантика.

V. A. ATROKHOVA

THE VARIABILITY OF THE GRAPHIC FORMS OF THE CHINESE CHARACTERS (BASED ON RADICAL 鱼 “FISH”)

The research analyzes the graphic variations of the Chinese characters using the character cluster 鱼 "fish" as a case study, determines the frequency of variations with other determinatives, tells about the semantic features of the determinative 鱼 "fish" and its variant radicals.

Key words: radical 鱼 "fish"; determinative; variability; character; Chinese; semantics.

Многовековая история и эволюция китайских иероглифов привели к появлению множества вариантов написания одних и тех же знаков, анализу которых и посвящена данная статья.

В исследованиях западных и отечественных лингвистов явление вариативности ключей рассматривалось в контексте структурно-семантического подхода к изучению китайских иероглифов. Так, В. П. Васильев в своей работе «Анализ китайских иероглифов» анализирует ключевые системы словарей «Шовэнь Цзецзы», «Цзыхуэй», «Канси», отмечает недостатки этих систем, в частности «...ключевые знаки, как видно, создались без строго обдуманной системы...» [1, с.49]. Исследование В.Ф. Резаненко посвящено анализу эволюции иероглифов, описанию различных графических вариантов иероглифов [4].

Материалом исследования стали 1234 сложных иероглифических знака, отобранных путём сплошной выборки из лексикографических данных иероглифического гнезда с ключом 鱼 «рыба». Источником материала исследования является иероглифический словарь *Ханьцзы Цзыдянь 汉字字典* [3].

Анализ 1234 сложных иероглифических знаков с ключом 鱼 «рыба» показал, что вариативность в большинстве случаев характерна для знаков с ключом 鱼 «рыба» (45,5 %), менее представлена с ключом 魚 «рыба» (11%). Например, 鲇 и 鲇 «карп», 鲜—鲜 «свежий», 鲭—鲭 «скумбрия», 鲈—鲈 «солёная рыба», 鰻—鰻 «желтощёк; вдовец, одинокий человек», 鲢—鲢 «рыбья кость; честный, непреклонный».

Графическая вариативность данных ключей, возможно, обусловлена следующими толкованиями из легенд. «У иероглифа 鱼 есть и плавник, и хвост, и чешуя. По легенде, когда Великий Юй умирал потоп, гора Лунмэньшань преградила путь потоку. Юй, взяв людей, прорубил ущелье в горе, и воды потекли через него стремительным потоком. Как гласит легенда, карпы, которым удастся перепрыгнуть ущелье Лунмэньшань, превратятся в драконов. Поэтому каждый год весной огромное количество карпов пыталось перепрыгнуть его. Удавалось это далеко не всем, но как только карпы перепрыгивали через ущелье, в небе вспыхивала зарница и опаляла им хвосты — карпы превращались в драконов» [9, с. 61]. Как следствие, изменилось и начертание нижней части иероглифа, то есть четыре точки трансформировались в горизонтальную линию, которая символизировала «опалённый хвост» 鱼 «рыба».

Вторая причина графических вариаций связана с реформой упрощения иероглифов: изначально написание иероглифов и их изучение было достаточно трудным процессом, необходимо было запоминать огромное количество черт. С целью ликвидации неграмотности, было принято решение провести реформу китайского языка, а именно упростить написание иероглифов. Вероятно, поэтому написание 魚 «рыба» было заменено на 鱼 «рыба».

Третья причина заключается в различиях семантики: в иероглифе 魚 «рыба» нижняя часть напоминает начертание графемы иероглифа 火 (火) «огонь», что может быть связано со способом приготовления. И в древние времена, и в настоящее время, чтобы приготовить рыбу необходимо использование огня. А в детерминативе 鱼 «рыба» начертание прямой линии снизу, возможно, символически обозначает место обитания — водную среду (реку). Например, в иероглифах 鲜 — 鲜 «свежий» употребляется ключ 鱼 «рыба», поскольку можно связать со свежеприготовленным блюдом, а употребление ключа 鱼 «рыба» можно объяснить тем, что рыбу только что выловили из моря (свежевыловленный улов). Первоначальное значение иероглифа 鲜 — «готовить еду из неиспортившейся рыбы». «В словаре «Шовень цзезцы» 說文解字 говорится: 鲜, 鱼名, 出貉国». «鲜 — это название рыбы, обитающей в царстве Мо»» [6, с. 392]. Мо — это наименование малой народности на северо-востоке Китая. Жители царства Мо любили есть свежую рыбу.

В паре иероглифов 鲈 — 鲈, обозначающих «солёную рыбу», в иероглифе 鲈 «солёная рыба» объяснение употребления ключа 鱼 «рыба» заключается в

том, что обычно рыба обитает в морской среде, которая является солёной. Включение в иероглифический знак детерминатива 魚 «рыба» возможно связано с тем, что при приготовлении рыбы для придания вкуса и сочности используется соль.

Пара иероглифов 鰥—鰥 переводится как «одинокий»: здесь использование ключа 魚 «рыба» объясняется тем, что прямая горизонтальная черта снизу обозначает «единицу», которая символически указывает на одинокого человека или вдовца. Можно предположить, что нижняя часть ключа 魚 «рыба» символизирует беззащитное пламя свечи, которое может задуть любой ветерок, что приводит к ассоциации с одиноким, беззащитным человеком.

В словаре «Канси» 康熙字典 иероглиф 鯁 имеет несколько толкований: «рыбья кость, застрявшая в горле», «прямолинейный и честный чиновник», «препятствие». Употребление ключа 魚 «рыба» объясняется его семантикой: со значением рыбья кость вполне закономерно использование ключа 魚 «рыба». В переносном значении указывает на то, что обычно трудно высказать, например правдивые, честные аргументы, которые могут быть «обжигающими» (неприятными) на что символически указывает компонент 火 «огонь», а также компонент символизирует очищение, что может указывать на то, что честность, правдивость очищают от лжи. Это же объяснение подходит и для варианта 鯁 «рыбья кость, застрявшая в горле», «прямолинейный и честный чиновник», «препятствие», где ключ 魚 «рыба» относится как к костям рыбы, так и к честности и прямоте через метафору рыбьей кости. Для иероглифического гнезда 魚 «рыба» характерна вариативность ключей на 17%. Например, 劔—劔 «рыба-сабля», 魴—魴 «лещ», 鯰—鯰 «сом», 鱷—鱷 «крокодил».

Самыми распространёнными являются замены ключей, которые могут быть отнесены к одной смысловой группе. Например, замена одного типа животного другим. Так, в наибольшем количестве зафиксирована вариативность 魚—虫 «рыба-червяк» – 60%. Например, в паре иероглифов 蚌—蚌 «устрица». Использование детерминатива 魚 «рыба» можно объяснить с точки зрения совместного места обитания, а написание ключа 虫 «червяк» можно связать с ассоциацией по внешним характерным признакам.

В словаре «Шовэнь цзецзы» 說文解字 отмечено, что иероглиф 鮑 – «протухшая рыба» [3]. Использование детерминатива 魚 «рыба» для обозначения «протухшей рыбы» объясняется тем, что самим переводом ключа. Также есть и вариантный способ написания с ключом 虫 «червяк». В выше упомянутом источнике также указано, что при интерпретации иероглифа 鮑 «протухшая рыба» с ключом 虫 «червяк» следует обращаться к иероглифу 鮑 «протухшая рыба». Возможно, в первой части употребляется ключ 虫, поскольку исторически этот ключ охватывал более широкий спектр животных, он включал рептилий, амфибий и даже некоторых морских существ. Еще одним примером является пара иероглифов 蛟—蛟 «акула», «русалка». Употребление ключа 魚 «рыба» со значением «акула» объясняется тем, что детерминатив обозначает вид рыбы, а со значением «рыба» тем, что русалки – мифические существа с рыбьим хвостом. Ключ 虫 «червяк» в обоих значениях можно объяснить тем, что в древние времена детерминатив 虫 «червяк»

использовался для обозначения всех видов животных, в том числе и мифических морских обитателей.

В иероглифической паре 鱈—蟪 «рыба» употребляются детерминативы 魚 «рыба» и 虫 «червяк». В комментарии «К изъяснению письмен и толкованию иероглифов» 說文解字注 разъясняется, что иероглиф 蟪 «рыба» означает извивающееся существо, а иероглиф 鱈 используется для описания жёлто-черной рыбы, похожей на змею. Употребление детерминатива 魚 «рыба», возможно, объяснить тем, что это водное животное, а использование ключа 虫 «червяк» – с точки зрения подобия по внешнему виду.

У иероглифа 蟹 «краб» с детерминативом 虫 «червяк» есть вариативное написание с ключом 魚 «рыба». В словаре «Шовэнь цзецзы» 說文解字 указан перевод – «краб». Употребление ключа 魚 «рыба» вероятно связано с морской средой, а ключ 虫 «червяк» ранее использовался для описания практически всех видов животных, в том числе и морских обитателей.

В словаре «Шовэнь цзецзы» 說文解字 про иероглиф 蟪 «черепаха» написано, что его использовали, когда речь шла о больших черепахах. Ключ 魚 «рыба» употребляется, поскольку черепаха обитает в морской среде и также как и рыба, обладает способностью плавать. А ключ 虫 «червяк» используется, потому что черепаха имеет аналогичный с червяком способ передвижения: ползает.

Следующая группа вариативности с ключом 月 «мясо». В словаре «Шовэнь цзецзы» 說文解字 про иероглиф «рыбьи кости» указано, что следует смотреть иероглиф 鯁 «рыбьи кости». В первом случае использован ключ 魚 «рыба», поскольку кости принадлежали рыбе, а ключ обозначает рыбу. Во втором случае употребляется детерминатив 月 «мясо», так как ключ указывает на плоть, внутреннее строение, а основу строения любого организма составляет костный скелет.

Ещё один пример с иероглифами 鮞 и 脛 «тухлая рыба». Оба иероглифа в словаре «Канси» 康熙字典 трактуются как «тухлая, испорченная рыба». Употребление детерминатива 魚 «рыба» объясняется семантикой самого ключа. Ключ 月 «мясо» используется, поскольку, обозначает плоть, то есть мясо рыбы, а рыба как натуральный продукт со временем портится, что объясняет значение «испорченный».

В словаре «Канси» 康熙字典 иероглифы 鱠 и 膾 обозначают «тонко нарезанное мясо рыбы». Использование детерминативов 魚 «рыба» и 月 «мясо» логично, поскольку значения обоих ключей присутствуют в переводе слова.

Менее частотные случаи вариативности с ключом 氵 «вода». Например, упомянутые в словаре «Канси» 康熙字典 иероглифы 漁 и 鮫 «ловить рыбу». Использование детерминатива 魚 «рыба» можно рассмотреть с двух сторон: первая – в древние времена люди обычно селились по берегам рек, источником пропитания служила рыба, которую часто ловили. Вторая-символическая: рыба в Китае – символ удачи, богатства, поэтому, чем больше наловить рыбы, тем больше будут удача и богатство. А употребление ключа 氵 «вода» можно связать с местом обитания: рыба может существовать только в воде, а значит, и поймать её можно только в воде.

Наименее частотны случаи вариативности с ключами 金 «металл», 斗 «ковш», 鞋 «кожа», 骨 «кость», 黾 «жаба». Например, иероглифы 釣—釣 «ловить рыбу». В иероглифе 釣 «ловить рыбу» употребляется ключ 魚 «рыба» поскольку ловили именно рыбу, а в другом случае использовали ключ 金 «металл», в комментарии “К изъяснению письмен и толкованию иероглифов” 說文解字注 сказано, что 釣 означает «ловить рыбу крючком», а крючок – это изогнутый металл.

Ещё один пример, иероглифы «морская рыба». В одном случае, используется ключ 魚 «рыба», в другом – 革 «кожа». Явление вариативности ключей можно объяснить следующим образом: в словаре «Шовэнь цзецзы» 說文解字 отмечено, что для изучения иероглифа необходимо смотреть иероглиф 鮫, который, в свою очередь, означает "вид морской рыбы, чешуя которой подходит для украшения ножей, мечей, доспехов”.

Вариативность ключей в иероглифах 鱗—鱗 «черепаха» объясняется следующим образом: в «словаре «Канси» 康熙字典 указано, что эти иероглифы взаимозаменяемы и обозначают трионикса – пресноводную черепаха, ключ 魚 «рыба» используется потому, что и рыба и черепаха обитают в воде, а ключ 黾 «жаба», поскольку и жаба и черепаха могут существовать как в воде, так и на суше.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев, В. П.* Анализ китайских иероглифов / В. П. Васильев; под ред. А.О. Иванова. – 2-е изд. Ч.1. – Санкт-Петербург: тип. В.Безобразова и Комп., 1898. – 133 с.
2. *Вишнякова, А. В.* Вариантные иероглифы китайского языка / А. В. Вишнякова // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. – 2021. – № 18. – С. 30–33.
3. Zdic.net [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zdic.net/>. – Дата доступа: 26.01.2025.
4. *Резаненко, В. Ф.* Семантическая структура иероглифической письменности / В. Ф. Резаненко. – Киев: КГУ, 1985. – 132 с.
5. *Сюй, Хуэй.* Этимология китайских иероглифов. Сто самых важных китайских иероглифов, которые должен знать каждый / Хуэй Сюй; пер. с кит. Куликова Д. Е., Никитиной А.А., Фиалковской А.О. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. – 407 с.
6. *Сюй, Хуэй.* Этимология китайских иероглифов. Сто самых важных китайских иероглифов, которые должен знать каждый / Хуэй Сюй; пер. с кит. Кузьминой Е. А. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2022. – 423 с.
7. *Сюй, Цзянь.* Рассказы о китайских иероглифах / Цзянь Сюй, Синь Чжан, Инсянь Юй; пер. с кит. Соломатиной А.А. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2019. – 191 с.
8. *Хань, Цзяньтан.* Культура КНР: Китайские иероглифы / Цзяньтан Хань. – Пекин: Межконтинентальное издательство Китая, 2014. – 254 с.
9. *Ши, Динго.* Мудрость китайских иероглифов / Динго Ши, Вэйдун Ло. – М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2023. – 215 с.

Информация об авторе:

Атрохова Владислава Александровна – студент факультета китайского языка и культуры Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Республика Беларусь.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КРАТНОСТИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ И ТЕКСТОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ)

Статья посвящена вопросам выражения кратности в китайском языке и в китайском общественно-политическом дискурсе. В исследовании выявляется специфика выражения кратности, описываются основные алгоритмы работы с кратностью при переводе в языковой паре русский-китайский, привлекается внимание к важности освоения числительных китайского языка будущими китаистами.

Ключевые слова: кратность, числительные, китайский язык, русский язык, перевод.

**K. M. BARSKY
T. A. URYVSKAYA**

METHODS OF EXPRESSING MULTIPLICITY IN THE CHINESE LANGUAGE (BASED ON OFFICIAL DOCUMENTS AND SOCIO-POLITICAL TEXTS)

This article examines the expression of multiplicity in the Chinese language and Chinese socio-political discourse. The study identifies the specifics of expressing multiplicity, describes the main algorithms for working with multiplicity in Russian-Chinese translation, and draws attention to the importance of mastering Chinese numerals for future sinologists.

Key words: multiplicity, numerals, the Chinese language, the Russian language, translation.

Числительные в китайском языке обладают ярко выраженной национально-культурной спецификой, что создает носителям западных языков большие трудности для понимания и при переводе как с русского языка на китайский, так и с китайского языка на русский. В результате этого часто возникают серьезные ошибки и разнообразные казусы с порой весьма неприятными последствиями. Например, во время политических и коммерческих переговоров, когда переводчик не владеет навыками быстрого и точного перевода числительных.

Целями нашего исследования являются:

- научное объяснение специфики выражения кратности в китайском языке и рассмотрение различных способов ее выражения, существующих в китайском языке и встречающихся в общественно-политических текстах;
- изложение алгоритмов работы с кратностью при переводе;
- привлечение внимания к сложности и важности освоения числительных китайского языка при обучении будущего китаиста.

Тексты общественно-политической тематики естественным образом полны числительных и различных данных, которые могут подаваться как в привычном формате, так и весьма специфически: с подтекстом или в динамике. Поэтому проблема выражения кратности имеет не только чисто научно-лингвистический, но и сугубо практический характер.

В чем же сложность? Кратность в китайском языке может быть выражена несколькими способами, в то время как в западных языках все гораздо проще.

Первый и самый распространенный способ – применение счетного слова 倍. Тема выражения кратности посредством 倍, как правило, присутствует в каждом полном учебнике по грамматике китайского языка в параграфах, посвященных числительным. На первый взгляд может показаться, что использовать 倍 предельно легко, и что проблем при переводе кратности в паре русский-китайский быть не должно. Однако проблемы существуют и довольно часто смущают начинающих китаистов. Причина проблемы кратности в китайском языке коренится в том, что, в отличие от западных языков, 倍 – это эквивалент основного числительного (跟原数相等的数). Следовательно, удвоение есть прибавление «одного 倍» к основному числу, на базе которого происходит описываемый прирост.

Чтобы разобраться с этой проблемой, надо обращать внимание на глагол, который предшествует 倍. Выделяются две ситуации:

❖ Использование глагола 是

В случае употребления глагола 是 и выражения “是……X 倍” изначально имеющееся число (на базе которого произошло кратное увеличение) закладывается в показателе перед 倍. То есть при переводе цифры перед «раз» в русском языке и перед “倍” в китайском будут идентичными.

“改革开放刚起步的 1982 年，中国服务贸易总额只有 40 多亿美元，到 2023 年已达 9331 亿美元，是改革开放之初的 **233 倍**。” [1]

На начальном этапе политики реформ и открытости в 1982 году общий объем торговли услугами в Китае составлял лишь 4 с небольшим млрд долларов США. К 2023 году этот показатель достиг 933,1 млрд долларов, что в 233 раза больше, чем в начале реформ.

❖ Использование глаголов 增加、增长 и т.п.

В случае употребления глаголов 增加 или 增长 ‘увеличиваться’ и описания кратности при помощи выражения “……增加了 X 倍” изначально имеющееся число (на базе которого произошло кратное увеличение) не закладывается в показателе перед 倍. Иными словами, в этом случае число перед 倍 фиксирует только кратность прироста.

“上半年新能源汽车产销 **增长 2 倍**。” [2]

В первой половине года производство и продажи автомобилей на новых источниках энергии выросли в 3 раза.

При переводе выражения “……增加了 X 倍” необходимо учитывать этот принцип во избежание ошибки. Говоря простыми словами, при переводе подобных предложений с русского языка на китайский формула должна быть «кратное число минус один», а с китайского на русский – «кратное число плюс один»: вырасти в три раза - 增长两倍; вырасти в шесть раз - 增长五倍 .

При переводе предложений, в которых содержатся сведения о том, что одна величина в определенное число раз больше другой или что какое-либо

численное значение кратно увеличилось, важную роль играет точность. Это обусловлено не только приоритетом точности как основополагающего принципа перевода, но и ценой возможной ошибки: она будет искажать перевод не на единицы, а на порядок. Однако в случае использования кратности как фигуры речи, как художественного образа, призванного показать масштаб разницы между двумя величинами или существенную динамику роста исходных значений (для этого, как правило, прибегают к помощи круглых чисел от 10 и выше – «десятикратное увеличение», «вырасти в двадцать раз» и т.п.), математическая точность перестает играть первостепенную роль. Главным становится порядок цифр. В этом случае, опираясь на практический опыт, мы считаем допустимым переводить выражения “.....增加了 X 倍” или “A 比 B 多 X 倍” (где X – это числительные выше 10) без изменений числительного перед 倍.

“商务部新闻发言人束珏婷在会上说，2001 年我国与上合组织成员国贸易额为 120 亿美元，到 2020 年达 2450 亿美元，20 年间增长 20 倍。” [3]

Официальный представитель Министерства коммерции Шу Цзюэтин на встрече заявила, что в 2001 г. объём торговли между Китаем и странами-членами ШОС составил 12 млрд долларов США, а к 2020 г. он достиг 245 млрд долларов, увеличившись в 20 раз за 20 лет.

Важное обстоятельство, которое необходимо иметь в виду при использовании слова 倍, заключается в том, что оно употребляется только при описании увеличения. Для описания уменьшения в китайском языке, как правило, используются другие способы (проценты, десятичные или обычные дроби и иные языковые формы).

Согласно словарю “现代汉语词典”, у 倍 также есть значение 加倍 ‘удвоить’; ‘умножить, усилить’. Например, ~增, 事半功~, 每逢佳节~思亲. В таком значении 倍 конечно же встречается и в общественно-политических текстах. При переводе таких оборотов речи могут использоваться словосочетания «удвоить», «множественно нарастить», «с удвоенной (особой, дополнительной) силой (энергией, вниманием и т.п.)», «особенно», «особо».

“这是我们在长期实践中得出的至关重要的规律性认识，必须倍加珍惜.....” [4]

Это крайне важные закономерности, которые мы познали в процессе длительной практической работы, и этим необходимо дорожить особо...

“实现今年预期目标并非易事，需要政策聚焦发力、工作加倍努力、各方面齐心协力。” [5]

Достижение поставленных целей на этот год – отнюдь не простая задача, для ее решения требуются концентрация политических мер, удвоенные усилия в работе и всесторонние слаженные действия.

Встретился нам еще один интереснейший случай употребления 倍 в официальном названии плана действий.

“重庆市高新技术企业和科技型企业“双倍增”行动计划（2023—2027年）” [6]

План действий «Двойного удвоения» для высокотехнологичных предприятий и научно-технических компаний города Чунцин (2023–2027 гг.).

Использование слова 倍 – не единственный способ выражения кратности. В китайском языке кратность также можно выразить при помощи слова 番, а точнее при помощи сочетания 翻...番, так как 番 в этом значении может сочетаться исключительно с глаголом 翻. Так, словосочетание 翻了一番 будет иметь значение ‘удвоилось’, ‘увеличилось в 2 раза’. Однако 翻了两番 будет переводиться ‘увеличилось в 4 раза’, а не ‘в 3 раза’. Дело в том, что X 翻 n 番 рассчитывается по формуле « $X \cdot 2^n$ ».

Например:

$$6 \text{ 翻 } 1 \text{ 番} = 6 \cdot 2^1 = 12$$

$$6 \text{ 翻 } 2 \text{ 番} = 6 \cdot 2^2 = 24$$

$$6 \text{ 翻 } 3 \text{ 番} = 6 \cdot 2^3 = 48 \text{ и т. д.}$$

В политическом дискурсе «моду» на кратность, выраженную при помощи 番, ввел Дэн Сяопин, который славился тягой к изложению мыслей простым, близким трудовому народу языком. В 1984 г., выступая с речью в День образования КНР, он произнес с трибуны “我国工农业年总产值到 2000 年要比 1987 年翻两番” ‘Совокупный годовой объём производства промышленности и сельского хозяйства нашей страны к 2000 г. должен увеличиться в четыре раза по сравнению с 1987 г.’. Используется этот способ выражения кратности и в выступлениях современных китайских руководителей.

Еще одним популярным способом выражения динамики роста в китайском языке является использование лексемы 成, одно из значений которой – десятая часть (十分之一叫一成).

В словаре 现代汉语词典 приводится пример выражения увеличения чего-либо при помощи 成:

村里今年收的庄稼比去年增加两成 [7, с. 158]。

Сбор зерновых в селе в этом году по сравнению с прошлым годом увеличился на 20%.

Это объясняет происхождение понятия 十成, которое означает ‘существенно’, ‘многократно’, ‘кардинально’ (при этом арифметическая формула выглядит как $10 \times 10\% = 100\%$). Если переводить на русский язык словосочетание 提高十成 буквально, это будет звучать как «повысить на 100%», «увеличить вдвое».

Но на самом деле подобные выражения чаще используются в переносном смысле. Приведем пример заголовка статьи в одном из китайских интернет-изданий:

“热效率提高十成，这款车能从武汉“一口气”开到哈尔滨。” [8]

Кардинальное повышение тепловой эффективности позволяет этому поезду «на одном дыхании» долетать из Уханя до Харбина.

Заключение. Мы обозначили наиболее сложные проблемы, связанные с пониманием выражения кратности в китайском языке, и предложили способы решения этих проблем при переводе на русский язык.

При переводе с русского на китайский может возникнуть еще одна проблема. Нередко в выступлениях российских представителей приходится слышать фразы наподобие «Это в разы больше, чем было» и «Данная сумма на порядок превышает первоначальную величину». Здесь требуется вдумчивый подход. Прежде чем перевести подобное предложение, необходимо понять, насколько точно высказывается тот, чьи слова мы переводим. Так, если говорящий использует фразу «увеличение в разы» не для красного словца, а со знанием дела, то адекватным вариантом перевода была бы фраза “增长几倍” или “增加好几倍”. Аналогично, фраза «на порядок больше» может быть переведена как “多十几倍”. Все зависит от фактора, который профессиональные переводчики называют «Его Величество Контекст».

Понимание базовых принципов работы с кратностью в китайском языке – неотъемлемая часть языковой компетенции любого специалиста со знанием китайского языка или профессионального переводчика. Это требует особого внимания к проблеме кратности и числительных в целом как со стороны студентов, так и со стороны преподавателей китайского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. 中华人民共和国中央人民政府 // 图表：中国服务贸易总额是改革开放之初 233 倍 = Центральное народное правительство Китайской Народной Республики // График: общий объем торговли услугами в Китае в 233 раза больше, чем на начальном этапе политики реформ и открытости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/jiedu/tujie/202409/content_6973620.htm. – Дата доступа: 16.03.2025.
2. 中华人民共和国中央人民政府 // 上半年我国新能源汽车产销增长 2 倍 = Центральное народное правительство Китайской Народной Республики // В первой половине года производство и продажи автомобилей на новых источниках энергии выросли в 3 раза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2021-07/10/content_5623902.htm. – Дата доступа: 16.03.2025.
3. 中华人民共和国中央人民政府 // 20 年增长 20 倍 我国与上合组织成员国贸易增长迈开“步子” = Центральное народное правительство Китайской Народной Республики // В 20 раз за 20 лет: торговля КНР со странами-членами ШОС набирает обороты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2021-09/17/content_5637911.htm. – Дата доступа: 16.03.2025.
4. 中华人民共和国中央人民政府 // 习近平在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 = Центральное народное правительство Китайской Народной Республики // Доклад Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде КПК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm. – Дата доступа: 16.03.2025.
5. 中华人民共和国中央人民政府 // 政府工作报告 = Центральное народное правительство Китайской Народной Республики // Доклад о работе правительства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202403/content_6939153.htm – Дата доступа: 16.03.2025.

6. 中华人民共和国中央人民政府 // “双倍增”行动计划实施一年重庆高新技术企业、科技企业扩容提质 = Центральное народное правительство Китайской Народной Республики // Год реализации плана действий «Двойного удвоения»: рост высокотехнологичных предприятий и научно-технических компаний в г. Чунцин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.cn/lianbo/difang/202404/content_6947054.htm – Дата доступа: 16.03.2025.
7. 现代汉语词典. –第3版. –北京: 商务印书馆, 1998. 158 页 = Словарь современного китайского языка. – 3-е изд. – Пекин: «Шану иньшугуань» (The Commercial Press), 1998. – С. 158.
8. 中国政府网// 湖北省政府网 = Веб-сайт правительства Китая // Веб-сайт правительства провинции Хубэй [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wuhan.gov.cn/sy/whyw/202503/t20250305_2547254.shtml – Дата доступа: 16.03.2025.
9. Барский, К. М. Числительные в китайском языке / К. М. Барский, Т. А. Урывская. – Москва: Международная издательская компания «Шанс», 2024. – 192 с.
10. Горелов, В. И. «Китайский язык. Грамматика китайского языка» / В. И. Горелов. – М.: "Просвещение", 1982. – 279 с.
11. Готлиб, О. М. «Практическая грамматика современного китайского языка»: учебное пособие / О.М. Готлиб. – М.: АСТ: Восток-Запад. 2007. – 281 с.
12. Ивченко, Т. В. «Китайский язык. Полная грамматика в схемах и таблицах» / Т. В. Ивченко. – М.: АСТ, 2021. – 733 с.

Информация об авторах:

Барский Кирилл Михайлович – заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД России, профессор кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков МГИМО МИД России, кандидат исторических наук, г. Москва, Российская Федерация.

Урывская Татьяна Александровна – доцент кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков МГИМО МИД России, кандидат филологических наук, г. Москва, Российская Федерация.

УДК 81’37’366.58:111

П. В. ГИБКИЙ

ВРЕМЯ КАК ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Время рассматривается как основополагающая языковая универсалия, рассмотрены некоторые философские аспекты данной категории, в том числе соотношение времени и пространства, кратко охарактеризованы средства обозначения временных отношений в китайском, английском и русском языках. В китайском языке нет словоизменения и морфологических временных показателей, но процедуральными синтаксическими средствами (комбинацией полусуффиксов / модальных частиц / других служебных языковых знаков) может создаваться эффект временных отношений (эффект прошедшего времени, эффект настоящего времени, эффект будущего времени, эффект будущего времени в прошедшем). В английском и русском языках преобладают декларативные (лексические и синтаксические) временные показатели, но также может создаваться эффект временных отношений (в английском языке – эффект прошедшего времени, эффект настоящего времени и эффект будущего времени, в русском – эффект будущего времени в прошедшем).

Ключевые слова: категория времени, временные отношения, лексические единицы, знаки алфавита синтаксиса, эффект временных отношений, эффект прошедшего времени, эффект настоящего времени, эффект будущего времени, эффект будущего времени в прошедшем.

P. V. GIBKIJ

TENSE AS A LANGUAGE CATEGORY

Time is viewed as a fundamental linguistic universal, some philosophical aspects of this category are studied, including the relation between time and space, and the means of denoting

temporal relations in Chinese, English and Russian are briefly characterized. There is no inflection or morphological temporal indicators in Chinese, but the effect of temporal relations (past tense effect, present tense effect, future tense effect, future tense effect in the past) can be created by procedural syntactic means (combination of semi-suffixes / modal particles / other auxiliary linguistic signs). In English and Russian declarative (lexical and syntactic) temporal indicators prevail, but the effect of temporal relations can also be created (in English – past tense effect, present tense effect and future tense effect, in Russian – future tense effect in the past).

Keywords: category of tense, temporal relations, lexical units, signs of syntax alphabet, past tense effect, temporal relations effect, present tense effect, future tense effect, the effect of future tense in the past.

Время¹, будучи одной из базовых онтологических категорий и языковой универсалией, в том или ином виде представлено во всех исследованных языках мира. По мнению И. А. Цыбовой, «время принадлежит к числу основополагающих категорий бытия, реализация которых в языке отражает универсальный и национально-специфический способ экспликации действительности» [18, с. 9].

Следует также отметить, что время неотделимо от пространства, в связи с чем в комбинаторной семантике считается, что все временные отношения² определяются через пространственные [10]. Рассмотрим подходы к рассмотрению данных категорий отечественными лингвистами. По словам Ю. Д. Апресяна, пространство и время релятивизируются взглядом говорящего на мир. Данные понятия связаны между собой следующим образом: то, что расположено близко от человека, достигается быстро, а то, что от него далеко – медленно. Такие представления появляются у человека вместе с понятиями пространства и времени [2, с. 19]. По мнению Н. Д. Арутюновой, время можно рассматривать как линейный феномен или как модель прямой, направленной в сторону прошедшего / настоящего / будущего. Определенное таким образом время не может в полной мере отражать реальную действительность, поскольку прямая задает последовательность точек, но не событий, связанных между собой причинно-следственными отношениями [3, с. 687].

Что касается времени как лингвистической категории, в современном языкознании выделяются два аспекта соотношения времени и языка: язык во времени (время как внешний фактор по отношению к языку) и время в языке (время как внутренний фактор по отношению к языку) [13]. Время как внешний фактор проявляется в происхождении языков мира, одной стороны, и в развитии того или иного рассматриваемого языка – с другой. Время как внутренний фактор проявляется в формальной и содержательной стороне языка. Проекция времени на его формальную сторону проявляется в линейной развертке высказывания, ритме речи, длительности речевых процессов; проекция на содержательную сторону выражается в тех или иных языковых (лексических и грамматических) средствах обозначения временных отношений [16].

¹ Согласно определению, принятому в философии и психологии, время – это «последовательность существования сменяющих друг друга явлений» [17, с. 58].

² Под временными отношениями в российской лингвистике понимают порядок сменяющих друг друга событий, а также их длительность [4, с. 70].

Имеются в виду морфологические формы (в языках с развитым словоизменением), лексические единицы / комбинации знаков алфавита синтаксиса¹, прямо или косвенно обозначающие прошедшее / настоящее / будущее время.

Лингвистическое время является языковой проекцией всех существующих у человечества знаний об этом феномене. Оно выражает отношения между реальной действительностью, деятельностью человека и языком, участвует в трансформации объективного мира в субъективный (картину мира, модель мира) [15, с. 52–67]. Существуют лексические и грамматические обозначения временных отношений, видовременные формы ёгенов², лексические единицы с временным значением и др.

В русистике время традиционно рассматривалось как грамматическая словоизменяющая категория (см. работы А. Х. Востокова³, Ф. И. Буслаева⁴, А. М. Пешковского⁵, А. А. Шахматова⁶, В. А. Богородицкого⁷, Р. Якобсона⁸, В. В. Виноградова⁹ и др.). На современном этапе изучением данной проблематики занимаются М. Ф. Мурьянов [14], Н. Д. Арутюнова [3], А. А. Маслов [14] и др. В настоящее время одной из наиболее распространенных является функционально-семантическая интерпретация времени, согласно которой идея времени имеет ряд грамматических средств выражения в языке, которые можно объединить в функционально-семантическое поле, что воплощается в категориях темпоральности, таксиса, аспектуальности и др. [9, 10].

Рассмотрим репрезентацию категории времени в русском, английском и китайском языках.

Китайский язык является аморфным, так как в нем отсутствует словоизменение, в словообразовании доминирует корнесложение. В отличие от флективных языков, в которых в том или ином виде представлены деклара-

¹ Знаки алфавита синтаксиса – вспомогательные средства синтаксиса (предлоги, послелоги, частицы, союзы и проч.), служащие для соединения составных частей языковых структур и объединения морфологических парадигм [11, с. 11].

² Ёген – часть языка, обозначающая признак индивида [9, с. 35], который может быть постоянным (отличный, фиолетовый, тесно, т.е. свойством) или переменным (звон, цветение, т.е. процессом).

³ *Востоков, А. Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики полнее изложенная / А. Х. Востоков – Изд. 12-е. – СПб. : Д. Ф. Федоров, 1874. – 216 с.

⁴ *Буслаев, Ф. И.* Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев / сост. Ф. Буслаевым. – 5-е изд. – Москва, 1881. – 628 с.

⁵ *Пешковский, А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 3-е, совершенно переработанное, издание. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1928. – 579 с.

⁶ *Шахматов, А. А.* Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов ; [под ред. и с примеч. Е. Истриной]. – Л. : Акад. наук СССР. – 228 с.

⁷ *Богородицкий, В. А.* Общий курс русской грамматики : (из университетских чтений) / В. А. Богородицкий. – Издание 5-е переработанное. – Москва ; Ленинград : Соцэкгиз, 1935. – 353 с.

⁸ *Якобсон, Р.* О структуре русского глагола / Р. Якобсон / Избранные работы. – М., 1985. – С. 210-221.

⁹ *Виноградов, В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. — 720 с.

тивные средства обозначения временных отношений на синтаксическом уровне, прямым образом указывающие на прошедшее / настоящее / будущее время, в китайском языке нет таких показателей. В этой связи Тань Аошуан отмечала, что в китайском языке отсутствуют грамматические категории в их традиционном понимании [1, с. 682]. Тем не менее, существуют 3 основных способа обозначения времени. Во-первых, декларативно¹ обозначать время в китайском, английском, русском и других языках могут лексические единицы / их комбинации. Во-вторых, предложение может быть включено в контекст времени (прошедшего / настоящего / будущего / будущего в прошедшем). В-третьих, комбинацией знаков алфавита синтаксиса микроуровня (полусуффиксов, модальных частиц и др.) может создаваться эффект временных отношений (эффект прошедшего времени, эффект настоящего времени, эффект будущего времени и эффект будущего времени в прошедшем).

В русском языке время как словоизменяемая категория представляет собой парадигму форм ёгена, каждая из которых употребляется в прошедшем / настоящем / будущем времени. Следовательно, существуют так называемые грамматические маркеры времени (к примеру, суффикс -л- у форм ёгенов прошедшего времени: сделал, сыграл, построил) и т. д. Как и в китайском, может создаваться эффект будущего времени в прошедшем: *Желаю, чтобы ты хорошо сдал экзамен*: несмотря на то, что формально суффикс *л* указывает на прошедшее время, исходя из контекста, говорящий желает, чтобы описываемое событие произошло в будущем.

В английском, языке, как и в русском, существуют декларативные средства обозначения временных отношений на лексическом² и синтаксическом (формы ёгенов) уровнях. Длительный и перфектный виды являются грамматическими категориями, практически любая форма ёгена может быть положительно маркирована как по категории длительного (-ing), так и перфектного вида (-ed). Видовые формы в английском языке образуются аналитическим способом с помощью форм ёгенов *to be* и *to have*.

Приведем определения данных синтаксических явлений и предложения из электронной версии Большого китайско-русского словаря [5], иллюстрирующие их.

Эффект прошедшего времени – временной промежуток, возникающий между завершёнными процессами в прошлом [6, с. 165].

Эффект настоящего времени – временное отношение одновременности, возникающее между процессами в настоящем [7, с. 93].

Эффект будущего времени – временной промежуток, возникающий между завершёнными процессами в будущем [8, с. 256].

Эффект будущего времени в прошедшем – временной интервал, переносимый наблюдателем из прошедшего в будущее для облегчения ориентации в пространстве [10].

¹ См.: Гордей, А. Н. О декларативном и процедуральном представлении знаний / А. Н. Гордей // Иностранные языки в высшей школе. – 2021. – № 3(58). – С. 5–12.

² Лексические единицы ‘yesterday’, ‘today’, ‘tomorrow’, ‘вчера’, ‘сегодня’, ‘завтра’ и т. д., которые прямым образом указывают на прошедшее / настоящее / будущее время.

1. 他听了这个消息不由得打了冷噤 (‘Услышав эти новости, он невольно задрожал’): первый процесс (‘услышал’) предшествует другому (‘задрожал’). Ёгены 听 (‘слушать’) и 打 (‘совершать действия рукой’), благодаря наличию двух полусуффиксов 了 (le), содержит информацию о завершенности процессов в событии. Эффект прошедшего времени создан комбинацией двух полусуффиксов 了 (-le).

2. 我快疯了... 我连地图都看不懂了 (‘Я вот-вот сойду с ума. Не понимаю, что изображено на карте’): первый процесс (‘не понимаю’) в настоящем предшествует второму (‘вот-вот сойду с ума’) в будущем. Эффект настоящего времени создан комбинацией двух модальных частиц 了 (le).

3. 你梳妆完了我们就走 (‘Как только ты закончишь одеваться и краситься, мы сразу пойдём’): первый процесс (‘закончишь одеваться и краситься’) предшествует второму (‘пойдем’) в будущем. Эффект будущего времени создан комбинацией полусуффикса 了 (-le) и амплификатора 就 (jiù).

4. 你的意思我懂了, 我们已经对付了哥哥, 看来该面对妹妹了 (‘Я понял тебя. Мы уже заплатили за брата, похоже, что нам придется встретиться с сестрой’): первый и второй процессы в прошлом (‘понял и заплатили’) предшествуют третьему (‘придется встретиться’) в будущем. Эффект будущего времени в прошедшем создан комбинацией двух полусуффиксов 了 (-le) и модальной частицы 了 (le).

Таким образом, время было охарактеризовано как языковая категория (на примере китайского, английского и русского языков). Данная категория выражает отношение между реальной действительностью и восприятием ее человеком (носителем языка). Во всех исследованных языках преобладает декларативной способ обозначения временных отношений. Тем не менее, в китайском языке ярче, чем в английском и русском, представлен процедуральный способ обозначения времени. В английском и русском языках существуют не только лексические единицы, но и формы ёгенов, указывающие на прошедшее, настоящее, будущее и будущее в прошедшем время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аошунан, Тань. Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя. На примере китайского языка / Тань Ашунан. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 896 с.
2. Апресян, Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика. – Вып. 28. М., 1986. – С. 629–650.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1999. – 896 с.
4. Баринаева, Т. М. Терминологический словарь-справочник по психологопедагогическим дисциплинам / Т. М. Баринаева, И. О. Гарипова, В. В. Каранова, Н. П. Леонова, Е. А. Шкатова (авт.-сост.). – Магадан: «Охотник», 2011. – 112 с.
5. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс] // 大 БКРС. – Режим доступа: <https://bkrs.info>. – Дата доступа: 08.10.2021.
6. Гибкий, П. В. Эффект прошедшего времени в китайском языке / П. В. Гибкий // Материалы ежегодной научной конференции студентов и магистрантов университета, 25-29 апр. 2022 г. : в 4 ч. Ч. 4 / отв. ред. Н. Е. Лаптева. – Минск: МГЛУ, 2022. – С. 165 – 166. – Режим доступа: <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/11228>. – Дата доступа: 17.05.2023.
7. Гибкий, П. В. Эффект настоящего времени в китайском языке [Электронный ресурс] / П. В. Гибкий // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гумани-

- тарные исследования. – 2022. – № 3 (36). – С. 92–96. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/effekt-nastoyaschego-vremeni-v-kitayskom-yazyke>. – Дата доступа: 25.11.2022.
8. *Гибкий, П. В.* Создание эффекта будущего времени синтаксическими средствами китайского языка / П. В. Гибкий // Актуальные проблемы филологии: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых. – Екатеринбург, 27 апреля 2023 г. – Вып. 27 / Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург : УрГПУ, 2023. – С. 221 – 226.
 9. *Гордей, А. Н.* Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: Сб. науч. тр. по лексикографии. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 32–35.
 10. *Гордей, А. Н.* Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс [Электронный ресурс] / А. Н. Гордей. – Минск, 2007. – 1 эл. опт диск (CD-ROM).
 11. *Гордей, А. Н.* Части языка и члены предложения / А. Н. Гордей // Семантический потенциал языковых единиц и его реализация : Тезисы докладов Международной научной конференции, Минск, 20–21 октября 2021 года. – Минск: Учреждение образования "Минский государственный лингвистический университет", 2021. – С. 9–11.
 12. *Ковалько, Н. А.* Временной континуум в английском языке / Н. А. Ковалько // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2010. №2с. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremennoy-kontinuum-v-angliyskom-yazyke>. – Дата доступа: 13.09.2024.
 13. *Маковский, М. М.* Понятие лингвистического времени / М. М. Маковский // Иностранные языки в школе. – 1976. – № 6. – С. 3–12.
 14. *Маслов, А. А.* Способы выражения временных категорий в стихотворениях Ли Бо / А. А. Маслов, И. И. Просвиркина, Т. А. Булахтина // МНКО. 2018. №4 (71). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-vyrazheniya-vremennykh-kategoriy-v-stihotvoreniyah-li-bo>. – Дата доступа: 18.09.2024.
 15. *Мурьянов, М. Ф.* Время (понятие и слово) / М. Ф. Мурьянов // Вопросы языкознания. 1978. – № 2. – С. 52–66.
 16. *Потаенко, Н. А.* К языковому освоению временной структуры действительности / Н. А. Потаенко // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 43–53.
 17. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – 1983. – 840 с.
 18. *Цыбова, И. А.* Об отображении категории времени в языке / И. А. Цыбова. Филологические науки в МГИМО. – 2019;18(2). – С. 41– 47.

Информация об авторе:

Гибкий Павел Валерьевич – аспирант, преподаватель кафедры теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 811.581.11

А. А. КАРПОВИЧ

ОМОНИМИЯ КАК МОСТ, СОЕДИНЯЮЩИЙ ЯЗЫК И ТРАДИЦИОННУЮ ЖИВОПИСЬ КИТАЯ

В статье прослеживается связь между традиционной китайской живописью и китайским языком, выражающаяся в явлении омонимии, рассматривается ряд популярных образов и анализируется их значение с точки зрения их омонимов в языке. Явление омонимии позволяет художникам зашифровывать в своих картинах, помимо распространенных культурных ассоциаций, еще и разного рода пожелания, что делает омонимию в живописи сложным, но интересным объектом исследования.

Ключевые слова: омонимия, традиционная китайская живопись, китайский язык.

HOMONYMY AS A BRIDGE CONNECTING CHINESE LANGUAGE AND TRADITIONAL PAINTING

The article reveals the connection between traditional Chinese painting and the Chinese language, expressed in the phenomenon of homonymy, highlights a number of popular images and analyzes their meaning from the point of view of their homonyms in the language. The phenomenon of homonymy allows artists to encode various wishes in their paintings, in addition to common cultural associations, which makes homonymy in painting a complex but interesting object of study.

Keywords: homonymy, traditional Chinese painting, Chinese language.

Омонимия в китайском языке – явление удивительное. Китайский язык, будучи изолирующим, необычайно богат омонимами. Их влияние ощущается во многих сферах культуры: они лежат в основе многих праздничных традиций и поздравлений, к ним активно обращаются при выборе имени для ребенка, омонимы также широко представлены в литературе и поэзии. Живопись, как один из столпов культуры, не стала исключением. Изучение символики китайской традиционной живописи в этой связи представляет особый интерес не только для искусствоведов, но и для лингвистов, ведь символы, которые сами по себе имеют определенное значение в культуре, благодаря омонимии могут приобретать дополнительные, новые оттенки. «Китайские художники могут использовать изображения цветов, птиц, животных, растений, насекомых камней и других объектов в качестве замены слов, сходных по звучанию с названием изображаемого объекта, что формирует своеобразный визуальный язык, позволяющий художникам воплощать свои мысли, настроения, а также выражать благоприятные пожелания счастья, многочисленного потомства, богатства, долголетия и др.» [4, с. 43].

М. Е. Кравцова отмечает, что в китайской образной системе можно выделить четыре основных раздела – абстрактно-символический, предметно-символический, растительный и зооморфный, и что при этом «есть и внушительное число образов, происхождение которых было обусловлено только омонимичностью звучания соответствующих иероглифов с иероглифами, передающими положительные, с точки зрения китайцев, явления и категории» [3, с. 357]. Применительно к живописи можно отнести два последних раздела, поэтому проанализированные нами образы и, следовательно, их омонимы будут далее классифицированы на этом основании:

а) зооморфные образы:

– 鹿 (lù, олень) – 禄 (lù, жалованье, доход, служебное благополучие): символизирует власть, титул; пожелание получить должность и жалованье чиновника, построить успешную карьеру. Примером может послужить целый ряд работ цинского художника Чжу Да (Бада Шаньжэнь).

– 猴子 (hóuzi, обезьяна) – 侯 (hóu, хоу (наследственный титул знати второго из пяти высших классов); маркиз; феодал; удельный князь; господин): пожелание добиться высокого положения в обществе, беспрепятственного карьерного пути, благополучного карьерного роста. На картине современного художника Хань Цзиньюаня изображены обезьяны в сочетании с осами (黄蜂)

и цветами петушиными гребешками (鸡冠花). Вся композиция в целом является отсылкой к фразе 加官封侯, в которой 侯 (маркиз) является омонимом обезьяны-хоу, 封 (пожаловать, присвоить титул) омонимично второму иероглифу в слове «оса», а 官 (должность, чиновник) созвучно второму иероглифу в названии цветка. Картина другого современного художника Лю Чжаохуна, на которой представлен аналогичный сюжет, названа именно этой фразой.

– 兔子 (tùzi, заяц; кролик) – 吐子 (tǔ zǐ, рожать детей): пожелание рождения ребенка. В китайской культуре заяц с давних пор прочно ассоциируется с луной, о чем говорит популярность такого мифологического персонажа, как лунный заяц (玉兔), а сама луна является символом женского начала, в связи с чем изображения зайца часто можно встретить на женских нарядах и украшениях династийных времен. Указанное омонимичное значение в живописи не является основным, но придает образу дополнительную коннотацию.

– 猫 (māo, кот) – 耄 (mào, почтенный возраст, человек 80–90 лет): пожелание долголетия, чтобы человек дожил до глубокой старости.

– 蝠 (fú, летучая мышь) – 福 (fú, счастье) и 富 (fù, богатство): как отмечает М. Е. Кравцова, в Китае не существовало культа летучей мыши, то есть «создается впечатление, что причиной ее почитания послужила омонимичность ее названия словам «богатство» и «счастье» [3, с. 417]. При этом композиции из пяти летучих мышей ассоциируются с пятью конфуцианскими источниками полного счастья (五福), которые включают, согласно «Шан шу» (глава «Хун фань»), долголетие (寿), богатство (富), спокойствие и здоровье (康宁), высокую нравственность (好德), долгую жизнь и естественную смерть в преклонном возрасте (考终命) [6]. Можно сделать вывод о том, что образ летучей мыши отражает эти конфуцианские ценности, а омонимия в данном случае стала связующим звеном между ними, не добавив никаких дополнительных смыслов.

– 鹤 (hè, журавль) – 合 (hé, гармония) и 和 (hé, мир). Журавль в китайской культуре имеет основные значения благородства и долголетия. Омонимия придает этому образу дополнительный смысл.

– 鹌鹑 (ānchún, перепел) – первый иероглиф является омофоном иероглифа 安 (ān, мир, спокойствие, благополучие), особенно в сочетании с хризантемой 菊花.

– 鸽 (gē, голубь) – 合 (hé, гармония) и 和 (hé, мир). «Голубей мира» (和平鸽) изображал Ци Байши.

– 公鸡 (gōngjī, петух) – 吉 (jí, счастье, удача, счастливый, благоприятный); 冠 (guān, гребень петуха) – 冠 (guān, головной убор чиновника): пожелание назначения на должность чиновника. Ци Байши, например, сочетает петуха с виноградом (картина 《葡萄公鸡》), что конкретизирует пожелание счастья именно в отношении рождения множества детей.

– 鱼 (yú, рыба) – 余 (yú, избыток, остаток, излишек): если на картине имеются рыбы (有鱼), то это созвучно с выражением 有余 (иметь в избытке), то есть образ является пожеланием достатка и благополучия, как материального, так и духовного. Это же значение выражают композиции с играющими в воде рыбами, как в работе Чжан Дацяня 《游鱼图》. Композиции с тремя

рыбами имеют также значение «три поры досуга» – зима, ночь и дождливая погода, которые позволяют уделить больше времени литературе и, например, живописи, поэзии. Примером могут послужить работы Ци Байши 《三余图》, на которых изображены такие сюжеты.

– 鲩鱼 (niányú, сом) / 鲤鱼 (lǐyú, карп) / 鲢鱼 (liányú, толстолобик) – созвучны с выражением 年年有余 (niánnián yǒuyú, пусть каждый год будет изобильным): пожелание изобилия, богатства. К примеру, на картине Ци Байши под названием 《长年》 изображен большой (长 «длинный») сом. Карп также может иметь значение успешной сдачи экзаменов и стремительной карьеры, когда в сюжете обыгрывается известный чэньюй 鲤跃龙门 (букв. «карп перепрыгнул ворота дракона»). Примером может послужить одноименная работа современного художника Хань Цзиньюаня.

– 青蛙 (qīngwā, лягушка, жаба) – 娃 (wá, маленький ребёнок): пожелание рождения ребенка. Жаба, как и заяц, традиционно ассоциируется с луной (женским началом) в образе Лунной жабы. Пожелание многочисленного потомства подчеркивается сочетанием лягушек с лотосами.

– 蝴蝶 (húdié, бабочка) – 耄 (dié, человек 70-80 лет, глубокая старость): пожелание глубокой старости (особенно в сюжетах с котом, омонимичных слову 耄耋, обозначающего пожилого человека старше 70 лет). Примером может послужить работа Сунь Кэхуна, художника династии Мин, 《耄耋图》, на которой изображены кот и бабочка и которая так и называется – долголетие.

б) растительные образы:

– 柿 (shì, хурма) – 事 (shì, дело, деяние, предприятие, занятие): пожелание успеха во всех делах, примером может послужить работа Ци Байши 《柿柿 (или 事事) 如意》, на которой изображены две хурмы, и само название – это пожелание полного благополучия. Несколько плодов хурмы в сочетании с капустой 白菜, символизирующей чистоту, искренность и порядочность, образуют метафору выражения 事事清白 – выполнять все дела полностью и правильно. В работах Ци Байши сюжеты 柿子白菜 могут также иметь значение 事事发财 – разбогатеть в любом деле.

– 荷 (hé, лотос) – 合 (hé, гармония, в том числе семейная) и 和 (hé, мир), особенно в сюжетах со стрекозой, как, например, у Ци Байши (картина 《荷花蜻蜓》); 藕 (ǒu, корень лотоса, корневище) – 偶 (ǒu, два человека, пара, чета): символизирует крепкие узы любви между мужчиной и женщиной, пример – работа цинского художника Ло Пиня под названием 《莲藕图》, в которой значение пары подчеркивается изображением двух корней и двух чашечек лотоса; 莲 (lián, лотос) – созвучно с 连 в выражениях 连续不断 (liánxù bùduàn, непрерывный) и 连年有余 (liánnián yǒuyú, пусть каждый год будет изобильным): символизирует пожелание стабильности и достатка; 莲籽/莲子 (liánzǐ, семена лотоса) – 连子 (liánzǐ, дети [рождаются] один за другим): пожелание процветания рода и многочисленных потомков (это же символическое значение, но без омонимии, имеет чашечка лотоса). Лотос в целом является одним из самых любимых сюжетов китайских живописцев, и многочисленные омонимические коннотации самого цветка и различных его частей, которые накладываются на его собственное символическое значение

(出污泥而不染 – букв. вырасти в грязи, но не испачкаться в ней; сохранить чистоту), служат тому подтверждением.

– 榴籽 (liú zǐ, *зерна граната*) – 子 (zǐ, *ребенок*): пожелание рождения детей. В данном случае только второй иероглиф имеет омоним, однако сам гранат также символизирует многочисленное потомство и на картинах обычно изображается в «приоткрытом» виде, чтобы показать множество зерен внутри. Следовательно, указанный омоним не добавляет новое значение, а лишь подчеркивает уже имеющееся.

– 菊 (jú, *хризантема*) – 居 (jū, *жить, проживать*) – в сюжетах с перепелками 鹌鹑 образует отсылку к фразеологизму 安居乐业 (ānjū lèyè, *спокойно жить и быть довольным своей работой, жить в мире и спокойствии*). Примером такого сюжета может послужить работа Ци Байши под названием 《安居图》.

– 荔枝 (lìzhī, *личжи, разновидность китайской сливы*) – 利 (lì, *польза, выгода; прибыль; выгодный, благоприятный*): пожелание прибыли, выгоды. Так, картина Ци Байши, на которой изображена корзина с личжи, называется 《大利图》 («Большая выгода»), его же другая картина с аналогичным сюжетом называется 《得利图》 («Получить выгоду»).

– 苹果 (píngguǒ, *яблоко*) – 平 (píng, *спокойный, благополучный; безопасный*): пожелание спокойствия, гармонии. Так, одна из работ Ци Байши, на которой изображена тарелка с яблоками, называется 《安得太平》.

– 葫芦 (húlu, *тыква-горлянка*) – 福祿 (fúlù, *удача и карьера; счастье и почёт*): пожелание удачи и карьерного роста. Сюжеты с двумя тыквами-горлянками дают значение 福祿双全 (fúlù shuāngquán, *пожелание удачи и успехов в карьере*).

– 桂花 (guìhuā, *османтус*) – 贵 (guì, *дорогой, ценный, благородный*) и 富贵荣华 (fùguì rónghuá, *богатство и почёт*): пожелание достатка, признания. Со значением признания связан чэньюй 蟾宫折桂 (букв. «в Лунном дворце сорвать ветку коричневого дерева»), означающий успешную сдачу экзамена кэцзюй на ученую степень. Например, работа художника Чэнь Баньдина, на которой изображены две ветки османтуса, называется 《桂子兰孙》, что означает прекрасных, талантливых и известных детей, потомков.

– 杏 (xìng, *абрикос*) – созвучно с первым иероглифом в слове 幸福 (xìngfú, *счастье; благополучие*). В работе минского художника Цянь Гу под названием 《杏花喜鹊图》 это значение подчеркивается сочетанием с сорокой, название которой содержит иероглиф 喜 (счастье), благодаря чему традиционно считается птицей, приносящей счастье.

Конечно, символическое богатство традиционной китайской живописи не ограничивается перечисленными образами. Задача исследователя осложняется еще и тем, что сочетание разных символов дает новые смыслы, которые могут выступать в качестве омонимов известных фразеологизмов и других устойчивых выражений. Иными словами, омонимичными могут быть не только отдельные образы, но и целые сюжеты. Так, Бай Цяньшэнь приводит в качестве примера работу XII века 三猿得鹭 (sān yuán dé lù, *три обезьяны хватают цаплю*), что созвучно выражению 三元得路 (sānyuán dé lù), в кото-

ром 三元 обозначает человека, занявшего первое место на государственных экзаменах (科举) всех трёх ступеней, а 路 обозначает важное положение, высокий пост [1]. Таким образом, весь сюжет картины в совокупности является пожеланием успешной сдачи экзаменов [5, с. 57]. Ученый обозначает такие картины понятием «ребус», поскольку это загадка, в которой разгадываемые слова даны в виде рисунков в сочетании с буквами и знаками [2]. В целом, Бай Цяньшэнь также отмечает, что «С творчества художников династии Сун началась традиция [прим.: шифрования загадок и языковых метафор в картинах], отражающая глубокое взаимодействие художественных и литературных ценностей, художников и литераторов... Расшифровать картину-загадку значит рассматривать изображение так, как будто бы это текст»¹ [5, с. 65]. В литературной же традиции такие ребусы, по замечанию Бай Цяньшэня, существовали еще во времена династии Хань [5, с. 66], тогда же такие визуальные метафоры вырезались на изделиях из бронзы и камня, печатях и т.д. Иными словами, появление образов-загадок в китайской живописи стало естественным продолжением древней традиции, существовавшей с древних времен. Это в некоторой степени объясняет богатство образов в традиционной китайской живописи, их тесную связь с языком и непрерывное взаимное влияние.

На основании произведенного нами анализа можно сделать следующие выводы:

1) образы, имеющие омонимы в языке, в целом образуют две основные категории образов – зооморфные (включают диких и домашних животных, птиц, рыб и насекомых) и растительные (деревья и их плоды, цветы), при этом дополнительными значениями за счет омонимии могут наделяться не только сами образы, но и их части (к примеру, гребень петуха, корень лотоса, семена лотоса или граната), а также различные наименования одного и того же образа, как в случае с лотосом;

2) с точки зрения структуры можно выделить простые (один образ соответствует одному омониму) и составные символы-ребусы (два и более образа соответствуют одному омонимичному фразеологизму или устойчивому выражению);

3) омонимия может подчеркивать значения, уже входящие в структуру образа и сложившиеся на основе религиозно-философских воззрений и ценностей, либо добавлять к ним новые значения;

4) значения, которые подчеркиваются или приобретаются образами за счет омонимии, исключительно положительные и представляют собой пожелания по одной или нескольким категориям полного счастья в его конфуцианском понимании (五福).

На основании изложенного анализа возникает закономерный вопрос – почему такое удивительное и богатое явление, как омонимия, в русскоязычной литературе практически не изучено применительно к традиционной китайской живописи? Предпринятая нами попытка, безусловно, не является исчерпывающей. Это явление требует дальнейшего, более глубокого и тщательного исследования на стыке лингвистики, культурологии и истории.

¹ Перевод с английского осуществлен автором статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info/>. – Дата доступа: 19.05.2019.
2. Грамота.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gramota.ru>. – Дата доступа: 19.05.2019.
3. Кравцова, М. Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие / М. Е. Кравцова. – СПб. : Издательства «Лань», «ТРИАДА», 2004. – 960 с.
4. Сун, Ч. Китайская живопись хуа-няо: зашифрованные смыслы / Ч. Сун // Международный научно-исследовательский журнал. – 2019. – №6 (84), ч.2. – С. 43 – 46.
5. Bai, Q. Image as Word: A Study of Rebus Play in Song Painting (960-1279) / Q. Bai // Metropolitan Museum Journal. – 1999. – №34. – P. 57–73. = Бай, Ц. Образ как слово: исследование ребусов в сунской живописи (960-1279) / Ц. Бай // Журнал музея Метрополитен. – 1999. – №34. – С. 57–73.
6. 尚書 («Шан шу») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ctext.org/shang-shu>. – Дата доступа: 19.05.2019.

Информация об авторе:

Карпович Анна Андреевна – преподаватель кафедры теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 811.581'342.1/.8+378.147

Е. А. МАКАРОВА

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ТРЕТЬЕГО ТОНА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: АНАЛИЗ ОШИБОК И МЕТОДЫ КОРРЕКЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ

Статья посвящена проблеме третьего тона путунхуа.

Большинство студентов имеют трудности с его произнесением и определением на слух. Предлагается внести изменения в имеющийся подход к преподаванию третьего тона, чтобы облегчить его восприятие обучающимися и добиться более естественного произнесения.

Ключевые слова: третий тон, полутретий тон, произношение китайского языка, китайская фонетика, китайские тоны, графики тонов.

E. A. MAKAROVA

PERCEPTION AND PRODUCTION CHALLENGES OF THE CHINESE THIRD TONE: ERROR ANALYSIS AND TEACHING CORRECTION METHODS

This article focuses on the issue of the third tone in Putonghua. Most students encounter difficulties both in pronouncing it and in recognizing it by ear. The article proposes modifications to the existing approach to teaching the third tone in order to facilitate learners' perception and promote more natural pronunciation.

Keywords: third tone, half-third tone, Chinese pronunciation, Chinese phonetics, Chinese tones, tone graphs.

Тоны китайского языка являются одним из самых сложных аспектов для освоения студентами. При этом, нельзя переоценить их важность: от тонов зависит смысл сказанного. Многим ученикам удается дойти до среднего уровня владения китайским языком, мало обращая внимания на тоны изучаемых слов. Но, пытаясь перейти к более высокому уровню, они сталкиваются

с большими преградами в виде плохого произношения и непонимания на слух. Ведь, чем больше накапливается лексический запас, тем больше встречается омофонов.

Один из камней преткновения в тональной системе китайского языка – третий тон. В этой теме есть множество противоречий. Рассмотрим основные ошибки и проблемы, связанные с третьим тоном.

С точки зрения восприятия учениками третьего тона на слух можно выделить следующие проблемы.

1. При прослушивании аудио многие ученики не могут распознать третий тон внутри фраз и предложений. Если указать на конкретный слог третьим тоном и спросить, каким тоном он произнесен по мнению ученика, часто можно услышать описание «никакой», «непонятный», «как будто вообще без тона». Либо называют нулевой, первый, второй или четвертый тоны – какой угодно, но не третий.

2. Несмотря на то, что ученики знают про правила изменения третьего тона на полутретий тон, всё равно многие пытаются услышать в сочетаниях слогов третий тон с восходящей частью в конце – в виде «галочки». Услышать его, конечно, не удаётся, так как в полном виде третий тон произносится носителями крайне редко, даже в конце предложений перед паузой [1, с. 22]. Это в том числе приводит их к выводу, что «в живой речи тоны исчезают», что, в действительности, неверно.

С точки зрения произношения – воспроизведения учениками третьего тона – можно выделить следующие проблемы.

1. Из-за того, что третий тон в отдельных слогах обычно тренируется произносить только в полном виде – в виде «галочки» с восходящей частью – эта же привычка часто переносится и в живую речь. Ученики произносят «галочку» внутри фраз, несмотря на то что им объясняли правила изменения тонов. Ведь у них выработан навык произносить только полный третий тон, а навыка произносить полутретий тон нет. Из-за выраженной восходящей части такой тон часто воспринимается носителями на слух как второй.

2. Многие студенты испытывают неудобства при произнесении третьего тона внутри фраз, т.к. слишком сильно его растягивают, пытаются «нарисовать» полный рисунок тона: сначала нисходящую часть, затем нижнюю, затем восходящую. Такой удлинённый слог нарушает ритмику фразы, выделяя слог третьим тоном среди остальных слогов.

3. Также студенты часто слишком занижают третий тон, выходя за пределы своего спокойного голосового диапазона. Возникает напряжение голосовых связок, хрип и неестественный низкий голос. Ученика кажется, что если они не произнесут тон максимально низко из возможного, то собеседник не распознает в таком слоге третий тон.

С точки зрения понимания, терминологии и визуализации третьего тона можно выделить следующие проблемы.

1. Термин «полутретий тон» для многих обучающихся звучит непонятно и пугающе. Им начинает казаться, что, возможно, пока не стоит вникать в такие «теоретические нюансы», и пока можно обойтись «обычным» третьим

тоном. Многие и на более продвинутом уровне не до конца понимают, как именно звучит полутретий тон, ведь значок пиньиня никак не отличается от полного третьего.

2. В учебниках полутретий тон обычно преподносится как исключение, а не правило. Вначале дается полный третий тон как основной, а затем в качестве частного случая – его изменение. Это воспринимается так, словно чаще всего в речи встречается именно полный третий тон и лишь иногда – полутретий. Однако в живой речи всё наоборот: в абсолютном большинстве случаев носители произносят именно полутретий тон, а не полный.

3. Также во многих учебниках говорится, что полный третий тон всегда произносится в конце фразы перед паузой. Но, на самом деле, это происходит далеко не всегда – в большинстве случаев даже перед паузой третий тон остается в своем полутретьем виде.

4. И ученики, и учителя часто убеждены, что невозможно произнести полутретий тон в отдельном слоге, потому что это вроде бы как неудобно. Сами китайцы тоже произносят третий тон в отдельных слогах именно в полном виде, что только подтверждает эту теорию. Однако отсутствие тренировки произнесения полутретьего тона приводит к тому, что ученики не вырабатывают навык произносить его в низком виде, поэтому произносят неестественный полный третий тон даже внутри фраз.

5. Значок «галочки» в пиньине не способствует пониманию того, как на самом деле третий тон произносится в живой речи [1, с. 289]. Поэтому, даже выяснив всю теорию, ученики неосознанно продолжают произносить нисходяще-восходящий тон, видя его в записи пиньинем.

Все перечисленные проблемы предлагается решать следующими методами.

Прежде всего, рекомендуется не называть тон «полутретьим», т.к. это название вызывает у многих нежелательные ассоциации с чем-то сложным и непонятным. Можно называть его «третий низкий тон», либо просто «третий тон» в противоположность «полному третьему тону».

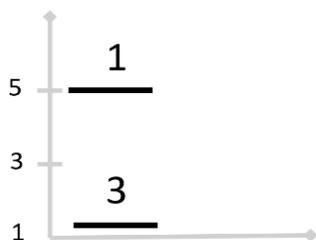
Перед началом тренировки следует провести с учеником небольшую фонетическую разминку и «нащупать» его спокойный голосовой диапазон. А также объяснить, что по-китайски мы должны говорить в том же диапазоне, в котором говорим на родном языке.

Один из способов определения спокойного голосового диапазона – сказать с выражением какую-то типичную фразу на русском языке, в которой используется весь диапазон голоса. Например, это может быть фраза «Ну, и ладно...». Обычно начало фразы – «Ну, и» произносится более высоко, а концовка «ладно» произносится низко. Именно это и будут высокая и низкая границы спокойного голосового диапазона, то есть, уровни, на которых будут произноситься первый и третий тоны.

Следует обратить дополнительное внимание ученика на то, что не требуется произносить третий тон максимально низко, точно так же как первый тон не нужно произносить максимально высоко из того, что мы в принципе умеем произносить. Есть цель произносить тоны высоко и низко относительно друг друга – в рамках комфортного голосового коридора, которым мы

пользуемся в русской речи. Важно, что именно благодаря отсутствию чрезмерного занижения голоса третий низкий тон будет возможно произнести в том числе в отдельном слоге.

Высота голоса регулируется за счет напряжения и расслабления голосовых связок. Чтобы произнести что-то высоким голосом, нужно немного напрячь голосовые связки, чтобы произнести низким – расслабить. Таким образом, третий низкий тон произносится на расслабленных связках. Вопреки частому изображению третьего тона в виде «галочки», в которой длительность низкой части слога крайне мала, в живой речи китайцы, наоборот, произносят третий тон полностью низко [1, с. 288]. Противоположный ему тон – первый.

Противопоставление первого и третьего тонов помогает студентам более точно понять особенности их произнесения [2, с. 27].

Еще одна характеристика, важная при обучении тонам, – длительность (скорость) произнесения слогов. Многие ученики привыкают растягивать третий тон, проговаривая каждую часть полного тона. Время, затрачиваемое на произнесение такого слога, получается примерно в 1,5-2 раза больше нужного, что для носителей звучит неестественно. Ведь увеличение длительности произнесения слога – один из признаков того, что этот слог является сильноударным. Стоит приучать учеников произносить третий тон также коротко, как и остальные три тона. Ровная, при этом, довольно короткая линия на графике отражает не только высоту тона, но и небольшую длительность слога.

В результате правильного произнесения третьего низкого тона – без чрезмерного занижения, полностью низко и довольно коротко – студентов можно привести к мысли, что это, пожалуй, самый легкий для произнесения тон. Ведь в других тонах требуется какое-то усилие: в первом тоне нужно напрячь голосовые связки в начале и оставить их в таком положении до самого конца слога; во втором тоне нужно постепенно напрягать связки к концу слога; четвертый тон нужно начинать с напряженных связок, расслабляя их к концу. И только в третьем низком тоне не требуется никаких дополнительных усилий – с самого начала и до конца слога связки расслаблены, произнесение очень комфортное.

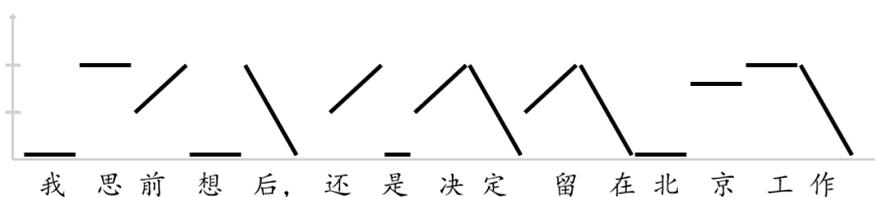
Вот еще подтверждение тому, что третий низкий тон, на самом деле, является самым «удобным» для произнесения. Одна из частых ошибок в тонах у студентов – это, когда они произносят целые фразы и предложения, случайно превращая первый, второй и четвертый тоны в третий низкий тон. В тот момент, когда студент говорит не автоматизированные фразы и перестает контролировать голос, он продолжает произносить слог на самой удобной высоте, т.е. полностью расслабив связки, получив третий низкий тон. Можно назвать это «Синдромом ленивых тонов». Например, посмотрим, как выглядит верное произнесение предложения ниже, и как оно может выглядеть с «Синдромом ленивых тонов»:

我思前想后，还是决定留在北京工作。

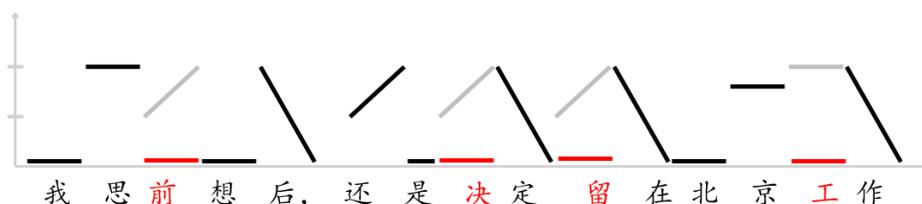
Wǒ sīqiánxiǎnghòu, háishì juéding liú zài Běijīng gōngzuò.

«Я всё хорошенько обдумал и решил всё же остаться работать в Пекине».

Верное произнесение:

«Синдромом ленивых тонов»:

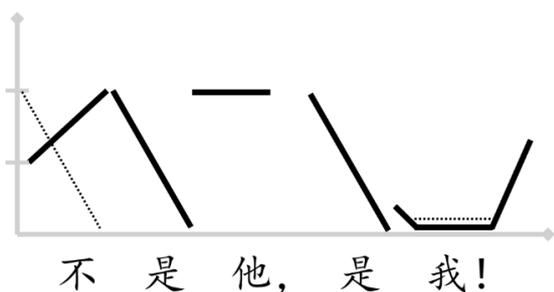
Как видно на графиках, в самых «неудобных» сочетаниях тонов – тех, где ученики чаще всего делают ошибки (1+2, 2+4, 1+4 и пр.) – тон одного из слога был случайно произнесен не верным тоном, а третьим низким, т.к. такое произнесение для обучающихся более комфортное.

Визуализация тонов на графиках очень удобна и способствует правильному произнесению [1, с. 291]. Поэтому следует с самого начала обучения использовать не только графики отдельных тонов, но и графики целых предложений. Третий тон, при этом, обозначать полностью низким ровным.

Именно низкий третий тон должен преподноситься как основной – тот, который чаще всего встречается в живой речи [5, с. 2]. А полный третий тон – как исключение, частный случай изменения тонов. Таким образом, правила изменения третьего тона будут звучать следующим образом:

- если два слога подряд идут третьим тоном, первый из них меняется на второй тон, а второй слог остается третьим низким тоном;
- если подряд идут сразу несколько третьих тонов, то алгоритм следующий:
 - 1) найти сочетания, которые нельзя разделить на паузы;
 - 2) в них первый слог будет вторым тоном;
 - 3) остальные будут поочередно вторым и третьим низким тоном;
- если слог третьим тоном стоит в конце фразы перед паузой, при этом, он является сильноударным, то он произносится полным третьим тоном;
- если слог третьим тоном стоит в конце фразы перед паузой, при этом, эта фраза произносится с эмоциональной изогнутой интонацией, то слог произносится полным третьим тоном;
- если слог третьим тоном произносится отдельно – в перечислении или в обучающих целях – то он произносится третьим полным тоном.

Еще одно преимущество использования графиков состоит в том, что на них можно изобразить изменение тонов, которое невозможно отобразить в пиньине. Например, так будет выглядеть на графике предложение 不是他, 是我! *Bù shì tā, shì wǒ!* «Не он, а я!»:

В слогах 不 и 我 пунктирными линиями изображены оригинальные тоны слогов до изменения. Слог 我 здесь произносится третьим полным тоном, т.к. он находится в конце фразы перед паузой и является сильноударным слогом. Также интонация этого предложения может быть эмоциональной

изогнутой. На данном графике не изображена ударность остальных слогов:

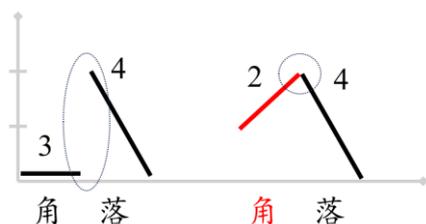
Необходимо обратить внимание студентов на то, что в учебных аудио они могут слышать третий тон в полном виде чаще, чем он произносится в живой речи. Поэтому нужно добиться того, чтобы ученики научились слышать и произносить третий тон в обоих видах: и в низком, и в полном. Для этого можно создавать упражнения на дифференциацию. Например, разместить в случайном порядке на слайде слова, в части которых будут слоги третьим полным тоном, в другой части – третьим низким. Задача ученика – послушать аудио этих слов и распределить их по двум колонкам соответственно. Параллельно произнося все слова самостоятельно.

Еще одна важная задача – научить студентов воспринимать третий низкий тон на слух. Для этого также подойдут упражнения на дифференциацию. Можно подобрать двусложные слова, в части которых один слог произносится третьим низким тоном, задача ученика – определить эти слоги. В таком упражнении важно подобрать именно незнакомые для студента слова, чтобы он определял тоны исключительно на слух. Иначе есть риск, что ученик может просто помнить, какими тонами произносится каждый слог.

Другой способ научить учеников воспринимать третий низкий тон на слух – создать упражнение «Найди третий тон в четырёхсложном выражении». Для него удобно взять аудио незнакомых четырёхсложных выражений, например, чэньюев (成语 *chéngyǔ*). Задача ученика – определить на слух, в каком из четырех слогов был третий низкий тон.

Во время тренировки слуха важно подсказывать ученикам, на чем именно нужно фокусироваться, чтобы определить тон в аудио. Для этого снова помогут графики. Например, ученик прослушал аудио слова 角落 *jiǎoluò* и предположил, что в нём сочетание тонов «2+4». Глядя на графики, следует сфокусировать внимание ученика на высоте окончания слога 角 и начале слога 落. Если бы у этого слога действительно было бы сочетание тонов «2+4», то слог 角 оканчивался бы на той же высоте, что и начинался бы 落. Разницы по высоте не было бы, один слог переходил бы в другой. Однако в реальности слог 角 произносится третьим низким тоном, поэтому между окончанием 角 и началом слога 落 есть контраст по высоте – второй слог начинается заметно выше, чем заканчивается первый. Если переслушать

аудио, обратив внимание на этот момент и глядя на график, ученику становится понятно, во что именно нужно вслушиваться, и так у него с большой вероятностью получится услышать верные тоны.

Точно так же важно приучать учеников определять свои собственные ошибки. Для этого необходимо, чтобы запись себя на аудио стала рутинной работой. Переслушивая по много раз аудио носителей и собственные аудио, и фокусируясь на нужных показателях, слухи ученика будет постепенно натренировываться.

При этом, не стоит забывать напоминать студентам, что тренировка слуха и произношения не происходит мгновенно. Для этого требуется время и терпение. Даже после того, как преподаватель объяснил всё про низкий третий тон, у многих учеников еще какое-то время сохраняется старая привычка произносить его в виде галочки. Нужно время на выработку новой привычки, то есть навыка. Важно постепенно натренировать все этапы освоения тонов:

- тоны в отдельных слогах,
- тоны в 20-ти двусложных сочетаниях [4, с. 169].
- тоны во фразах.

Итак, мы рассмотрели основные проблемы, связанные с восприятием и воспроизведением третьего тона путунхуа, которые часто встречаются у студентов. Подытожим методы, помогающие решить эти проблемы:

- называть тон третьим низким или просто третьим, а не полутретьим;
- проводить фонетические разминки и с самого начала определить границы спокойного голосового диапазона ученика;
- не занижать третий тон;
- объяснить, что высота голоса регулируется за счет напряжения и расслабления голосовых связок;
- противопоставлять по высоте третий тон первому: первый тон равный высокий, третий тон равный низкий;
- произносить третий низкий тон с такой же длительностью, как и остальные тоны – так же коротко;
- обратить внимание учеников на то, что третий низкий тон – самый лёгкий для произнесения (подтверждение – «Синдром ленивых тонов»);
- визуализировать тоны с помощью графиков целых фраз, третий тон при этом изображать ровным низким, а оригинальный тон до изменения – пунктирной линией;
- преподносить третий низкий тон как правило, а полный третий тон – как исключение, один из случаев изменения тонов;
- обучить учеников слышать и произносить обе версии третьего тона – и низкую, и полную;

- использовать упражнения на дифференциацию и на поиск определенного тона во фразе на слух;
- фокусировать внимание учеников на высоте отдельных частей слогов и сравнивать их между собой для определения тона на слух;
- приучать студентов записывать себя на аудио и определять свои собственные ошибки;
- не ждать мгновенных результатов – дать время на выработку новых навыков;
- натренировать все этапы освоения тонов: отдельные слоги, 20 сочетаний и фразы.

Приведенные методы помогают значительно улучшить восприятие студентами третьего тона на слух, а также позволяет им научиться произносить его более естественно, как это делают носители в живой речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макарова, Е. А. Использование графиков тонов предложений в обучении китайскому языку / Е. А. Макарова // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. XII. В 2 ч. Ч. 2 / редкол.: А. Н. Гордей (отв. ред.), Н. В. Михалькова (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2025. – С. 286–291.
2. Спешнев, Н.А. Введение в китайский язык: фонетика и разговорный язык / Н.А. Спешнев. – СПб: КАРО, 2008. – 256 с.
3. 王若江. 汉语正音教程/若江王编著. —北京: 北京大学出版社, 2005.8–204 页。= Ван Жоцзян. Курс исправления произношения в китайском языке / Жоцзян Ван. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2005.8. – 204 с.
4. 毛世桢. 对外汉语语音教学/世桢毛著. —上海: 华东师范大学出版社, 2008–188 页。= Мао Шичжэнь. Преподавание фонетики китайского языка как иностранного / Шичжэнь Мао. – Шанхай: Восточно-Китайский педагогический университет, 2008. – 188 с.
5. 金晓达. 汉语普通话语音图解课本 学生用书 / 晓达金, 广徽刘编著. —2 版 (修订本) —北京: 北京语言大学出版社, 2011.5 (2023.2 重印) – 170 页。= Цзинь Сяода. Иллюстрированный учебник фонетики путунхуа, учебник для студентов / Сяода Цзинь, Гуанхуэй Лю. – 2-е изд., испр. – Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры, 2011.5 (2023.2 доп. тираж). – 170 с.

Информация об авторе:

Макарова Елена Александровна – преподаватель китайского языка, руководитель частной организации «Онлайн-Академия китайского языка Елены Макк», г. Москва, Российская Федерация.

УДК 811.581'37+811.581'35

Н. В. МИХАЛЬКОВА

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СЛОЖНОСОСТАВНЫХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА С ДЕТЕРМИНАТИВАМИ РАЗЛИЧНОГО ТИПА

В статье анализируются семантические категории сложносоставных иероглифических знаков китайского языка с детерминативами – обозначениями веществ. Определяется семантическая организация иероглифических гнезд. Выявляется набор семантических типов знаков, входящих в то или иное иероглифическое гнездо.

Ключевые слова: семантические категории, детерминатив, сложный иероглифический знак, китайский язык, иероглифическое гнездо.

N. V. MIKHALKOVA

SEMANTIC CATEGORIES OF COMPOUND SIGNS OF THE CHINESE LANGUAGE WITH DETERMINATIVES OF VARIOUS TYPES

Semantic categories of complex signs of the Chinese language with determinatives – designations of substances are analyzed in the article. The semantic organization of character groups is determined. The set of semantic types of signs included in one or another character group is revealed.

Keywords: semantic categories, determinative, complex hieroglyphic sign, Chinese language, hieroglyphic nest.

Китайское иероглифическое письмо, организуясь по принципу группировки сложных знаков относительно входящих в них детерминативов, представляет собой особым образом семантически выстроенную систему, в состав которой входят различные группы и подгруппы единиц, где стержневым конструктом является иероглифическое гнездо¹ [2-3].

Иероглифическое гнездо – это объединение знаков вокруг единого для всех элементов гнезда знакообразовательного центра – *детерминатива*. Состав китайских иероглифических гнезд различается как по своему количественному составу, так и в качественном – семантическом аспекте. При этом отнесение детерминатива к одной семантической области не приводит к вхождению в состав иероглифических гнезд единых семантических типов знаков, что подтверждается семантическим анализом иероглифических гнезд с детерминативами, например, обозначениями различных веществ. Так, иероглифическое гнездо с детерминативом 火 ‘огонь’ образуют следующие сложные знаки.

1) огонь и его виды: 煜/燄 ‘дым, слабый огонь’, 燿 ‘яростный огонь’, 熾 ‘пылающий огонь’, 爍 ‘пылающий огонь’, 燧 ‘вечный огонь’, 熇 ‘слабый огонь’, 炆 ‘открытый огонь’, 爕 ‘огонь в пещере’, 燹 ‘пожар в поле’, 炆 ‘бушующий огонь’, 燿 ‘вид огня’, 燧 ‘пожар на горе’, 炆 ‘пылающий огонь’, 燧 ‘огонь’, 燧 ‘блуждающий огонек’, 炎 ‘поднимающееся пламя’;

2) светлый, ясный, яркий: 烜 ‘огненный’, 焯 ‘светлый’, 焄 ‘ясный’, 焮 ‘яркий’, 焯 ‘яркий’, 焯 ‘яркий и ясный’;

3) светить: 焜 ‘светиться’, 熾 ‘освещать’;

4) светительные приборы: 炆 ‘огарок’, 焜 ‘свеча’, 焜 ‘факел’, 焜/焜/焜 ‘свеча’, 焜 ‘фитиль’, 焜 ‘факел’, 焜/焜 ‘кремень с огнивом’, 焜 ‘факел’, 焜 ‘пламя огня’, 焜 ‘светильник’;

5) варить, подогревать: 焜/焜 ‘отварить’, 焜 ‘варить пищу’, 焜 ‘приготовить в глиняном шаре на огне’, 焜 ‘варить’, 焜 ‘разогреть на пару’.

6) жарить: 焜 ‘жарить мясо на огне’, 焜 ‘жарить’;

7) гореть, сжигать: 焜/焜/焜 ‘сжигать (лес)’, 焜 ‘сжигать’, 焜 ‘жечь’, 焜/焜 ‘поджигать, поджигать’, 焜 ‘разгореться’, 焜 ‘разгореться’, 焜 ‘разгореться’, 焜 ‘разгораться’, 焜 ‘разжигать’;

¹ См. словообразовательные гнезда [4], словарь В. И. Даля [1].

8) сухой, засуха: 刈/刈 ‘сухой’, 爨 ‘высушенный’, 煨 ‘сушить’, 爨 ‘сушить’;

9) остатки горения: 灰 ‘пепел’, 炆 ‘сажа’, 炭 ‘уголь’, 烟 ‘дым поднимающий’;

10) чувства: 焮 ‘гнев’, 炎 ‘завистливый взгляд’, 熨 ‘гнев, злость’, 焮 ‘злостно выглядящий’, 焮 ‘гнев’, 焮 ‘вспылить’, 焮 ‘горячий, пылкий’, 焮 ‘большие глаза’, 焮 ‘гнев’;

Менее частотны в иероглифическом гнезде сложные знаки с детерминативом 火 ‘огонь’, выражающие такие понятия, как:

1) нагревательные устройства: 灶 ‘кухонная плита’, 焮 ‘дымоход печи для обжига кирпича’, 炉/爐 ‘печь, топка’, 焮 ‘передвижная печь’, 焮 ‘печь’, 焮 ‘дымоход’;

2) нагревать: 焮 ‘греться’, 焮 ‘греть’, 焮 ‘теплый’, 焮 ‘согревать’, 焮 ‘греться’;

3) цветообозначения: 赤/赤/赤 ‘красный цвет как огонь’, 焮 ‘огненный цвет’, 焮 ‘изменяющийся цвет’, 焮 ‘желтый’, 焮 ‘темно-желтый’, 焮 ‘красный’, 焮 ‘цвет огня’;

4) вещества: 焮 ‘толстостенный фарфор’, 焮 ‘горячий воздух’;

5) абстрактные сущности: 焮/焮 ‘подгорелый (запах)’, 焮 ‘металлоплавильная работа’, 焮 ‘природная катастрофа’, 焮(焮) ‘пылающий взгляд’;

6) горячий: 焮 ‘горячий’, 焮 ‘горячий’, 焮 ‘горячий’, 焮 ‘горячий’, 焮 ‘жаркий’;

7) звуки костра: 焮 ‘треск’, 焮 ‘треск’, 焮 ‘треск костра’;

8) затухать: 焮 ‘тухнуть’, 焮 ‘погаснуть’, 焮 ‘потушить’, 焮 ‘тушить огонь’.

Наименьшую подсистему единиц составили сложные иероглифические знаки с детерминативом 火 ‘огонь’, обозначающие признак «тухлый» (焮 ‘тухлый’, 焮 ‘рыхлый»), а также 焮 ‘яркие деревья и кустарники», предметные имена – утюг (焮 ‘утюг’, 焮 ‘грелка для ног’, 焮 ‘факел для розжига’, 焮 ‘щипцы’, 焮 ‘большой корабль’) и, соответственно, процесс «гладить» (焮 ‘гладить (утюгом)').

Детерминативы-номинации твердых веществ представлены в материале исследования тремя наиболее репрезентированными в сложных иероглифических знаках китайского языка графемами: 石 ‘камень’, 王 ‘яшма’ и 革 ‘сыромятная кожа’.

Детерминатив 石 ‘камень’ включается в составной иероглифический знак китайской письменности для выражения различных понятий, связанных как с самим объектом – камнем, так и его свойствами.

Наиболее широкую область составили обозначения:

1) видов камней: 礫/礫/砾 ‘мелкий гравий’, 砾 ‘валун на горе’, 礪/礪 ‘большой камень в течении воды’, 礪 ‘узорчатый камень’;

2) характеристик «твердый, крепкий»: 礪/礪 ‘твердый, крепкий’, 礪/礪 ‘твердый’, 礪 ‘крепкий’;

3) гор, скал, утесов: 礪 ‘скала’, 礪 ‘горное ущелье’;

4) предметов: 礪 ‘наконечник стрелы’;

5) звукоподражаний: 砵/磳 ‘звукоподражание звону камня, стуку гальки’, 砵 ‘звон камней’;

6) процессов дробления: 碾 ‘молоть, дробить’, 碓 ‘толочь’;

7) процессов трения и шлифовки: 砭 ‘точить нож’, 礮 ‘молоть, растирать’.

Детерминатив 王(玉) ‘яшма’ входит в состав сложных иероглифических знаков китайской письменности, наибольшую долю которых составляют обозначения различных видов камней, например:

- 1) яшма (珉 ‘яшма’);
- 2) жемчуг (玕 ‘жемчужина’);
- 3) самоцвет (珎 ‘самоцвет’);
- 4) янтарь (珀 ‘янтарь’).

Не менее частотна семантическая группа иероглифических знаков с детерминативом 王 ‘яшма’, включающая номинации звукоподражаний:

- 1) звон нефритовый: 玕 ‘нефритовый звон’;
- 2) звукоподражание яшме: 玕 ‘звукоподражание звону яшмы’.

В иероглифическое гнездо с детерминативом 王 ‘яшма’ вошли также обозначения предметов:

- 1) одежды и аксессуаров, например: 瑞 ‘скипетр’, 珎 ‘серьги’, 瑀 ‘медальон’, 璜 ‘декор для меча’;
- 2) музыкальных инструментов (琴 ‘цитра’, 瑟 ‘сэ, гусли’);
- 3) контейнеров (琖 ‘кубок (из яшмы, нефрита)’);

Подсистема иероглифических знаков с детерминативом 革 ‘сыромятная кожа’ состоит из различных семантических групп единиц, среди которых наибольшую область составляют следующие обозначения:

- 1) атрибутика для лошади: 鞅 ‘повод, поводья’, 鞅 ‘уздечка’, 鞅 ‘передняя перекладина (колесницы)’, 鞅 ‘седло’, 鞅 ‘вожжи; поводья’;
- 2) предметы обуви: 鞅 ‘заплата, подошва’, 鞅 ‘улы (вид обуви, изнутри утепленный осокой)’;
- 3) предметы из кожи: 鞅 ‘кожаный шнур на рукояти сабли’, 鞅 ‘цветные украшения из кожи’;
- 4) атрибутика для лука/меча/телеги: 鞅 ‘колчан’, 鞅 ‘тяж (повозки)’, 鞅 ‘поводья’, 鞅 ‘кожаный нарукавник (для стрельбы из лука)’, 鞅 ‘саадак (чехол для меча)’, 鞅 ‘колчан’;
- 5) музыкальный инструмент: 鞅 ‘колокольный музыкальный инструмент’.

Менее частотны сложные иероглифические знаки с детерминативом 革 ‘сыромятная кожа’, которые выражают такие понятия, как:

- 1) кожа и ее виды: 鞅 ‘выделанная шкура; кожа’;
- 2) звукоподражание: 鞅 ‘звукоподражание колоколу и барабану; греметь, грохотать’, 鞅 ‘звукоподражание ударам барабана; трам!; греметь, грохотать’;
- 3) действия с кожей: 鞅 ‘дубить; дубление’, 鞅 ‘дубить; дубление’.

Детерминатив 土 ‘земля’ входит в состав сложных иероглифических знаков китайского языка, которые могут быть отнесены к различным семан-

тическим категориям обозначений. Наиболее широкую область составляют номинации:

1) видов песка и почвы: 掺 ‘песок’, 墒 ‘белая почва’ и др.;

2) различных типов стен, насыпей, рвов из земли: 坳 ‘стена из земли’, 垒 ‘стены, использовавшиеся для обороны в древней армии’, 城 ‘высокая стена, окружающая город’, 埠 ‘дамба, небольшая насыпь’;

3) изделий из глины: 壺 ‘сосуд для хранения вещей’, 埴 ‘большой глиняный кувшин грушевидной формы’, 埴 ‘инструмент для обработки стены’ и др.

Таким образом, детерминатив может выражать определенный тип концептуального набора [5–8] смысловых компонентов, выступая в роли прототипа [9] определенного объекта или свойства множества объектов, признаков, действий и др., что и позволяет создавать специфический набор знаков в структуре иероглифического гнезда.

Анализ системы детерминативов сложных иероглифических знаков китайского языка также показал, что в основе выбора смысловых компонентов иероглифов лежит не только категориальная, родовая принадлежность понятия, но и релевантная характеристика описываемого представления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете, 1863–1866. – 4 т.
2. *Ошанин, И. М.* Из опыта работы над большим китайско-русским словарем: о структуре гнездовой статьи словаря / И. М. Ошанин. — М. : Вост. лит., 1960. — 10 с.
3. *Тань, Аошун.* Китайская картина мира : язык, культура, ментальность / Аошун Тань. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 231 с.
4. *Тихонов, А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель: АСТ, 2003. – Т. 1. – 860 с.
5. *Black, M.* Models and metaphors: studies in language and philosophy / M. Black. – Ithaca: Cornell University Press, 1962. – 267 p.
6. *Fauconnier G.* Conceptual Projection and Middle Spaces / G. Fauconnier, M. Turner. – San Diego, 1994. – Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1290862. – Дата доступа: 24.04.2019.
7. *Lakoff, G.* Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 2003 – 242 p.
8. *Marchand, H.* The categories and types of present-day English word-formation / H. Marchand. – Wiesbaden : Hubert and Co, 1960. – 399 p.
9. *Rosch, E.* Principles of Categorization / E. Rosch // Cognition and Categorization. – Hillsdale, New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27-48.

Информация об авторе:

Михалькова Надежда Васильевна – доцент кафедры теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Республика Беларусь.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-ЗООНИМОВ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ ХАРАКТЕР
ЧЕЛОВЕКА**

В статье рассматриваются фразеологические единицы с компонентом зоонимом, обозначающим характер человека. Предметом в данной работе является сравнительный анализ фразеологизмов русского и китайского языков. Сравнительный анализ фразеологических единиц дает возможность не только более четко раскрыть фразеологическую специфику русского и китайского языков, но и познать их общеязыковые и индивидуально-языковые свойства.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фразеология, русские и китайские фразеологизмы.

K. T. RACHKOUSKAYA

**COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS-
ZOOONYMS DENOTING THE CHARACTER OF A PERSON**

The article discusses phraseological units with a zoonym component denoting the character of a person. The subject of this work is a comparative analysis of phraseological units of the Russian and Chinese languages. Comparative analysis of phraseological units makes it possible not only to more clearly reveal the phraseological specifics of the Russian and Chinese languages, but also to learn their general linguistic and individual linguistic properties.

Keywords: phraseological units, phraseology, Russian and Chinese phraseological units.

«Фразеология исследует наиболее живой, подвижный и разнообразный отряд языковых явлений» – писал русский академик В. В. Виноградов [2]. Фразеология – часть языкознания, изучающая современное состояние и историческое развитие фразеологической системы языка. Фразеология изучает своеобразие фразеологизмов как признаков вторичного образования и, в частности, как продукта особого типа вторичного косвенного названия, который представлен разнообразным синтагматическим взаимодействием слов-компонентов в процессах пересмотра или образования нового значения. Фразеология изучает свойства знаковой функции фразеологизмов, их значение, структурные и семантические нюансы, происхождение лексических компонентов фразеологизмов, их синтаксическую и морфологическую структуру, характер синтаксических связей с другими языковыми единицами, их формы [1]. Известный российский лингвист А. В. Кунин отметил, что фразеология является сокровищницей языка [5].

В фразеологическом словаре русского языка под редакцией А. И. Молоткова написано: «В качестве критериев определения фразеологизма в русском языке называют в различных комбинациях устойчивость, целостность значения, не выводимую из суммы значений составляющих его слов, возможность структурных вариантов, или новообразований, воспроизводимость, непереводаемость на другие языки» [4].

Китайский язык имеет тысячелетнюю историю. За это время в нем накопилось большое количество выражений, которые люди нашли удачными,

меткими и красивыми. Так и возник особый слой языка – фразеология, совокупность устойчивых выражений, имеющих самостоятельное значение. В китайском языке фразеологизмы – это отражение национальной культуры, хранителей тайн истории, императорских династий и народная мудрость. Изучение китайского языка широко распространено во всем мире. Знание фразеологии чрезвычайно облегчает чтение как публицистической, так и художественной литературы. Разумное использование фразеологизмов делает речь более выразительной [1]. Китайская фразеология становилась как лингвистическая дисциплина позже, чем русская.

Русские и китайские фразеологические единицы – специфические явления, воспроизводимые, устойчивые и экспрессивные языковые единицы, часто неперебиваемые на другие языки. Однако среди фразеологических единиц разных языков встречаются разного вида соответствия. Примером полного соответствия служат эквиваленты фразеологических единиц двух языков, совпадающих по своему лексическому составу и по значению. Например, русскому фразеологизму «прыгать от радости» в значении «чувствовать восторг» соответствует китайский фразеологизм «欢蹦乱跳» дословно «прыгать от радости», в значении «испытывать радость». В данном примере русские и китайские единицы являются полными эквивалентами.

Зооним – это нарицательное название или имя собственное животного. Фразеологические единицы с компонентом зоонимом в русском языке часто употребляются в устойчивых сравнениях, как правило с союзом «как»: злой как собака, безобидный как божья коровка, медленный как черепаха, упрямый как баран. В большинстве фразеологических единиц с компонентом зоонимом встречается тип метафорического переноса, при котором используются названия животных для описания характеристики человека. К тому же зоонимы часто являются символами моральных и интеллектуальных качеств человека [1].

Фразеологические единицы, описывающие характер человека, составляют довольно многочисленную серию фразеологизмов, поэтому мы исследовали лишь фразеологизмы с компонентом зоонимом. Фразеологизмы были проанализированы в соответствии с оценочным компонентом фразеологического значения. Для анализа нами отобрано 39 фразеологических единиц русского языка и 51 фразеологическая единица китайского языка.

Сравнительный анализ фразеологических единиц дает возможность не только более четко раскрыть фразеологическую специфику русского и китайского языков, но и познать их общезыковые и индивидуально-языковые свойства.

Выделяют положительные и отрицательные компоненты фразеологического значения, в основе которых лежат осуждение или одобрение. Соответственно, фразеологические единицы с компонентом зоонимом, обозначающие характер человека, были разделены на две группы – положительной оценки и отрицательной оценки.

I. Фразеологические единицы, выражающие положительные черты характера человека.

К этой группе относятся фразеологические единицы с положительным субъективно-оценочным компонентом фразеологического значения. В русском языке в эту группу входят 14 фразеологических единиц, что составляет 36% от общего числа исследуемых фразеологизмов, в китайском языке – 15 фразеологических единиц, что составляет 29%: безобидный как божья коровка, невозмутимый как слон, как рыба в воде, домовая лошадь, мудрый как сова, мухи не обидит, умный как утка, старый воробей, вольная птица, обстрелянная птица, белая ворона, ласковый как котенок, стреляный воробей, старый волк; 笨鸟先飞, 老马识途, 百鸟朝凤, 鸡鸣狗盗, 力大如牛, 老黄牛, 虎虎有生气, 虎背熊腰, 生龙活虎, 龙精虎猛, 元龙豪气, 人中之龙, 鱼沉雁落, 龙盘虎踞, 凤毛麟角;

II. Фразеологические единицы, выражающие отрицательные черты характера человека.

К этой группе относятся фразеологические единицы с отрицательным субъективно-оценочным компонентом фразеологического значения. В русском языке в эту группу входят 25 фразеологических единиц, что составляет 64% от общего числа исследуемых фразеологизмов, в китайском языке – 36 фразеологических единиц, что составляет 71%: волк в овечьей шкуре, гусь лапчатый, бешеная собака, считать ворон, гадкий утенок, лиса Патрикеевна, неуклюжий как медведь, упрямый как осел, пуганная ворона, собака на сене, змея подколотная, ворона в павлиньих перьях, собачья душа, старая лиса, как баран на новые ворота, крокодиловы слезы, распускать павлиний хвост, труслив как заяц, заячья душа, мокрая курица, валаамова ослица, буриданов осел, на козе не подъедешь, подсадная утка, пуганая ворона; 打草惊蛇, 胆小如鼠, 饿虎扑食, 鹤立鸡群, 鸡犬不宁, 惊弓之鸟, 蛇蝎心肠, 沐猴而冠, 狡兔三窟, 鼠目寸光, 鱼龙曼衍, 城狐社鼠, 害人虫, 跟屁虫, 丑小鸭, 白眼狼, 狼外婆, 九尾狐, 老狐狸, 笑面虎, 铁公鸡, 地头蛇, 披着羊皮的狼, 中山狼, 狗腿子, 猪狗不如, 如狼似虎, 狐假虎威, 封豕长蛇, 不舞之鹤, 漏网之鱼, 井底之蛙, 狼心狗肺, 得陇望蜀, 初生之犊, 鸡鸣狗盗;

Проведенное исследование свидетельствует о доминировании фразеологических единиц с компонентом зоонимом, выражающих отрицательные черты характера человека как в китайском, так и в русском языках. Это может быть объяснено тем, что люди более эмоционально реагируют на негативные явления. Кроме того, стоит отметить, что фразеологических единиц с компонентом зоонимом, обозначающих характер человека, в китайском языке значительно больше, чем в русском языке. Это может быть связано как с различием культур народов, так и с историческим аспектом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вендина, Т. И. Введение в языкознание / Т. И. Вендина. – М., Высшая школа. – 2001. – С. 188.
2. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – 1977. – С. 140-161.
3. Ларионова, Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка / Ю. А. Ларионова // М.: «Аделант» – 2014. – С. 512.
4. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка. под ред. А. И. Молоткова / А. И. Молотков // Советская Энциклопедия – №34 – 1967. – С. 7.

5. Шибзухов, Т. А. Сравнительный анализ русских и английских фразеологизмов [Электронный ресурс] / Т. А. Шибзухов, Ф. М. Кудалева, Ф. Х. Озенжокова // Молодой ученый. – 2019. – № 2. – Режим доступа : <https://moluch.ru/young/archive/22/1366/>. – Дата доступа: 16.03.2024.
6. 王, 兴国. 中国成语大辞典 / 王兴国、编著. – 北京 : 华语教学出版社, – 2016. – 2075 页. = Ван, Синго. Большой словарь китайских чэньюев / сост. Ван Синго. – Пекин: Издательство по преподаванию китайского языка как иностранного, 2016. – 2075 с.

Информация об авторе:

Рачковская Ксения Тимофеевна – студент факультета китайского языка и культуры Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 81'37

Е. В. РОМАНОВСКАЯ

ФАСЦИНАЦИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ

Статья посвящена вопросу происхождения и развития понятия фасцинации. Приводятся основные дефиниции понятия фасцинации в рамках различных дисциплин; обосновывается точка зрения, при которой фасцинация представляет собой разновидность информации; формулируется авторское определение фасцинации.

Ключевые слова: теория сигнализации, фасцинация, фактуальная информация, художественный текст.

A. V. RAMANOUSKAYA

FASCINATION AS A KIND OF INFORMATION

The paper presents the research on the concept of fascination. The definitions of fascination are given within the framework of different branches of knowledge. Alternatively to the theory of signalization which differentiates fascination and information, the author presents arguments for the position of fascination being taken as a kind of information. The paper includes a new definition of the term «fascination».

Key words: signalization theory, fascination, factual information, literary text.

Слово «фасцинация» происходит от лат. *fascinatio* – завораживание, зачаровывание, в свою очередь, образованного от лат. *fascinare* – околдовывать. Слово *fascinare* имеет один корень с латинским словом *fascis* – пучки перевязанных прутьев, атрибут власти в Древнем Риме¹. В период Средних веков понятие фасцинации ассоциировалось, прежде всего, с колдовством. В европейской литературе термин «фасцинация» стал применяться с конца XVI в., например, в труде Ф. Бэкона «О достоинстве и приумножении наук» (1605).

Вслед за распространением идей рационализма, развитием научной и философской мысли эпохи Просвещения, фасцинация постепенно утратила значение «колдовство» и стала рассматриваться как метод суггестивного воздействия. Это нашло отражение в определении фасцинации, сформулированном Джеймсом Эсдейлом (James Esdaile)² в 1847 г.: «фасцинация – сосредоточение взгляда

¹ Согласно одной из версий, прототипом фасции является персидский барсман, пучок прутьев, который держал во время совершения ритуала зороастрийский жрец [28].

² Джеймс Эсдейл (1808–1859) – английский хирург, проходивший военную службу в Индии, один из первых исследователей свойств гипноза, применявшегося в качестве обезболивающего средства. Примерно в это же время медики стали широко использовать эфир и хлороформ, и необходимость в гипнозе отпала [30].

гипнотизируемого на гипнотизирующем или на специальном предмете (блестящий металлический шарик)» [4, с. 351].

Понятие фасцинации было развито Ю. В. Кнорозовым в рамках теории сигнализации и изложено в докладе «Об изучении фасцинации» (1962 г.), собеседовании по общей теории сигнализации (1962 г.), статье «К вопросу о классификации сигнализации» (1973 г.) [6, 53–54]. Согласно Ю. В. Кнорозову, современную человеческую сигнализацию в двух её основных разновидностях (оптическая и акустическая) можно подразделить на нейтральную, в которой преобладающую роль играет информация (смысл сообщения), и фасцинирующую, в которой основную роль играют физические свойства сигнального ряда: «Сигнал действует двояко: он передаёт сообщение о ситуации (команду) и одновременно является некоторым физическим фактом, действующим на органы чувств, прямым либо условным раздражителем. Эта двойственность сигнала и возможность видоизменять его в достаточно широком диапазоне даёт основание использовать его физические свойства» [14, с. 330].

В теории сигнализации Ю. В. Кнорозова под фасцинацией понимается «такое действие сигнала, при котором ранее принятая информация полностью или частично стирается [14, с. 163]; «шум в анализаторе¹, который помешал бы выполнять другие команды и создал бы тем самым благоприятные условия для восприятия именно данной информации» [25, с. 7]; «воздействие, которое приводит к некоторому затормаживанию анализатора» [14, с. 331].

В течение нескольких десятилетий после появления теории сигнализации Ю. В. Кнорозова упоминания о фасцинационных процессах встречаются лишь в редких публикациях (см. труды Ю. А. Шрейдера, Н. Л. Мухелишвили, А. Е. Войсунского, В. В. Мартынова, А. А. Брудного). Авторы данных работ по-разному трактуют феномен фасцинации. Так, Ю. А. Шрейдер, автор теории семантической информации², понимает фасцинацию как «позывные», которые несёт сообщение и которые заставляют адресата настроиться на приём» [26, с. 20]. В 1987 г. А. Брудный определяет фасцинацию как «специально организованное *вербальное* воздействие, предназначенное для уменьшения потерь семантически значимой информации при восприятии сообщения *реципиентами*, за счёт чего возрастает возможность её воздействия на их поведение» (данное определение широко представлено в психологических словарях) [5, с. 374–375].

С начала XXI в. количество исследований, посвящённых фасцинации, начало стремительно возрастать. Наиболее широко в настоящее время понятие фасцинации применяется в таких областях как педагогика, психология, социология, реклама, средства массовой информации. В этой связи можно упомянуть работы А. П. Назаретяна, В. Д. Ширшова, А. Ш. Сафаргалиной, В. М. Заёнчика, Е. И. Абрамовой, Л. А. Борботько, Е. И. Илюхиной, А. В. Лобановой, М. А. Стрельцовой, Л. В. Орловой, И. Р. Зарипова и др. Теория фасцинации также находит применение в таких областях, как семантическое кодирование (В. В. Мартынов); ком-

¹ По определению И. П. Павлова, «анализатор – это сложный нервный механизм, начинающийся наружным воспринимающим аппаратом и кончающийся в мозгу» [22, с. 529].

² В рамках теории семантической информации количество информации, извлекаемое человеком из сообщения, определяется степенью изменения его тезауруса [3].

бинаторная семантика (А. Н. Гордей), аксиологическая лингвистика (И. Г. Чеботарёв); лингвосемиотика (И. В. Карасик); лингвоакустика (Е. Л. Фрейдина).

Активные попытки развития теории фасцинации были предприняты В. М. Соковниным, инициировавшим создание такого направления, как фасцинология. В. М. Соковнин предлагает следующее определение фасцинации: «такое воздействие сигнала, принадлежит ли он природному явлению (молния) или целенаправленному человеческому поведению (обольщение), которое вызывает волнение, внимание, захваченность» [26].

Г. М. Андреева понимает фасцинацию как «средство, помогающее принять информацию и ослабляющее действие фильтров» [2, с. 58]. Как вербальное воздействие рассматривает фасцинацию Н. Б. Мечковская, упоминая фасцинацию в исследовании особенностей фидеистических и художественных текстов: «фасцинация – термин психологии, обозначающий специально организованное словесное воздействие на человека, обладающее повышенной силой убеждения и/или внушения» [18, с. 45]. Фасцинация и информация представлены как составляющие вербального знания в рамках комбинаторной семантики А. Н. Гордея [11, с. 18].

Сибилл Баумбах сравнивает действие фасцинации в художественном тексте с «эффектом Медузы»: «Expanding on W. J. T. Mitchell's notion of the 'Medusa effect', which relates to the enchanting effects of images and their transmission into literary texts, this study explores the various ways in which literature resorts to concepts of fascination – as a constitutive force of literary and cultural narratives, as a key mechanism of eliciting attention and for regulating for readers' responses to the possible worlds created by fiction» 'Расширяя представление В. Дж. Т. Митчелл об «эффекте Медузы», которое относится к чарующему воздействию образов и их передаче в художественных текстах, данное исследование включает рассмотрение различных способов, посредством которых литература задействует понятия фасцинации как неотъемлемого элемента литературных и культурных повествований, как ключевого механизма привлечения внимания и регулирования реакции читателей на возможные миры, созданные в литературном произведении» [31, с. 2].

Приведенные определения фасцинации свидетельствуют о том, что фасцинация в большинстве случаев понимается как способ вербального либо невербального воздействия на индивида: либо как прямое или косвенное суггестивное воздействие, либо – в более широком смысле – как метод привлечения внимания индивида к конкретной информации посредством вовлечения механизмов иррационального восприятия. Мы предполагаем, что фасцинационные процессы, в действительности, сводимы к процессам получения информации¹, а понятия информации и фасцинации теории Ю.В. Кнорозова представляют собой различные способы обработки информации (рациональный или иррациональный).

¹ Ю. М. Лотман относил чувственное восприятие к процессу получения информации: «Нельзя не признать, что всякий процесс чувственного освоения также можно представить как получение информации... Любой контакт с внешней средой, любое биологическое усвоение представляет собой получение информации и может быть описано в терминах теории информации» [16, с. 76]. Это подтверждается обусловленностью эмоций информационными процессами: «...эмоциональные эффекты, возникающие при дифференцированных воздействиях на мозговые полушария, являются следствием информационных процессов, а не собственно эмоциональных механизмов» [цит. по 25, с. 90].

Понятие «информация» в разных областях знания обладает различным содержанием. Слово «информация» происходит от латинского слова *informatio* ‘представление (о чем-либо)’, производного от *informare* ‘изображать, представлять’, в свою очередь, образованного от *forma* ‘вид, образ’. В области лингвистики информация трактуется как «семантика, передаваемая языковыми элементами в акте речевого общения» [12, с. 67]; «сведения, доступные для понимания и важные для поведения того, кому они адресованы» [19, с. 65]. Иными словами, информация есть не всякий сигнал, а лишь тот, который имеет значимость для адресата ¹.

В один момент времени мы не можем воспринимать информацию и рационально, и иррационально. Как писал А. Потебня, «...чувство разрушается самонаблюдением, которое необходимо прибавляет нечто новое к тому, чем занято было сознание во время самого чувства» [21, с. 91]. Музыка, которую Ю. В. Кнорозов считал чистой fascinaцией, также может быть воспринята рационально, путем анализа ладовых, тембровых, композиционных характеристик, способа исполнения музыкального произведения и пр., но основной целью является эстетическое переживание, порождаемое fascinationным воздействием музыки. О разных типах восприятия одного и того же сообщения пишет и Ю. М. Лотман: «корректор и поэт видят на одной и той же странице разное» [15, с. 14].

Г. Н. Гумовская приводит две точки зрения, отображающие различные типы информации:

- семантическая точка зрения, позволяющая выделить логическую информацию, поддающуюся точной формулировке;
- эстетическая точка зрения, включающая не переводимую в систему логических символов информацию, вызывающую определенные состояния [12, с. 67–68].

Эстетическая информация, реализующая эстетическую функцию языка, определяется как «отражение автором знаний о мире в образной форме в целях самовыражения и художественного воздействия на адресата» [13]. Сходным понятием является художественная информация – «термин, перенесенный в эстетику из теории информации, раскрывающий специфику художественного сообщения, которая состоит в том, что оно оказывает эмоциональное воздействие, не передается стандартными нормализованными языками, а представляет собой систему индивидуализированных художественных образов» [7, с. 409]. Эстетическая (художественная) информация непосредственно связана с fascinationными процессами, которыми обусловлено воздействие художественных произведений.

За экспрессивную функцию языка отвечает эмоционально-экспрессивная информация (также именуемая стилистической или коннотативной) и трактуе-

¹ Как писал И. П. Павлов, «всякое раздражение, если оно повторяется, не сопровождаясь далее никаким другим более существенным последствием для организма, делается безразличным. Мы окружены массой картин, звуков и т.д., но если они не причиняют нам важного в каком-либо отношении раздражения, то мы относимся к ним безразлично, как будто они не существуют» [цит. по 24, с. 51].

мая как «информация, выражающая человеческие чувства и эмоции» [8, с. 28]. При этом если эмоционально-экспрессивная информация подразумевает стилистическую отмеченность, придающую сообщению экспрессивную окраску, то фасцинация – более широкое понятие, обозначающее способность сообщения оказывать на индивида эмоциональное воздействие, вне зависимости от наличия либо отсутствия у сообщения экспрессивной окраски.

Возникновение у индивида эмоциональной реакции способствует привлечению внимания к конкретной информации. Способность выделить конкретное сообщение из множества других, сосредоточить внимание на сообщении, замедлив обработку информации из других источников, позволяет закрепить в памяти конкретное сообщение, избежав при этом перегрузки механизмов обработки информации: «эмоционально окрашенное впечатление фиксируется практически мгновенно и непроизвольно, обеспечивая пополнение подсознательной сферы человеческой психики» [17].

Итак, фасцинация в прямом, узком значении – это гипнотизирующее, чарующее воздействие. В более широком смысле, фасцинация представляет собой способ воздействия, в результате которого происходит отбор значимой для индивида информации посредством иррациональных механизмов восприятия. При фасцинационном воздействии, в соответствии с принципом доминанты¹, доступ к сознанию иных источников информации блокируется, что обеспечивает его эффективность. Избирательность восприятия помогает избежать перегрузки во время обработки информации².

Целью рационального восприятия информации является понимание (дешифрование), целью фасцинационного восприятия информации – переживание (сочувствование). Рассматривая фасцинацию под таким углом зрения, можно предложить следующее определение: **фасцинация – разновидность вербальной информации, вызывающей иррациональную реакцию индивида, за счёт воздействия на его отношение к миру.**

Для разграничения разных типов информации, мы предлагаем наряду с фасцинацией использовать понятие фактуальной информации. Термин фактуальная (содержательно-фактуальная) информация введён И. Р. Гальпериным и обычно применяется к одному из видов информации в тексте, обозначая информацию о реальных либо вымышленных событиях и их участниках [9, с. 27–28]. Получив отражение и закрепление в модели мира индивида, фактуальная информация, превращаясь в стереотип, становится фактом нашего сознания³. Исходя из этого, фак-

¹ Согласно принципу доминанты, выделенному А. А. Ухтомским, «в каждый данный момент жизни возникает определяющий (доминантный) очаг возбуждения, подчиняющий себе деятельность всей нервной системы и определяющий характер приспособительной реакции» [1]. «... Доминанта характеризуется своей *инерцией* не только в том смысле, что, однажды вызванная, она стойко держится в центрах и подкрепляется разнообразными раздражениями, но и в том, что, однажды вызванная, она может восстанавливаться» [27, с. 54].

² Данный механизм проявляется и на уровне физиологических процессов, например, при размывании зрения на периферии при приближении интересующего нас объекта.

³ В рамках комбинаторной семантики, модель мира (скрытое знание) – архитектура стереотипов, т.е. упорядоченное множество стереотипов и упорядоченное множество преобразования одних стереотипов в другие; языковая картина мира (открытое знание) – де-

туальная информация (фактуация) – это разновидность вербальной информации, вызывающей рациональную реакцию индивида, посредством воздействия на его модель мира.

Фасцинационный компонент сообщения может усиливать либо ослаблять восприятие фактуальной информации. Например, монотонная речь обладает наименьшей интенсивностью фасцинации, декламация и пение – максимальной.

Обратимся к сравнению прозаического и поэтического текстов, содержащих схожую фактуальную информацию:

1. «Нет, Онегин, для меня мало привлекательны и окружающая меня роскошь, и внешний блеск надоевшего мне быта, и те успехи, которых я достигла среди шумной светской жизни, и мой дом, пользующийся в свете популярностью, и мои балы и приёмы...»

2. «А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них?...» [29, с. 7]

Первый текст абсолютно лишен фасцинационной насыщенности, присущей второму отрывку. Об этом подробно пишет Г. А. Шенгели: «Прозой сказано «то же», что стихами, но разве действительно то же? Передан лишь обнаженный смысл, но исчезла эмоция, исчезли сжатость и энергия слова, покоряющая взволнованность интонации, а также звуковая орнаментика, звуковые повторы, которыми перекликаются слова, напоминая друг о друге и благодаря этому резче и глубже вступая в сферу сознания» [там же, с. 7–8]. Более того, даже при максимально сходном фактуальном содержании: «Что мне, Онегин, в этой пышности, в мишуре постылой жизни, в моих вечерах, в моём модном доме и в моих успехах в вихре света?» – впечатление от текста всё равно иное. Исчезли ритм, интонация, из-за чего «утратилась особая, им присущая, впечатляющая сила» [там же, с. 8].

Таким образом, мы полагаем, что фасцинационные процессы сводимы к процессам получения информации, а понятия информации и фасцинации, предложенные Ю. В. Кнорозовым в рамках теории сигнализации, подразумевают различные способы обработки информации (рациональный или иррациональный). Фасцинация представляет собой разновидность вербальной информации, вызывающей иррациональную реакцию индивида, за счет воздействия на его отношение к миру. Введение термина «фасцинация» позволит унифицировать терминологию в области анализа художественной терминологии, включающей множество терминов, обозначающих художественные свойства текста (художественная выразительность, эстетическая информация, художественная информация, экспрессивность и др.)

кодированная (представленная и преобразованная) посредством языка часть модели мира для сознательного управления интеллектуальной деятельностью, т.е. частичная архитектура стереотипов; стереотип – закодированный интеллектом повторяющийся элемент в копии мира [10, с. 226–227].

ЛИТЕРАТУРА

1. Агарджанян, Н. А. Нормальная физиология / Н. А. Агарджанян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/normalnaya-fiziologiya-read-355754-14.html>. – Дата доступа: 04.09.2021.
2. Андреева, Г. М. Социальная психология: учеб. / Г. М. Андреева. – М. : Аспект-Пресс, 2003. – 420 с.
3. Бекман, И. Н. Информатика. Курс лекций / И. Н. Бекман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://profbeckman.narod.ru/InformLeks.htm>. – Дата доступа: 07.09.2021.
4. Блейхер, В. М., Крук, И. В. Толковый словарь психиатрических терминов / В. М. Блейхер, И. В. Крук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mreadz.com/read-115036/p312>. – Дата доступа: 04.03.2019.
5. Брудный, А. А. Язык, сознание и действительность [Текст] : Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора философских наук. (620) / АН Кирг. ССР. Отд-ние обществ. наук. – Фрунзе : [б. и.], 1970. – 35 с.
6. Бурлакова, М. И. Собеседование по теории сигнализации / М. И. Бурлакова // Структурно-типологические исследования: сб. статей [отв. ред. Т. Н. Молошная] – М. : Изд-во Академии наук СССР, ин-т славяноведения, 1962. – С. 47–65.
7. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы: монография / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.-Берлин : Директ-Медиа, 2014. – 509 с.
8. Виноградов, В. В. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. В. Виноградов М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
9. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с. (Лингвистическое наследие XX века.).
10. Гордей, А. Н. Лингвистическая пропедевтика / А. Н. Гордей. // Беларусь в современном мире: материалы IV Респ. науч. конф., 28 сентября 2005 г. / редкол.: А. В. Шарапо [и др.]. – Минск : РИВШ, 2005. – С. 226–229.
11. Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск : Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.
12. Гумовская, Г. Н. Ритм как фактор выразительности художественного текста: На материале английского языка / Г. Н. Гумовская. – Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Специальность 10.02.04 – германские языки. – М., 2000. – 324 с.
13. Жеребило, Т. М. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/1327/информация_эстетическая. – Дата доступа: 01.03.2015.
14. Кнорозов, Ю. В. Об изучении фасцинации / Ю. В. Кнорозов // Вопросы языкознания. – 1962. – № 1. – С. 163.
15. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Таллинн : ООО Издательство «ЭКСМО», 2022. – 416 с.
16. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. / Ю. М. Лотман. – М. : Издательство «Искусство», 1970. – 384 с.
17. Марютина, Т. М. Введение в психофизиологию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.studmed.ru/view/maryutina-tm-ermolaev-oyu-vvedenie-v-psihofiziologiyu_02180fe9cd0.html?page=11. – Дата доступа: 02.09.2021.
18. Мечковская, Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов / Н. Б. Мечковская. – М. : Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
19. Норман, Б. Ю. Теория языка. Вводный курс. Учебное пособие / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 296 с.: ил.
20. Основные понятия и определения информатики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.physchem.chimfak.rsu.ru/Source/КТ2012/pages/M02-02b.htm>. – Дата доступа: 02.03.2015.

21. Потебня, А. А. Мысль и язык. Из книги: Потебня, А. А. Слово и миф. / А. А. Потебня. – М. : Издательство «Правда», 1989 – 200 с.
22. Привес, М. Г. Анатомия человека / М. Г. Привес. – М. : Медицина, 1985. – 672 с.
23. Психология. Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского, 2-е изд., испр. и дополн. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.
24. Сельчёнок, К. В. Психология художественного творчества. Хрестоматия / К. В. Сельченко. – Минск : Харвест, 1999. – 752 с.
25. Симонов, В. П. Мотивированный мозг / В. П. Симонов. – М. : Наука, 1987. – 272 с.
26. Соковнин, В. М. Фасцинация. Коммуникация. Общение / В. М. Соковнин. – Екатеринбург : Изд-во Авторской Академии фасциологии, 2010. – 134 с.
27. Ухтомский, А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. – СПб. : Питер, 2019. – 512 с.: ил. – (Серия «Психология. The Best»).
28. Фасции, фасцы, ликторский пучок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://country-osi.narod.ru/italiytext_fascio.html. – Дата доступа: 09.02.2015.
29. Шенгели, Г. А. Техника стиха [Предисл. Л. И. Тимофеёва] / Г. А. Шенгели. – Москва : Гослитиздат, 1960. – 312 с.
30. Эсдейл, Джеймс. Гипноз в Индии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/enc/sovremenniy/1847030.html>. – Дата доступа: 02.03.2015.
31. Sibylle Vaumbach. Literature and Fascination / Sibylle Vaumbach. – Palgrave Macmillan, 2015. – 318 p.

Информация об авторе:

Романовская Елена Викторовна, научный сотрудник ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы» НАН Беларуси.

УДК 004.823

М. И. СВЯТОЩИК

МЕТОД РЕКУРСИВНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В СИНТАКСИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В данной статье рассматривается метод рекурсивной реконструкции в комбинаторной семантике в рамках синтаксического анализа предложений. Метод рекурсивной реконструкции является важным инструментом для анализа и понимания языковых структур и семантики, а также устранения семантической неполноты предложения путём реконструкции её членов. Он основан на принципах комбинаторной семантики и позволяет эффективно анализировать структуру предложений, выявлять смысловые зависимости между словами и выражениями. В статье представлены основные принципы метода рекурсивной реконструкции, а также его применение на практике для анализа предложений.

Ключевые слова: комбинаторная семантика, рекурсия, роли индивидов, семантическая разметка, синтаксический анализ, модель мира, языковая картина мира.

M. I. SVYATOSHCHIK

METHOD OF RECURSIVE RECONSTRUCTION IN THE SYNTACTIC ANALYSIS OF SENTENCES

This article discusses the method of recursive reconstruction in combinatory semantics within the framework of sentence syntactic analysis. The recursive reconstruction method is an important tool for analyzing and understanding language structures and semantics, as well as eliminating semantic incompleteness of a sentence by reconstructing its members. It is based on the principles of combinatory semantics and allows you to effectively analyze the structure of sentences, identify semantic dependencies between words and expressions. The article presents

the basic principles of the recursive reconstruction method, as well as its practical application for sentence analysis.

Keywords: combinatory semantics, recursion, roles of individuals, semantic markup, syntactic analysis, world model, linguistic picture of the world.

Синтаксический анализ предложений является одной из основных задач компьютерной лингвистики. Цель синтаксического анализа – определение структуры предложения, а также выявление связей между словами в предложении. Комбинаторная семантика подразумевает анализ семантического значения предложения, исходя из его структуры и синтаксиса. Метод рекурсивной реконструкции позволяет связать эти две области, что делает его важным инструментом для исследователей в области естественного языка.

Основы рекурсивной реконструкции, как метода синтаксического анализа, были впервые сформулированы А. Н. Гордеем и представляют собой дальнейшее развитие положений комбинаторной семантики. Комбинаторная семантика является лингвистической дисциплиной, которая изучает «отображение языком динамики ролей индивидов в событии» [1]. Положения комбинаторной семантики раскрываются в работах известных белорусских лингвистов, таких как В. В. Мартынов, А. Н. Гордей, Н. И. Руденко и других [2].

Рекурсивная реконструкция может быть использована при анализе рекурсивных предложений – это предложения, содержащие вложенные (рекурсивные) структуры, и для полного анализа необходима реконструкция членов предложения на глубинном уровне. В случае сложной (предикативной) рекурсии результатом такой реконструкции будет целое предложение. Этот метод также позволяет реконструировать пропущенные члены предложения на основе контекста или модели мира и устранить противоречия, которые часто возникают при линейном анализе предложений без учета уровней рекурсии [2].

При проведении рекурсивной реконструкции анализируются все уровни структуры предложения. Поверхностная синтаксическая структура представляет предложение на уровне поверхностного синтаксиса и основательно отражает лексический состав, синтаксические связи и порядок слов в данном предложении. Иногда термин «*поверхностная структура*» может использоваться для обозначения самого предложения, соответствующего данной структуре. Традиционно поверхностная структура подвергается анализу путем выделения составных частей предложения. Под глубинной структурой понимается «структура предложения до его трансформационной истории» [3]. В данном случае для анализа применяется трансформационный метод, который основывается на выводе сложных синтаксических структур из более простых при помощи набора правил преобразования, так называемых трансформаций [2].

Используя методы трансформационной грамматики, восстанавливаем пропущенные члены предложения с опорой на модель мира и языковую картину мира, чтобы фразы соответствовали требованиям очередности, наглядности и простоты. Согласно алгоритму ролей индивидов (список ролей индивидов Теории автоматического порождения архитектуры знаний (ТАПАЗ)), где разграничиваются физические и информационные процессы, а также при

поддержке модели мира и языковой картины мира, мы можем восстановить пропущенные члены предложения. Таким образом, исходное предложение «*Стул сломан*» реконструируется в «*Некто сломал стул*», где «*некто*» – реконструированное подлежащее, отображающее живого индивида в роли субъекта, «*сломан*» – сказуемое, отображающее акцию, а «*стул*» – прямое дополнение, отображающее объект.

В работе А. Н. Гордея «Семантическая разметка события и её отражение средствами китайского и русского языков» (2021) подробно можно ознакомиться и рассмотреть определения ролей индивидов. Автор также представляет анализ семантической разметки события в контексте русского и китайского языков. Исследование включает основные аспекты выявления и описания ролей индивидов в событийных контекстах [4, с. 15–16].

В комбинаторной семантике применяется понятие «*свёртки*», которая означает пропуск составного элемента единицы на определенном языковом уровне [4]. Говоря о свёртке знаков в языке, которая предполагает наличие вложенных конструкций, следует упомянуть о принципе экономии. Этот принцип был сформулирован французским структуралистом Андре Мартине в работе «Принцип экономии в фонетических изменениях» [5, с. 126]. В ней он указывал, что регулирующим фактором в развитии языка является «*принцип наименьшего усилия*» или экономии [там же]. Как отмечает В. В. Мартынов, принцип экономии определяет эллиптичность выражений в естественном языке. До начала речевой коммуникации известно, что собеседник в некоторой степени знаком с ситуацией, о которой будет говориться, поэтому говорящий сокращает текст высказывания (компрессирует код), в надежде, что семантическая нагрузка сохранится в ожидаемом объеме [6, с. 179].

В своих работах о структуре предложения В. В. Мартынов и А. Н. Гордей указывают на неполноту двухчленной структуры предложения (подлежащее + сказуемое), ссылаясь на исследования З. Харриса (1964). Они отмечают, что минимальная ядерная цепочка должна состоять из трех структурных компонентов: субъекта, акции и объекта [5, с. 43]. В связи с этим для полного выражения смысла необходима процедура реконструкции сверхглубинной структуры, которая предполагает восстановление пропущенных элементов предложения на основе расширенной ядерной семантической цепочки "субъект – инструмент – акция – медиатор – объект – продукт" [7, с. 57].

В настоящее время Теория автоматического порождения архитектуры знаний (ТАПАЗ-2) располагает полным набором алгебраически исчисленных ролей индивидов. В декодировании некоторых алгебраических формул и представления их значений в терминосистемах английского и русского языков мы оказали посильное содействие.

Ролевой лист ТАПАЗ-2 составляет следующий кортеж: «*субъект* (инициатор → вдохновитель → распространитель → вершитель) → *инструмент* (активатор → суппрессор → усилитель → преобразователь) → *медиатор* (ориентир → локус → транспортёр → адаптер → акцептор → запас → сепаратор → материал → макет → фиксатор → ресурс → стимул → регулятор → хронотон → источник → индикатор) → *объект* (покрытие →

корпус → прослойка → сердцевина) → **продукт** (заготовка → полуфабрикат → прототип → изделие)» [3, с. 10].

На примере предложения рассмотрим процесс перехода от лексически размеченного текста к его синтаксической структуре, где П – подлежащее, СК – сказуемое, ОБ_{причины} – обстоятельство причины, S – субъект, А – акция, О – объект, М – медиатор, Р – продукт, I – инструмент. Переход может осуществляться в два этапа: сначала происходит переход от исходного варианта текста к восстановленному, а затем – от восстановленного текста к семантике.

Восстановление текста происходит путем реконструкции пропущенных членов предложения с помощью модели мира или языковой картины мира. После этого происходит нормализация синтаксической структуры путем переписывания членов предложения.

Рассмотрим предложение: тоска вызывает заболевание.

Синтаксическая формула исходного предложения примет вид: П+СК+ПД.

При восстановлении текста путём реконструкции пропущенных членов предложения с опорой на модель мира и языковую картину мира предложение приобретает вид:

1. Когда я тоскую, я болею.
2. Болеть – процесс денормализации.
3. Выхлащивание – уничтожения ядра.
4. Некто \ нечто выхлащивает\разрушает меня.
5. Недостаток фасцинационного\информационного ресурса приводит к физической и\или информационной\психической денормализации.
6. Источник – информационный ресурс.
7. Источник – правило, предписание.
8. Вызвать тоску – изъять регулятор – изъять источник.
9. Некто\нечто изымает регулятор, в результате чего происходит моя физическая и\или информационная\психическая денормализация.

Синтаксическая разметка исходного текста в технологии ТАПАЗ:

Некто\нечто (П) изымает (СК) регулятор (ПД), затем (ЗАС) происходит (СК₀) моя физическая и\или информационная\психическая денормализация (П₀).

ОБ_{причины} [П+СК+ПД] П₀+СК₀

Результат восстановления семантической структуры исходного рассматриваемого текста:

Некто (S₁=вершитель) изымает (A₁) регулятор (O₁) у меня (M₁=ориентир) при помощи чего-то (I₁), затем некто (S₂) затемняет (A₂) источник (M₂=источник) в подсознании (O₂) при помощи чего-то (I₂), далее я (S₄=вершитель) тоскую (M₃=индикатор), я (S₄) не реагирую(A₃) на тоску (M₃=индикатор), затем происходит (A₄) моя физическая и\или информационная\психическая денормализация (P₁).

Вывод: индикатор (тоска) сигнализирует о том, что некто\нечто затемнил(о) источник в объекте. Наблюдается, это приводит к психической (информационной) и\или физической денормализации объекта.

Семантическая формула исходного рассматриваемого текста:

$S_1S_2S_3S_4I_1I_2A_1A_2A_3A_4M_1$ =ориентир M_2 =источник M_3 = индикатор $O_1O_2 \longrightarrow P_1$

Поэтому путём использования метода рекурсивной реконструкции стало возможным преодолеть непосредственные противоречия, которые обычно возникают в процессе синтаксического анализа предложений естественного языка, и достичь необходимой полноты и глубины синтаксического описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гордей, А. Н.* Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения / А. Н. Гордей // Пятые научные чтения, посвященные памяти профессоров В. А. Карпова и С. М. Прохоровой, Минск, ГУ, 18-19 марта 2011 г. / редкол. : А. И. Головня [и др.]. – Минск : Бел. Дом печати, 2011. – С. 18–26.
2. *Лещенко, К. И.* Рекурсивная реконструкция в методологическом аспекте / К. И. Лещенко // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. – Минск : МГЛУ, 2019. – № 3 (100). – С. 69–75.
3. *Гордей, А. Н.* Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс / А. Н. Гордей. – Минск, 2007 (CD-ROM).
4. *Гордей, А. Н.* Иностранные языки в высшей школе / А. Н. Гордей / ФГБОУВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина». – Рязань : Редакц.-изд. центр РГУ им. С. А. Есенина, 2021. – Вып. 2 (57). – С. 5–26.
5. *Мартине, А.* Принцип экономии в фонетических изменениях / А. Мартине. – М. : ИЛ, 1960. – 263 с.
6. *Мартынов, В. В.* Категории языка: семиологический аспект / В. В. Мартынов. – М. : Изд-во «Наука», 1982. – 192 с.
7. *Гордей, А. Н.* Теория автоматического порождения архитектуры знаний (ТАПАЗ-2) и дальнейшая минимизация семантических исчислений / А. Н. Гордей // Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем = Open Semantic Technologies for Intelligent Systems (OSTIS-2014) : материалы IV Междунар. науч.-техн. конф. (Минск, 20-22 февраля 2014 года) / редкол. : В. В. Голенков (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУИР, 2014. – С. 49–64.

Информация об авторе:

Святошиц Марина Игоревна – младший научный сотрудник Национальной академии наук Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 811.581.11:39

А. С. СЛЕПЦОВА

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ 生/死

В данной статье проведена структурно-семантическая классификация фразеологизмов с компонентами 生 и 死 в китайском языке. Анализируется разнообразие аспектов жизни и смерти, отраженных в фразеологизмах, их семантические особенности и культурные контексты.

Ключевые слова: фразеологизмы, структурно-семантическая классификация, компоненты 生 и 死, китайский язык, культурные особенности.

A. S. SLEPTSOVA

STRUCTURAL-SEMANTIC CLASSIFICATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COMPONENTS 生/死

This article provides a structural and semantic classification of phraseological units with the components 生 and 死 in the Chinese language. The variety of aspects of life and death reflected in phraseological units, their semantic features and cultural contexts is analyzed.

Keywords: phraseological units, structural-semantic classification, components 生 and 死, the Chinese language, cultural features.

В последнее время у исследователей-лингвистов наблюдается активный интерес к лингвокультурологии и когнитивным исследованиям. Данная тенденция связана не только с развитием лингвистики как науки, но и глобальными общечеловеческими причинами [1]. В настоящее время цивилизованные страны мира принимают участие в глобализационных процессах. Китай занимает лидирующие позиции во многих отраслях, особенно в Республике Беларусь. Сотрудничество этих стран можно назвать крепким и перспективным. Понимая культуру другой страны, можно добиться больших успехов в развитии экономических отношений обоих государств.

Несмотря на явное различие в культурах Беларуси и Китая, есть вещи, которые объединяют обе культуры: развитые концепты событий жизненного цикла человека.

Фразеологизмы, содержащие компоненты 生 и 死, играют важную роль в китайском языке и отражают глубокие культурные и философские убеждения. Исследование структурно-семантической классификации этих фразеологизмов позволяет более глубоко понять их значения, контекст использования и эмоциональную окраску.

В данной статье представлены результаты исследования 100 фразеологизмов, отобранных из китайских словарей и разделенных на три группы:

- 1) фразеологизмы с компонентом 生,
- 2) фразеологизмы с компонентом 死,
- 3) фразеологизмы с компонентами 生 и 死.

Каждая группа была подвергнута структурно-семантической классификации, разделяя фразеологизмы на подгруппы по их семантическим особенностям.

Анализ этих фразеологизмов не только поможет углубить понимание китайской лингвистики, но и раскроет глубокие культурные ценности, связанные с жизнью, смертью, судьбой и человеческими отношениями.

Фразеологизмы с компонентом 死 составили 39%, фразеологизмы с компонентом 生 – 35%, наименее представленной оказалась группа с обоими компонентами – 26%.

В каждой из названных выше групп были выделены семантические подгруппы.

Так, среди фразеологизмов с компонентом 生 выделяются:

1) *Жизнь и жизненная сила.* В этой подгруппе содержится 4 фразеологизма, отражающие различные аспекты жизни: «生机勃勃» – полный энергии и жизненной силы, «生龙活虎» – полный энергии и жизненности, «生气勃勃» – полный энтузиазма и энергии, «舍生取义» – пожертвовать жизнью ради высшей цели или принципа.

2) *Смерть.* Данная подгруппа включает в себя 2 фразеологизма: «生灵涂炭» – распространять смерть и разруху и «生杀予夺» – распоряжаться судьбами.

3) *Богатство и процветание.* В эту подгруппу вошло 5 фразеологизмов: «生财有道» – знать, как богатеть; уметь наживаться, «生意兴隆» – процветание бизнеса, успех в делах, «生米煮成熟饭» и «生财之道» – способ заработка денег, «老蚌生珠» – удача.

4) *Судьба и предопределение.* Данная подгруппа состоит из 2 близких по значению фразеологизмов: «生不逢辰» и «生不逢时» – родиться под несчастливой звездой.

5) *Поведение и характеристика человека.* Эта подгруппа включает в себя 6 фразеологизмов, которые с разных сторон помогают описать поведенческие паттерны человека: «生搬硬套» и «生吞活剥» – копировать без разбора, слепо подражать, «生张熟魏» – распутный, «娇生惯养» – избалованный, неженка, «七窍生烟» – выйти из себя, удивлен и шокирован, «见景生情» – удивляться, вдохновляться.

6) *Неожиданность и необоснованность.* Данная подгруппа состоит из 4 фразеологизмов: «自生自灭» – возникнуть и исчезнуть само по себе, «无中生有» – высосанный из пальца, «无事生非» – устраивать скандал без причины, много шума из ничего, «乐极生悲» – радоваться раньше времени.

7) *Мудрость и знание, талант.* В эту подгруппу вошло 9 фразеологизмов, обладающих положительной коннотацией: «生花妙笔», «生花之笔», «梦笔生花» – талантливый писатель, «生而知之» – призвание (знать от природы), «生公说法, 顽石点头» – красноречивый, «老生常谈» – прописные истины, «後生可畏» – умен не по годам, «别开生面» – освежить что-то старое, «熟能生巧» – овладеть в совершенстве, «蓬荜生辉» – лучшие результаты.

8) *Вечность и длительность.* Данная подгруппа включает в себя 3 фразеологизма: «生生世世» и «生生不息» – из поколения в поколение, «有生以来» – с рождения и всю жизнь.

По результатам проведенной классификации фразеологизмов с компонентом 生 можно сделать вывод о том, что они отражают разнообразие аспектов жизни человека, глубокие философские убеждения, связанные с жизнью, смертью, судьбой и человеческими отношениями в контексте китайской культуры. Классификация фразеологизмов с компонентом 生 раскрывает богатство китайской культуры и ее отношение к жизни, предоставляя уникальный взгляд на ценности и убеждения этой культуры. Касаемо коннотаций приведенных фразеологизмов, можно свидетельствовать о широком спектре эмоциональной окраски, отражая как положительные, так и негативные аспекты жизни, включая радость, трудности, мудрость, неожиданность и долговечность.

Таким образом, проведенная классификация фразеологизмов с компонентом 生 позволяет более глубоко понять уникальные ценности и философские убеждения, связанные с жизнью и смертью в контексте китайской культуры.

Среди фразеологизмов с компонентом 死 также выделено 8 семантических подгрупп:

1) *Смерть и окончательность.* Данная подгруппа включает в себя 7 фразеологизмов: «死不瞑目» – переворачиваться в могиле, «死于非命» – умереть не по своей вине, «死气沉沉» – безжизненный, мертвечина, «死亡无

日» – смерть близко, «死亡枕藉» – множество смертей, «死欲速朽» – хотеть умереть как можно скорее, «不得其死» – умереть не своей смертью.

2) *Упорство и возрождение.* Эта подгруппа является наиболее многочисленной, она включает в себя 11 фразеологизмов, в каждом из которых содержится сема «упрямство»: «死不悔改» – чрезвычайно упрямый, несправимый, «死而后已» – до последнего вздоха, «死灰复燃» – воспрянуть духом, «死皮赖脸» – без зазрения совести, самоуверенно, «死去活来» – до полу-смерти, до бесчувствия, «死心塌地» – решительно, бесповоротно, непоколебимо, «忧患余生» – пройти через трудности и невзгоды, «死乞白赖» – упрямый, упорный, назойливо, «百足之虫, 死而不僵» – даже потеряв силу и власть, некогда могущественный человек все равно обладает влиянием, «不到黄河心不死» – не отказываться от своих надежд (мыслей, замыслов, цели) до самой могилы, «垂死挣扎» – биться перед смертью.

3) *Талант.* В эту подгруппу вошло 3 фразеологизма: «死而不朽» – после смерти оставить после себя след, «死水不藏龙» – талантливые люди не хотят быть забытыми, «豹死留皮人死留名» – оставить имя после смерти. Категория «талант» в китайской лингвокультуре связана с тем, что человек после себя должен оставить след, оставаться «живым» в памяти людей.

4) *Жизнь и смерть.* Данная подгруппа включает 3 фразеологизма, в каждом из которых выделяется оппозиция «жизнь – смерть»: «死里来活里去» – от смерти к жизни, «死人臭一里, 活人臭千里» – жизнь важнее смерти, «不死不活» – ни жив, ни мертв.

5) *Беспомощность, безнадежность.* В эту подгруппу входит 5 фразеологизмов, все они обладают отрицательной коннотацией: «死有余辜» – неискупленная вина умершего, «死狗扶不上墙» – неуважение к успехам, «死无葬身之地» – умереть жалкой смертью, плохо кончить, «哀莫大于心死» – нет большего горя, чем потеря надежды, «半死辣活» – страдание.

6) *Принятие и смирение.* Данная подгруппа состоит из 4 фразеологизмов, все они также обладают отрицательной коннотацией: «死不足惜» – не жалеть о смерти, «死心眼儿» – полное смирение, безразличие, «死猪不怕开水烫» – быть безразличным к чему-либо, «死而无怨» – умереть без сожалений.

7) *Безрассудство* – 1 фразеологизм: «不知死活» – безрассудный, опрометчивый, отчаянная голова.

8) *Жертвенность.* В данную подгруппу вошло 5 фразеологизмов: «死得其所» – отдать жизнь за благородное дело, «死马当作活马医» – не сдаваться до последнего, идти на крайние меры, «不顾死活» – не щадя жизни и презирая смерть; ни о чём не думая, «不自由, 毋宁死» – лучше умереть, чем быть несвободным, «出死断亡» – работает из последних сил, даже идя на верную гибель.

Таким образом, проведенная классификация фразеологизмов с компонентом 死 предоставляет глубокий взгляд на разнообразие аспектов жизни и смерти, отраженных в китайской культуре, позволяя более глубоко понять ценности, убеждения и философские аспекты, связанные с этими понятиями. Анализ классификации фразеологизмов с компонентом 死 позволяет увидеть, как это понятие отражается в китайской лингвокультуре. Разнообразие се-

мантических подгрупп демонстрирует глубокое культурное и философское отношение к понятию смерти и ее влиянию на человеческую жизнь.

В ходе исследования фразеологизмов с компонентами 生 и 死 выделено 5 подгрупп:

1) *Жизнь и смерть*. Данная подгруппа включает 13 фразеологизмов: «生老病死» – жизненный цикл: рождение, старость, болезни, смерть, «生死之交» – дружба до гробовой доски, «生死存亡», «生死攸关», «生死关头» – вопрос жизни или смерти, «生寄死归» – не бояться смерти, не дорожить жизнью, «生死肉骨» – воскрешать из мёртвых, «出生入死» и «出入生死» – всю жизнь; с риском для жизни, «百死一生» – на грани смерти, «爱之欲其生, 恶之欲其死» – желать долголетия тому, кого любишь, желать смерти тому, кто ненавистен, «半死半生» – полумертвый, «长生不死» – бессмертный,

В данных фразеологизмах наблюдается оппозиция «жизнь – смерть».

2) *Судьба и предопределение* – 4 фразеологизма: «生于忧患, 死于安乐» – родиться в бедности, умереть в богатстве, «生不带来, 死不带去» – родился без чего-либо, умер без чего-либо, «生当做人杰, 死亦为鬼雄» – живи как герой, умирай как легенда, «生死有命, 富贵在天» – от судьбы не уйдешь, «生死与共» – жить и умереть вместе, общая судьба.

3) *Поведение и характеристика человека*. В эту подгруппу вошло 3 фразеологизма: «醉生梦死» – жить сегодняшним днём; влачить бесцельное существование, «死生荣辱» – честь и позор, «爱生恶死» – отвратительный.

4) *Выживание* – 3 фразеологизма: «死而复生» – воскреснуть из мертвых, «死里逃生» – спастись от неминуемой гибели; вырваться из когтей смерти, «死中求生» – найти возможность спастись от неминуемой гибели.

5) *Другое*. В данную подгруппу включены 3 фразеологизма, которые нельзя отнести к вышеперечисленным подгруппам: «生离死别» – расставаться навеки; жить в вечной разлуке; вечная разлука, «生死不渝» – оставаться верным (чему-либо) до самой смерти.

Исследование фразеологизмов с компонентами 生 и 死 представляет уникальную возможность погружения в глубокие концепции жизни, смерти и судьбы в контексте китайской культуры. Это исследование расширяет наше понимание разнообразных аспектов человеческого бытия, отразив важность этих понятий в культуре и философии Китая.

Исходя из проведенной классификации фразеологизмов с компонентом 生 и 死, можно сделать вывод о разнообразии семантических подгрупп, выделяющих различные аспекты жизни, смерти, судьбы, характеристик человека и других значимых аспектов. Фразеологизмы с компонентом 生 отражают такие аспекты, как жизнь и жизненная сила, смерть, богатство, судьба, поведение, неожиданность, мудрость, знание, талант и вечность. В то же время, фразеологизмы с компонентом 死 выделяются по семантическим подгруппам, таким как смерть, упорство, талант, жизнь и смерть, беспомощность, принятие, безрассудство и жертвенность. При этом исследование выявило 5 общих подгрупп для обеих категорий, включая жизнь и смерть, судьбу, поведение, выживание и другие аспекты. Таким образом, проведенное исследование позволяет увидеть разнообразие и сходство в отражении различных аспектов жизни и смерти в контексте фразеологизмов с компонентами 生 и 死.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангелова, М. М. «Концепт» в современной лингвокультурологии / М. М. Ангелова // Сб. науч. тр. / МГПУ. – М., 2004. – Вып. 3 : Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. – С. 3 – 10.

Информация об авторе:

Слепцова Анастасия Сергеевна – студент факультета китайского языка и культуры Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК [811.111'25+811.581]'371(045)

П. В. СТРЕЛЬЧЕНЯ

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ИНОСТРАННЫХ БРЕНДОВ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК С СОХРАНЕНИЕМ КОННОТАЦИИ ОРИГИНАЛЬНОГО НАИМЕНОВАНИЯ

В данной работе автор рассматривает и определяет наиболее эффективные методов перевода брендовых наименований на китайский язык, сохраняя при этом особенности оригинальной брендовой коннотации иностранной компании.

Ключевые слова: брендинг, нейминг, брендовое наименование.

P. V. STRELCHENYA

PECULIARITIES OF TRANSLATING ENGLISH-LANGUAGE NAMES OF FOREIGN BRANDS INTO CHINESE WHILE PRESERVING THE CONNOTATION OF THE ORIGINAL NAME

In this paper, the author examines and identifies the most effective methods of translating brand names into Chinese while preserving the features of the original brand connotation of the foreign company.

Keywords: branding, naming, brand name.

В современном мире реклама проникает во все сферы жизни, что увеличивает спрос на качественный перевод рекламных текстов. Данные тексты имеют свою специфику и формируют отношение к рекламируемому объекту. Реклама как маркетинговый инструмент рассматривается в качестве составной части процесса создания бренда компании – брендинга. В свою очередь одной из определяющих частей маркетинговой стратегии компании, а также главным знаком идентификации любого бренда, который активно репрезентируется в рекламе, является его брендовое наименование, которое выбирается в процессе выбора названия бренда – нейминге.

Нейминг как составляющая часть процесса брендинга синтезирует культурологические, психологические, лингвистические и маркетинговые основы и способствует стимулированию потребительского спроса. Семантическое поле бренда создается в сознании целевой аудитории и укрепляется посредством имени бренда. В результате формируется образ бренда как отображение индивидуального восприятия товара, услуги или компании. Нейминг относится к одному из инструментов брендинга, тем самым он способен содей-

ствовать долгосрочному потенциалу бренда, а его лингвистические аспекты придают имени новый семантический оттенок [1].

Перевод названий брендов – это не просто дословный или фонетический перевод. Необходимо учитывать эстетическую психологию народа и виды товаров. При переводе главным образом в рекламных целях подбираются такие иероглифы, которые бы привлекали внимание потребителей и передавали положительный смысл. Это, например, можно проследить в названии напитка *кока-кола*, которое записывается иероглифами 可口可乐 (‘каждый глоток приносит радость’), а пепси-кола 百事可乐 (‘сто дел и все успешны’).

Ошибки в переводе могут привести к курьезным ситуациям:

Так, в 60-е годы XX века компания Pepsi вышла на китайский рынок и предприняла попытку адаптировать свой слоган: «Pepsi – для тех, кто чувствует себя молодым» (англ. «Now It's Pepsi for Those Who Think Young»), получив в результате на китайский весьма сомнительный призыв «Новое Pepsi – для людей с детским умом». В результате продажи напитка существенно сократились. Позже компания предложила другой вариант слогана: «Оживись вместе с Pepsi» (англ. «Come Alive With the Pepsi»). Однако и эта попытка потерпела неудачу. Дословный перевод на китайский язык гласил: «Pepsi достанет твоих предков из могил». Третья попытка также потерпела фиаско: вместо фразы «Живи с поколением Pepsi» (англ. «Come alive! You're in the Pepsi generation») китайские потребители с удивлением прочитали «Пробудитесь! Ваше тело будет состоять из Pepsi!». В данном случае переводчик при переводе рекламного текста не учел языковой и культурно-этнической барьеры между английской и китайской аудиториями.

Перевод имен собственных зачастую представляет собой достаточно сложную задачу по нескольким причинам: во-первых, некоторые виды имен собственных, например, **торговые марки, обычно несут в себе определенный смысл**, призваны вызывать у человека определенные ассоциации с товаром, **при этом очень лаконичны** и обладают **запоминающимся звучанием** – сочетание характеристик, которое в большинстве случаев не может сохранить перевод. Вторая особенность, связанная непосредственно с переводом имен собственных на китайский язык, – это тот факт, что практически **все слоги обладают определенным значением**, следовательно, во время выбора иероглифов при фонетическом переводе имен собственных переводчик должен не только передать звучание иностранного слова средствами китайского языка, но и подобрать их таким образом, чтобы в переводе сохранялась семантико-стилистическая целостность и адекватность [2].

Кроме того, стоит учитывать и тот фактор, что в силу различия языковых структур длина китайского и европейского слова существенно различается. В современном китайском языке слово обычно состоит из двух-трёх иероглифов. При переводе европейских названий вновь образованное китайское слово включает большое число знаков (например, Nestle 内斯特列), поэтому необходимо осуществить перевод таким образом, чтобы новое имя бренда соответствовало языковой традиции, т. е. состояло из двух-трёх знаков, привычных для носителя китайского языка. Всё это в целом и определяет трудности перевода и адаптации названий брендов к китайскому языку.

Для выяснения, какой из способов заимствования является наиболее эффективным и соответствующим китайской языковой традиции, мы рассмотрели основные методы перевода названий товаров на китайский язык, опираясь на классификацию заимствований по учебному пособию А. Л. Семенас, в котором описываются 4 основных способа:

1. Фонетический. Пожалуй, один из самых популярных способов перевода заимствованных слов в китайском языке. Считается, что 33 в китайском языке насчитывается более 900 заимствованных слов с тибетского, монгольского и западных языков. Явное фонетическое заимствование мы можем заметить в названии химических элементов, иностранных лекарств, брендовых марок, научных терминов. Чаще всего такие заимствованные слова не несут в себе смысловой нагрузки, из-за чего их очень трудно запомнить. Но в последнее время стало популярно совмещать фонетический и смысловой перевод. Например, название брендового напитка «Кока-Кола» на китайском рынке изменялось не один раз.

2. Калькирование или семантическое заимствование. Данный метод нашел широкое применение в китайском языке, главным образом из-за того, что для китайцев значение иероглифов играет куда более важную роль, чем их звучание, что значительно отличается от русского языка (в русском языке заимствованные слова обычно транскрибируются). Многие заимствованные слова на были переведены на китайский язык фонетическим способом, но в последующем было решено использовать калькирование. К примеру, «телефон» раньше кит. 德律风, сейчас кит. 电话.

3. Гибридный способ:

1) фонетически-семантического характера (китайская морфема + фонетическая замена), например, образование слова с помощью 卡 kǎ (от англ. card). 生日卡 (день рождения + открытка) – открытка на день рождения;

2) семантически-фонетического характера (фонетическая замена + китайская морфема), например, образование с помощью смыслового иероглифа 星 xīng и фонетической части 巴克 bākè названия сети кофеен Starbucks 星巴克;

3) объединение фонетического заимствования и родового слова; при этом родовое слово выступает в качестве классифицирующего компонента –

沙丁鱼 shādīngyú – сардина, 吉普车 jípǔchē – джип, 啤酒 píjiǔ – пиво.

4. Графический способ представлен словами современного китайского языка, записанными полностью или частично буквами иностранных алфавитов:

1) полные буквенные слова английского происхождения в китайском языке полностью совпадают с формами написания или произношения исходных слов: iPhone – 爱疯, 中央处理器; OPEC – 欧佩克 石油输出组织;

2) частичные буквенные слова представляют собой китайские иероглифические знаки, в состав которых могут входить английские графемы и цифровые обозначения: 手机 APP, U 盘, IMAX 3D 电影 [1].

В современном переводческом дискурсе активно изучается вопрос о приёмах перевода иностранных брендов на китайский язык, отмечается, что основными приёмами перевода являются транслитерация, калькирование, семантические добавления и т. д. Однако насколько тесно взаимосвязаны особенности перевода наименований компаний на китайский язык и их ней-

минга? Например, В. Королёва указывает, что «несмотря на многообразие способов заимствования лексики, такие заимствования – фонетические с семантическим оформлением – остаются актуальным и востребованным инструментом нейминга в китайском языке [3].

С целью определения наиболее часто используемых и эффективных методов перевода названий иностранных компаний на китайский язык автором данной статьи была рассмотрена выборка из 15 адаптированных наименований известных мировых компаний из различных отраслей промышленности.

В результате рассмотрения названий брендов было выяснено, что наибольшее количество наименований переводятся именно при помощи фонетического, а также фонетико-семантического способов. Относительная редкость использования семантически-фонетического способа является результатом смысловой вариативности наименований зарубежных брендов, что в значительной мере затрудняет применения данной словообразовательной модели, поскольку конечной целью является сохранение презентабельности и схожести исходного и переведённого вариантов наименования в рекламных целях.

В таблице 1 приведены примеры заимствования наименований, осуществленных каждым из вышеприведённых способов.

Таблица 1 –Примеры заимствования наименований

Калькирование	Фонетический	Гибридный (фонетический + семантический)	Аббревиация
1) 果汁先生 (guǒzhī xiānsheng) Mr. Juicy	1) 沃尔沃 (wò wò ěr) Volvo	1) 忠车 (zhōng chē) MICHELIN “忠心”的“忠”	1) 宝马 BMW “宝贵”的”宝”
2) 露得清 lòudéqīng Neutrogena	2) 麦当劳 (màidāngláo) McDonald’s	2) 乐事 LAYS 快乐的“乐” 意思是“快乐的事”	2) 瓦斯 (wǎsī) BA3
3) 威猛先生 wēiměng Xiānsheng Mr. Muscule	3) 海飞丝 (hǎifēisī) Head & Shoulders	3) 宜家 “IKEA” “宜室宜家” 成语的一部分	3) 肯德基 (Kěndéjī) KFC
4) Nestle – 雀巢		4) 佳能 jiānéng Canon (японская компания)	
5) Microsoft – 微软		5) 惠普 huìpǔ Hewlett-Packard, HP (американский производитель электроники)	

Таким образом, в процессе нейминга бренда крайне важным является процесс адаптации исходного названия не только к фонетическому строю китайского языка, но и к семантическому пространству, сформировавшемуся на основе традиционной китайской культуры. Для выполнения данного условия автор статьи находит наиболее эффективным применение гибридного фоне-

тически-семантического способа заимствования иностранной лексики, поскольку именно он позволяет одновременно сохранить звучание исходной версии бренда, и в то же время создать новое значение с учетом китайского семантического пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куминская, Я. А. Особенности нейминга в формировании бренда компании / Я. А. Куминская, Е. О. Криворотько // Молодой ученый. – 2014. – № 21 (80). – С. 360–363.
2. Королева, В. Особенности перевода названий брендов и слоганов на китайский язык / В. Королева // Студия культуры. – 2017. – № 3 (33). – С. 67–74.
3. Дубкова, О. В. Особенности перевода названий брендов и слоганов на китайский язык / О. В. Дубкова, А. В. Захарова // Язык и культура. – 2021. – № 55. – С. 22–40.
4. Перфильева, Н. В. Способы ассимиляции английских заимствований в китайский язык / Н. В. Перфильева, Х. Пэйпэй // Вестник РУДН. – 2018. – Т. 9, № 2. – С. 287–301.
5. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка / А. Л. Семенас. – М., 2005. – 310 с.
6. Фролова, Л. В. Особенности перевода иностранных имен собственных на китайский язык / Л. В. Фролова // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния: материалы III Международной научно-практической конференции, г. Благовещенск, 01–15 ноября 2011 года / под ред. Н. Л. Глазачевой [и др.]. – Благовещенск, 2011. – С. 43–46.

Информация об авторе:

Стрельчя Павел Вадимович – студент факультета китайского языка и культуры Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 339.926

П. В. СУДАКОВА

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ КИТАЯ: ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПРЕДКОВ В МОЛОДЕЖНОЙ МОДЕ

Рассматривается влияние культурного наследия на молодежную моду Китая в контексте истории и современности; проводится анализ как элементы традиционной китайской одежды, узоры, вышивка, цвета и символика интегрируются в современные коллекции, а также как западные модные тенденции влияют на китайскую молодежную моду.

Ключевые слова: культурное наследие, национальная идентичность молодежи, узоры, вышивка.

P. V. SUDAKOVA

NATIONAL TRADITIONS AND MODERNITY OF CHINA: REFLECTION OF THE CULTURAL HERITAGE OF ANCESTORS IN YOUTH

The work examines the influence of cultural heritage on Chinese youth fashion in the context of history and modernity. An analysis is made of how elements of traditional Chinese clothing, patterns, embroidery, colors and symbolism are integrated into modern collections, as well as how Western fashion trends influence Chinese youth fashion.

Keywords: cultural heritage, national identity of youth, patterns, embroidery.

В мире современной моды часто наблюдается влияние национальных культур и традиций. Китай, будучи одним из крупнейших и наиболее влиятельных культурных центров, привлекает большое внимание в этом контексте. Мо-

лодежная мода является важным аспектом современной культуры и имеет значительное влияние на формирование образа жизни и самовыражение молодых людей. Поэтому изучение того, как культурное наследие предков отражается в молодежной моде, представляет интерес для понимания современных культурных тенденций. Следовательно, данная работа актуальна, так как она позволяет рассмотреть влияние культурного наследия на современную молодежную моду в контексте китайской культуры, важной и влиятельной в мировом масштабе.

Современное общество, однажды увязшее в вихре массовой глобализации, непрерывно стремится найти баланс между сохранением уникальной национальной и культурной идентичности и влиянием внешних культурных тенденций. Концепция «Национальные традиции и современность Китая: как в молодежной моде отражается культурное наследие предков» представляет собой актуальное исследование, направленное на анализ влияния культурного наследия предков на современную молодежную моду в Китае.

С учетом растущего внимания к мировой моде и культурному наследию традиционных обществ, изучение взаимосвязи между национальными традициями и современностью в контексте молодежной моды становится предметом повышенного интереса исследователей. В этой связи, данная работа направлена на выявление отражения китайского культурного наследия в современной молодежной моде, а также анализ влияния этого отражения на формирование индивидуальной и коллективной идентичности современных китайских подростков и молодых людей.

Настоящее исследование представляет собой значимый вклад в понимание влияния культурного наследия на современное общество, а также обеспечивает основу для дальнейшего изучения и развития темы в контексте культурных и социальных наук.

История китайской молодежной моды и культурные традиции. В разные исторические периоды в Китае молодежь принимала и модифицировала традиционную одежду, украшения и стили в соответствии с социокультурными изменениями и модными тенденциями. Вот несколько конкретных примеров элементов традиционной китайской одежды, украшений и стилей, которые были популярны среди молодежи в разные исторические периоды:

Рис. 1. Чуньсям

1. Чуньсям (qipao) – традиционное китайское платье, изначально носимое женщинами в династии Цин, стало популярным среди молодежи в 20-30 гг. XX в., когда модное движение "Новая культурная движения" (New Culture Movement) привнесло изменения в традиционный китайский стиль (рис. 1).

2. Маньпо (mandarin collar) – высокий воротник, характерный для традиционной китайской одежды, стал популярным среди молодежи в 60-х гг.

как символ национального возрождения и патриотизма (рис. 2).

3. Традиционные узоры и вышивка – в разное время различные узоры и вышивки, такие как драконы, фениксы и цветы, были популярны среди молодежи как способ подчеркнуть национальную и культурную идентичность.

4. Философия цвета – использование традиционных цветов, таких как красный, желтый, черный и зеленый, было часто принято молодежью в разные исторические периоды для создания модных образов, в которых отражалась культурная наследие.

Эти элементы являются лишь некоторыми примерами того, как традиционная китайская одежда и стили популяризовались среди молодежи в разные исторические эпохи, отражая изменяющиеся модные тенденции и социокультурные контексты [1]. Интеграция западных модных тенденций и стилей в китайскую молодежную моду имеет богатую историю и оказала значительное влияние на культуру и общество Китая. В разные исторические периоды происходили различные изменения и трансформации, отражающие влияние западной моды на китайскую молодежную моду:

1. В период Опиумных войн и Тайпинского восстания в середине XIX в. Китай столкнулся с военным и культурным вторжением Запада. Это привело к внедрению западной моды в китайскую культуру, включая элементы западной одежды, резко отличающиеся от традиционной китайской одежды.

2. В 20-х и 30-х годах XX в. западные модные тенденции, включая стиль ар-деко и модуль, начали оказывать влияние на моду молодежи в Китае, принося новые силуэты, ткани и украшения.

3. В 80-е гг. в Китае начался период реформ и открытости, что вызвало всплеск западной культуры и моды. Это привело к внедрению более свободных силуэтов, ярких цветов и эстетики уличной моды, а также популяризации марок западной одежды среди китайской молодежи.

4. В современности с развитием интернета и социальных медиа, западные модные тенденции быстро распространяются среди китайской молодежи, поддерживая современные тренды и стили.

Эти изменения в молодежной моде свидетельствуют о постоянном влиянии западной моды на китайскую молодежную моду, формируя разнообразие стилей и предпочтений среди молодежи в Китае.

Символика и элементы китайских традиций в молодежной моде. В современной молодежной моде Китая можно четко проследить отражение различных элементов культурного наследия. Некоторые из них включают:

1. Традиционные китайские узоры и вышивка. Многие модные дизайнеры включают традиционные китайские узоры и вышивку в свои коллекции. Например, узор «древо жизни» (День Ли) и узор дракона часто используются в современных коллекциях, чтобы придать одежде узнаваемый китайский стиль.

2. Традиционные цвета. Красный, желтый, черный и зеленый – цвета, которые имеют глубокие культурные значения в традиционной китайской культуре, часто используются в современной молодежной моде для создания образов, которые отражают культурное наследие.

3. Типичные элементы одежды. Некоторые элементы традиционной китайской одежды, такие как яке, чайкао и ципао, регулярно встречаются в со-

Рис. 2. Маньпо

временных коллекциях. Однако, в современной моде эти элементы часто модернизируются и адаптируются к современным стилям.

4. Символика. Многие символы, такие как дракон, феникс, символ удачи «福» (fu) и другие, тесно связанные с китайской культурой, также используются в современной молодежной моде в качестве украшений или декоративных элементов.

Эти элементы китайского культурного наследия олицетворяют богатство и красоту китайской культуры, и их включение в современную молодежную моду служит важным способом сохранения и продвижения китайских традиций в современном обществе.

Инновации и трансформации в молодежной моде. В современной молодежной моде в Китае культурное наследие подвергается изменениям и инновациям, преобразуясь под влиянием современных тенденций и стилистических предпочтений. Это проявляется в интеграции традиционных элементов в коллекции современных китайских дизайнеров и молодежных брендов, создавая стильные и современные образы. Некоторые способы, которыми это осуществляется, включают:

1. Модернизация традиционных силуэтов: дизайнеры сохраняют основные черты традиционной китайской одежды, такие как ципао или яке, но модифицируют их силуэты, материалы и детали, чтобы создать современные и эстетичные образы. Это позволяет сохранить узнаваемость культурного наследия, при этом адаптируя его к современным требованиям моды.

2. Эксперименты с традиционными узорами и вышивкой: Дизайнеры интегрируют традиционные китайские узоры и вышивку в современные дизайнерские решения, создавая уникальные и стильные комбинации, которые при этом сохраняют культурную аутентичность.

3. Использование традиционных цветов и материалов: Многие молодые дизайнеры уделяют внимание использованию традиционных китайских цветов и материалов, таких как шелк, бродерии или бамбуковые ткани, чтобы придать своим коллекциям аутентичность и уникальность.

Влияние молодежной моды на формирование культурной идентичности. Влияние молодежной моды, отражающей культурное наследие предков [2], на формирование культурной и национальной идентичности современной китайской молодежи является значительным и охватывает несколько аспектов.

1. Самовыражение и укрепление идентичности: Молодежная мода, вдохновленная культурным наследием, дает молодым людям возможность выражать свою культурную и национальную идентичность через выбор стиля и одежды. Например, молодежь может выбирать традиционные элементы в своих нарядах, такие как узоры, цвета и силуэты, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к китайской культуре и традициям.

2. Принятие культурных ценностей: Через моду молодежь может погружаться в историческое и культурное наследие своего народа, изучая традиционные узоры, символику и исторические элементы одежды. Это способствует уважению к собственной культуре и стимулирует интерес к ее сохранению и развитию.

3. Переосмысление традиций: Современные молодые дизайнеры и творческие личности вместе с молодежными брендами активно переосмысливают традиционные элементы для создания современных стилей. Это создает новые культурные нормы и тенденции, предлагая интерпретацию традиций в новом ключе.

Примером может служить популярность модельера Гуо Пэнга (Guo Pei), который известен своим воссозданием традиционных китайских элементов в своих роскошных и современных коллекциях. Также можно упомянуть рост популярности стиля «中山装» (zhongshan zhuang), который представляет собой модернизированную версию традиционной китайской одежды, что стимулирует интерес к культурному наследию среди молодежи.

Исходя из вышеизложенного, молодежная мода, отражающая культурное наследие, играет важную роль в формировании культурной и национальной идентичности современной китайской молодежи, стимулируя самовыражение, принятие культурных ценностей и переосмысление традиций.

В ходе исследования «Национальные традиции и современность Китая: как в молодежной моде отражается культурное наследие предков» было обнаружено значительное влияние культурного наследия на современную молодежную моду в Китае. Различные аспекты традиционной китайской культуры, такие как узоры, цвета, элементы одежды и символика, активно интегрируются в современные коллекции и стили, влияя на формирование культурной и национальной идентичности среди молодежи.

Модернизация традиционных элементов в современной молодежной моде позволяет молодежи выражать свою культурную принадлежность и индивидуальность. Примером такого влияния может служить популярность использования традиционных китайских узоров и цветов в современных дизайнерских коллекциях, что отражает стремление сохранить культурное наследие и привлекает внимание молодежи к своим корням.

Кроме того, модернизация традиционных элементов также способствует развитию модной индустрии Китая и укреплению места китайской культуры на мировой модной арене. Примером такого влияния может служить успех китайских дизайнеров, которые смело интегрируют традиционные элементы в свои коллекции и завоевывают мировое внимание.

В целом, подобные инновации в молодежной моде отражают живое взаимодействие между культурным наследием и современными тенденциями, способствуя сохранению и развитию китайской культуры в динамичной современной среде, а также способствуя интеграции традиционных ценностей в современное общество, что создает богатство культурного наследия Китая.

В результате проведенной работы было показано, что национальные традиции играют значительную роль в современном обществе Китая, особенно в контексте моды и молодежной культуры. Использование элементов культурного наследия предков в молодежной моде воспринимается как способ сохранения и продвижения уникальной китайской идентичности. Одновременно, данная работа подчеркнула важность баланса между сохранением традиций и их адаптацией к современным условиям, что способствует развитию культурного наследия и его увековечиванию в современном обществе.

Таким образом, мода активно отражает культурное наследие предков, обогащает современную культуру и способствует формированию культурной и национальной идентичности современной китайской молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цзин, Ян. Отражение китайских традиционных культурных ценностей в современной одежде / Ян Цзин // Человек и культура. – 2023. – № 2. – С. 1–14. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-kitayskih-traditsionnyh-kulturnyh-tsennostey-v-sovremennoy-odezhde>. – Дата доступа: 14.06.2024.

Информация об авторе:

Судакова Полина Вячеславовна – учащаяся филиала МГЛУ «Лингвогуманитарный колледж», г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 811.581'37+811.581'35

СЯО И

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИДЕОГРАММ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ЦЗЯГУВЭНЬ

В статье описаны семантические характеристики идеограмм (会意字) китайской письменности Цзягувэнь. Определено, что структурно идеограммы Цзягувэнь представляют собой соединение из двух или трех смысловых компонентов. Семантически графические компоненты, включенные в структуру идеограмм, обозначают понятия, связанные с человеком, обществом и природой.

Ключевые слова: идеограмма, иероглиф, смысловой компонент, семантическая классификация, Цзягувэнь.

XIAO YI

SEMANTIC ANALYSIS OF THE IDEOGRAMS OF THE CHINESE JIAGUWEN SCRIPT

The article examines the structural and semantic characteristics of the ideograms (会意字) of the Chinese Jiaguwen script. It is determined that structurally Jiaguwen ideograms are a combination of two or three semantic components. Semantically, the graphical components included in the structure of ideograms denote concepts related to man, society and nature.

Keywords: ideogram; character; semantic component; semantic classification; Jiaguwen.

Цзягувэнь является одним из важнейших этапов формирования и анализа китайской иероглифической письменности, что позволяет ученым выявлять как факты и особенности ранней китайской истории, так и важнейшие данные относительно общественных формаций древнего Китая эпохи династии Шан.

Открытие письменности Цзягувэнь в 1899 г. стало революционным в области исследования иероглифики китайского языка и дало большой толчок для начала развития грамматологической науки (中国文字学). Благодаря трудам первых ученых – исследователей Цзягувэнь [2, с. 5] был создан научно-исследовательский метод двойного доказательства (археология+литература) («二重证据法»), который стал крепким фундаментом для последующего анализа иероглифов разных периодов.

Интерес к изучению иероглифики периода Цзягувэнь не только в Китае, но и во всем мире не угасает по сей день. Так, например, Ван Говэй (王国维),

Го Можо (郭沫若), Ло Чжэньюй (罗振玉), Дун Цзобинь (董作宾) и другие исследователи письменности Цзягувэнь сделали немало открытий относительно семантических значений основных логограмм, а также диахронических связей между иероглификой Цзягувэнь и знаками последующих этапов развития китайской письменности [3, 7].

Во второй половине XX века ученые (Сюй Чжоншу (徐中舒), Цзоу Сяоли (邹晓丽), Юй Синьву (于省吾), Ли Сяодин (李孝定) и др.) осуществили систематизацию и толкование иероглифических знаков Цзягувэнь посредством грамматологического и контекстного анализа, создали словари иероглифов Цзягувэнь, отредактировали этимологический словарь китайских иероглифов с уже известными данными до эпохи Цзягувэнь [3, 5, 6, 11].

В XXI веке Ли Цзункунь (李宗焜), Чжао Чэн (赵诚), Гу Янькуй (谷榭奎), Ли Сюэцин (李学勤) совершенствовали систематизацию и толкование иероглифических знаков Цзягувэнь на основе новых открытий в археологии и инновационных методов научного исследования [2, 9, 12, 13].

Изучение иероглифики письменности Цзягувэнь явилось одним из ведущих научных направлений исследований и для японских учёных (Линь Тайфу (林泰辅), Бай Чуаньцзин (白川静), Дао Бан'нань (島邦男) и др.) [2, 14].

Научную общественность западного мира с этим уникальным письмом познакомил канадский синолог Джеймс Меллон Мензис (James Mellon Menzies), опубликовавший в 1917 г. монографию на английском языке о гадательных текстах Цзягувэнь. Большой вклад в изучение китайской письменности периода Цзягувэнь внесли и русскоязычные ученые, такие как, например, М. В. Крюков, Е. Е. Жукова, О. М. Готлиб, В. Ф. Резаненко и др. [15, 16, 17].

В китайской иероглифической письменности Цзягувэнь понятие «идеограмма» определено, прежде всего, с точки зрения структуры: это сложно-составной иероглиф, соединяющий два или более смысловых компонента. С точки зрения семантики, объединяющим принципом идеограмм является признание того, что данный тип иероглифов представляет собой соединение исключительно смысловых компонентов и не затрагивает звуковую сторону знаков. К примеру, 𠄎 (последующая форма 祝) 'главный человек в процессе жертвоприношения' = 礻 (礻) 'алтарь' + 兄 (兄) 'старший брат'. Идеограммы китайской письменности Цзягувэнь являлись основным способом создания иероглифов.

Путем сплошной выборки из словарей «甲骨文字典» (Словарь иероглифов Цзягувэнь) и «甲骨文字集释» (Собрание иероглифов Цзягувэнь) [5, 6] нами были отобраны 289 идеограмм. С целью верификации данных полученные списки были сопоставлены нами со списками идеограмм, указанными в диссертации «甲骨文会意字研究» (Анализ идеограмм Цзягувэнь) (260 единиц), а также в диссертации «已释甲骨文会意字研究» (Анализ идеограмм Цзягувэнь с толкованием) (226 единиц) [7, 8].

Структурный анализ 289 идеограмм китайской письменности Цзягувэнь показал, что идеограммы составлялись из двух или трех смысловых компонентов. В частности, наибольшее число знаков (269 идеограмм, 93%) вклю-

чает два смысловых компонента. Например, идеограмма (последующая форма 君) ‘монарх’ = 尹 ‘правая рука со скипетром’ + 口 ‘рот’. Наименее распространены (20 идеограмм, 7%) трехкомпонентные иероглифические знаки. Например, идеограмма (последующая форма 變) ‘поиск’ = 宀 ‘крыша’ + 又 ‘правая рука’ + 火 ‘огонь’¹.

Семантический анализ отобранных 289 идеограмм Цзягувэнь показал, что могут быть выделены 5 семантических категорий знаков.

Первая категория – это идеограммы, именующие объекты различного типа. Например, в идеограмме (последующая форма 兵) ‘оружие’ соединены смысловые компоненты 斤 ‘топор’ и 廾 ‘пара рук’. В понимании носителей языка семантический элемент 廾 ‘пара рук’ может представлять собой инструмент для номинации понятия связанного с важным и цельным объектом. См. также: 典 (典) ‘документ’ = 册 (册) ‘бамбуковая книга’ + 廾 ‘пара рук’; 宋 (宋) ‘постоянное жилье’ = 宀 (宀) ‘крыша помещения’ + 木 (木) ‘дерево’; 黍 (黍) ‘просо’ = 禾 ‘сельскохозяйственные культуры’ + 水 ‘вода’ и др. [4, 6].

Вторая группа – это идеограммы, именующие субъекты различного типа. Например, идеограмма (孫) ‘внук, внучка’ включает смысловые компоненты 子 (子) ‘ребенок’ и 系 (系) ‘нить’, образована именно таким образом потому, что компонент 系 ‘нить’ обозначает признак поколения – «внуки», а 子 ‘ребенок’ репрезентирует субъект. К данной группе также могут быть отнесены следующие знаки: 妻 (妻) ‘жена’ = 女 (女) ‘женщина’ + 又 (又) ‘правая рука’; 男 (男) ‘аристократ низкого уровня, мужчина’ = 田 (田) ‘поле’ + 力 (力) ‘плуг, сила’; 雀 (雀) ‘воробей’ = 小 (小) ‘маленький’ + 隹 (隹) ‘птица с коротким хвостом’ и др. [2, 4].

Третья группа представляет собой идеограммы, именующие процессы или действия. Например, 戡 (戡) ‘уничтожить по приказу’ – это идеограмма со смысловыми компонентами 戍 (戍) ‘томагавк’ и 口 (口) ‘рот’. Смысловой компонент 口 ‘рот’ часто представляет собой репрезентант инструмента для выражения понятия, связанного с приказом и управлением, а компонент 戍 ‘томагавк’ означает «оружие в войне». Сочетание данных семантических элементов для древних людей выражало понятие «уничтожить по приказу». См. также: 祭 (祭) ‘жертвоприношение’ = 示 (示) ‘алтарь’ + 又 (又) ‘правая рука’ + 肉 (肉) ‘мясо’; 斫 (斫) ‘рубить (дерево)’ = 木 (木) ‘дерево’ + 斤 ‘топор’; 各 (各) ‘прибывать’ = 攴 (攴) ‘ступня вниз’ + 厶 (厶) ‘грот, углубление’ и др. [2, 6].

Четвертый семантический тип – это идеограммы, именующие признаки или состояния. Например, идеограмма 古 (古) ‘древний’ включает смысловые компоненты 中 ‘ларец для бамбуковых книг’ и 口 (口) ‘рот’. Их соединение в понимании древних китайцев позволило описать признак «древность», когда события можно было передавать с помощью письменных записей. См. также: 幽 (幽) ‘темно, неясно’ = 山 (山) ‘гора’ + 丝 (丝) ‘мелко, незаметно’;

¹ А 變 ‘поиск’ – идеограмма в составе которой компоненты ключевых 宀 ‘крыша’, 火 ‘огонь’ и 又 ‘правая рука’, и соединение дало древним китайцам понятие о действии «поиск вещи в здании».

小 (幼) ‘малые и слабые’ = 小 (幺) ‘малый, маленький’ + 力 (力) ‘плуг, сила’;
東 (東) ‘восток’ = 木 (木) ‘дерево’ + 日 (日) ‘солнце’ и др. [2, 5].

Пятый семантический тип – это идеограммы, именующие абстрактные понятия. Например, идеограмма 族 (族) ‘семья’ создана из смысловых компонентов 旃 (旃) ‘флаг’ и 矢 (矢) ‘стрела’, образована именно таким образом потому, что в древности в Китае в войне принимали участие семьями. Семья, таким образом, рассматривалась как боевая группа. К этой категории могут быть также отнесены следующие примеры: 史 (史) ‘история, ведущий записи’ = 中 ‘ларец для бамбуковых книг’ + 又 (又) ‘правая рука’; 鼎 (鼎) ‘количество’ = 口 (口) ‘городская стена’ + 鼎 (鼎) ‘емкость-треножник или четырехножник’; 品 (品) ‘множество, общественное мнение’ = 口 (口) ‘рот’ + 口 (口) ‘рот’ + 口 (口) ‘рот’ и др. [3, 12].

Следующий этап нашего исследования включил семантический анализ компонентов отобранных идеограмм. На основе методики исследования ключей китайской письменности, представленной профессором Пекинского педагогического университета Цзоу Сяоли (邹晓丽) в работе «基础汉字形义释源» (Объяснения форм и семантики основных китайских иероглифов) [3 с.18] нами выполнена семантическая классификация смысловых компонентов в составе идеограмм Цзягувэнь, представляющая собой подсистему из пяти групп единиц:

1) компоненты со значением человека и частей его тела, например, 人 (人 или 亻) ‘человек’, 女 (女) ‘женщина’, 口 (口) ‘рот’, 又 (又 или ㄩ) ‘правая рука’ и др.;

2) компоненты со значением предметов человеческого общества и бытия, например, 宀 (宀) ‘крыша помещения’, 示 (示 или 礻) ‘алтарь’, 衣 (衣 или 衤) ‘одежда’, 刀 (刀 или 刂) ‘нож’ и др.;

3) компоненты со значением астрономических или географических объектов, например, 水 (水 или 氵) ‘вода, река’, 山 (山) ‘гора’, 日 (日) ‘солнце’, 月 (月) ‘луна’ и др.;

4) компоненты-зоонимы, например, 犬 (犬 или 犳) ‘собака’, 羊 (羊) ‘баран’, 虫 (虫) ‘червь’, 象 (象) ‘слон’ и др.;

5) компоненты-фитонимы, например, 艹 (艹) ‘травы’, 木 (木) ‘дерево’, 生 (生) ‘росток’, 艹 (艹) ‘густые травы’ и др.

Смысловые компоненты со значением человека и частей его тела часто используются при создании идеограмм письменной системой Цзягувэнь для репрезентации субъекта или инструмента для выражения понятий, связанных с действиями человека. Рассмотрим, например, идеограмму 如 ‘соответствовать, подчиняться’ (первоначальная форма 𠃉). Семантика этого знака в варианте написания Цзягувэнь незначительно отличается от последующих этапов развития китайской письменности [4, 6.]. Она складывается из смыслового компонента 口 ‘рот’, который часто представляет собой средство выражения инструмента для понятий, связанных с приказами или социальным порядком [3, 5], а также смыслового компонента 女 ‘женщина’, который репрезентирует субъект для выражения атрибута женщины в понимании древних китайцев – «следование и подчинение». См. также:

和 (吹) ‘дуть’ = 欠 ‘зевающий человек’ + 口 ‘рот’.

戒 (戒) ‘насторожиться’ = 卩 ‘пара рук’ + 戈 ‘клевец, оружие’.

及 (及) ‘догонять’ = 人 ‘человек’ + 又 ‘правая рука’.

印 (印) ‘правительственная печать’ = 手 ‘рука берущая’ + 卩 ‘человек сидящий’.

友 (友) ‘друг, дружба’ = 又 ‘правая рука’ + 又 ‘правая рука’.

Рассмотрим также идеограмму 安 ‘спокойный’, созданную из смысловых компонентов 宀 ‘крыша’ и 女 ‘женщина’, что выражает следующее понятие – «женщина дома = спокойствие» [1, 10].

Смысловые компоненты со значением предметов человеческого общества и бытия использовались в идеограммах письменности Цзягувэнь для репрезентации объекта или инструмента для выражения понятий, связанных с действиями, бытом и обществом. Например, идеограмма 初 (初) ‘первоначальный’. Согласно исследованию Цзоу Сяоли, этот знак создан в связи с тем, что в древности у китайских аристократов была церемония для празднования начала зимы, на которой необходимо было отрезать ткань ножом для начала изготовления зимней одежды. Так, в понимании древних китайцев компонент 衤 ‘одежда’ отражал мотивировочный признак, который репрезентирует объект для выражения связи с описанием времени, а компонент 刀 ‘нож’ – репрезентант инструмента [3, 5, 9]. Также можно привести в пример следующие идеограммы:

寧 (寧) ‘спокойствие’ = 宀 ‘крыша’ + 皿 ‘емкость’ + 心 ‘сердце’.

启 (启) ‘открыть’ = 户 ‘дверь’ + 口 ‘рот’.

宗 (宗) ‘храм для предков’ = 宀 ‘крыша’ + 示 ‘алтарь’.

秉 (秉) ‘держат’ = 禾 ‘сель-культура’ + 又 ‘правая рука’.

界 (界) ‘сдать’ = 田 ‘поле с разграничением’ + 卩 ‘пара рук’.

寶 (寶) ‘драгоценность’ = 宀 ‘крыша’ + 珏 ‘пара нефритов’ + 貝 ‘ракушки – деньги’.

Идеограмма 或 (或) в текстах Цзягувэнь обозначает «государство». Для древних китайцев компонент 口 ‘рот’ в структуре идеограмм может представлять собой репрезентант инструмента для выражения понятий о правительственной власти, а 戈 ‘клевец, оружие’ – объекта, связанного с войной [1, 5].

Смысловые компоненты со значением астрономических или географических объектов часто используются для создания идеограмм Цзягувэнь, репрезентирующих природный объект для выражения понятий о времени, пространстве и движений в определенном направлении. Рассмотрим, например, идеограмму 莫 ‘вечер, закат солнца’ (форма Цзягувэнь 莫). Она составлена из смыслового компонента 日 ‘солнце’ и смыслового компонента 艸 ‘густые травы’, который репрезентирует объект для выражения понятия «низкий и неясный» [3, 5]. Идеограмма 陟 (陟) в тексте Цзягувэнь обозначает «идти вверх». Для древних китайцев компонент 阝 ‘холм’ в структуре идеограмм может представлять собой репрезентант природного объекта для выражения связи с высотой, 步 ‘шаг’ – инструмента для выражения движения вверх или вперед [1, 3.]. К этой категории могут быть отнесены следующие примеры идеограмм:

- 明 (明) 'время рассвета, светло' = 日 'солнце' + 月 'луна'.
 夙 (夙) 'утро к восходу' = 月 'луна' + 夙 'работающий человек'.
 昃 (昃) 'вторая половина дня' = 日 'солнце' + 仄 'наклонно стоящий человек'.

降 (降) 'идти вниз' = 阝 'холм' + 夂 'две ноги вниз'.

涉 (涉) 'проходить через реку, касаться' = 氵 'вода, река' + 步 'шаг'.

Смысловые компоненты-зоонимы и компоненты-фитонимы часто используются при создании идеограмм Цзягувэнь для выражения действий, связанных с сельским хозяйством и жертвоприношением. Например, идеограмма 束 'привязывать дрова, соломы' (первоначальная форма Цзягувэнь 束). Она включает смысловые компоненты 木 'дерево' и 口 'стена города' [1, 5]. Соединение данных смысловых компонентов в понимании древних китайцев позволяло описывать действие «привязывать дрова». Идеограмма 莽 (莽) в тексте Цзягувэнь обозначает «быструю погоню». Соединение смысловых компонентов 犬 'собака' и 艸 'густые травы' в понимании древних людей позволяет обозначить понятие «быстрая погоня» [3, 6]. См. также:

獸 (獸) 'отход' = 犬 'собака' + 畀 'оружие для отхода'.

逐 (逐) 'гнаться за (кем-л.)' = 豕 'кабан' + 辵 'движение'.

漁 (漁) 'рыбная ловля' = 魚 'рыба' + 氵 'вода, река'.

采 (采) 'собирать' = 木 'дерево' + 采 'рука берущая'.

芻 (芻) 'убрать травы' = 艸 'травы' + 又 'правая рука'.

爲 (爲) 'работать' = 象 'слон' + 采 'рука берущая'.

牧 (牧) 'пасти (скотов)' = 牛 'бык' + 攴 'бить и управлять'.

焚 (焚) 'сжечь лес для отхода' = 林 'лес' + 火 'огонь'.

斲 (斲) 'сажать' = 木 'дерево' + 丸 'сидящий, работающий человек'.

Таким образом, структурно-семантически идеограммы Цзягувэнь представляют собой соединение двух или трех графических элементов, обозначающих чаще всего понятия, связанные с человеком, обществом и природой.

ЛИТЕРАТУРА

1. 夏商周断代工程报告/编委会: 李学勤等-北京: 科学出版社, 2022. - 272页。 = Отчёт по проекту «Хронологии Ся-Шан-Чжоу» / Редкол.: Ли Сюэцин [и др.]. - Пекин: Научное издательство, 2022. - 272 с.
2. 李学勤. 字源。 - 天津: 天津古籍出版社, 2013. - 1420页。 = Ли, Сюэцин «Этимология иероглифов» / Сюэцин Ли - Тяньцзинь: Тяньцзиньское издательство «Древняя книга», 2013. - 1420 с.
3. 邹晓丽. 基础汉字形意释源。 - 北京: 中华书局, 2007. - 246页。 = Цзоу, Сюэли. Объяснения форм и значений основных китайских иероглифов / Сюэли Цзоу. - Пекин: Изд-во «Чжун Хуа Шу Цзюй», 2007. - 246 с.
4. 汉语大字典/汉语大字典编委会: 徐中舒、李格非、赵振铎等, 学术顾问组: 于省吾、王力等。武汉: 崇文书局, 2010. - 5727页。 = Большой словарь китайских иероглифов / Редкол.: Сюй Чжоншу, Ли Гэфэй, Чжао Чжэньдо [и др.]. - Ухань: Изд-во «Чунвэнь», 2010. - 5727 с.
5. 徐中舒. 甲骨文字典。 - 成都: 四川次数出版社, 1989. - 1613页。 = Сюй, Чжоншу. Словарь иероглифов Цзягувэнь / Чжоншу Сюй. - Чэнду: Сычуанское издательство «Словарь», 1989. - 1613 с.
6. 李孝定. 甲骨文字集释。 - 台北: 中央历史研究院, 2011. - 2618页。 = Ли, Сюэдин. Собрание иероглифов Цзягувэнь / Сюэдин Ли. - Тайбэй: Изд-во «центральный исторический исследовательский институт», 2011. - 115 с.

7. 马晓风; 指导: 陈枫. 甲骨文会意字研究。— 陕西师范大学, 西安, 2005. 68 页。= Ма, Сяофэн. Анализ идеограмм-иероглифов периода Цзягувэнь: дис. ... магистр. филол. наук: 11. 2005 / Сяофэн Ма, Фэн Чэнь; Педагогический университет провинции Шэньси. — Сиань, 2005. — 68 с.
8. 郭飞; 指导: 许征. 已释甲骨文会意字研究。— 新疆师范大学, 武汉, 2012. 57 页。= Го, Фэй. Анализ идеограмм-иероглифов с толкованием периода Цзягувэнь: дис. ... магистр. филол. наук: 6. 2012 / Фэй Го, Чжэн Сюй; Синьцзянский педагогический университет. — Урумчи, 2005. — 32 с.
9. 赵诚. 甲骨文简明词典-卜辞分类读本。— 北京: 中华书局, 2009. — 372 页。= Чжао, Чэн. Краткий словарь Цзягувэнь — о категории гадательных текстов / Чэн Чжао. — Пекин: Изд-во «Чжон Хуа Шу Цзю», 2009. — 372 с.
10. 刘兴隆. 新编甲骨文字典。— 北京: 国际文化出版公司, 1993. — 1075 页。= Лю, Синлун. Новый словарь иероглифов Цзягувэнь / Синлун Лю. — Пекин: Компания-издательство «международная культура», 1993. — 1075 с.
11. 于省吾. 甲骨文字释林。— 北京: 商务印书馆, 2010. — 543 页。= Юй, Синву. Собрание толкований иероглифов Цзягувэнь / Синву Юй. — Пекин: Коммерческое издательство, 2010. — 543 с.
12. 谷衍奎. 汉字源流字典。— 北京: 语文出版社, 2008. — 2037 页。= Гу, Янькуй, Словарь этимологии китайских иероглифов / Янькуй Гу — Пекин: Издательство «Китайский язык», 2008. — 2037 с.
13. 李宗焜. 甲骨文字编。— 北京: 中华书局, 2012. — 2136 页。= Ли, Цзункунь, Сборник иероглифов Цзягувэнь / Цзункунь Ли — Пекин: Издательство «Чжун Хуа Шу Цзюй», 2012. — 2136 с.
14. 島邦男. 殷墟卜辞研究。— 上海: 上海古籍出版社, 2006. — 1343 页。= Дао, Бан'нань (Сима Кунио). Исследование о гадательных надписях от развалины столицы Инь / Бан'нань Дао. — Шанхай: Шанхайское изд-во «Древняя книга», 2006. — 1343 с.
15. Готлиб, О. М. Основы грамматики китайской письменности / О. М. Готлиб; РАН, Ин-т востоковедения. — 2-е изд. — М.: ВКН, 2019. — 312 с.
16. Резаненко, В. Ф. Семантическая структура иероглифической письменности / В. Ф. Резаненко. — Киев: КГУ, 1985. — 131 с.
17. Жукова, Е. Е. Грамматология китайской письменности / Е. Е. Жукова. — М.: Вост. кн., 2014. — 144 с.

Информация об авторе:

Сяо И — преподаватель Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Республика Беларусь.

В данной статье рассматриваются основные характеристики и особенности китайского логографического письма. Автором осуществляется анализ системы китайского письма, а также ее преимущества и недостатки в сравнении с другими системами письма.

Ключевые слова: китайский язык, иероглиф, логограмма, логографическая система, типологическая особенность.

M. S. FILIMONOVA

TIPOLOGICAL PECULIARITIES OF THE CHINESE WRITING SYSTEM

The article deals with the main characteristics and peculiarities of the Chinese logogram system. The author through the analysis shows its strong and weak points in comparison with other writing systems.

Keywords: Chinese language, Chinese Character, logogram, logogram system, typological peculiarity, Chinese writing system.

Согласно В. А. Истрину, изолирующий строй китайского языка обусловил типологические особенности логографической китайской письменности [1]. Возникновению и закреплению логографического письма способствовали также некоторые особенности древнего и современного китайского языка:

- основная единица – иероглиф (логограмма) имеет план выражения и план содержания, соотносится с мономорфемой (простым словом);
- наряду с логограммами применяются знаки элементарных частиц языка – морфем;
- развитая логографическая система с широко представленной в ней фонетическими знаками;
- степень идеографичности более 50%;
- степень фонетичности 50%;
- связь графического образа знака с его семантикой («знак – значение»);
- количество логограмм не ограничено;
- открытый список общеупотребительных логограмм;
- вневременной характер письменности;
- «квадратный» способ расположения иероглифов;
- отделение иероглифов пробелами на письме;
- не выдерживается расстояние между словами, словосочетаниями;
- большая емкость;
- международный характер логограмм;
- многозначность логограмм;
- полифункциональность логограмм;
- невозможность передачи грамматических форм;
- преобладание фоноидеографического обозначения корневых морфем;
- большое количество омонимически и сходно звучащих слов.

По сравнению с буквенно-звуковым и слоговым, логографическое письмо обладает рядом преимуществ:

1) большая емкость логографического письма, обусловленная тем, что знак обозначает целое слово;

2) международный характер идеографических логограмм, обусловленный тем, что знаки имеют непосредственную связь со значением слов, вследствие чего одни и те же логограммы могут использоваться представителями различных диалектов и языков, даже при наличии разного чтения, а также в случае отсутствия единого общенародного литературного языка [1].

Так, уникальным свойством китайской письменности является независимость иероглифа значения от его чтения. Иероглиф может иметь любое количество чтений, так, например, китайские иероглифы имеют не только китайское, но также и японское, корейское, вьетнамское чтения. В Китае каждый иероглиф имеет множество чтений: «общеупотребимое» литературное чтение, и различные диалектные. При знании иероглифов и грамматики любой текст, написанный китайским иероглифическим письмом, может быть понят независимо от того, в какой исторический период он был создан. При этом китайские иероглифические тексты могут быть легко прочитаны японцами, корейцами, вьетнамцами совершенно независимо от того, как именно они читались в момент создания.

К недостаткам логографического письма относят следующие:

1) трудность передачи слов абстрактного значения и имен собственных (характерен для первоначальных этапов развития логографического письма) [1];

2) сложность (многозначность) логографических систем (также характерно для древнего китайского языка) (в древнем китайском языке существовала гибкая частеречная принадлежность логограмм, сложность определения лексического и грамматического значения логограмм, которое определялось с помощью контекста) [2];

3) трудность передачи грамматических форм слов (в древнем китайском языке грамматические отношения передавались с помощью специальных служебных слов «сюйцы» и порядка слов, на современном этапе развития языка для выражения грамматических отношений применяются знаки более элементарных частиц языка – морфем) [2].

Сохранение в Китае до настоящего времени логографического письма обусловлено следующими особенностями китайского языка:

во-первых, корнеизолирующий грамматический строй китайского языка;

во-вторых, особый способ словообразования, которое происходило исключительно путем слияния первоначальных однослоговых логограмм, тем самым постепенно преобразуя китайское письмо в наиболее совершенную разновидность логографии, а именно, в логографически-морфематическое письмо;

в-третьих, наличие в китайском языке большого количества омонимически и сходно звучащих логограмм;

в-четвертых, наличие в Китае сильно разнящихся областных диалектов при все еще недостаточном распространении в народе единого литературного языка;

в-пятых, широкое использование в китайской классической литературе такой особенности иероглифов как их сложное смысловое значение, в ре-

зультате чего китайские тексты могут получать дополнительный стилистически-смысловой оттенок в зависимости от внутренней графической структуры используемых иероглифов и также от сочетания их друг с другом [1].

Согласно В. А. Истрину, именно вследствие таких тенденций китайское письмо и достигло высшего, почти предельного развития, возможного для систем письма логографического типа [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Истрин, В. А.* Развитие письма / В. А. Истрин – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. – 403 с.
2. *Курдюмов, В. А.* Курс китайского языка : теоретическая грамматика / В. А. Курдюмов. – М. : Цитадель-трейд : Лада, 2005. – 576 с.

Информация об авторе:

Филимонова Марина Сергеевна – заместитель декана факультета китайского языка и культуры, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики китайского языка, г. Минск, Республика Беларусь.

**КИТАЙСКАЯ
КУЛЬТУРА:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ТРАДИЦИИ И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**А. А. АКСЁНЧИКОВА-
БИРЮКОВА**

**ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЛЕКСИКА КАК
СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В
ПОЭЗИИ ЛИ ЦИНЧЖАО**

В статье исследуются пространственные образы в некоторых поэтических произведениях китайской поэтессы эпохи Сун Ли Цинчжао. Анализируются особенности применения Ли Цинчжао образов двери, окна и перил для выражения ее мыслей, жизненного опыта, эмоционального состояния.

Ключевые слова: Ли Цинчжао, пространственная лексика, окна, двери, перила.

A. A. AKSENCHIKOVA-BIRYUKOVA

**SPATIAL VOCABULARY AS A MEANS OF EXPRESSING
EMOTIONAL STATE IN THE POETRY OF LI QINGZHAO**

The article examines spatial images in some poetic works of the Chinese poetess of the Song era, Li Qingzhao. The features of Li Qingzhao's use of images of a door, window and railing to express her thoughts, life experience, and emotional state are analyzed.

Keywords: Li Qingzhao, spatial vocabulary, windows, doors, railings.

Ли Цинчжао (1084–1151), известная поэтесса династии Сун, уникальна в мире поэзии своей творческой индивидуальностью, соединяющей прямогу в элегантности, силу в мягкости. Она прекрасно сочетала в себе тонкие эмоции женщины с уверенной манерой письма литератора и часто писала тексты, чтобы выразить свою печаль. Язык ее поэзии яркий, свежий и лаконичный. Изучение творчества Ли Цинчжао невозможно в отрыве от наблюдения за ее личностью.

В данном исследовании рассматривается пространственная лексика в стихотворениях Ли Цинчжао, которая помогла передать эмоциональное состояние поэтессы.

Двери, окна и перила играют роль разделения внутреннего и наружного пространства. Открытие и закрытие дверей и окон, опирание на перила тесно связано с эмоциями, выражаемыми в произведениях поэта [3, с. 25].

В дошедших до нас стихах Ли Цинчжао есть десять предложений, в которых упоминается образ окон. Все эмоции, выраженные в них, связаны с печалью. Поэтому для описания окон зачастую используются такие слова, как «холодный», «темный», «закрытый».

Окна имеют глубокий культурный подтекст. Их делали из шелка или бумаги. Оконные рамы украшались яркими узорами. Окна не только могли приносить эстетическое удовольствие и давать возможность насладиться прекрасными пейзажами, но и несли в себе чувство тоски по дому. Окна являлись неотъемлемой частью дома, его символом, и странники, находящиеся вдали от него, всегда думали об окне своего дома.

Ли Цинчжао в стихотворении 《歸鴻聲斷殘雲碧》 [Guī hóng shēng duàn cán yún bì] «Крик залетного гуся слышу...» писала:

歸鴻聲斷殘雲碧，背窗雪落爐煙直。 [Guī hóng shēng duàn cán yún bì, bèi chuāng xuě luò lú yān zhí] – *Стихает крик гусей, летящих домой на север, бе-*

лые облака в синем небе; в северном окне падает снег, гора Лушань все время в дымке [1].

В данном случае при описании окна использован эпитет «северное». Ситуация, в которой человек располагается «лицом на север», может восприниматься им как унижительная, оскорбляющая его достоинство [2, с. 137]. Это печальное стихотворение о времени, проведенном автором на чужбине, ее тоске по дому после захвата повстанцами родного города.

Окно является местом не только для тоски по дому, но и для воспоминаний. Оно подобно картинной раме, воспроизводящей истории жизни владельца, в которых воссоздаются и разыгрываются повседневные радости и печали поэта.

Последние годы своей жизни Ли Цинчжао провела перед окном. В стихотворении 《寻寻觅觅》 [Xúnxún mìmì] «Хожу-ищу, брожу-ищу в тиши холодной и пустой...» она писала:

守着窗，独自怎生得黑？梧桐更兼细雨，到黄昏、点点滴滴。 [Hǒuzhe chuāng er, dúzì zěn shēngdé hēi? Wútóng gèng jiān xì yǔ, dào huánghūn, diǎn diǎndī dī] – *Как быть у темного окошка в одиночку? К тому же мелкий дождь капает на утун. На этот раз как можно одним словом выразить такую печаль?* [1].

Поэтесса наблюдала за дикими гусями, пролетающими перед окном, и слушала шум дождя, падающего на утун за окном. Все сцены казались знакомыми, но внешний вид и чувства людей за окном уже не те, что были дома. Страна была разорена, семья разрушена, а в дождливую ночь она чувствовала себя еще более несчастной. Как могла поэтесса вынести такую печаль? Ее чувства душераздирающие, они заставляют читателя чувствовать ее боль.

В классической китайской поэзии закрытые двери часто символизируют сопротивление и отстраненность поэта от мира. В будуарной поэзии закрытые двери олицетворяют безжалостное заключение, удушение женской любви и молодости, муки любовной тоски [4, с. 31]:

雨打梨花深闭门。 [Yǔ dǎ líhuā shēn bì mén] – *Дождь бьет по цветам груши, закрою дверь* (《枝上流莺和泪闻》 [Zhī shàngliú yīng hé lèi wén] «Я слушала пение иволги той...») [1].

Весенняя пора быстро проходит, как любовь и молодость. Никого не было рядом с поэтессой. Закрытый двор определялся той социальной средой, в которой находилась женщина.

В китайской поэзии часто упоминается образ перил. Выражение *опираться на перила* иллюстрирует ностальгию по прошлому, печаль и гнев.

Перила выполняли декоративную и защитную функцию. По сравнению с окнами и дверями, характеристикой перил является открытость обзора. С эмоциональной точки зрения перила играют защитную роль для людей, которые могут опираться на них, глядя вдаль.

Происхождение образа человека, опирающегося на перила, можно отнести к традиции подниматься высоко для выражения своих чувств. Со временем культура восхождения на высоту для выражения чувств распространилась на процесс опирания на перила, так как смотровую площадку строили на

возвышении. Высокие перила вызывают чувства зависимости, а далекие пейзажи позволяют вспоминать прошлое и думать о будущем. ОпираНИЕ на перила – способ выразить свою тоску по родным местам [5, с. 26].

Ли Цинчжао, живя в одиночестве в своем будуаре, бесконечно тосковала. Образ перил, который она использовала в своих стихах, помог поэтессе выразить тоску и чувство обиды на мужа. Описывая героя, опирающегося на перила, Ли Цинчжао даёт возможность читателю понять, что героиня стихотворения слаб, он не может быть самостоятельным и ему необходимо на что-то опираться. Живя одиноко в будуаре, женщина поднималась по лестнице, опиралась на перила и смотрела вдаль.

Стихотворение 《寂寞深閨》 [Jì mò shēnguī] «Всюду в доме моем тишина...» Ли Цинчжао написала, когда ее муж надолго уехал, оставив ее одну:

倚遍闌干，只是無情緒。人何處？連天芳樹，望斷歸來路。 [Yǐ biàn lángān, zhǐshì wú qíngxù。 Rén hé chù? Lián tiān fāngshù, wàng duàn guī lái lù] – **Опираюсь на перила, чувств нет. Где человек? К небу поднимаются травы, невозможно вернуться по дороге сюда** [1].

В строках выражена печаль одиночества, бессилие, тоска и ожидание возвращения мужа.

Зачастую в стихотворениях Ли Цинчжао образы перил и дверей совмещены как, например, в стихотворении 《蕭條庭院》 [Xiāotiáo tíngyuàn] «Ни души на унылом дворе...». Это позволяет поэтессе передать оттенки ее эмоционального состояния:

蕭條庭院，又斜風細雨、重門須閉。寵柳嬌花寒食近，種種惱人天氣。 [Xiāotiáo tíngyuàn, yòu xié fēng xì yǔ, zhòng mén xū bì。 Chǒng liǔ jiāo huā hánshí jìn, zhǒngzhǒng nǎorén tiānqì] – **Во дворе никого нет, дует ветер, моросит дождь. Закрою тяжелые двери. Ива распустилась, впереди Праздник холодной пицци** [1].

樓上幾日春寒，簾垂四面，玉闌干慵倚。 [Lóu shàng jǐ rì chūnhán, lián chuí sìmiàn, yù lángān yōng yǐ] – **Наверху несколько дней весенние заморозки, за занавеской слезы, лениво опираюсь на яшмовые перила** [1].

Это раннее произведение было написано, когда муж оставил ее одну, чтобы посетить храм Линьянь. Находясь в одиночестве в будуаре, она была беспомощна, ее сердце переполняла тоска.

Большая часть пространственной лексики в лирике Ли Цинчжао используется для отражения эмоций женщины, живущей в будуаре, таких как тоска по мужу, который уехал далеко и оставил ее, печаль одинокой жизни. Выбор пространства Ли Цинчжао сосредоточен на будуаре, так как она живет здесь круглый год. Двери, окна и перила играют роль разделения внутреннего и наружного пространства. Можно сказать, что сочетание пространственных образов в лирике поэтессы способно показать мир, окружающий Ли Цинчжао и её внутреннее состояние.

ЛИТЕРАТУРА

1. Китайская поэзия Ли Цинчжао (1084 – 1151) 李清照 Династия Сун [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&author_id=113. – Дата доступа: 25.02.2024.

2. *Сыма, Цянь*. Исторические записки : Ши цзи : [В 9 т.] : Т. 9 / пер. с кит. И коммент. под ред. А. Р. Вяткина; вступ. ст. А. Р. Вяткина / Цянь Сыма. – М. : Вост. лит., 2010. – 623.
3. 罗哲文, 王振复主编. 中国建筑文化大观. – 北京: 北京大学出版社, 2001. – 232. 页. = Лю, Чжэвэн. Китайская архитектура и культура / Чжэвэн Лю ; под ред. Чжэньфу Ван. – Пекин : Изд-во Пекинского ун-та, 2001. – 232 с.
4. 梁丽. 宋词中的庭院意象研究: [硕士学位论文]. 广西: 广西师范大学文学院/新闻与传播学院, 2015. – 62 页. = Лян, Ли. Исследование образов двора в поэзии цы: / Ли Лян. – Гуанси : Изд-во Педагог. ун-та Гуанси. – 2015. – 62 с.
5. 谷芳平. 论李清照词作中的“栏杆”意象及其女性化特征 // 古今文创, 2020. – № 2. – 26–27 页. = Гу, Фанпин. Об образе «перила» и его женской специфике в поэзии Ли Цинчжао / Фанпин Гу // Древняя и современная культура и творчество. – 2020. – № 2. – С. 26–27.

Информация об авторе:

Аксёнчикова-Бирюкова Ангелина Александровна – аспирант Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь.

УДК 398.221(=581)

Л. С. ЖУРКО

АРХАИЧЕСКИЕ СОЛЯРНЫЕ МОТИВЫ В ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ ПАМЯТНИКЕ «ШАНЬХАЙЦЗИН»

В статье предпринята попытка систематизации и анализа солярных мотивов в китайском памятнике «Шаньхайцзин» («Каталог гор и морей»). В тексте показаны наиболее архаичные знания китайцев, что выделяет его из ряда других ранних китайских сочинений. По записи «Каталога гор и морей» самые древние солярные мотивы связаны с образами деревьев (Шелковица Фу, дерево Фу), птиц (воронов), антропоморфных или полуантропоморфных существ (Сихэ). Их описание находит отражение в главах, посвященных характеристике Востока, Запада и Юга, что соответствует древнекитайским представлениям о движении солнца. Солярные мотивы «Каталога гор и морей» свидетельствуют о наличии у древних китайцев развитого культа солнца.

Ключевые слова: китайская мифология, солярные мотивы, «Шаньхайцзин».

L. S. ZHURKO

ARCHAIC SOLAR MOTIFS IN THE ANCIENT CHINESE MONUMENT «SHANHAIJING»

The article attempts to systematize and analyze solar motifs in the Chinese monument «Shanhaijing» («Classic of Mountains and Seas»). The text shows the most archaic knowledge of the Chinese, which distinguishes it from a number of other early Chinese works. According to the record of the «Classic of Mountains and Seas» the most ancient solar motifs are associated with images of trees (Silk Fu, Fu tree), birds (ravens), anthropomorphic or semi-anthropomorphic creatures (Xihe). Their description is reflected in the chapters devoted to the characterization of the East, West and South, which corresponds to ancient Chinese ideas about the movement of the sun. The solar motifs of the «Classic of Mountains and Seas» testify to the presence of a developed sun cult among the ancient Chinese.

Keywords: Chinese mythology, solar motifs, «Shanhaijing».

Как правило, архаические солярные представления связаны с вегетативными, чаще зооморфными, образами, которые со временем антропоморфизируются. Часто их вариативность зависит от местных географических и кли-

матических условий той или иной территории. В китайской мифологии именно южные народности обладают богатым разнообразием сюжетов о солнце, его происхождении. Солярные мотивы встречаются в творчестве Цюй Юаня (IV–III вв. до н. э.), в ханьском памятнике «Хуайнаньцзы» (II в. до н. э.) и т. д.

Традиция записи «Шаньхайцзин» («山海经», «Каталог гор и морей») фиксирует самые ранние представления о солнце, которые ассоциируются с деревьями. М. Е. Кравцова связывает культ Солярного древа с верованиями династии Шан (商), что подтверждается пиктограммами на гадательных костях [4, с. 172]. Древние мифологемы обнаруживаются в «Каталоге Заморья Востока», где говорится об огромном дереве Фусан (扶桑, Шелковица Фу), на нижних ветках которого живут девять солнц, а на верхней – одно [3, с. 132]. Возможно, иньцы почитали шелковицу как тотемное дерево, что прослеживается в разных мифах и преданиях (об основателе династии Тан-ване, его сановнике И Ине, в истории Хоу И и др.). В «Каталоге Великих пустынь Востока» упоминается Фуму (扶木, дерево Фу) высотой в триста ли [3 с. 144]. Эти записи отражают древнейшие представления о движении светил, что делает «Шаньхайцзин» уникальным памятником среди остальных. Исследователи считают, что деревья Фусан и Фуму, являются одним и тем же деревом, а расхождение в названиях связывают с разными местными традициями [3 с. 220]. Название деревьев *扶 фу* (одно из значений знака – ‘поддерживать’, ‘подпирать’) намекает на их космологическую функцию – служить опорой неба. В образе мирового древа нашло отражение архаичное представление о модели мира.

Архаичными являются и солярные представления, связанные с образами птиц. В китайской мифологии это вороны (обычно с золотым оперением). Мотивы, когда символом солнца выступает ворон, имеют место в «Хуайнаньцзы», на погребальных рельефах эпохи Хань [5, с. 42]. В «Каталоге Великих пустынь Востока» сказано: «...Как только одно солнце заходит, другое солнце всходит. Каждое несет на себе воронов» [3 с. 144]. В данном случае памятник фиксирует ту форму верований, когда божество «мыслится отделенным от своей “вещи”» [9, с. 113], то есть солнца являются местом пребывания своих духов-божеств – воронов. Можно предполагать, что солнца изначально и мыслились в образе воронов. Интересно, что они не стали объектом культа.

В «Шаньхайцзин» описывается еще один этап развития солярных представлений – появляется образ божества, рождающего солнце. Согласно «Каталогу Великих пустынь Юга» Сихэ (羲和) родила десять солнц [3, с. 149]. Определенное количество солнц А. А. Серкина связывает с разными методами счета времени, а именно разным количеством дней в неделе, когда одни народности называли дни недели из десяти дней «солнцами», а другие народности дни недели из двенадцати дней называли «лунами» [6, с. 75]. В том же фрагменте «Каталога Великих пустынь Юга» говорится, что есть и царство под названием Сихэ [3, с. 149], что не может не говорить о важности героини как прародительницы солнц. В памятнике не приводится описание ее

внешности, однако указывается, что это была женщина. Запись «Каталога» фиксирует один из этапов развития данного персонажа в виде антропоморфного облика женщины. Э. М. Яншина не исключает возможность, что раньше Сихэ представлялась в виде получеловека-полуптицы [3 с. 282]. В том же фрагменте указывается, что Дицзюнь (帝俊, Предок Выдающийся) является ее мужем. «Шаньхайцзин» одним из первых фиксирует сюжет, который стал каноническим в китайской мифологии, но здесь не прослеживается мотив, когда Сихэ становится кучером колесницы солнца, что говорит о ранней традиции в записи памятника. В конфуцианской литературе образ претерпевает изменения и превращается в четырех астрономов: двух братьев Си и двух братьев Хэ, ведавших временем.

Упоминание десяти солнц встречается в «Каталоге Заморья Запада». *«Труп Матери Второй был зажжено сожжен десятью солнцами»* [3, с. 126]. По-видимому, в этом отрывке под Нюйчоу (女丑, Мать Вторая) подразумевается женщина из древнего общественного строя. Ученые полагают, что составлением древнейших календарей и созданием древнего счета времени занимались именно женщины по причине регуляции брачных обязательств и фаз беременности. Называние дней недели осуществлялось циклическими знаками, которые в свою очередь являлись одновременно именем женщины-матери. Такое явление связано с верованиями и ритуалами по отношению к беременности и рождению ребенка [6, с. 77]. Отсюда следует, что «Каталог» фиксирует одну из древних традиций табу, связанных с вынашиванием потомства.

Миф повествует о времени, когда все десять солнц находились на небе: *«Десять солнц живут наверху (на небе?), а Мать Вторая – на вершине горы»* [3, с. 126]. Э. М. Яншина ставит под сомнение перевод «на небе», так как в оригинальном тексте нет конкретного слова 天 *тянь* 'небо', а только 上 *шан* 'верх' [1]. Однако архаические тексты часто для обозначения «по направлению к небу» используют 上 *шан* 'верх', а «по направлению к земле» – 下 *ся* 'низ'. Профессор Юань Кэ в своей работе «Мифы Древнего Китая» утверждает, что Нюйчоу была шаманкой. Основным его доводом были древние традиции моления о дожде, когда сжигали шаманок на солнце или на костре [8, с. 310]. Вышеприведенный отрывок мифа о сожжении Нюйчоу десятью солнцами явно отображает попытки проведения шаманского ритуала призвания дождя, что говорит о древней традиции записей «Шаньхайцзин» о роли шаманов в архаическом обществе.

В «Шаньхайцзин» отражены и некоторые «привычки» солнц, например, их купание в водоемах. Две записи «Каталога...» имеют разную традицию. В «Каталоге Заморья Востока» солнца купаются в Тангу (湯谷, Долина Кипящих ключей) у Фусан (Шелковицы Фу), что связано и с записью в «Каталоге Великих пустынь Востока»: *«[Там] есть долина под названием Долина Теплых источников. В Долине Кипящих ключей растет дерево Фу»* [3 с. 144]. В «Каталоге Великих пустынь Юга» они омываются в Ганьюань (甘淵, Благостный водоем) [3, с. 132, 149], [10]. Процесс омовения здесь выступает в качестве обряда для очищения и восстановления сил после пребывания в ми-

ре мертвых, это своеобразный «воскрешающий» обряд [9, с. 111]. Похожий мотив можем найти в египетской мифологии, где бог солнца Ра каждый вечер умирает и после некоторых солнечных обрядов вновь становится живым, чтобы появиться на небосводе [2, с. 143–144]. Мотив имеет связь с универсальными представлениями о ночном пребывании солнца в подземном мире, который отделен от мира живых водной преградой: рекой, морем, океаном. Из представлений о каждодневной смерти и возрождении солнца появились мифы о «возвращении» солнца. Данные мотивы можем найти в мифах о Куафу, о Хоу И, в записях о боге облаков Вэйши, который управляет возвращением солнца [9, с. 111].

Мифу о Сихэ и ее десяти сыновьях-солнцах противоречит другая запись в «Каталоге Великих пустынь Востока», в которой говорится: *«В Великой пустыне высится гора под названием Ворота Итяньсу, [где] рождаются солнце и луна»* [3, с. 145]. Вообще, в «Каталоге...» есть множество гор или других географических объектов, где восходит и заходит солнце, что, возможно, свидетельствует о смешении различных традиций.

Как правило, упоминания мест восхода и захода связаны не только с солнцем, но и с луной. Главы, посвященные Востоку, описывают место восхода светил, в первую очередь, это «Каталог Великих пустынь Востока». Всего гор, откуда восходят солнце и луна, насчитывается восемь. В их названиях представлены иероглифы, значения которых могут быть связаны со светом, небом, востоком. В этом отношении отличается наименование горы Лимао (離瞽), перевод которой Э. М. Яншина не приводит. В соответствии с современными словарями, значение иероглифа 離 *ли* может интерпретироваться как ‘разлучаться’, ‘отлучаться’, в то время как 瞽 *мао* – ‘беспорядочный’, ‘хаотический’ [1], [10]. Отсюда мы смеем предположить, что восход солнца ассоциируется с расставанием, уходом от хаоса, выходом солнца из темноты, соответственно, гора Лимао есть олицетворение начала пути солнца по небосводу, что непосредственно связано с восходом.

Гор, связанных с заходом солнца, насчитывается всего семь, преимущественно в разделах, посвященных Западу, а именно в «Каталоге Великих пустынь Запада». Иероглифы в названиях могут иметь значения ‘ворота’, ‘свет’, ‘заканчивать’, ‘закрывать’. «Шаньхайцзин» фиксирует традицию записи гор, признанными небесными стержнями, где находились небесные врата: *«В Великой пустыне лежит гора под названием гора Солнца и Луны. Это – Небесный стержень. В небесные ворота Узюй заходят солнце и луна»* [3 с. 152].

Единственная гора, откуда одновременно восходят и заходят солнца и луна, является Фаншань (方山, Квадратная Гора) [3, с. 150]. Ее название очевидно связано с культом земли. На вершине растет сосна (柅格, *цзюйгэ*) [10]. Одним из древних значений иероглифа 格 *гэ* является ‘медная решётка (для казни сожжением заживо)’ [1]. Отсюда можно сделать предположение, что место у этой сосны было чем-то вроде местом казни у той или иной народности за проступки человека (например, нарушение табу). Возможно, по той причине, что вершина горы, можно сказать, считалась жилищем солнца, поскольку оно каждый день выходило оттуда и обратно возвращалось. И также

смоем еще предположить, что сосна может выступать как некий тотем, так как не поддавалась палящим лучам солнца (т. е. суровым погодным условиям), из чего следует ее символизм долголетия.

Обращает внимание то, что солярные мотивы встречаются в главах, связанных с Востоком, Западом и Югом. И. С. Лисевич, анализируя образы Трех Владык (三皇): Фуси, Нюйва, Яньди/Чжунюнь/Суйжэнь, утверждает, что все персонажи в этой системе связаны со стихией огня, а, следовательно, и с культом Солнца [7, с. 263]. Связь двух культов Э. М. Яншина иллюстрирует обрядом возжжения ритуальных костров в дни зимнего и летнего солнцестояний, осеннего и весеннего равноденствия [9, с. 107]. И. С. Лисевич соотносит каждого персонажа с одной из сторон света: Фуси – Восток, Нюйва или Суйжэнь – Запад, а Яньди и Чжунюнь – Юг. Опираясь на древнекитайские памятники, он обнаруживает, что такое размещение Владык по сторонам света повторяет последовательность смены их власти, которая происходит по часовой стрелке: Восток – Юг – Запад – Восток. Отсюда ученый делает вывод, что миф о «Трех Владыках» воплощает в себе идею движения солнца [7, с. 263].

Суммируя всё выше сказанное, можно сделать вывод, что «Шаньхайцзин» является памятником с наиболее архаичными солярными представлениями, что выделяет его из ряда других древних китайских сочинений. По записи «Каталога гор и морей» самые древние солярные мотивы связаны с образами деревьев (Шелковица Фу, дерево Фу), птиц (воронов), в виде антропоморфных или полуантропоморфных существ (Сихэ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info>. – Дата доступа: 20.01.2024.
2. *Геннеп, А. ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с франц. Ю. Е. Ивановой, А. В. Покровской. – М. : Восточная литература, 1999. – 198 с.
3. Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Предисл., пер. и комм. Э. М. Яншиной. – 2-е изд., испр. – М. : Наталис : Рипол Класик, 2004. – 349 с.: ил. – (Восточная коллекция).
4. *Кравцова, М. Е.* История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – СПб. : Лань, 1999. – 416 с.
5. *Рифтин, Б. Л.* От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе / Б. Л. Рифтин. – М. : Наука, 1979. – 364 с.
6. *Серкина, А. А.* Опыт дешифровки древнейшего китайского письма / А. А. Серкина. – М. : Наука, 1973. – 132 с.
7. Теоретические проблемы восточных литератур: сб. ст. / АН СССР, ин-т востоковедения ; редкол.: З. Берзинг [и др.]. – М. : Наука, 1969. – 416 с.
8. *Юань, Кэ.* Мифы Древнего Китая / Кэ Юань. – М. : Наука, 1965. – 528 с.
9. *Яншина, Э. М.* Формирование и развитие древнекитайской мифологии / Э. М. Яншина. – М. : Наука, 1984. – 248 с.
10. 山海經 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ctext.org/shan-hai-jing>. – Дата доступа: 03.02.2024.

Информация об авторе:

Журко Лидия Сергеевна – студент факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА «БОЛЬШАЯ МЫШЬ» ИЗ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ «КНИГИ ПЕСЕН»

В статье предпринимается попытка рассмотреть текст произведения «Большая мышь» из древнекитайской «Книги песен» («Шицзин») с точки зрения семантики, символики, структуры. Дается обзор интерпретаций песни советскими учёными, китайскими специалистами в области шицзинистики, рассматривается фонетическая реконструкция, а также предлагается альтернативный вариант интерпретации текста песни.

Ключевые слова: «Книга песен» («Шицзин»), «Большая мышь», фасцинация, интерпретация, семантика, фонетическая реконструкция.

**V. I. KOVAL,
K. S. SULIMA**

ON THE ISSUE OF INTERPRETATION OF THE TEXT "BIG MOUSE" FROM THE ANCIENT CHINESE «BOOK OF SONGS»

The article examines the text of the work "The Big Mouse" from the ancient Chinese "Book of Songs" ("Shijing") from the point of view of semantics, symbolism and its structure. An overview of the interpretations of the song by Soviet scientists, Chinese specialists in the field of "Shijing" studies is given, considered phonetic reconstruction, proposed an alternative interpretation of the song text.

Keywords: "Book of Songs" ("Shijing"), "The Big Mouse", fascination, interpretation, semantics, phonetic reconstruction.

Дух, для выражения которого требуется символ, представляет собой душевный комплекс, содержащий в себе творческие зачатки, возможности которых по-прежнему необозримы.

Карл Густав Юнг

«Книга песен» («Шицзин») является древнейшим в Китае сборником песенных текстов, созданных в период с XI по VI вв. до н.э. Изначально называющийся «Песни» или «Триста песен», во времена эпохи Западная Хань был принят в качестве одной из книг конфуцианского канона и получил название «Книга песен». В «Шицзин» вошли 305 произведений, которые располагаются в трёх разделах: «国风» [guó fēng] («Нравы царств»¹, включает 160 песен, популярных в 15 царствах эпохи Чжоу), «小雅» [xiǎo yǎ] («Малые оды», включает 74 теста), «大雅» [dà yǎ] («Большие оды», включает 31 тест) и «颂» [sòng] («Гимны», включает 40 тестов ритуального характера, преимущественно исполнявшихся во время жертвоприношений предкам домов Чжоу, Лу и Шан). Произведения, зафиксированные в «Шицзин», на данный момент представляют собой только графическую оболочку изначально синкретического искусства, включающего произнесение (пропевание) поэтического текста под музыку в сопровождении танца [1, с. 1–2].

¹ Здесь и далее перевод на русский язык соответствует переводу А. А. Штукина [2].

В данной статье предлагаем подробно рассмотреть интерпретации текста, входящего в раздел «Нравы царства Вэй», «硕鼠» [shuò shǔ] («Большая мышь»).

Таблица 1 – Оригинал песни «Большая мышь», перевод на современный китайский язык и перевод на русский язык А. А. Штукина

Оригинал [1, с. 219–220]	Перевод на современный китайский язык [1, с. 219–220]	Перевод А. А. Штукина [2, с. 93–94]
碩鼠碩鼠， 無食我黍！ 三歲貫女， 莫我肯顧。 逝將去女， 適彼樂土。 樂土樂土， 爰得我所。	大老鼠啊大老鼠， 不要偷吃我的黍！ 多年辛苦养活你， 我的死活你不顾。 发誓从此离开你， 到那理想的乐土。 乐土啊美好乐土， 那是安居好去处。	Ты, большая мышь, жадна, Моего не ешь пшена. Мы трудились – ты хоть раз Бросить взгляд могла б на нас. Кинем мы твои поля – Есть счастливая земля, Да, счастливая земля! В той земле, в краю чужом Мы найдем свой новый дом.
碩鼠碩鼠， 無食我麥！ 三歲貫女， 莫我肯德。 逝將去女， 適彼樂國。 樂國樂國， 爰得我直。	大老鼠啊大老鼠， 不要偷吃我的麦！ 多年辛苦养活你， 不闻不问不感谢。 发誓从此离开你， 到那理想安乐地。 安乐地呀安乐地， 劳动所得归自己。	Ты, большая мышь, жадна, Моего не ешь зерна. Мы трудились третий год – Нет твоих о нас забот! Оставайся ты одна – Есть счастливая страна, Да, счастливая страна, Да, счастливая страна! В той стране, в краю чужом, Правду мы свою найдем.
碩鼠碩鼠， 無食我苗！ 三歲貫女， 莫我肯勞。 逝將去女， 適彼樂郊。 樂郊樂郊， 誰之永號。	大老鼠啊大老鼠， 不要偷吃我的苗！ 多年辛苦养活你， 没日没夜谁慰劳。 发誓从此离开你， 到那理想的乐郊。 乐郊啊美好乐郊， 谁还叹气长呼号？	На корню не съешь, услышь, Весь наш хлеб, большая мышь! Мы трудились столько лет – От тебя пощады нет. Мы теперь уходим, знай, От тебя в счастливый край, Да, уйдем в счастливый край, Да, уйдем в счастливый край! Кто же в том краю опять Нас заставит так стонать?

Давая общую характеристику «Книге песен и гимнов», Н. Т. Федоренко охарактеризовал песню «Большая мышь» как текст-иносказание, с помощью которого выражаются антагонистические отношения между простым народом и его угнетателями: «Ненавистные народу силы, его жестокие поработители аллегорически изображаются в виде большой мыши, жадно пожирающей все труды земледельцев. Лейтмотивом песни, проникнутой оптимисти-

ческой верой в торжество народной справедливости, является мечта тружеников о счастливой земле, в которой не будет “жадных мышей”» [2, с. 6–7].

С таких же «классовых» позиций оценивал данное произведение и И. С. Лисевич, по мнению которого в песне «Большая мышь» нашли отражение «отголоски социально-утопических воззрений» древних китайцев, их мечты о далекой счастливой стране: «Реальной действительности эксплуататорского общества в песне противопоставлена идея счастливой страны – страны радости (*лэ ту*). Для нас весьма важно отметить, что протест против социальной несправедливости выражен в данном произведении не только в прямой форме, но и через идею социально-утопическую» [3, с. 67].

Комментарии китайских авторитетных исследователей к данному тексту «Книги песен» также сводятся к идее сопротивления простого народа угнетению со стороны эксплуататора/правителя-тирана. Однако, несмотря на тяжелые жизненные условия, люди по-прежнему сохраняют надежду, верят в лучшую жизнь.

Профессор Пекинского педагогического университета Ли Шань пишет, что эта песня о противостоянии суровым налогам. «Счастливая земля» может быть как реальным местом бегства от тирании, так и воображаемым «земным раем». Он также отмечает, что «недавно кто-то выпустил статью, утверждая, что это может быть древняя песнь-молитва о том, чтобы крысы ушли.» По его словам, такая точка зрения нова, однако, за неимением убедительных аргументов её, придерживаться ей не может [4, с. 351].

Профессор Университета Фудань (г. Шанхай) Ло Юймин отмечает, что в песне «Большая мышь» «魏国之人怨恨国君重敛无度，贪婪如鼠，想象可以逃奔到某个“乐土”» [5, с. 283] («народ царства Вэй, сравнивая правителя с крысой, выражает ненависть и досаду за его чрезмерную алчность и воображает, что может сбежать в некую «счастливую землю»).

На наш взгляд, рассматриваемый текст может быть интерпретирован и как древнее магическое заклинание, представленное в стихотворной (песенной) форме. К числу магических заклинаний данный текст можно отнести не только из-за наличия в нем повторяющегося обращения к сакрализованному животному – мыши, но и на основании общей направленности песенного текста, которая в конечном счете имеет целью сберечь урожай, защититься от голода. Что касается представленного в тексте мотива ухода крестьян из своей родной земли в какую-то «счастливую землю», то он может быть охарактеризован как уловка, намеренное «введение в заблуждение» опасного противника, с которым очень сложно бороться.

Как было отмечено ранее, «Шицзин» является сборником древних текстов, являющихся элементами комплексного искусства. Рифмованный текст с четкой ритмической организацией, сопровождающийся музыкой и танцем обладает колоссальным фасцинационным¹ воздействием. Согласно докладу Ю. В. Кнорозова, представленному в журнале «Вопросы языкознания» от 1962 г. «под фасцинацией докладчик понимает такое действие сигнала, при

¹ Термин «фасцинация» был введен выдающимся советским ученым Ю. В. Кнорозовым и впервые озвучен в рамках доклада «Об изучении фасцинации» в 1961 г.

котором ранее принятая информация полностью или частично стирается. В частности, таким фасцинирующим воздействием обладает ритм. Как известно, мозг вырабатывает антирезонансную защиту, поэтому интересно проследить, по каким линиям идет преодоление этой антирезонансной защиты. Докладчик обсудил следующие возможности: а) действуют три ряда раздражителей, например, равномерное повторение ударных и безударных слогов, повторение рифм, повторение строфических форм; б) поэт сознательно отходит от заданной метрической схемы; в) применяются замедления и ускорения» [6].

Эти идеи получили развитие в фундаментальной статье «К вопросу о классификации сигнализации»: «Человеческая сигнализация с длинными рядами является весьма удобной для использования фасцинирующих приемов, в том числе для ритмической организации. По-видимому, одним из наиболее ранних приемов было растягивание гласных (глиссандирующее пение, речитатив). Ритмическая организация звукового сигнального ряда достигалась различным путем, в том числе повторением ударений (даже с нарушением принятых), или фонем (рифмованная проза), или того и другого (рифмованные стихи). <...> Построенный строго ритмически сигнальный ряд может сходным образом утратить фасцинирующие свойства после нескольких повторений. В порядке борьбы с «противотормозной защитой» широко применялись различные нарушения однообразного ритма, например, перебой стопы в стихах (естественно, при декламации, а тем более при пении фасцинирующие свойства резко усиливаются)» [7, с. 35–36].

По словам Е. В. Романовской, «к ритмообразующим средствам относится рифма, придающая стихотворению целостность и способствующая более легкому запоминанию стиха. Поскольку композиционно наиболее сильный акцент приходится на конец строки, то рифма неизменно попадает в центр внимания читателя. Обязательное применение рифмы (韵 [yùn]) было свойственно древней и классической китайской поэзии на протяжении нескольких тысячелетий ее развития» [8].

Известный китайский ученый Ван Ли в труде «诗经韵读 楚辞韵读» («Чтение рифмы «Шицзин» и «Чуцы»») пишет, что эти тексты обладали четко организованной рифмой, однако в связи с их древностью и фонетическими изменениями, в современном прочтении она не столь очевидна. Однако для восстановления рифмы необходимо и достаточно реконструировать звучание только последнего иероглифа [9, с. 9].

Далее приводим фонетическую реконструкцию, предложенную Ван Ли [9, с. 202–203].

Таблица 2 – Фонетическая реконструкция, предложенная Ван Ли

Современное чтение	Фонетическая реконструкция по системе Ван Ли
碩鼠碩鼠, shǔ 無食我黍! shǔ 三歲貫女, rǔ	碩鼠! sjia 碩鼠! sjia 無食我黍! sjia

莫我肯顧。gù 逝將去女，rǔ 適彼樂土。tǔ 樂土樂土，tǔ 爰得我所。suǒ	三歲貫女，njia 莫我肯顧。ka 逝將去女，njia 適彼樂土。tha 樂土! tha 樂土! tha 爰得我所。shia (魚部)
碩鼠碩鼠，shǔ 無食我麥! mài 三歲貫女，rǔ 莫我肯德。dé 逝將去女，rǔ 適彼樂國。guó 樂國樂國，guó 爰得我直。zhí	碩鼠! sjia 碩鼠! sjia 無食我麥! muək 三歲貫女，njia 莫我肯德。tək 逝將去女，njia (魚部) 適彼樂國。kuək 樂國! kuək 樂國! kuək 爰得我直。diək (職部)
碩鼠碩鼠，shǔ 無食我苗! miáo 三歲貫女，rǔ 莫我肯勞。láo 逝將去女，rǔ 適彼樂郊。jiāo 樂郊樂郊，jiāo 誰之永號。hào	碩鼠! sjia 碩鼠! sjia 無食我苗! miô 三歲貫女，njia 莫我肯勞。lô 逝將去女，njia (魚部) 適彼樂郊。keô 樂郊! keô 樂郊! keô 誰之永號。hô (宵部)

Как можно заметить, в тексте прослеживается четкий рисунок рифм, более того, все они относятся к определенным группам. В песне «Большая мышь» присутствует 3 группы рифм – 魚部 [yú bù] (в финали основным гласным является «а»), 職部 [zhí bù] (в финали основным является «эк») и 宵部 [xiāo bù] (в финали основным является «ô»). Интересным также представляется составление более точной схемы рифмы исследуемой песни с учетом наличия/отсутствия медиали.

Таким образом, проанализировав фонетическую реконструкцию оригинала, можно сделать вывод о том, что песня «Большая мышь» обладает четким ритмическим рисунком, рифмой, что может свидетельствовать о высокой степени фасцинационного воздействия как на исполнителя(-ей), так и на слушателей.

Далее обратим внимание на семантику повторяющихся знаков в тексте оригинала. Иероглиф 鼠 [shǔ] «мышь» повторяется 6 раз, иероглиф 乐 [lè] «счастливый» (исходное значение знака – «музыка») – 9 раз. Каждая строфа начинается с «碩鼠碩鼠,.....» (большая *мышь*, большая *мышь*, ...), всего в

песне 3 строфы. Это довольно распространенный прием в «Шицзин», у которого существует множество форм: повторение одного иероглифа, нескольких, части строки, целой строки и др. К первой строфе Ли Шань дает следующий комментарий: «牛运震《诗志》：“叠呼‘硕鼠’，疾痛切怨。”» [4, с. 350] (Ню Юньчжэнь в «Шичжи»: удвоение восклицания/призыва «большая мышь» – выражение глубокой боли и негодования).

Согласно «Большому словарю китайских иероглифов», иероглиф 鼠 «мышь» имеет 4 значения. Учитывая, что данный иероглиф является пиктограммой, т.е. изначально являлся изображением животного с острыми передними зубами, телом и длинным хвостом, первым и ведущим значением является «鼠，穴虫之总名也，象形» («шу – общее название для животных, обитающих в норах, пиктограмма») [10, с. 5086]. Впоследствии знак 鼠 [shǔ] стал использоваться только для наименования мыши/крысы. Помимо основного значения, этот иероглиф употребляется в качестве первого из 12 циклических знаков «земных ветвей» 地支 [dì zhī] китайской традиционной системы исчисления времени ганьчжи 干支 [gān zhī], а также синонимичен 予 [yǔ] («давать»). Однако отдельного внимания заслуживает следующая группа значений¹: «То же, что и шу 癩 [shǔ] «тоска, печаль, уныние». <...> «Шицзин», «Малые оды», «Велик ты, неба вышний свод» (II, IV, 10)»: «В тоске мы с кровью слезы льем, / Промолвим слово – горе в нем!» [2, с. 168].

Как можно увидеть из вышеуказанной словарной статьи, иероглиф 鼠 означает как мышь/крысу, так и тоску, печаль, психологическое состояние депрессивного спектра. Тогда обратимся ко всем упоминаниям иероглифа «鼠» [shǔ] ‘мышь’ в «Книге песен». Помимо непосредственного фигурирования в тексте «硕鼠» («Большая мышь» (I, IX, 7)), он также упоминается в песнях:

- 《行露》 («Песня невесты, отвергающей жениха» (I, II, 6)):

谁谓鼠无牙，	Кто же скажет: клыков нет у мыши лесной,
何以穿我墉？	Что прогрызла ограду в саду？
谁谓女无家，	Кто же скажет, что ты не помолвлен со мной？
何以速我讼？	Ты меня призываешь к суду.
虽速我讼，	Что же, пусть ты меня призываешь к суду, –
亦不女从！	За тебя все равно не пойду.

- 《相鼠》 («Ты на крысу взгляни...» (I, IV, 8)):

相鼠有皮，	Ты на крысу взгляни – щеголяет кожей,
人而无仪。	А в тебе нет ни вида, ни осанки пригожей！
人而无仪，	Коль в тебе нет ни вида, ни осанки пригожей，
不死何为？	Почему не умрешь ты, на людей не похожий？
相鼠有齿，	Посмотри ты на крысу – у нее есть зубы，
人而无止。	А ведь ты человек без удержу, грубый，
人而无止，	Если ты человек без удержу, грубый，
不死何俟？	Чего ждешь, кроме смерти？ Что тебе любо？
相鼠有体，	Посмотри-ка: все слажено в теле крысином.
人而无礼。	Ты – не знаешь обряда и не славен ты чином
人而无礼，	Коль ни чина нет у тебя, ни обряда，
胡不遄死？	Что же, ранняя смерть для тебя – не награда？

¹ «通“癩”。<...> 2.忧病。《诗·小雅·雨无正》鼠思泣血，无言不疾。”» [10, с. 5087].

- 《七月》 («Песня о седьмой луне» (I, XV, 1)):

穹室熏鼠，	В доме замазывать щели пора,
塞向墉户。	Выкурить дымом мышей со двора!
嗟我妇子，	Крепко закрыто на север окно,
曰为改岁，	Глиной обмазаны двери давно.
入此室处。	Жены и дети, мы вас зовем:
	Год изменился, пришли холода,
	В дом свой войдите, живите в нем.

- 《斯干》 («Новый дворец» (II, IV, 5)):

约之阁阁，	Досками место для стен обнесли,
椽之橐橐。	Плотно меж досок набили земли.
风雨攸除，	В дом не проникнут ни ветер, ни дождь,
鸟鼠攸去，	Птица и мышь не проникнут! Как встарь,
君子攸芋。	Место почтенно и свято, где царь!

- 《雨无正》 («Велик ты, неба вышний свод» (II, IV, 10)) :

谓尔迁于王都，	Вернитесь же, друзья, назад!
曰予未有室家。	«У нас нет дома! – говорят, –
鼠思泣血，	В тоске мы с кровью слезы льем,
无言不疾。	Промолвим слово – горе в нем!»
昔尔出居，	Когда в чужие страны шли –
谁从作尔室？	Кто шел за вами строить дом?!

Как видно из последней песни, знак *шу* «鼠» [shǔ] ‘мышь’ используется как 癩 [shǔ] ‘тоска’, но и последний в «Книге песен» присутствует, например:

- 《正月》 («Пал летом белый иней» (II, IV, 8)):

正月繁霜，	Пал летом белый иней вдруг,
我心忧伤。	И сердце ранил мне испуг;
民之讹言，	В народе лживая молва
亦孔之将。	Растет и ширится вокруг.
念我独兮，	Лишь вспомню, как я одинок, –
忧心京京。	Сильнее боль сердечных мук,
哀我小心，	От скорби тяжкой и тревог
癩忧以痒。	Все тело охватил недуг.

Проанализировав семантику иероглифа «鼠» [shǔ], можно предположить, что в контексте данной песни возможен вариант значения «тоска/печаль», имеет место отношение к некому болезненному состоянию. Таким образом, общий смысл песни смещается в сторону желаний уйти от губительного душевного состояния, попасть в «счастливый, спокойный край».

Если обратить внимание на структуру организации песни, то, как мы указывали выше, иероглиф 鼠 [shǔ] «мышь» повторяется 6 раз (по 2 раза в начале каждого куплета), иероглиф 乐 [lè] – 9 раз (по 3 раза в конце каждого куплета). Согласно китайской философии, чётные числа являются числами инь, нечётные – ян. Более того, в древнекитайской «Книге перемен» («Ицзин») указано, что символу ян – прямой черте (—) – соответствует число 9, а символу инь – разрывной, двойной черте (-- --) – число 6. Таким образом, если схематично изобразить структуру каждого куплета песни «Большая мышь», она будет соответствовать гексаграмме №63, по китайской традиции последней, символизирующей успешное завершение какого-либо дела [11, с. 842].

Таким образом, учитывая древность сборника в целом и этой песни в частности, можно предположить, что структура имеет сакральный характер, воспроизводящий элемент древнекитайской модели мира, которая также отражается в «Книге перемен». В таком случае песня «Большая мышь» действительно могла использоваться в качестве сопровождения ритуального действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. 王秀梅. 诗经 / 王秀梅译注. – 北京: 中华书局, 2015. – 829 页. = Ван, Сюэмэй. Шицзин / Сюэмэй Ван; перевод и комментарий Ван Сюэмэй. – Пекин: Китайское книгоиздательство, 2015. – 829 с.
2. Шицзин: Книга песен и гимнов / Пер. с кит. А. Штукина; Подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко; Коммент. А. Штукина. – М.: Худож. лит., 1987. – 351 с.
3. Лисевич, И. С. Древняя китайская поэзия и народная песня (Юэфу конца III в. до н.э. – начала III в. н.э.) / И. С. Лисевич. – М.: Наука: Гл. ред. вост. лит-ры, 1969. – 287 с.
4. 李山. 诗经析读: 全文增订插图本 / 李山著. – 北京: 中华书局, 2018. – 905 页. = Ли, Шань. Чтение и анализ «Шицзин»: полный текст с исправлениями, дополнениями, иллюстрациями / Шань Ли. – Пекин: Китайское книгоиздательство, 2018. – 905 с.
5. 骆玉明. 诗经 / 骆玉明解注; (日) 细井徇撰绘. – 西安: 三秦出版社, 2017. – 990 页. = Ло, Юймин. Шицзин / Юймин Ло; коммент. Ло Юймин; иллюстр. Си Цзинсюнь (Яп.). – Сиань: Издательство Саньцинъ, 2017. – 990 с.
6. Кнорозов, Ю. В. Об изучении фасцинации / Ю. В. Кнорозов // Вопросы языкознания. – 1962. – №1. – С. 163.
7. Кнорозов, Ю. В. Избранные труды / Ю. В. Кнорозов. – СПб.: МАЭ РАН, 2018. – 594+II с.; портрет.
8. Романовская, Е. В. Ритм как фасцинационный прием в произведениях китайской классической поэзии / Е. В. Романовская // Вести БГПУ. Серия 1. – 2019. – № 1. – С. 61-66.
9. 王力. 诗经韵读 楚辞韵读 / 王力著. – 北京: 中华书局, 2014. – 487 页. = Ван, Ли. Рифмованное чтение «Шицзин» и «Чуцы» / Ли Ван. – Пекин: Китайское книгоиздательство, 2014. – 487 с.
10. 汉语大字典: 九卷本 / 汉语大字典编辑委员会编纂. – 2 版. – 武汉: 湖北长江出版集团 崇文书局; 成都: 四川出版集团·四川辞书出版社, 2010. – 5727 页. = Большой словарь китайских иероглифов в 9 томах / редколлегия БСКИ; 2-е издание. – Ухань: Издательская группа Хубэй Янцзы, Книгоиздательство Чунвэнь; Чэнду: Издательская группа Сычуань, Сычуаньское лексикографическое издательство, 2010. – 5727 с.
11. 高永平. 图解易经 / 高永平著. – 南昌: 江西科学技术出版社. – 2012. – 898 页. = Гао, Юнпин. «Ицзин» с иллюстрациями / гл. ред. Юнпин Гао. – Наньчан: Цзянсийское издательство научно-технической литературы, 2012. – 898 с.

Информация об авторах:

Коваль Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Ф.Скорины, г. Гомель, Республика Беларусь.

Сулима Екатерина Сергеевна – аспирант, старший преподаватель кафедры теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Республика Беларусь.

ТЕМА ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА И ОБРАЗ ПОЭТА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ КИТАЯ ЭПОХИ СУН

Актуальным направлением современного китайского и белорусского искусствоведения является детальное изучение различных аспектов искусства вэньжэньхуа, его важнейших представителей и их произведений. Автор статьи описывает и анализирует своеобразие темы поэтического творчества и образа поэта как вэньжэнь, т.е. художника-учёного чиновника, в изобразительном искусстве (портретных и сюжетных картинах) эпохи Сун.

Ключевые слова: искусство Китая, вэньжэньхуа, портретная и сюжетная живопись, образ поэта в искусстве, эпоха Сун.

LI YI

THE THEME OF POETIC CREATIVITY AND THE IMAGE OF THE POET IN THE CHINESE VISUAL ARTS OF THE SUNG ERA

An actual direction of modern Chinese and Belarusian art history is a detailed study of various aspects of wenzhenhua art, its most important representatives and their works. The author of the article describes and analyzes the originality of the theme of poetic creativity and the image of the poet as a wenzhen, i.e. an artist-scientist official, in the fine arts (portrait and narrative paintings) of the Song era.

Keywords: Chinese art, wenzhenhua, portrait and subject painting, image of the poet in art, Song era.

В наследии классического искусства Китая важнейшее место занимает вэньжэньхуа (кит. 文人画, *wén rén huà* – дословно «живопись учёных мужей»), – изобразительное, поэтическое и каллиграфическое творчество, основанное на широкой образованности и неоконфуцианской философии. Это явление получило уже широкую известность в русскоязычном искусствоведческом пространстве. Термин вэньжэньхуа был введен в научный оборот исследователем и переводчиком Е. В. Завадской в 1971 году [1]. Однако детальное изучение различных аспектов вэньжэньхуа, его важнейших представителей и их произведений, остается задачей будущего. Среди интересных вопросов, требующих анализа, – своеобразие темы поэтического творчества и образа поэта в изобразительном искусстве (портретных и сюжетных картинах) эпохи Сун.

В работе «Эстетическое сознание и поэтические стремления в живописи вэньжэньхуа династии Северная Сун» Пань Лиянь, раскрывая творческую эстетику, подчеркивал в качестве основной особенности этого явления жизненность замысла и манеры исполнения в качестве важнейшего принципа творчества. Художники круга вэньжэнь интегрировали в картины поэтический текст, стремясь добиться более глубокого выражения чувств. «С точки зрения всей традиционной культурной системы вэньжэнь, – пишет Пань Лиянь, – развитие литературы предшествовало развитию живописи. Художники осознавали, что функция выражения эмоций в литературных произведениях

возникла раньше, чем живопись. Эстетические взгляды, изложенные в «Рассуждениях об изящной словесности» Цао Пи, «Оде свободной формы» Лу Цзи, «Резном драконе литературной мысли» Лю Се и «Категориях стихов» Чжун Жуна, нашли свое отражение в теории живописи» [2, с. 47].

Таким образом, можно сказать, что теория живописи находилась под влиянием теории литературы. Династия Тан положила начало расцвету поэзии, которая стала для творцов лучшим способом передать свои стремления и выразить свои эмоции. Когда во времена династии Северная Сун среди вэньжэнь появилась тенденция к живописи, эти люди, занимавшие официальные должности при императорском дворе и составлявшие костяк государственно-чиновничьего аппарата империи, стали выражать свои эмоции через живопись. Эта форма творчества в полной мере отразила закономерности различного взгляда на мир, которые ранее сложились в древнекитайской поэзии. Неслучайно Су Ши высказал мнение, что правила вэньжэньхуа и поэзии непротиворечивы.

Традиция вэньжэньхуа династии Сун (960–1279 гг.) сформировала собственную интерпретацию танской поэзии. Художники создали большое количество классических картин, важнейшие из которых выделяет Ло Шицзинь, отмечая, что их объединяет то, что все они показывают портрет поэта с разных ракурсов. Путем анализа картин поэтов эпохи династии Сун, Ло Шицзинь раскрывает процесс формирования канона изображений танских знаменитых поэтов в Сунскую эпоху: «Формирование и распространение образов вэньжэнь империи Тан в эпоху династии Сун отражало популярность Танской поэзии и восхищение этими поэтами, поэтому до сих пор существует много портретов Ли Бо и Ду Фу» [3, с. 110].

В настоящее время трудно определить, сколько портретов Ли Бо было написано в эпоху династии Сун, но в наши дни достоверно известны двадцать одно произведение живописи, дошедшее до нас в многочисленных копиях, и двадцать три стихотворения. Аналогичным образом можно подсчитать, что образ другого любимого поэта китайского народа, Ду Фу, запечатлен в 25 произведениях изобразительного искусства и 26 стихотворениях, что больше, чем у Ли Бо. Необходимо понимать, что количество хвалебных произведений не равно реально существующему количеству живописных картин, но может отражать психологические тенденции поколения.

Портреты включают не только изображения отдельного человека, но и групповые изображения, например, «Портрет Ли Бо и Ду Фу», написанный Чэнь Ди, «Портрет Ду Фу, Ли Бо, Су Ши и Хуан Тинцзяня», написанный Хун Цзыкуем, и «Сбор урожая на Холодной горе» Фа Чана, «Холодная гора» Лян Кая и др.

Сюжетные картины, посвященные теме поэтического творчества – это работы, нарисованные посредством художественного воображения на основе интерпретации стихов, романов и т. д., то есть основанные на переосмыслении литературных образов. Это изменение показывает совместимость поэзии и живописи, а также подчеркивает влияние поэтической культуры эпохи династии Тан. Различные события этой эпохи сами по себе имеют ярко выра-

женные литературно-повествовательные характеристики, которые могут отражать как писатели, так и художники. Например, такие танские поэты, как Ли Бо, Ду Фу и Бо Цзюйи, переживали жизненные взлеты и падения. Художники отображали их в виде картин, чтобы показать свой разнообразный жизненный опыт, способствуя таким образом развитию поэзии и литературы, имеющих большое значение для искусства в целом.

С развитием поэзии и живописи появились сюжетные картины, связанные с жизнью поэтов, как, например, «Запираю ворота, провожая гостя», художника эпохи династии Мин Чжоу Чэня. Этот художник активно творил в эпоху ранней династии Мин (1368-1644 гг.) и прославился как мастер пейзажа, портрета, живописных картин в жанре «цветы и птицы». Его техника живописи аналогична технике Ли Тана и Ма Юаня, творивших в эпоху династии Южная Сун. Картины художников-литераторов оказали на формирование его навыков живописи большое влияние [4]. «Запираю ворота, провожая гостя» Чжоу Чэня отражает увлечение вэньжэньхуа пейзажами и интерес ученых-художников к уединению на природе.

На картине изображена трогательная сцена прощания хозяина и гостя, не желающих расставаться. Раскрывая такого рода тему затворнической жизни, художник в отличие от картин художников-литераторов эпохи династий Юань и Мин, преследующих цель передачи художественной концепции запустения и пустоты, придает своим работам величественный импульс и наделяет собственными отличительными особенностями. Чжоу Чэнь не обращал внимания на обобщение поэтического смысла в своих работах, а сосредоточился на представляющих их стихах, а затем использовал язык традиционной живописи тушью для их передачи, стремясь полностью выразить эмоции с точки зрения повествования и персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Завадская, Е. В.* Эстетические проблемы живописи старого Китая / Е. В. Завадская. – М.: Искусство, 1975. – 439 с.
2. 潘利艳. 北宋文人画的审美自觉及其诗意追求 / 潘利艳. – 艺术品鉴. – 2018(33). – 367 页. = Пань Лиянь. Эстетическое сознание и поэтические стремления в живописи художников-литераторов эпохи династии Северная Сун / Лиянь Пань // Восприятие искусства. – 2018. – №33. – 367 с.
3. 罗时进. 宋图像传播对唐诗人与作品的经典化形塑 / 罗时进. — 社会科学文摘. – 2018(12). – 121 页. = Ло Шицзин. Каноническое формирование танских поэтов и произведений через распространение портретов в Сунскую эпоху / Шицзин Ло // Рефераты по социальным наукам, 2018. – №12. – 121 с.
4. 周臣 - 故宫博物院. = Чжоу Чэнь, Музей Гугун [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dpm.org.cn/lemmas/245076.html>. – Дата доступа: 20.09.2023.

Информация об авторе:

Ли И – магистр искусствоведения Белорусского государственного университета культуры и искусств, г. Минск, Республика Беларусь.

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ОБРАЗ СОРОКИ В КИТАЙСКИХ ТРАДИЦИОННЫХ ПРАЗДНИКАХ И СОПРОВОЖДАЮЩИХ ИХ ПЕСНЯХ

В статье исследуется образ сороки в китайских традиционных праздниках. Объектом исследования являются китайские праздничные обрядовые песни.

Ключевые слова: китайский фольклор, образ сороки, китайские традиционные праздники, праздничные песни, китайские национальные традиции.

LUAN YING

THE FOLK IMAGE OF MAGPIE IN TRADITIONAL CHINESE HOLIDAYS AND ACCOMPANYING FOLK SONGS

The paper studies the folk image of magpie in traditional Chinese holidays. The object of the study is Chinese holiday songs.

Keywords: folk image of magpie, Chinese traditional holidays, holiday songs, national-cultural traditions.

1. Введение

Для китайской традиционной обрядности характерны древние идеи обеспечения гармонии между человеком и природой. Известная исследовательница фольклора И. В. Казакова отмечает: «Глубокое осознание важности гармонии человека и окружающей его природы, постоянный поиск и сохранение этой гармонии присуще в большей степени именно китайской культуре, благодаря очень устойчивой, веками неизменной этико-ритуальной основе» [1, с. 144].

В китайских традиционных праздниках и сопровождающих их обрядах и обрядовых песнях, фольклорный образ сороки выделяется этнокультурной особенностью, который семантически ассоциируется с ней, как с предвестницей радости и счастья.

1. Образ сороки на праздник Циси

Седьмого числа седьмого месяца по лунному календарю в Китае отмечается праздник Циси. Традиционно в этот день девушки молились о своей мудрости и счастье. Этот праздник также называется праздником «Цицiao (получения навыков ткачества)», в который девушки молились небесной ткачихе, чтобы получить великое мастерство тканья. Обряды были записаны в «Разных записках Сицзина»: «В династии Хань седьмого числа седьмой луны девушки должны сшить семь ниток в рубашке. Это было ритуальной практикой для девушек» [6, с. 81].

В праздник Циси фольклорный образ сороки – это символ счастья и верности, он является необходимой частью обрядов, который происходит из печальной истории любви о Пастухе и Ткачихе. Об этом свидетельствует песня в «Книге песен»: «維天有漢，監亦有光。跂彼织女，終日七襄。虽則七襄，不成報章。睨彼牽牛，不以服箱。 – Млечный Путь в небе великолепен, как зеркало. Прекрасная Ткачиха тклет семь раз в день, а я не увидел сотканной

ткани. Пастух находится недалеко от Млечного пути, но я не увидел, что он тянул тележку доставить товар» [2, с. 142]. Содержание этой песни было создано на основе астрономических явлений – звезда Альтаир и звезда Вега, которые находятся близко друг к другу в день седьмого числа седьмого лунного месяца. В песне выражены древнее мышление китайцев и типичная китайская жизнь: муж работал в поле, а жена ткала дома.

По легенде, Пастух и небесная Ткачиха влюбились друг в друга. Счастьем была наполнена их семья: Пастух работал в поле, а Ткачиха ткала дома. Дети росли счастливо. Однако небесной Ткачихе было запрещено вступать в брак с обычным мужчиной на земле. Царица-мать забрала ее обратно на небеса, и создала между ними огромную Серебряную реку. Слезно Ткачиха упрашивала Царицу-мать о встрече с своим мужем и детьми. Известная народная песня в сборнике «Девятнадцать древних стихотворений» выражает эту грустную историю:

迢迢牵牛星，
皎皎河汉女。
纤纤擢素手，
札札弄机杼。
终日不成章，
泣涕零如雨。
河汉清且浅，
相去复几许？
盈盈一水间，
脉脉不得语 [2, с. 142].

*Далеко-далеко находится Пастушья звезда;
Мерцай, мерцай, Ткач сияет вдалеке.
Маленькая и стройная, протягивает свои такие белые руки;
Щелк-щелк, она ловко управляет ткацким станком.
В течение целого дня она не может соткать ни одного кусочка ткани,
Вытирая слезы, текущие, как дождь.
Шелковая река прозрачна и мелка;
Как далеко это может быть, если оно выглядит узким?
Река между ними кристально чистая;
Они смотрят друг на друга, молчаливые и милые.*

Легенда гласит, что Царица-мать наконец согласилась, что Пастух и Ткачиха встречаются лишь раз в году, ночью на седьмое число седьмой луны. Существовала вера в то, что бесчисленное количество сорок прилетело в небо в эту ночь, и они строили своими телами Сорочий мост через Серебряную реку, чтобы на мосту встретились влюбленные.

В древнем Китае сорока рассматривается сверхъестественной птицей. Китайский ученый Ли Бинхай полагал: «Древние китайцы обнаружили, что птицы умеют летать в небе, и среди птиц сороки выделяются талантами строить гнезда широкими и стабильными. И поэтому в легенде сороки изображаются магической птицей, строящей мост через Серебряную реку» [3,

с. 91]. Об этом свидетельствуют слова в «Хуайнань-цзы», что «Сороки знают направления ветра, и выбирали места расположения гнезда. Все соответствует закону архитектурной науки» [3, с. 92]. По записи в «Хуайнань-цзы», «Сороки засыпали Серебряную реку своими телами, чтобы Ткачиха перешла» [8, с. 96]. В «Сборнике обычаев» было записано, что «Сороки строили мост. Ткачиха перешла через Серебряную реку на седьмое число седьмой луны» [там же].

Очевидно, образ сороки и изображение Сорочьего моста в праздничных песнях Циси имеют глубокие фольклорные корни, в песнях звучали пожелания китайцев о воссоединении семьи. Кроме того, сорока стала символом любви и счастливого брака в древнекитайской литературе, особенно в династии Тан и Сун.

纤云弄巧，飞星传恨，
银汉迢迢暗度。
金风玉露一相逢，
便胜却人间无数。
柔情似水，佳期如梦，
忍顾鹊桥归路！
两情若是久长时，
又岂在朝朝暮暮 [2, с. 150] !

Облака плывут в небе.

Звезды сверкают с горем.

На берегу Млечного пути Пастух встречает Ткачиху.

Как осенний ветер ласкает ночную росу, любовь лечит боль.

Их нежная любовь течет, как ручей.

Это счастливое свидание кажется всего лишь сном.

Пришло время прощаться на мосту, построенном сороками.

Любовь между влюблённым длится долго.

Зачем им оставаться на связи?

На китайских традиционных обрядностях изображается сорока на ветке сливы как символ добрых пожеланий. Традиционно на свадебных подарках изображают двух сорок на ветке сливы, что означает пожелание счастья и любви в браке.

2. Образ сороки на другие традиционные праздники

Значение образа сороки ассоциируется с добрым предзнаменованием в Китае. Название сороки в китайском языке определяется понятием «喜鹊 (Си Цюэ) – птицы радости». Ее голос предвещает счастливое сообщение или долгожданных гостей. В историческом сборнике «Фольклорных произведений Дуньхуана» была записана песня: «野鹊入家最有灵，好事于先来送喜。 – Волшебная сорока прилетела в дом. Она предсказала хозяину счастливые новости» [7, с. 847]. Песня на Праздник холодной пищи поется: «想得近寒食，潜听喜鹊望归来。 – К Празднику холодной пищи мне было грустно, скучая по моей семье. Радостно мне слушать стрекот сорок, ожидая встречи с ними» [4, с. 9–10].

В династии Тан существовала популярная народная песня, которая выражает ожидание женщиной своего мужа. И сорока несёт новые надежды.

人间树好纷纷占，
天上桥成草草回。
几度送风临玉户，
一时传喜到妆台 [4, с. 9]。

Сороки садятся на высоких деревьях.

Они строили мост на небе и возвращались на земле.

Сороки передали добрые новости, что придет долгожданный муж.

Женщина красилась с радостью, ожидала своего мужа.

В китайских фольклорных произведениях сорока изображается вестником между небом и землей, и обладает способностью предсказывать будущее. Об этом свидетельствуют исторические материалы династии Тан и Сун. Среди них известная история в книге «Истории во дворце и в народе» была записана, что «... Цзин И был ошибочно арестован в тюрьму. Сорока села в его камере, и стрекочет ему, как будто передает добрую новость... Оправдательный приговор был оглашен через три дня, и Цзин И был свободен. Именно эта черно-белая птица предсказывает ему это сообщение» [9, с. 53].

В сельскохозяйственном обществе сорока стала для людей любимым образом по причине того, что сорока предвещает приход весны. С сорокой всегда было связаны ожидания людей весной. В песнях весеннего цикла выделяется веселый образ сороки на ветке сливы, возвещающие весну. Например,

喜鹊登梅春报早，庭前杨柳探东风 [10, с. 166]。 – *Сороки на ветке сливы предвещают приход весны. Тополы и ивы в дворе танцуют с весенним тёплым ветерком.*

门前喜鹊笑春风，万里冰封雪正融 [там же]。 – *Сороки над дверью стрекочут. Весенний ветер дует, тают лед и снег.*

По традиции, в первый день Фестиваля Весны люди вывешивали вырезанных из бумаги красных сорок, чтобы счастье приходило в дом: «喜鹊迎春祥瑞景，鸳鸯蝴蝶梦中来。 – Сороки приветствовали весну и взяли благополучия. Утки-мандаринки и бабочки были в нашем сне, а скоро прилетят» [10, с. 167].

Древние китайцы давно знали о привычке сороки гнездиться на высоких деревьях. В историческом сборнике «Чжуанцзы» были записаны слова: «鹊上高城之堦，而巢于高榆之颠。 – Сорока села на высоком месте, а строила свое гнездо на высоком вязе» [5, с. 1525]. Песня «Весны» в династии Цзинь записала эту привычку сорок: «鹊营巢于高树，燕衔泥于广庭。 – Сорока строит свое гнездо на высоком дереве, а ласточка крепит свое гнездо к стене» [5, с. 44]. Китайцы обнаружили, что сороки любят строить гнезда в деревьях во дворе, поэтому сажали деревья в своих дворах, чтобы привлечь сорок к гнездованию. В династии Тан была популярная песня «Сороки»:

神鹊神鹊好言语，
行人早回多利赂。
我今庭中栽好树，
与汝作巢多报汝 [4, с. 10]。

*Боже сороки, Боже сороки, говорите хорошие слова.
Пусть люди зарабатывают большие денег и раньше возвращаются домой.
Я уже посадил дерево в дворе, чтобы вы могли строить гнезда.
Принесете мне добрые новости.*

В китайском фольклоре гнездо сороки обладает магической функцией. По записи в «Интерпретации сезонов», «Первого числа лунного нового года сжигали гнездо сороки, и бросали в туалет, чтобы отогнать бедствия» [4, с. 11]. Обряд сожжения гнезда сороки проводится в праздник Дуанью для того, чтобы отогнать злых духов и вылечить болезни. В книге «Народных рассказов Юянь» был записан традиционный обычай: «В полдень в праздник Дуанью сожжение гнезда сороки проводится как обряд, наряду с лечением прижигания полыню. Пациент скоро выздоравливает» [4, с. 12].

3. Выводы

Каждая этнокультурная традиция имеет свою ритуальную систему со своей акцентуацией отдельных элементов. Сорока пользуется в фольклорной традиции доброй репутацией в Китае, она передает радость и счастье на традиционных праздниках и в сопровождающих их песнях. Исследование образа сороки способствует более глубокому пониманию китайских фольклорных традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казакова, И. В. Экологичность традиционной китайской культуры / И. В. Казакова // Белая Вежа. – 2016. – № 6, ч. 33. – С. 144–149.
2. 安源. 中国传统节日诗话 / 源安. – 北京: 群众出版社, 2013. – 272 页. = Ань Юань. Поэтические размышления о традиционных китайских праздниках / Юань Ань. – Пекин: Народное издательство, 2013. – 272 с.
3. 李炳海. 从鹊巢到鹊桥—中国古代文学中的喜鹊形象 / 炳海李 // 求索. – 1990. – № 2. – 第 90 – 93 页 = Ли Биньхай. От гнезда сороки до сорочьего моста: Образ сороки в древнекитайской литературе / Биньхай Ли // Цюсо. – 1990. – № 2. – С. 90–93.
4. 刘瑞明. 喜鹊民俗纵横谈 / 明刘瑞 // 寻根. – 2001. – № 1. – 第 9 – 12 页 = Лю Жуймин. Всестороннее обсуждение народных обычаев, связанных с сорокой / Мин Лю // Сюньгэн (Поиски корней). – 2001. – № 1. – С. 9–12.
5. 欧阳询. 艺文类聚 / 阳询欧. – 上海: 上海古籍出版社, 1982. – 2248 页. = Оуян Сюн. Собрание литературных произведений по темам / Сюн Оуян. – Шанхай: Издательство древнекитайской литературы, 1982. – 2248 с.
6. 王根林. 西京杂记 / 根林王. – 上海: 上海古籍出版社, 1999. – 1060 页. = Ван Гэнлинь. Записки о Западной столице / Гэнлинь Ван. – Шанхай: Издательство древнекитайской литературы, 1999. – 1060 с.
7. 王重民. 敦煌变文集 / 重民王、王庆菽、向达、周一良、启功、曾毅公. – 北京: 人民文学出版社, 1957. – 922 页. = Ван Чжунмин и др. Собрание бьяньвэнь из Дуньхуана / Чжунмин Ван, Циншу Ван, Сян Да, Чжоу Илян, Ци Гун, Цзэн Игун. – Пекин: Издательство народной литературы, 1957. – 922 с.
8. 夏炎. 环境史视野下的古代喜鹊形象再探讨 / 炎夏 // 南开学报(哲学社会科学版). – 2013. – № 4. – 第 89 – 97 页. = Ся Янь. Новый взгляд на образ сороки в древности с точки зрения экологической истории / Янь Ся // Вестник Нанкайского университета (Серия философии и социальных наук). – 2013. – № 4. – С. 89–97.
9. 张蔺. 隋唐嘉话. 朝野佥载 / 蔺张. – 北京: 中华书局, 1979. – 182 页. = Чжан Нянь. Рассказы эпох Суй и Тан. Записки о событиях при дворе и в народе / Нянь Чжан. – Пекин: Издательство Чжунхуа, 1979. – 182 с.

10. 张雪敏. 中国传统节日·元宵节 / 雪敏张. — 长春: 东北师范大学出版社, 2011. — 186 页. =
Чжан Сюэминь. Традиционные китайские праздники. Праздник фонарей / Сюэминь
Чжан. — Чанчунь: Издательство Педагогического университета Северо-Востока, 2011. —
186 с.

Информация об авторе:

Луань Ин – аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 130.2+141.0

М. А. МОЖЕЙКО

ПАРАДИГМА НЕЛИНЕЙНОГО МЫШЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДИАЛОГА ЗАПАДА И ВОСТОКА

Формирование парадигмы нелинейного мышления актуализирует для Запада содержание восточной культуры, фундированной идеей спонтанности. В силу этого смягчается оппозиция западного и восточного стилей мышления, знаменуя собою новый этап в развитии диалога западной и восточной традиций.

Ключевые слова: Нелинейность, причинность, спонтанность, синергетика, постмодернизм, язык, Запад, Восток, стиль мышления.

M. A. MOJEIKO

PARADIGM OF NONLINEAR THINKING IN MODERN CULTURE: NEW PERSPECTIVES FOR DIALOGUE OF WEST AND EAST

The appearance of non-linear thinking actualizes the contents of eastern cultural tradition (which is based on the idea of spontaneity) for West thinking. Because of this the opposition of Western and Eastern styles of thinking has been softened, opening a new stage in the development of the dialogue of Western and Eastern traditions.

Keywords: Non-linearity, causality, spontaneity, synergetics, postmodern, language, West, East, style of thinking.

Идея линейного детерминизма являлась доминирующей в европейской культуре на протяжении практически всей ее истории, ибо освоенные до сих пор типы системной организации объектов (от простых составных до развивающихся) могли быть адекватно интерпретированы в этой парадигме. Однако сегодня в фокусе внимания оказывается идея нелинейности – как применительно к естественнонаучной (синергетика), так и применительно к гуманитарной (постмодернистские аналитики) сферам. Современная культура демонстрирует важнейший парадигмальный сдвиг, порожденный этой идеей, – отказ от презумпции принудительной каузальности, т.е. идеи наличия внешней по отношению к исследуемому процессу причины. Этот сдвиг имеет своим следствием непосредственное обращение современной науки и философии к тезаурусу восточной культурной традиции, фундированной идеей спонтанности.

Классическая западная культура в качестве своей несущей семантической оси конституировала субъект-объектную оппозицию: фигура противостояния субъекта и объекта была основополагающей как для классической науки (все, к чему ни прикоснется научное познание, становится объектом),

так и для классического типа философствования с его интенцией на рефлексивное усмотрение в ряду своих функций функции мировоззренческой и, соответственно, на субъект-объектную артикуляцию своего предмета.

Западный тип социальности, базирующийся на дифференцированном ремесленном производстве, способствует оформлению в культуре представлений о человеке как выделенном из природы субъекте ее преобразования: акт деятельности артикулируется как действие субъекта, направленное на объект. Подобная ориентация генетически восходит к традиции античной Греции с ее пафосом преобразования (например, при строительстве дороги не обходили гору, но прорубали ее насквозь или делали ступеньки; показательна и древнегреческая трактовка мастера как *demiourgos*'а – «творца вещи»). Типична в этом отношении логическая система Аристотеля, дифференцированно выделяющая целевую, действующую и формальную причины, репрезентирующие субъектный блок деятельностного акта, и лишь обозначающая объектный блок как таковой, фиксируя материальную причину.

В культуре западного типа оформляется стиль мышления, предполагающий не только выраженное противостояние субъекта и внеположенного ему объекта, но и акцентированное отнесение любого результативного процесса к субъекту, мыслимому в качестве Автора и Внешней Причины. Это проявляется в парадигме деизма, а также в языковой формуле «примысленного субъекта» в грамматических конструкциях, передающих ситуацию безличного процесса: от древнегреческого «Зевс дождит» – до современного английского “*it is raining*”.

В отличие от этого, для традиционной восточной культуры характерен акцент на объективно-предметной составляющей деятельности (предмет деятельности, превращающейся в соответствующий продукт в ходе трансформации его свойств при взаимодействии с орудиями деятельности). Это обусловлено тем обстоятельством, что традиционная культура основана на аграрном типе хозяйствования, предполагающем исходно не только и не столько активное вмешательство человека в процесс, но и ориентацию на использование спонтанно возникающего продукта (показательна в этом отношении древнекитайская притча о человеке, тянувшем злаки из земли, торопя их рост). Деятельностный акт артикулируется в данном случае как спонтанный процесс изменения предмета, по отношению к которому субъект мыслится в качестве имманентно включенного. В подобном культурном контексте человек не переживает себя автономным субъектом преобразований внешнего мира, деятельность осмысливается синкретично, без резкого членения на объектную и субъектную ее составляющие.

Подобный тип культуры актуализирует радикально иные системы ценностей, нежели культура западного активизма. Типичным примером могут в этом отношении служить аксиологические презумпции даосского принципа недеяния «у-вэй»: «пусть <...> будут десятки и сотни приспособлений-инструментов, а не применяют. <...> Хоть есть лодки и колесницы, а никто на них не ездит. Хотя есть вооруженные воины, а никто их не строит», и «когда состояние отсутствия стремлений осуществляется посредством покоя, тогда

выправление Поднебесной будет происходить само собой» [4, с. 23-65]. Личность мыслится как элемент космического целого, и в ряду ее достоинств акцентируется не самореализация в преобразующей внешний мир деятельности, но внутреннее самоустроение, предполагающее достижение гармонии с мирозданием.

Данные максимы очевидно альтернативны презумпции активной жизненной позиции как нормативному требованию классической античной этики (полисный закон во времена Солона, предусматривал лишение гражданских прав того, кто во время уличных беспорядков не определит свою позицию с оружием в руках; реакция Гомера на «гнев Ахиллеса», чье уединение он воспринимает как из ряда вон выходящее, хотя с точки зрения восточной культуры это было бы как раз типовым поведением обиженного).

Указанная разница в акцентировке субъектного и объективно-предметного блоков деятельности находит свое выражение на всех уровнях культуры, фундируя собою даже различные типы построения соответствующих языков. Так, в древнекитайском языке вэньянь основную функционально-семантическую оппозицию составляют имя и предикатив (выражающие – соответственно – предмет и изменяющиеся его свойства), в то время как в древнегреческом и во всех более поздних языках – имя и глагол (субъект и осуществляемое им действие).

На уровне концептуальных культурных образований данная установка проявляется в особом типе структурирования философских моделей, космогенеза, восточные и западные экземпляфикации которого оказываются в исследуемом контексте радикально альтернативными. Так, восточная натурфилософская традиция ориентирована на парадигматическую фигуру спонтанности космического процесса: от раннего даосизма до философской модели мироздания, основанной на концепции «цзы-жань» («самокачества»), объясняющей сущность вещей всеобщим космическим резонированием одинаковых «жань» («качеств») – «чжи-жань», т.е. качество созданное, привнесенное извне, мыслится как навязанное и остается на аксиологической периферии.

В отличие от этого, для европейских философских космогоний характерны такие модели становления и дальнейшего развития мироздания, которые предполагают фиксацию и выделение изначального субъекта – инициатора и устроителя космического процесса, – последний трактуется в данном качестве целенаправленного процесса деятельности данного субъекта, а потому – подчиненного изначальной цели и разумной логике. – Данная презумпция пронизывает собою всю западную традицию классического философствования (от моделей античной натурфилософии, где фигура «нуса» и «логоса» функционально занимают семантическую позицию субъекта как носителя не только иницирующего импульса, но и логического сценария космогенеза, – до установок классического новоевропейского деизма).

Аналогично, классическая наука западного образца, фундированная незыблемой презумпцией оппозиции субъекта и объекта, ориентирована на аксиологически педалируемый объективизм, основанный на идее вынесенности, отстраненности позиции субъекта по отношению к объекту.

В этом плане становление неклассической науки и неклассической философии было ознаменовано в контексте европейской культуры интенцией на разрушение жесткого противостояния субъекта и объекта – как в контексте естественнонаучной когнитивной традиции (конституирование методологии Копенгагенской школы, основанной на радикальном отказе от идеи внеположенной позиции субъекта по отношению к приборной ситуации), так и в контексте традиции философской (известный «кризис онтологии» XX века, во многом инспирированный позитивизмом с его идеей «онтологического релятивизма», и в итоге приведший к эзистенциализации онтологической проблематики: артикуляции *Dasein* М. Хайдеггером, «опыт феноменологической онтологии» Ж.-П. Сартра, трактовка «открытого для понимания бытия» в качестве «Я» у Г.-Г. Гадамера и др.

Классическая субъект-объектная оппозиция начинает подвергаться критике как со стороны естественнонаучного вектора культуры, так и со стороны философского. По словам А. Койре, «если и есть нечто такое, за что ответственность может быть возложена на Ньютона или, точнее, не на одного Ньютона, а на всю современную науку, – раскол нашего мира на два чуждых мира» [12, р. 23].

Искусственный, типичный для западного типа рациональности разрыв объективного мира и мира субъекта оценивается как пагубный, в первую очередь, для человека, чье бытие оказывается бытием в тотально дегуманизованном мире: как пишет Ж. Моно, известный представитель современного естествознания, о союзе субъекта и объекта, «древний союз разрушен. Человек <...> осознает свое одиночество в равнодушной бескрайности Вселенной» [15, р. 180].

В фокус критики субъект-объектного типа рациональности попадает, прежде всего, то, что в его рамках человек либо теряет свои субъектные качества, выступая функционально в качестве объекта изучения, либо сводит их к узко прагматично артикулированным, т.е., опять же, теряет, выступая в качестве субъекта деятельности по преобразованию объекта, который интересуется исключительно с точки зрения возможного покорения. В этом смысле развитие классического типа рациональности оценивается философией неклассического типа (Франкфуртская школа, М. Хайдеггер, современная философия техники в своем антитехницистском векторе развития: Л. Мэмфорд, Ф. Рапп, Х. Шельски и др.) – как угроза человеческому в человеке. По оценке А. Койре, моделированный таким образом мир – это мир, «в котором, хотя он и вмещает в себя все, нет места для человека» [12, р. 24].

В работе «Порядок из хаоса», исходно имевшей название «Новый альянс», а в англо- и русскоязычных версиях – подзаголовок «Новый диалог человека с природой», И. Пригожин и И. Стенгерс оценивают сложившуюся ситуацию следующим образом: «наука начала успешный диалог с природой. Вместе с тем, первым результатом этого диалога явилось открытие безмолвного мира <...>. В этом смысле диалог с природой вместо того, чтобы способствовать сближению человека с природой, изолировал его от нее» [5, с. 45-46]. Концептуальное движение в рамках жесткой субъект-объектной оппози-

ции, как этого и следовало ожидать, по мысли И. Пригожина, привело к тому, что в рамках классической науки универсум как внешний мир (понятый в качестве регулируемого механизма) и внутренний мир человека (понятый как история новаций) оказались разделены [6, с. 46–52].

Синергетическая парадигма, в противоположность этому, ставит своей целью концептуальное обоснование и исследование того, что И. Пригожин и И. Стенгерс обозначили как «сильное взаимодействие проблем, относящихся к культуре как целому, и внутренних концептуальных проблем естествознания» [5, с. 61–62].

Исходя из этого, синергетика выдвигает парадигмальную программу «нового синтеза», провозглашающую своей целью снятие противоречия не только между гуманитарным и естественнонаучным познанием, но и между «двумя культурами», на которые оказалась расколота классическая западная культура: по оценке И. Пригожина и И. Стенгерс, «для древних природа была источником мудрости. Средневековая природа говорила о Боге. В новые времена природа стала настолько безответной, что Кант счел необходимым полностью разделить науку и мудрость, науку и истину. Этот раскол существует на протяжении двух последних столетий. Настала пора положить ему конец. <...> Что касается науки, то она созрела для этого» [5, с. 150].

Что же касается реализации этой интеграционной программы, то, по оценке О. Тоффлера, говоря о синергетической исследовательской парадигме, можно утверждать, что «перед нами дерзновенная попытка собрать воедино то, что было разъято на части» [8, с. 26].

По оценке синергетики, «сегодня, когда физики пытаются конструктивно включить нестабильность в картину универсума, наблюдается сближение внутреннего и внешнего миров, что, возможно, является одним из важнейших культурных событий нашего времени» [5, с. 48].

Исследование синергетикой феноменов самоорганизации макромолекул привело к обоснованию идеи предбиотической эволюции [11], в силу чего, по образному выражению А. Баблюяц, «дарвиновскому “дереву” пришлось пустить корни в неживой мир элементов» [1, с. 244]. И подобно тому, как феномен возникновения жизни, рассмотренный в свете идеи самоорганизации нестабильной среды, оказывается выходящим далеко за пределы его традиционного узко дисциплинарным, так и феномен возникновения социальности утрачивает свой статус конституированно оппозиционного природному миру. Как пишет И. Пригожин, «идея нестабильности <...> позволила включить в поле зрения естествознания человеческую деятельность, дав, таким образом, возможность более полно включить человека в природу» [6, с. 47]. С точки зрения синергетики, человек выступает «интегральной частью окружающей его среды», даже в своей сложности он «не уникален в безмерности Вселенной» [1, с. 24].

Таким образом, как было отмечено С. П. Курдюмовым, «признание неустойчивости и нестабильности в качестве фундаментальных характеристик мироздания <...> заставляет <...> по-новому оценить положение человека в космосе» [3, с. 53].

Соответственно, неудивительно, что критика Ю. Кристевой аристотелевской логики с ее жестко фиксированной «действующей причиной» с неизбежностью порождает обращение к классической восточной логике, в частности, к концепции Чан Дунсуня. Применительно к стилю мышления Чан Дунсуня Ю. Кристева замечает, что «он вышел из другого лингвистического горизонта (горизонта идиограмм), где на месте Бога выявляется диалог Инь–Ян» [12, р. 92]. Если учесть, что фигура Бога осмыслена философией постмодернизма как персонификация идеи внешнего линейного причинения, то обращение Ю. Кристевой к имманентной креативности «диалога Инь–Ян» может быть прочитано как поворот к идее спонтанной самоорганизации. Обращение к культуре традиционного Востока характерно и для Ж. Деррида в плане его программного антиэллинизма, и для М. Фуко [9].

Аналогичные ссылки на восточную культуру типичны и для классиков синергетики. Так, по наблюдению С. П. Курдюмова, описанный синергетикой механизм самоорганизации «удивительно напоминает древние натурфилософские построения», – в этом контексте «сопоставление этих учений с современными теоретическими представлениями» оценивается им как имеющее «эвристическую ценность для дальнейших разработок в теории самоорганизации» [3, с. 57].

Ярким примером проявления этой тенденции в гуманитаристике является оформившаяся в рамках пост-постмодернизма концепция субъективности. Важнейшей стратегией преодоления кризиса идентификации выступила в современной философии стратегия коммуникативная: расщепленное Я может обрести свое единство лишь посредством Другого. Данная стратегия формируется в пост-постмодернизме насинтеза идей диалогизма, высказанных в рамках неклассической философии (экзистенциальный психоанализ, современная философская антропология, философская герменевтика, философия католического аджорнаменто и философская концепция языковых игр). Прежде всего, сюда относятся идеи о так называемом «коммуникативном существовании»: «бытие-с» у М. Хайдеггера, «со-бытие с Другим» у Ж.-П. Сартра, «бытие-друг-с-другом» у Л. Бинсвангера, «отношение Я – Ты вместо Я – Оно» у М. Бубера, «преодоление отчаяния благодаря данности Ты» у О. Ф. Больнова, «малый кайрос» как подлинность отношения Я с Ты у П. Тиллиха и т.п.

Так, например, в рамках данной постмодернистской программы чрезвычайно актуальное звучание обретает тезис Ж.-П. Сартра «мне нужен другой, чтобы целостно постичь все структуры своего бытия, Для-себя отсылает к Для-другого», – подлинное бытие Я возможно лишь как «бытие-с-Пьером» или «бытие-с-Анной», т.е. «бытие, которое в своем бытии содержит бытие другого» [7, с. 147-157]. Способ бытия есть, по Ж.-П. Сартру, «быть увиденным Другим», подобно тому, как механизм конструирования Я основан, по Г.-Г. Гадамеру, на «опыте Ты», и главное содержание этого опыта есть «свободное перетекание Я в Ты» [2, с. 139]. – Именно поэтому, по словам Э. Левинаса, «каждый, кто говорит “Я”, адресуется к Другому» [14, р. 68].

Столь же созвучной оказывается для коммуникационной стратегии постмодернизма позиция П. Рикера, полагавшего, что «исходный образец обратимости обнаруживает себя в языке – в контексте интерлокуции. В этом от-

ношении показателен обмен личными местоимениями: когда я говорю другому “ты”, он понимает это для себя как “я”. Когда же он обращается ко мне во втором лице, я переживаю его для себя как первое» [16, р. 192-193].

В такой системе отсчета возможна лишь единственная форма и единственный способ бытия Я – это бытие для Другого, зеркало которого заменило собою разбитое зеркало прежнего объективного и объектного мира классической культуры. И результатом коммуникации выступает вновь обретенное философией постмодернизма Я – Я, найденное, по Ж. Делезу, «на дне Другого». Так, по оценке Ж. Деррида, «“фрагментарный человек” может быть собран только посредством Другого» [10].

В сущности, в данном моменте современная культура вновь воспроизводит в своем философском дискурсе фигуры традиционной восточной натурфилософии: в частности, в постмодернистской концепции Другого могут быть усмотрены аналогии с древнекитайской концепцией спонтанности «цзы-жань», предполагающей самоопределение сущности посредством резонирования с другими (Другими) сущностями того же рода – «лэй».

Таким образом, каждый из названных парадигмальных сдвигов современного стиля мышления имеет своим следствием непосредственное обращение современной науки и философии к тезаурусу восточной культурной традиции. В этом отношении анализ многочисленных апелляций как синергетики (И. Пригожин и И. Стенгерс, С. П. Курдюмов и Е. Н. Князева), так и постмодернизма (Ж. Деррида, М. Фуко, Ю. Криснева, Ж. Делез) к традиционной восточной философии показывает, что современной культурой в достаточной степени смягчается традиционная оппозиция западного и восточного стилей мышления, что может быть рассмотрено как новый этап в развитии диалога западной и восточной культурных традиций – как в аксиологическом, так и в содержательном отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баблюяц, А.* Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи / А. Баблюяц. – М. : Мир, 1990. – 374 с.
2. *Гадамер, Г. Г.* Человек и язык / Г. Г. Гадамер // От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. – Минск. : Менск, 1997. – С. 130–141.
3. Курдюмов, С. П.: Интервью с С. П. Курдюмовым // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 53–57.
4. *Лао-Цзы.* Трактат о Пути и Потенции (Дао-Дэ Цзин) / Лао-Цзы // Антология даосской философии. – М. : Товарищество «Клышников – Комаров и К°», 1994. – С. 23–65.
5. *Пригожин, И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 431 с.
6. *Пригожин, И.* Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–52.
7. *Сартр, Ж. П.* Бытие и ничто / Ж. П. Сартр // От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. – Минск : Менск, 1997. – С. 145–169.
8. *Тоффлер, О.* Наука и изменение / О. Тоффлер // И. Пригожин, И. Стенгерс. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М. : Прогресс, 1986. – С. 11–33.
9. *Фуко, М.* История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 575 с.

10. *Derrida, J. Psyché: Inventious de l'autre.* / J. Derrida – P. : Gallimard, 1987. – 622 p.
11. *From Chemical to Biological Organization* / Ed. By M. Marcus, S.C. Muller, G. Nicolis. – Berlin : Springer, 1988. – 358 p.
12. *Koyre, A. Newtonian Studies* / A. Koyre. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1968. – 321 p.
13. *Kristeva, J. Le texte du roman* / J. Kristeva. – P. : Editious de Minuit, 1970. – 209 p.
14. *Lévinas, E. Autrement que savoir* / E. Lévinas. – P. : Vrin, 1988. – 314 p.
15. *Monod, J. Chance & Necessity* / J. Monod. – N.Y. : Vintage Books, 1972. – 314 p.
16. *Ricoeur, P. Onself & Another* / P. Ricoeur. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1992. – 247 p.

Информация об авторе:

Можейко Марина Александровна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой методологии гуманитарных наук Белорусского государственного университета культуры и искусств, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 74.01/.09

ПЭН СИНЬЧЖЭН

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОТРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ПЕЙЗАЖНОЙ ЖИВОПИСИ КИТАЯ

На примере двух современных художников в статье рассматривается их творческий язык и актуальная тематика творчества. Используя в качестве отправных точек отражение в пейзажной живописи актуальных социальных проблем, таких как загрязнение городской среды, миграция населения и крупные социальные события, автор статьи акцентирует внимание на том, как городские пейзажи под кистью художников характеризуют их индивидуальное художественное понимание социального контекста. Статья посвящена изучению того, как социальные проблемы стали для художников фактором формирования творческих стратегий.

Ключевые слова: городской пейзаж, проблематика изобразительного искусства, актуальные социальные проблемы, городская среда, урбанизация, Сюй Сяоянь, Лю Сяодун.

PENG XINZHENG

CURRENT SOCIAL PROBLEMS IN THE REFLECTION OF CONTEMPORARY LANDSCAPE PAINTING IN CHINA

Using two contemporary artists as examples, the article examines their creative language and the current themes of their work. Using as starting points the reflection in landscape painting of current social problems such as urban pollution, population migration and major social events, the author of the article focuses on how urban landscapes under the brush of artists characterize their individual artistic understanding of the social context. The article explores how social issues have become a factor for artists in shaping their creative strategies.

Key words: urban landscape, fine art problematics, current social problems, urban environment, urbanization, Xu Xiaoyan, Liu Xiaodong.

Процесс урбанизации в Китае, особенно изменение характера землепользования, вызвал трансформацию сельских ландшафтов в городские. Это явление не только способствует социальному строительству, но и создает большое количество возможностей для трудоустройства, что приводит к большому притоку людей в города. Однако стремительная урбанизация местных территорий породила и такие проблемы, как загрязнение окружающей среды, эрозия почвы и экологические проблемы, например, утилизация отхо-

дов. Урбанизация также привела к возникновению духовных проблем, таких как проблема занятости, проблема выживания и отсутствие чувства принадлежности, т.е. утрата культурного кода. Современные китайские художники остро чувствуют проблемы социальной среды, и через свои работы они выражают свое отношение и чувства, а также демонстрируют глубокие личные размышления об этих проблемах.

Сюй Сяоянь (род. 1960), чьи картины всегда вращались вокруг темы земли, изображает природу, растоптанную стремительным прогрессом урбанизации. Она использует реалистический подход, чтобы выразить такие социально значимые темы, как окружающая среда, ресурсы, земля и жизнь рабочих-мигрантов, которые были вызваны быстрым экономическим ростом Китая. В 1990-х годах Сюй Сяоянь создала серию «Осенние пейзажи», которая продемонстрировала ее глубокие размышления о природе и жизни. Благодаря тонким мазкам и серым краскам работы ярко показывают запустение и упадок после осеннего сбора урожая и в то же время передают чувство благоговения и благодарности к земле, что можно считать зрелой работой ее личного художественного стиля.

В 2000-е гг. Сюй Сяоянь стала обращать внимание на экологические проблемы на стыке городских и сельских районов и использовать сатирические приемы, чтобы показать опасность загрязнения окружающей среды и урбанизации. Такие работы, как «Лунная бухта» и «Весна бабочек», ярко изображают сцены зловонных мусорных куч и сточных канав, а контраст между названием и содержанием работ поражает и заставляет задуматься. Знаток современного искусства И Ин сказал о художнице: «Сюй Сяоянь – китайская художница, которая занимается вопросами экологии и защиты окружающей среды. Она использует уникальные художественные приемы, чтобы выразить свои чувства красоты и заботы о природе. Ее работы показывают превращение природы из мирной и пасторальной сельской местности в пустынный пейзаж. Сюй Сяоянь раскрывает причины, которые приводят к разрушению природы, и ее картины не только полны красоты, но и имеют более тревожное значение, призывая людей спасти природную среду» [1].

Картины «Микрорайон Даваньцзинь» и «Улица Ваньцзинь» созданы Сюй Сяоянь в 2006 году. Эти произведения отражают трагические изменения, к которым привел деревню Ваньцзинь процесс урбанизации. Сюй Сяоянь представляет прошлое и настоящее этого места с широкой точки зрения. В одном из интервью Сюй Сяоянь вспоминает: «Последние несколько лет я арендовала студию на улице Ваньцзинь и наблюдала за стремительным развитием и изменениями в обществе. Я обнаружила, что эти изменения не единичны, а множественны, как хорошие, так и плохие, положительные и отрицательные. Например, Ваньцзинь превратилась из сельского поселения в новый город, что принесло экономическое процветание и удобство жизни, а также загрязнение окружающей среды и межличностное безразличие. Изменения в деревне Ваньцзинь также отражают сложность и разнообразие общества. Эти изменения не только заставили меня почувствовать перемену времени, но и задуматься о собственных ценностях и позиции. Поэтому я счи-

таю, что урбанизация – одновременно и возможность, и вызов, требующий как признания, так и критики» [2].

Контраст между новыми урбанистическими постройками и безобразием городской свалки в этих двух работах Сюй Сяоянь демонстрируют присущее художнице сильное чувство социальной ответственности и критичности, а также подчеркивают новаторство и смелость Сюй Сяоянь в ее художественной практике.

Лю Сяодун (род. 1963) – известный современный китайский художник. С начала 1980-х годов он отражает реальность и душевное состояние своего поколения с реалистичной, личной точки зрения, что сделало его ведущей фигурой «нового поколения» в изобразительном искусстве Китая. В творческом развитии Лю Сяодуна на протяжении последних двадцати лет его внутренняя работа всегда была тесно связана с социальной средой, художник перешел от выражения душевного состояния своего поколения к наблюдению и отражению социально-политических проблем, этнических отношений и других вызовов современной жизни.

Лю Сяодун перенес свое творчество из студии на социальную сцену, поскольку его работы касались самых разных тем, таких как религия, война, человечество, политика, общество и т. д. Обращая внимание и размышляя о проблемах глобального плюралистического общества XX века с помощью видения и интуиции художника, Лю Сяодун обращается к обществу и людям на более широкой сцене с более далекого расстояния, показывая панорамный взгляд на глобальные события. В 2006 году Лю Сяодун совершил творческую поездку в город Ордос (китайская провинция Внутренняя Монголия). Ордос – это наиболее известный пример сверхбыстрого процесса урбанизации в Китае. Город был построен с нуля в 2001 году: большие участки сельскохозяйственных земель и животноводческих ферм были застроены зданиями в расчете на миллионное население. Лю Сяодун заметил, что дисбаланс урбанизации привел к социальным проблемам, о чем он сказал в одном из интервью: «Я создаю картины и музыку одновременно. Это мой способ художественного самовыражения. Тема моей песни "Total Victory" – победа урбанизации. Сельский образ жизни исчез, нет смысла ностальгировать, нужно принять реальность: урбанизация взяла верх. Это односторонняя победа, здесь нет споров, нет места для переговоров, вот о чем идет речь. Я не пытаюсь ничего доказывать, я просто хочу показать цену урбанизации на примере Ордоса, вот и все» [3].

Исследуя социальную тематику в искусстве Лю Сяодуна, Чжоу Дун обратил особое внимание на пейзаж «Строительные леса в Ордосе»: открытые ячейки недостроенного здания символизируют незанятое жилище, представляя собой визуально компактную абстрактную композицию «пустого гнезда», недостроенного пустого здания. По мнению Чжоу Дуна, в работе отражена концепция «города-призрака». Наблюдения и пейзажи Лю Сяодуна вступают в прямой диалог друг с другом и вызывают интуитивный отклик зрителя. Поиск Лю Сяодуном нового и динамичного языка пейзажа, полного жизненных эмоций и формальной силы, в повседневных ландшафтах вызывает у зрителя яркие впечатления» [4, с. 44–46].

Еще одна работа Лю Сяодуна, завершенная в 2004 году, «Новые иммигранты в "Трех ущельях"», представляет собой шедевр искусства, глубоко отображающий изменения в жизни людей. Эта картина в первом десятилетии нашего века привлекла широкое внимание общества, поскольку тогда Китай осуществил ряд поразительных масштабных проектов. Одним из них стал проект гидроэлектростанции «Три ущелья», имевший историческое место в процессе общественного развития Китая. Продвижение строительства проекта «Три ущелья» привело к тому, что миллионы жителей должны были покинуть свои дома, располагавшиеся выше плотины по течению на реке Янцзы.

Лю Сяодун совершил множество поездок в район «Трех ущелий» и создал несколько серий картин. В конце 2002 года, когда Лю Сяодун впервые приехал в район «Трех ущелий», встречи с переселенцами вдохновили его на создание работ. Через год после создания знаменитой картины художник снова посетил «Три ущелья», и к тому времени многие люди уже осели и начали новую жизнь. Он соединил эти индивидуальные тонкие эмоции с изменениями времени, чтобы создать «Новых иммигрантов в "Трех ущельях"».

Ван Чанцин дает глубокий и конкретный анализ творчества Лю Сяодуна в создании гуманистического пейзажа с мигрантами в «Трех ущельях». В своей статье Ван деконструирует мысли Лю Сяодуна об условиях жизни переселенцев в «Трех ущельях» с точки зрения композиции, использования цвета, структуры пейзажа и крупных планов персонажей: «В своих работах Лю Сяодун показывает тесную связь между состоянием жизни обычных людей и изменениями времени и общества. Район «Трех ущелий» стал предметом его глубокого исследования и завершения нескольких серий работ. Эмоции Лю Сяодуна по отношению к условиям жизни переселенцев из "Трех ущелий" – это не только художественный образ, но и социальный документ, который правдиво отражает реальность современного Китая» [5, с. 12–16].

Художник Ай Вэйвэй высоко оценил картины Лю Сяодуна «Мигранты "Трех ущелий"» и «Новые мигранты "Трех ущелий"». По его мнению, эти две работы демонстрируют глубокое понимание художником социальных изменений и гуманистического воздействия проекта «Три ущелья». Ай Вэйвэй отметил, что эти работы раскрывают реалии исторической трагедии района «Трех ущелий», людей, вынужденных мигрировать, разрушенные деревни, а также идеологическую борьбу и исторические преобразования, которые там происходили, воплощая чувство беспомощности, абсурда и раздробленности. Каждая деталь в этой работе, будь то сцены или персонажи, представляет собой один из самых незабываемых образов в истории современного китайского искусства, и в то же время демонстрирует раны страны и отношение художника» [6].

В современном обществе жизнь человека сталкивается с неизбежным экологическим кризисом. Современные художники непосредственно интегрируют свое уникальное художественное восприятие и мысли в свои работы, изображая реальные жизненные сценарии, отражая современные социальные проблемы и глубоко размышляя о ценности нынешней окружающей среды и человеческого существования. Эти работы исследуют проблемы се-

годняшнего общества, представляя более разнообразные выразительные техники, основанные на реалистичном изображении, и стремясь к балансу между человеком, природой и обществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. 易英 // 美丽与哀愁 - 谈徐晓燕近作 = И Ин // Красота и печаль – разговор о последних работах Сюй Сяоянь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.artron.net/20060915/n34988.html>. – Дата доступа: 07.03.2024.
2. 中央美术学院访谈 // 徐晓燕、邕梦光专访 = Собеседование в Центральной академии художеств // Интервью с Сюй Сяоянь и Вон Мэнгуаном [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cafa.com.cn/cn/opinions/interviews/details/54596>. – Дата доступа: 07.03.2024.
3. 叶三 // 空城记: 刘小东与鄂尔多斯 = Е Сань // Пустой город: Лю Сяодун и город Ордос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jiemian.com/article/397448.html>. – Дата доступа: 08.03.2024.
4. 周栋. 社会景观—当代绘画风景研究: 艺术博士论文; 中央美术学院 – 2021. – 238 页. = Чжоу Дун. Социальный пейзаж - Исследования пейзажа в современной живописи: Дис. ...аспиранта искусствоведения / Чжоу Дун; Центральная академия искусств. – 2021. – 238 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbname=CDFDLAST2021&filename=1021597105.nh>. – Дата доступа: 04.03.2024.
5. 王换青. 新现实主义绘画—中国新现实主义油画家作品中的社会身份与时代精神探究: 艺术硕士论文; 中央美术学院 – 2020. – 34 页. = Ван Хуацин. Неореалистическая живопись – исследование социальной идентичности и эпохи в работах китайских художников-неореалистов: Дис. ...магистра искусствоведения / Ван Хуацин; Центральная академия искусств. – 2020. – 34 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbname=CMFD202101&filename=1020368539.nh>. – Дата доступа: 08.03.2024.
6. 艾未未 // 没有立场的立场 = Ай Вэйвэй // Позитии без позитии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3LquTM>. – Дата доступа: 08.03.2024.

Информация об авторе:

Пэн Синьчжэн – аспирант Белорусской государственной академии искусств, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 81' 25, 81'42

**Е. С. УСТИНОВА
ВАН ЦЗИНЬЛИН**

ДРЕВНЯЯ КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА: ОБЯЗАТЕЛЬСТВА И МЕРА СВОБОДЫ ПЕРЕВОДЧИКА

Цель статьи – обосновать наш подход к переводу древней китайской поэзии как один из возможных. Объект исследования – поэзия эпохи Сун в сопоставлении с поэзией эпохи Тан. Предмет исследования – обязательства и мера свободы переводчика в рамках описываемого подхода. Новизна статьи состоит в обосновании различий между неявной эквивалентностью и выходом за ее пределы (допустимым и недопустимым) при переводе древней китайской поэзии.

Ключевые слова: перевод китайской поэзии, Тан, Сун, рифма, ритм, эквивалентность.

**E. S. USTINOVA
WANG JINLING**

TRANSLATING ANCIENT CHINESE POETRY: THE COMMITMENTS AND FREEDOM OF A TRANSLATOR

The paper attempts to provide a rationale for our approach to translating ancient Chinese poetry. The object of research is the poetry of Song Dynasty compared to that of Tang Dynasty. The focus of the research is the balance between the commitments and the freedom of a translator. The originality of the paper consists in showing the difference between latent equivalence and transgressing the boundaries of equivalence in a permissible or inexcusable manner when translating ancient Chinese poetry

Keywords: translation of Chinese poetry, Tang, Song, rhyme, rhythm, equivalence.

Введение. В 2020 году был опубликован труд китайско-русского научного коллектива «Китайская поэзия эпохи Тан: голос гармонии» [2], где, наряду со сведениями об эпохе, о каждом поэте, об истории создания стихотворения, давался перевод древней поэзии на современный китайский язык, подстрочный и построчный переводы на русский язык, а также литературный перевод, сопровождающийся методической разработкой к анализу каждого произведения. В начале 2023 года было решено продолжить проект книгой переводов избранной поэзии эпохи Сун.

Увы, нет больше с нами Якова Моисеевича Колкера, выполнившего литературный перевод танской поэзии, но его завет продолжить задуманное должен быть исполнен. В связи с этим авторы статьи стремятся доказать, что поэзия эпохи Сун, при всем ее отличии от танской поэзии, из которой она выросла и чьи традиции легли в основу сунских инноваций, может переводиться на основе тех же требований к переводу, в основе своей восходящих к подходу В. М. Алексева.

Разнообразие подходов к переводу древней китайской поэзии.

Суть разных подходов к переводу поэзии вообще и особенно древней китайской поэзии состоит в том, какие характеристики стиха необходимо сохранить, чем можно пожертвовать и как переводчик старается компенсировать потери, если считает компенсацию обязательной.

Один из подходов – максимальная смысловая приближенность к оригиналу без соблюдения длины строки и рифм. Так нередко переводят китайские стихи на английский язык – см., например, антологию классической китайской поэзии эпох Тан и Сун, собранную и переведенную Рэдом Пайном, с его же предисловием – “Poems of the Masters” [9]. Такой перевод ценен сохранением голоса поэта, его культурной картины мира. Переводчик пытается быть как можно точнее. Однако английский текст производит, скорее, впечатление добросовестного построчного, нежели литературного перевода. Приведем в переводе Р. Пайна известное стихотворение Ли Бая «Сижу одиноко на горе Цзинтин»:

众鸟高飞尽，	Flocks of birds disappear in the distance
孤云独去闲。	lone clouds wander away
相看两不厌，	who never tires of my company
只有敬亭山。	only Chingting Mountain [9, с. 17].

Сюй Лихун и Т. А. Казакова сопоставляют три перевода стихотворения Ли Бая «Глядя на водопад в горах Лушань», что помогает установить систему ценностей для каждого переводчика.

Оригинал стихотворения и его подстрочный перевод:

Rì zhào xiāng lú shēng zǐ yān,
日照香炉生紫烟，
yáo kàn pù bù guà qián chuān.
遥看瀑布挂前川。
Fēi liú zhí xià sān qiān chǐ,
飞流直下三千尺，
yí shì Yín hé luò jiǔ tiān.
疑是银河落九天。

цит. по: [7, с. 483]

Под лучами солнца вершина горы как курильница,
из которой идет фиолетовый дым,
Глядишь издалека – видишь, как на склоне горы белая полоса повисла,
С высоты трех тысяч чи водопад падает вниз,
Кажется, что Млечный Путь с девятого неба устремился к земле

[7, с.484].

Приводим первые два из трех переводов, упомянутых в этой статье.

За сизой дымкою вдали горит закат,
Гляжу на горные хребты, на водопад.
Летит он с облачных высот сквозь горный лес –
И кажется: то Млечный Путь упал с небес.

(А.И. Гитович. Цит. по: [7, 484]).

Переводчик соблюдает русскую силлабо-тонику (шестистопный ямб). Количество слов в строке не соответствует оригиналу. Рисунок рифм изменен с модели а-а-в-а на парные рифмы.

Над Жаровнею курится сизый дым,
Водопад висит белесой полосой,
Словно пал он с бесконечной высоты
Серебристою Небесною рекой.

(С.А.Торопцев. Цит. по: [7, с.484])

Здесь также перевод силлабо-тонический, но не ямб, а хорей. Рифма перекрестная, что также не соответствует оригиналу. Количество слов соотносится не с количеством иероглифов в оригинале, а с ритмикой шестистопного хоря.

Таким образом, в переводах А. И. Гитовича и С. А. Торопцева мы видим иной подход: в плане содержания – бережное отношение к голосу поэта, к его образной системе, а в плане формы – соответствие отечественной эстетике стиха, с его ритмикой и системой рифм.

И приводим перевод, соответствующий еще одному подходу.

Дым из курильницы не вверх, а вниз:
Фиолетовый водопад меж горой и рекой повис,
С высоты тысячи метров падает в реку.
Кажется, Млечный Путь зацепился за горный карниз.

(Я.М. Колкер [2, с. 170]).

В этом переводе стих тонический, но не силлабо-тонический. Соблюден рисунок рифм. Соблюдено количество слов. В. М. Алексеев говорил о соблюдении количества *значащих* слов (цит. по: [3]), или *полноценных* слов (цит. по: [5]). Но подразумевал ли он под значащими только *знаменательные* слова? Поскольку служебные слова также значимы (обладают семантикой), Я. М. Колкер в переводах поэзии Тан, стараясь, насколько возможно, следовать школе В. М. Алексеева, неукоснительно придерживался принципа: каждому китайскому иероглифу в строке соответствует одно слово, где слово – это единица предложения, ограниченная пробелами, то есть даже не образующие слог предлоги – это тоже слова.

В. М. Алексеев, тщательно воссоздавая ритм оригинала, не пользовался рифмой. Его ученик Ю. К. Шуцкий прибегал к рифме, отказавшись только от неукоснительного следования порядку расположения рифм в китайском подлиннике [5]. Мы же придерживаемся переводческих принципов Я. М. Колкера и стремимся сохранять рисунок рифм оригинала, отказавшись при этом от силлабо-тонического перевода в пользу тонического стиха, близкого к дольнику, а также стараемся соблюдать цезуру в середине строки, хотя с учетом разной длины слов русского языка место цезуры не может соблюдаться с четкостью оригинала.

Конечно, силлабо-тонический стих звучит музыкальнее для русского уха, чем тонический, но зато соблюдение рифмы и цезуры в подходе Я. М. Колкера помогает приблизиться к звучанию оригинала. Кроме того, если есть возможность добавить стиху музыкальности за счет большей силлабической упорядоченности или внутренней рифмы, этим надо воспользоваться, как это делает Я. М. Колкер в переводе стихотворения Хань Юя «Поздняя весна» (Тан):

Поздняя весна

Хань Юй

Травы знают, деревья знают, – скоро весна уйдет.
Цветы выясняют, кто красивей, – судить зовут небосвод.
Только пушистая *ива* застенчива и не *спесива*
И отражается снегом в темной пучине вод.

[2, с. 273].

К внутренней рифме прибегли и мы, как показано в следующем отрывке из стихотворения Ван Аньши «登临送目 – Поднимаясь на возвышенность, всматриваясь в далекую воду» (Сун):

Оригинал

叹门外楼头，悲恨相续。
千古凭高对此，谩嗟荣
辱。

Построчный перевод (Ван Цзиньлин):

... Эти развратные чиновники закончили карьеру со-
жалением и раскаянием, на свою беду.
Стоя здесь, поколения вздыхали о том, как алчность
ведет к бесчестию и стыду. ...

Литературный перевод (Е. С. Устиновой):

... Сколько чиновников жили бесчестно, не ведая в жизни *стыда!*
Взлёты, паденья, удач и невзгод *череда*... Столетия текут, как *вода*.

Каждый подход к переводу, как мы полагаем, имеет равные права на за-
мещение оригинала для иноязычных читателей, – при условии, что перевод-
чики воссоздают (с неизбежными потерями) образную систему, концепто-
сферу и тон оригинала.

Особенности формы в поэзии Сун по сравнению с традиционными поэтическими формами эпохи Тан.

Поэзия эпохи Сун, с одной стороны, продолжает танские традиции (о
чем свидетельствует антология “Poems of the Masters” [9], а с другой сторо-
ны, отличается от танской поэзии, где преобладают цзюэцзюй (четверости-
шия, или так называемые «оборванные строки») и люйши (восьмистишия).
Для сунских стихотворений типичны, во-первых, *большая длина*, во-вторых,
вариативность длины строк в пределах одного стихотворения, и в-третьих,
непредсказуемый рисунок рифм (так, нередко, имеется одна сквозная рифма,
повторяющаяся в каждой или почти каждой строке).

Поэзия Цы, зародившаяся в эпоху Тан, особенно расцвела в эпоху Сун.
Предполагалось, что она *сочинялась на уже готовые типы мелодий*, поэтому
существует *множество моделей стихосложения*, как бы воспроизводящих
мелодию, на которую положен стих. Но это не значит, что главное в поэзии
Сун – ее музыкальность. Сопоставляя поэзию Тан и Сун, Е.А. Серебряков
цитирует китайского литературоведа Мяо Юэ: «Достоинство танских стихов
в индивидуальной манере, в благозвучии и изяществе, потому они безупреч-
ны и утонченны, в них ценятся сдержанность и неуловимость в передаче ху-
дожественной мысли. В сунских стихах предпочтение отдается мысли, идее
произведения, потому они написаны точно и умело, в них ценятся глубокое
раскрытие темы и смысловые аналогии» (цит.по: [6]).

Приводим первую строфу стихотворения Фань Чжуньяня «Воспомина-
ние о прошлом» по модели «Су Му Чже».

sū mù zhē huái jiù

苏幕遮·怀旧

bì yún tiān, huáng yè dì,

碧云天，黄叶地，

qiū sè lián bō, bō shàng hán yān cuì。

秋色连波，波上寒烟翠。

shān yìng xié yáng tiān jiē shuǐ,

山映斜阳天接水，
fāng cǎo wú qíng, gèng zài xié yáng wài。
芳草无情，更在斜阳外。

Вторая строфа по количеству слов в каждой строке строго повторяет первую, а рифма во всех восьми строках – сквозная (хотя для русского читателя окончания dì - suì - shuǐ - wài ” не звучат как рифмующиеся).

Желтый ковёр листвы, облаков бирюзовый строй,
В дымке осенней лижет краски листьев волна за волной.
Горы окрасил закат, небо слито с водой.
Трава уходит за горизонт, я один со своею бедой.

(перевод Я. М. Колкера и Е. С. Устиновой).

Эквивалентность и выход за ее пределы

Эквивалентность трактуется нами как *текстуальная адекватность*, создающая впечатление, максимально приближенное к восприятию оригинала. Я. М. Колкер говорил о трех возможных оппозициях

1. *Эквивалентность явная и неявная.*
2. *Эквивалентность и выход за ее пределы.*
3. *Выход за пределы эквивалентности как допустимая (а подчас и необходимая) стратегия и как непозволительная вольность, искажающая замысел поэта [4, с. 79].*

Явная эквивалентность не исключает вариативности. Так, в стихотворении Ли Бая водопад низвергается «с высоты трех тысяч чи». Я. М. Колкер дает приблизительный аналог – «с высоты тысячи метров», а два других переводчика используют гиперболу, согласующуюся с образом Млечного пути: «с облачных высот» (А. И. Гитович), «с бесконечной высоты» (С. А. Торопцев). Впрочем, образ оригинала (三千尺) также гиперболичен, ибо водопады в горах Лушань не превышают высоты двухсот метров.

Неявной можно считать эквивалентность при *передаче значимой семы другим лексическим носителем, нередко – иной частью речи*, а возможно, и в другой строке. Так, в приведенных выше строках из сунского стихотворения Ван Аньши иероглифы 千古 («тысяча прошедших лет, издавна, с незапамятных времен») переданы в построчном переводе емким словом «поколения», а в литературном переводе – словом «столетья». А иероглифы 荣辱 (честь и бесчестие) в литературном переводе переданы более развернуто (*Взлёты, паденья, удач и невзгод череда*), и здесь сам ритм помогает передать извечную ненадежность благополучия карьеристов: так было, есть и будет! Важна аналогичность производимого впечатления.

С нашей точки зрения, недопустим только последний случай – искажение замысла автора. Поэтому попытаемся обосновать допустимость выхода за пределы эквивалентности.

Приводим построчный и литературный перевод строфы стихотворения Янь Цзидао (Сун) о безжалостном восточном ветре, уничтожающем проявление весны – лепестки деревьев в цвету. (Модель «Mu lan hua = «Цветы магнолии»). В нем 8 строк, но, в отличие от модели «Su tu zhe», все строки состоят из семи иероглифов. А схема рифм напоминает четверостишия-цзюэцзюй: “a-a-b-a – a-a-c-a”.

Проблема для переводчика состояла в том, что стихотворение может показаться европейскому читателю чересчур сентиментальным, что видно из построчного перевода первой строфы:

Восточный ветер снова подул, холодный и бессердечный,
Рассыпал повсюду розовые и красные лепестки нежные.
Зеленые занавески висят донизу, не закрывают грусть,
Как в прошлом году, уныние стало бесконечным.

(пер. Ван Цзиньлин)

Поэтому в переводе первой строфы литературного перевода был допущен *преднамеренный выход за пределы эквивалентности*, – добавление слегка ироничной фразы, в которой поэт как бы извиняется за излишнюю чувствительность:

Восточный ветер холодом дышит, губит весенний цвет.
Кружат бело-розовые лепестки – от вихря защиты нет.
Опущена плотная штора, но дом мой уныл.
Кто оплачет хрупкую прелесть весны? – *Только поэт.*

(пер. Е. С. Устиновой)

Правомерность таких добавлений, вероятно, спорна. Однако тон стиха, «голос» поэта не искажается. Кроме того, оправданием некоторой вольности перевода может быть принципиальная невозможность передать при переводе весь подтекст «неслышимых значений китайских иероглифов слышимыми русскими словами» [1, с. 101], учитывая компактность древней китайской поэзии с ее многочисленными культурными ассоциациями и обертонами.

И, наконец, вернемся к еще одному переводу стихотворения Ли Бая о водопаде в горах Лушань, выполненному К. Исмаевым.

Вот сумерки. Внизу, под мной —
Мазок заката.
И горы синею стеной
В крупинках злата.
Скала желает отдохнуть
– В туман рядится.
И водопад, как Млечный Путь.
И в небе птица.

(цит. по: [7, с.284]).

Переводчик разделил четверостишие на 8 строк, чтобы подчеркнуть наличие дополнительных рифм, но не внутрискрочных, а перекрестных. Это сделано во имя эстетического эффекта, что потребовало ряда деталей, отсутствующих в оригинале, причем некоторые добавления сделаны явно ради рифмы. (При этом эстетическому эффекту мешает «спотыкающееся» сочетание «под мной»). Усиливая эстетическую функцию поэтики, К. Исмаев не соблюдает приоритета *поэтической функции* в трактовке Р. Якобсона [8], отвечающей за единство формы и содержания, ибо искажается замысел поэта. Дело даже не в добавлениях. Концептуальная ошибка переводчика – *неверная художественная перспектива*. В переводе К. Исмаева образ водопада появляется как *одна из деталей* пейзажа. Он изображен вдали, «мелким планом», поскольку сопряжены два образа, контрастные по размеру, но объединенные пространственной перспективой: водопад – и в небе птица, в то время как в

оригинале и других переводах водопад – организующий центр стиха. Полагаем, что это случай *неправомерного* выхода за пределы эквивалентности. Это, скорее, не перевод, хотя звучит красиво (кроме упомянутого «под мной»), а собственное стихотворение, навеянное впечатлением от произведения Ли Бая.

Выводы. В различных подходах к переводу древней китайской поэзии не совпадают приоритеты, связанные с формой. Что важнее: верность количеству слов в строке (и являются ли словами служебные лексические единицы?) или музыкальность, которую обеспечивает силлабо-тонический перевод? Соблюдение рисунка рифм оригинала или предпочтение способов рифмовки, принятых в поэтической традиции языка перевода? Или лучше вообще отказаться от рифм во имя большей верности смыслу оригинала? Сохранять ли в переводе единицы длины, принятые в китайской культуре, или применять доместикацию? Возможны разные решения, но, определив для себя приоритеты, переводчик обязан последовательно их придерживаться.

Для Я. М. Колкера, чьему поэтическому кредо мы следуем, основные обязательства переводчика китайской поэзии в плане содержания – сохранение того, что Яков Моисеевич называл «голосом поэта», то есть верность тону, поэтическому намерению и образной системе, его выражающей. А в плане формы – соблюдение структуры строфы, системы рифм, сохранение цезуры внутри строки (хотя с учетом варьирования длины русских слов внутрисклоновая пауза может смещаться). Словами, количество которых должно соответствовать количеству иероглифов в строке, мы считаем *любые* лексические единицы, оформленные пробелами, поскольку и служебные слова обладают семантикой.

Древняя китайская поэзия, где каждый иероглиф был словом, обладает компактностью и огромной смысловой емкостью, ибо включает множество ассоциаций, подчас ускользающих от переводчика. Поэтому смысловые потери неизбежны. Но важно, чтобы передавались образы и детали, составляющие *основу концептосферы* стихотворения. Добавления возможны, если они не нарушают концептуальную структуру стихотворения и не искажают «голос» поэта, его видение мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван, Ичань. Идеи академика В.М. Алексева о трёхъярусном переводе китайской классики на примере «Лунь юй» / Ичань, Ван // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Лингвистика. 2019, № 2. – С. 99-107.
2. Ван, Цзиньлин. Китайская поэзия эпохи Тан: голос гармонии / Ц. Ван, Я. М. Колкер, Е. С. Устинова, Н. Шань, Е. Л. Марьяновская. М.: Современные информационные системы, 2020. – 343 с.
3. Дерепина, Д. А. Танские стихотворения в переводах академика В. М. Алексева / Д. А. Дерепина // Иностранная литература, № 5, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/inostran/2006/5/tanskie-stihotvoreniya-v-perevodah-akademika-v-m-alekseeva.html>. – Дата доступа: 05.06.2024.
4. Колкер, Я. М. О границах «естественной» эквивалентности и допустимости их нарушения в художественном переводе / Я. М. Колкер, Е. С. Устинова // Иностранные языки в высшей школе, 4(63), 2022. – С.74-83.
5. Меньшиков, Л. Н. Ю. К. Шуцкий – поэт и переводчик классической китайской поэзии / Л. Н. Меньшиков // Антология китайской лирики (VII-IX вв.). В переводах

- Ю. К. Шуцкого под ред. В. М. Алексеева. СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. – 256 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pvost.org/material/articles/pages/poez.html>. – Дата доступа: 01.06.2024.
6. *Серебряков, Е. А.* Восхождение к духовности и красоте / Е. А. Серебряков // Облачная обитель. Поэзия эпохи Сун. – СПб., 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pvost.org/material/transls/pages/song/ser_pred.html. – Дата доступа: 10.06.2024.
7. *Сюй, Лихун.* Особенности перевода китайской классической поэзии / Л. Сюй, Т. А. Казакова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019, 16 (3). – С. 480–500.
8. *Якобсон, Р. О.* Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: "за" и "против". – М. : Прогресс, 1975. – С.193–230.
9. *Pine, R.* Poems of the Masters. China's Classic Anthology of Tang and Sung Dynasty Verse / R. Pine. Port Townsend, Washington: Copper Canyon Press, 2003. – 474 p. = Пайн, Р. Стихи мастеров. Антология классической китайской поэзии династий Тан и Сун. / Р. Пайн. – Порт Таунсенд, штат Вашингтон : Коппер Каньон Пресс, 2003. – 474 с.

Информация об авторах:

Устинова Елена Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация.

Ван Цзиньлин – доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков Чанчуньского университета, член Союза российских писателей (перевод), г. Чанчунь, Китайская Народная Республика.

УДК 811.581.11

ЦЗЯНЬЮЙ ВАН

ВЛИЯНИЕ ШЕЛКОВОГО ПУТИ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РАЗВИТИЕ КИТАЙСКОГО ИСКУССТВА

«Шелковый путь» позволил художникам из различных регионов и народностей Китая, Ближнего Востока и Европы взаимно обучаться, объединяться и творить. Этот художественный обмен способствовал постоянному внедрению и развитию китайского искусства через принятие и слияние, стимулировал инновации в мировых художественных стилях, а также способствовал распространению произведений искусства, передаче и развитию мастерства.

Ключевые слова: Шелковый путь, культурный (художественный) обмен, Восток и Запад, культурное взаимодействие.

JIANYU WANG

TIPOLOGICAL PECULIARITIES OF THE CHINESE WRITING SYSTEM

The Silk Road has allowed artists from different regions and nationalities in China, the Middle East and Europe to mutually learn, unite and create. This artistic exchange promoted the continuous introduction and development of Chinese art through acceptance and fusion, stimulated innovation in world art styles, and facilitated the dissemination of works of art and the transmission and development of craftsmanship.

Keywords: Silk Road, cultural (artistic) exchange, East and West, cultural interaction.

Перед открытием Шелкового пути китайское искусство уже прошло длительный период развития и имело свою историю культурного обмена

между различными регионами страны. Это уже сформировало уникальные характеристики и основу китайского искусства, заложив прочный фундамент для последующего взаимодействия между Шелковым путем и западным искусством.

В плане ремесла в эпоху Шан и Чжоу (около 1600 г. до н. э. – 256 г. до н. э.) бронзовые изделия, нефритовые изделия и керамика пережили золотой век. Эти изысканные работы демонстрировали исключительное мастерство, изящные дизайны и богатые культурные коннотации, став символами власти и статуса в древнем обществе, отражая высокий уровень цивилизации в древнем Китае. В области живописи древнекитайские пейзажи, картины с птицами и цветами и другие художественные жанры достигли своего пика в эпохи Тан и Сун (618 г. н. э. – 1279 г. н. э.). Фрески эпохи Тан и картины эпохи Сун достигли выдающегося мастерства в форме и эстетических концепциях, создавая классические произведения в истории китайской живописи. В этот период китайская живопись со своими уникальными художественными приемами и философскими подтекстами оказала глубокое влияние на будущие поколения, знаменуя золотой век в истории китайской живописи. Кроме того, китайская каллиграфия начала формироваться еще в эпоху Шан (16 – 11 вв. до н. э.) и достигла высокого уровня развития в эпохи Цин и Хань (221 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Установление различных стилей каллиграфии, таких как церковный шрифт и правильный шрифт, знаменовало постепенное формирование отдельных жанров и стилей в китайской каллиграфии, став уникальной и традиционной формой китайского культурного искусства [1, с. 23]

Китайское искусство после длительного развития и накопления продемонстрировало значительные успехи в различных формах искусства, заложив основу для последующего культурного обмена. Создание отдельной системы искусства, отличной от западной системы искусства, породило разнообразие эстетических стилей в ремесленных изделиях, текстиле и многом другом, а также заложило основы будущего спроса, который впоследствии предопределил создание Шелкового пути.

В мировой истории цивилизации культурный обмен происходит непрерывно, и его масштаб и формы самые разнообразные: от активных до пассивных, от агрессивных до тех, что развиваются в ходе самого обмена, и даже до тех, что теряют свои собственные культурные особенности [2, с. 85]. По сравнению с одним только военным или другими краткосрочными способами культурного обмена, Шелковый путь обладает множеством преимуществ. Во-первых, по временной шкале, Шелковый путь представляет собой долгосрочный и непрерывный обмен: весь торговый оборот Шелкового пути протекал на протяжении нескольких веков, создавая долгосрочную и стабильную сеть культурного (художественного) обмена. Художественный обмен не является однонаправленным процессом передачи информации, а представляет собой последовательное взаимодействие, непрерывное и подвижное, результат динамичного развития в различных регионах и на различных временных этапах. Это делает его более глубоким и всеобъемлющим по сравнению с другими моделями художественного обмена. Во-вторых, гео-

графически, Шелковый путь соединял множество древних стран Востока и Запада, включая Китай, Индию, Центральную Азию, Ближний Восток и Средиземноморский регион. Шелковый путь объединил множество стран, обеспечивая каждой из них больше пространства для развития и слияния собственных художественных форм, способствуя разнообразию искусства. В ходе продолжительного и обширного художественного обмена по Шелковому пути культуры различных стран вдоль маршрута ассимилировали чужие достижения, переваривали и сливали их в новые стилевые особенности. Также китайское искусство приобрело совершенно новый характер и особенности во многих областях.

Скульптура. Отношения Шелкового пути и китайской скульптуры имеют переломный характер в течение долгого исторического периода, который заключается в изменении традиционной практики использования "предметов" в ритуалах почитания предков для связи с небом и землей на новый образец божественного культа, основанного на человеческой форме [3, с. 15]. В этой модели представители различных классов от знати до монахов и до простых людей – имеют объекты, которые они могут почитать как "богов", что в определенной мере усиливает религиозные элементы в китайском искусстве. Например, с появлением буддизма в это время в китайском искусстве скульптуры начали появляться многочисленные скульптуры по образу Будды. Знаменитые пещеры Лунмэнь-шань являются хорошим примером большого количества буддийских скульптур, иллюстрирующих как религиозные верования, так и изменение тематики и способов изображения в китайской скульптуре. Также стали появляться изображения животных или мифических существ, связанные с Шелковым путем, такие как львы, пегасы, птицы с человеческими лицами, что в определенной мере способствовало развитию и изменению содержания китайской скульптуры. С точки зрения техники выражения скульптуры, в китайском искусстве также произошли новые изменения, например, в каменной скульптуре появилось больше рельефных и высоких произведений. С точки зрения эффектов изображений, рельеф не мог нести такого же значения, как традиционная объемная скульптура, в вопросах религиозных убеждений, исторических событий, обстановки жизни и динамических моментов между людьми и животными. Западная скульптура, исходя из египетского и восточного наследия, из классического греческого и римского искусства, через сочетание греко-индийского искусства, стала основой для создания уникального синтеза различных культурных традиций и стилей. Буддийская скульптура, которая пришла на Восток, была адаптирована в китайской культуре, формируя свой собственный стиль. Параллельно, китайские скульптурные произведения, такие как глиняные фигурки, трехцветные изделия времен династии Тан, проникли на Запад, разнообразность тематики и образов скульптур добавили новые креативные вдохновения и идеи для западных мастеров. Взаимное влияние китайской и западной скульптуры способствовало обогащению искусства, а также созданию уникальных гибридных стилей и техник в скульптуре.

Живопись. Китайская живопись в период Шелкового пути подверглась влиянию Запада, причем важным аспектом стало распространение буддий-

ского искусства. Учение буддизма постепенно изменило традиционное китайское мышление и мировоззрение, интегрируясь в повседневную жизнь китайского народа. В области живописи это проявилось в том, что древний скромный и сдержанный стиль китайской живописи был обогащен величественным и роскошным слоем [4, с. 36]. Под воздействием буддийского искусства, пришедшего из Шелкового пути, китайская буддийская живопись усвоила особенности гандхарского и матхурского искусства, постепенно локализуя и секуляризируя его. На этот счет можно привести пример фресок в пещерах Кэцзыр из периода Восточной династии Хань; они иллюстрируют эти изменения в китайской живописи. На начальном этапе создания фресок Кэцзыр сюжеты отражали зависимость и наследование иностранных стилей. Характерные особенности изображений проявлялись в полузакрытых и узких глазах, высоких и прямых носах, пышных губах и плавных, мягких линиях лица. Волнистые завитки волос явно выделяли прекрасные гены греческих божеств. Даже позы фигур очень похожи на статические позы древнегреческих мифических персонажей. В это время ремесленники уже использовали композицию, линии, цвета, контраст холодных и теплых тонов, контраст света и тени и другие художественные эффекты для создания произведений, что делает пещеры Кэцзыр неистощимым источником вдохновения как для изучения буддийского искусства, так и для изучения китайской живописи. Буддийское изобразительное искусство значительно обогатило язык традиционной китайской живописи. Горно-водная живопись, картины цветов и птиц, а также изображения человеческих фигур и другие темы были внесены по Шелковому пути в Центральную Азию и Западную Азию, оказав значительное влияние на местные художественные стили. Данное введение привело к большему вниманию к изображению природных пейзажей и образов людей в местных художественных работах, отражая более ярко специфический для китайской живописи эстетический вкус и художественные методы.

Шелковый путь с его культурным обменом оказал глубокое влияние на китайское и мировое художественное творчество, что проявилось не только в упомянутых аспектах, но также затронуло множество других областей, таких как печати, рукописи, каллиграфия, узоры и орнаменты. Можно сказать, что китайское искусство объединило в себе дух и методы западного с местным китайским искусством, способствуя изменениям в его формах, техниках и концепциях. Это позволило сложиться уникальным чертам и системе искусства Китая, стимулировало разнообразие и многообразие в развитии. Это влияние распространяется не только на восточное искусство, но также оказывает значительное воздействие на всемирную картину искусства и разнообразие эстетических концепций, демонстрируя неподражаемую роль китайского искусства на мировой арене.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лубо-Лесниченко, Е. И.* Китай на Шелковом пути: шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. – М., 1994. – С. 53 – 55.
2. *Исхаков, Г. М.* «К вопросу о «Шелковом пути» // Шелковый путь и Казахстан. – Алматы, 1999. – С.83 – 88.

3. *Сян, Да.* Тандай Чанъань юй Сиюй вэньмин («Чанъань в эпоху Тан и культура Западного Края»). – Пекин, 1957. – С. 254 – 274.
4. *Тиллоев, С. С.* Великий Шелковый путь как синтез уникальных достижений человеческой цивилизации / С. С.Тиллоев // Матер. Науч.-теор. конф., посв. 20-лет. незав. РТ. / Изд. «Дониш». – Душанбе, 2011. – С. 34 – 37.

Информация об авторе:

Цзяньюй Ван – аспирант Белорусской государственной академии искусств, г. Минск, Республика Беларусь.

**ПОКЛОНЕНИЕ ПРИРОДЕ И
ТОТЕМАМ В ИСТОРИИ КИТАЯ**

С древних времен у китайцев всегда были свои культы и верования, многие из которых нельзя назвать «религией». Такие культы и верования были вполне себе приемлемы в то время и давали людям духовную поддержку, утешение и даже цель и смысл для их существования. Кроме того, существует множество культов, которые передавались с древних времен и продолжают существовать до сих пор. Эта статья посвящена поклонению природе и тотемам в истории Китая.

Ключевые слова: поклонение природе, поклонение тотемам, древний Китай, вера, религия.

ZHANG SINING**NATURE AND TOTEM WORSHIP IN THE HISTORY OF CHINA**

Since ancient times, the Chinese have always had their own cults and beliefs, many of which cannot be defined as “religion”. Such cults and beliefs were perfectly acceptable at the time and gave people spiritual support, comfort, and even purpose and meaning for their very existence. In addition, there are many cults that have been handed down since ancient times and continue to exist even to this day. This article is dedicated to nature worship and totems in Chinese history.

Keywords: nature worship, totem worship, ancient China, belief, religion.

Самые ранние археологические находки памятников, которые свидетельствуют о неких религиозных ритуалах, относятся к среднему палеолиту, более 100 000 лет назад, а памятники однозначно религиозного характера – к позднему палеолиту. Часто можно встретить мнение, первобытные религии характеризуются невежеством, узостью мышления и наивностью. Но на самом деле, если серьезно подойти к вопросу, это совершенно не так. Выйдя из дикой природы, древние люди делали первые шаги в познании мира и возникновение религии как раз с этим и связано.

Интересный материал о первобытных религиях дает археологические находки в Китае. Современные ученые выделяют поклонение природе, поклонение призракам, поклонение плодородию, поклонение тотемам, поклонение предкам, а также первобытные мифы, первобытные жертвоприношения, колдовство и гадания. Земля Китая богата археологическими культурами, которые содержат множеств артефактов древних религиозных культов.

Это, например, культура Яншао (“仰韶文化”), культура Луншань (“龙山文化”), культура Давэнькоу (“大汶口文化”), культура Хуншань (“红山文化”), и т.д. Богатые древние наскальные рисунки Китая также в полной мере демонстрируют ранние народные религиозные фигуры, а также места деятельности, концепции поклонения. Например, наскальные рисунки Иньшань (“阴山”) в Внутренней Монголии, Цанюань (“沧源”) в провинции Юньнань, Хэланьшань (“贺兰山”) в Нинся, Хутуби (“呼图壁”) в Синьцзяне, и т. д. Помимо перечисленных выше пунктов, во многих древних китайских документах сохранилось множество мифов и легенд, которые служат ценным источником знаний о древних культах. Например, "Дорама Книга гор и морей" («山海经»), "Классик поэзии" («诗经»), "Весны и осени

господина Люя" («吕氏春秋»), "Комментарии Цзо" («左传»), "Хуайнань-цзы" («淮南子»), "Хроники великого историка" («史记») и т. д. [4, с. 1–2]

Поклонение природе

Начиная с эпохи позднего палеолита человечество испытывало противоречивые чувства к природе: с одной стороны, она обеспечивала людей ресурсами, такими как солнечный свет, дождь, огонь и пища; с другой стороны, сильный холод и жара, свирепые животные, стихийные бедствия, чума и болезни угрожали безопасности и жизни человечества. Поэтому, поклоняясь природе, люди поклонялись солнцу, луне и звездам, например, в мифах и легендах о том, как Хоу И (или «Стрелок И») стреляет в солнце, как Куа-фу («отец цветущего») гонится за солнцем, как Чаньэ бросается на луну, как собака на небесах глодает луну и так далее. Существует также множество росписей, отражающих поклонение солнцу, луне и звездам, а на наскальных рисунках горы Иньшань во Внутренней Монголии изображены люди, поклоняющиеся солнцу, и даже встречаются картины одновременного появления нескольких солнц. При этом люди были неспособны понять причины и законы природных явлений, поэтому они также поклонялись ветру, дождю, грому и молнии, а согласно "Классике гор и морей", на севере страны действительно жил Бог ветра. Поклонение горам, рекам, озерам и морям до сих пор популярно среди некоторых этнических групп, живущих в горных районах, таких как Хэчжэ (т. е. Нанайцы) («赫哲族»), Сибинцы («锡伯族»), Эвенки («鄂温克族») и Орочоны («鄂伦春族») на северо-востоке, Цян («羌族»), Лису («傈僳族»), Ну («怒族») на юго-западе и т. д., все они сохраняют традицию поклонения горным богам. Животные и растения, как существа, выжившие на земле вместе с людьми, также почитались некоторыми людьми и даже почитаются сегодня. Например, на наскальных рисунках в Цанюане в центре изображен крупный бык. В провинции Юньнань народности Дайцы («傣族»), Качины («景颇族») и Хани («哈尼族») поклоняются священным лесам, когда совершают жертвоприношения и строго запрещают рубить деревья как вздумается. Мосо («摩梭») из этнической группы Наси («纳西族») верят, что деревья обладают божественными духами, и выбирают большие деревья в качестве защитников своих деревень. Кроме того, в "Комментарии Цзо" говорится, что Шэнь-нун («炎帝», «огненный император») – Бог огня. Населению Дай и Ва («佤族») запрещено плюнуть или вылить воду на огонь, а также нельзя ходить по огню. Орочоны из уважения к Богу огня во время еды и питья не разрешают играть с огнем, наступать на огонь, брызгать в огонь, бросать в огонь вино и мясо. Более того, твердость и чистота белого камня символизируют силу и красоту, и к этому камню существует благоговение. Среди казахов, Чжуанов («壮族») и других этнических групп распространены мифы о валунах и пещерных жителях. Наряду с этим существует поклонение богам земли и зерна. Согласно книге "Хуайнань-цзы", в разные эпохи и у разных этнических групп представители Богов земли и зерна были разными. Однако в древнем Китае был один "великий Бог", Шэнь-нун, который считался создателем земледелия и почитался как "Янь Ди" («炎帝»), обожеств-

ление племенных вождей, которым приписывалось развитие сельского хозяйства. Поклонение природе, как представляется, сосредоточено на духах природы, которым человечество воздает почести, но суть поклонения природе заключается в том, что человечество пытается воздействовать на силы природы для своего блага с помощью жертвоприношений [4, с. 4–11].

Поклонение тотемам

В Древнем Китае также существовал такой феномен, как поклонение тотемам. Льюис Генри Морган в своей работе упоминает слово "тотем", термин, происходящий от одного из языков индейцев, который означает символ народа [1, с. 5]. Китайский эквивалент “图腾” был введен в научный оборот ученым Янь Фу в 1903 г. Представители первобытных обществ уважительно относились к миру природы и считали определенных животных, растения или другие объекты, которые, по их мнению, состояли с ними в кровном родстве, считались предками тех или иных кланов, защищали их и поклонялись им с благоговением и страхом, и делали символами своих кланов. Их изображениями украшались жилища и предметы быта; вожди кланов использовали их как флаги, чтобы призвать и объединить членов своего клана для вызова природе и борьбы с другими кланами, которые нарушали интересы их кланов.

В древнем Китае существовало множество родов и племен, что породило множество тотемов, некоторые из которых наследуются и по сей день. Согласно существующей китайской литературе, тотемный образ Пань-гу (“盘古”) – голова дракона и тело змеи, он открывает небо и землю, ветер, дождь, гром и молния управляются его дыханием, он открывает глаза и наступает день, закрывает глаза и наступает ночь. Тотемные образы Фу Си (“伏羲”) и Нюйва (“女娲”), основателей народа Хуася, с другой стороны, с человеческим лицом и змеиным телом; Янь Ди с человеческим телом и головой быка; Чжу Жун (“祝融”), бог огня, наблюдающий за изменениями солнца, луны и звезд, тем самым направляя производство человека, и его тотемом является тигр. Общим тотемом клана Яо (“尧”) была птица, а тотемами родственных кланов были звери как дракон, а также злаки, розы и другие растения; тотемом клана Шунь (“舜”) была цикада. У клана Гун-гун (“共工”), бога воды, тотемом является вода, которая подразделяется на Восточную воду, Южную воду, Западную воду, Северную воду и Среднюю воду [2, с. 72-75].

Что касается тотемов животных, то самыми известными из них являются тотем дракона, тотем феникса и тотем тигра. Писатель Вэнь Идуо в своем произведении "Мифы и поэмы" упоминает, что дракон и феникс представляют собой две основные единицы древней китайской нации – народы Ся (“夏”) и Инь (“殷”). Дракон был тотемом древнего народа Ся, а феникс – Инь. Поскольку их истории уже были далеки от периода тотемической культуры, тотемические верования были институтом-кумом людей Ся и Инь до установления двух династий. Поэтому Вэнь Идуо утверждает, что вполне уместно взять дракона и феникса в качестве символов рождения китайской нации и начала формирования культуры [5, с. 60–64]. В ходе распространения тотема дракона виртуальная и божественная природа дракона усилилась, и люди ве-

рили, что дракон – это бог животных, отвечающий за дождь. Более того, в процессе постепенного развития общества дракон стал символом небесного царя и императора и превратился в специальное слово для императорского двора, такое как "сын дракона", "лицо дракона", "тело дракона". и т.д.

Феникс, священная птица, которой поклонялись древние ханьцы, является вымышленным животным, как и дракон. В процессе распространения феникс также постоянно смешивался с достоинствами и преимуществами других животных, а затем стал образом добра и благочестия, вымышленным в первобытных мифах, прототипом которых, как утверждается, является птица, что также зафиксировано в "Классике гор и морей" и "Хуайнаньцзы". Феникс – царь всех птиц, который может приносить мир и спокойствие на землю, а также распространять смысл человеческой жизни, духовный опыт, стремление к идеалу и духовные ожидания [3, с. 119–123].

Среди наиболее популярных животных-тотемов еще медведь, рыба и т.д. В последние годы некоторые эксперты и ученые даже придерживаются мнения, что дракон, как вымышленное животное, не обязательно является самым примитивным тотемом в Китае, и вполне вероятно, что тотем медведя также зародился в древние времена. Например, в доисторической культуре Хуншань существовало мифическое существо под названием "медведь-дракон", и сохранилось множество изделий из камня нефрита с изображением "медведя-дракона", которые использовались для захоронения мертвых. Рыба, с другой стороны, символизирует плодородие, хороший урожай, богатство и удачу. В древности народ бай ("白族") использовал рыбу в качестве тотема, а также своей фамилии, которое позже было изменено на 余, вместо 鱼 при взаимодействии с ханьцами. Сейчас среди женщин бай также популярны головные уборы из рыбьего хвоста, и даже после смерти их хоронят с рыбой и морской раковинной. Существуют также легенды о том, что рыба является частью предков народа Буи ("布依族"), человек и Цветочная рыба вместе родили этот народ.

Также в период среднего палеолита наряду с тотемами животных появились тотемы растений и тотемы неживой природы, такие как тотемы злаков и тотемы белого камня, о которых уже говорилось выше. Тотемы давали людям духовную поддержку и надежду в трудные времена и при принятии сложных решений, и многие племена в современном обществе сохраняют поклонение тотемам.

В то же время, ни одна династия в истории Китая не реализовала "единство политической и религиозной власти", ни одна религия никогда не была достаточно сильна, чтобы соперничать со светской властью. Сменявшие друг друга династии довольно терпимо относились к различным религиям, как местным, так и иностранным при условии, если они не угрожали их власти. Например, распространение буддизма две тысячи лет назад, ислама с VII в., позже – католицизма проходило относительно спокойно. Что касается официальной идеологии императорского Китая – конфуцианства, то среди историков, религиоведов и других ученых никогда не было единого мнения о том, является ли конфуцианство религией или нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Morgan, L. H. Ancient Society: Or Researches in the Lines of Human Progress From Savagery, Through Barbarism to Civilization / L. H. Morgan. – Forgotten Books, 09 Feb 2017. – 588 p. = Морган, Л. Х. Древнее общество: Или исследования линий человеческого прогресса от дикости, через варварство к цивилизации / Л. Х. Морган. – Забытые книги, 09 февраля 2017. – 588 с.*
2. 黄明延. 中国古代的图腾崇拜 / 明延黄、智范许 // 南方文物 1996 年第 4 期. — 126 页 = Хуан, Миньянь. Сюй, Фаньчжи. Поклонение тотемам в Древнем Китае / Миньянь Хуан, Фаньчжи Сюй // Культурное наследие Юга – 126 с.
3. 刘光磊. 中国古代图腾传播的内容、观念与功能 / 光磊刘. // 宁波大学学报 (人文科学版) 2010 年第 23 卷第 2 期. — 页 119–123 = Лю Гуаньлэй. Содержание, концепция и функции тотемической коммуникации в Древнем Китае / Гуаньлэй Лю // Журнал университета Нинбо (гуманитарное издание).
4. 牟钟鉴. 中国宗教通史 / 钟鉴牟、张践 // 中国社会科学出版社 2007 年 12 月. — 464 页 = Моу, Чжунцянь, Чжан, Цянь. Всеобщая история изучения китайской религии / Чжунцянь Моу, Цян Чжан // Китайское издательство социальных наук – 464 с.
5. 闻一多. 神话与诗 / 一多闻. // 天津古籍出版社 2008 年 8 月. — 283 页 = Вень, Идо. Мифы и стихотворения / Идо Вэнь // Тяньцзиньское издательство древних книг — 283 с.

Информация об авторе:

Чжан Сынин – соискатель Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 738.1(510)+75.058(510)

ЧЖАН ЦЗИН

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФАРФОРА ИЗ ЦЗИНДЭЧЖЭНЯ В СОВРЕМЕННОМ ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

На современных выставках, проводимых в Республике Беларусь, фарфор Цзиндэчжэнь получил широкое внимание и признание за свое уникальное художественное очарование и глубокий культурный смысл. Эти выставки успешно пробудили интерес белорусской аудитории к китайскому керамическому искусству и стали важным связующим звеном для культурных и художественных обменов между двумя странами. Активизация культурных и художественных контактов между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь закономерно способствует развитию новых форм экспозиционно-выставочного процесса. Автор статьи описывает и анализирует репрезентацию традиционного фарфора из Цзиндэчжэня в белорусских музейных и выставочных институтах, а также обращает внимание на современные экспозиционные проекты, посвященные традиции китайского фарфора.

Ключевые слова: экспозиционно-выставочный процесс, репрезентация традиционного декоративно-прикладного искусства, фарфор Цзиндэчжэнь, современные художественные проекты.

ZHANG JING

REPRESENTATION OF PORCELAIN FROM JINGDEZHEN IN THE MODERN EXPOSITION AND EXHIBITION PROCESS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

In contemporary exhibitions held in the Republic of Belarus, Jingdezhen porcelain has received wide attention and recognition for its unique artistic charm and deep cultural meaning. These exhibitions have successfully aroused the interest of Belarusian audiences in Chinese ce-

ramic art and become an important link for cultural and artistic exchanges between the two countries. The intensification of cultural and artistic contacts between the People's Republic of China and the Republic of Belarus naturally contributes to the development of new forms of the exposition and exhibition process. The author of the article describes and analyzes the representation of traditional porcelain from Jingdezhen in Belarusian museum and exhibition institutions, and also draws attention to modern exposition projects devoted to the tradition of Chinese porcelain.

Key words: exposition and exhibition process, representation of traditional arts and crafts, Jingdezhen porcelain, modern art projects.

Город Цзиндэчжэнь известен как древнейший центр китайского фарфора, место, где зародились и получили яркое развитие традиции этого искусства. Цзиндэчжэнь имеет долгую историю и с древних времен является ключевым центром культурного обмена. В 2007 году у берегов китайской провинции Гуандун были обнаружены останки затонувшего торгового судна, построенного примерно в 1160-х годах и перевозившего груз фарфора из Цзиндэчжэня [4, с. 71]. Это открытие показывает, что еще в начале II тысячелетия фарфор экспортировался за границу. Изделия цзиндэчжэньских мастеров – это не только произведения декоративно-прикладного искусства, но и элемент культуры, способствующий углубленному художественному и культурному обмену на международном уровне.

В постоянной экспозиции Национального художественного музея Республики Беларусь «Искусство стран Востока XVI–XX вв.» представлены различные виды традиционного фарфора Цзиндэчжэня. Коллекция отражает историческое развитие и эволюцию цзиндэчжэньских технологий. Эта выставка предоставляет белорусской аудитории возможность получить более глубокое представление о фарфоре Цзиндэчжэня, чтобы они могли оценить уникальность этого фарфора. Научный сотрудник Елена Сенькевич составила каталог коллекции под названием «Керамика и фарфор Китая», подробно описывающий фарфор Цзиндэчжэня, а также раскрывающий основные этапы истории китайского искусства.

Ведущий научный сотрудник научно-фондового отдела НХМ Наталья Калашник свидетельствует о происхождении коллекции: «История раздела искусства народов Востока начинается с конца 1950-х гг., когда Министерством культуры Китайской Народной Республики было передано в музей значительное собрание произведений декоративно-прикладного искусства Китая. В 1960 г. существенную помощь в пополнении коллекции оказал Государственный музей искусства народов Востока в Москве. Приобретения у частных коллекционеров впоследствии значительно дополнили и расширили собрание» [2, с. 80]. Формирование данной коллекции отражает международные культурные и художественные обмены и демонстрирует активное участие и вклад Республики Беларусь в этой области. Это межкультурное сотрудничество и коллекция дают зрителям возможность получить более глубокое понимание различных культурных традиций.

Представленная в постоянной экспозиции музея шестигранная белоголубая ваза с цветочными и фруктовыми узорами периода Цяньлун маньчжурской эпохи (1736–1796 гг.) является не только выдающимся образцом фарфора Цзиндэчжэня, но и ярким свидетельством культурного обмена меж-

ду Китаем и Европой. Как известно, император Цяньлун проявлял большой интерес к европейскому искусству. Чтобы удовлетворить эстетические предпочтения императора, мастера Цзиндэчжэня в подобных изделиях сочетали традиционные китайские цветочные и фруктовые узоры с цветочными узорами в стиле барокко. Этот уникальный метод декорирования отражает взаимное влияние художественных стилей Европы и Китая.

Помимо постоянной экспозиции, Национальный художественный музей Республики Беларусь активно репрезентирует искусство и культуру Китая на временных выставках. Так, в январе 2023 года состоялась выставка «Беларусь–Китай. Сотрудничество и дружба». Как свидетельствует комментарий, размещенный на сайте музея, «выставочный проект посвящен развитию дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой, установленных 20 января 1992 года» [1]. На этой выставке был представлен современный фарфор из Цзиндэчжэня, прежде всего замечательные образцы сувенирной продукции середины и конца XX века. Формы изделий повторяют дизайн современной посуды, но украшены традиционными китайскими узорами.

Важный этап в репрезентации цзиндэчжэньского фарфора в Беларуси открылся в 2024 году, когда в январе 2024 года в Выставочном зале «Академия» (Белорусская государственная академия искусств, Минск) в рамках выставки «На Земле» были представлены современные художественные изделия, раскрывающие своеобразие традиций цзиндэчжэньского фарфора. Автор проектов – аспирант Белорусской государственной академии искусств Чжан Цзин (род. 1996 г.), являющийся выпускником Цзиндэчжэньского керамического университета.

Проект «Добрые пожелания из Цзиндэчжэня» осуществлен в керамической мастерской Белорусской государственной академии искусств в Минске. Используя характерные приёмы росписи, принятые в Цзиндэчжэне, крупнейшем центре фарфорового искусства, автор воссоздал излюбленные мотивы китайского декора «цветов и птиц». В Китае сложилась традиция придавать символическое значение изображениям растений и животных: смысл каждой композиции – доброе пожелание или поздравление в особой жизненной ситуации; все они имеют позитивный, благоприятный, положительный смысл. В этом проекте Чжан Цзин стремится познакомить белорусских зрителей с разнообразием китайского фарфора и символически пожелать всем благополучия и процветания.

Рассмотрим несколько произведений, которые были представлены на выставке. Декоративная тарелка «Цветы и бабочка» (фарфор, роспись «синьцай», D 24 см, 2023) отражает традиционный китайский мотив «пион и бабочка» – один из самых популярных. Китайское название пиона – фугуйхуа – звучит как пожелание процветания и богатства, а худе – бабочка – произносится почти как слово «счастье». Этот мотив известен с древности, считается, что он впервые появился в творчестве ученых-художников Императорской академии Ханьлинь. С тех пор изображение бабочки и пионов символически намекает на пожелание успехов в учебе и карьере.

Декоративная тарелка «Белые цапли и лотосы» (фарфор, роспись «синь-цай», D 25 см, 2023) украшена изображением белых птиц и лотосов – это не только любование красотой изящных цапель и прекрасных водяных растений. Такое сочетание в изобразительном и декоративном искусстве отражает конфуцианскую идею об успехе добродетельного мужа – государственного чиновника, сочетающего образованность и тонкий вкус с благородным служебным усердием. В китайском языке одинаково – лю – читаются иероглифы 鹭 (цапля), 禄 (жалованье, доход; служебное благополучие), а также 路 (дорога, путь). А лян (лотос) созвучно слову, имеющему значение «подряд, один за другим, непрерывно». Поэтому данное изображение символизирует пожелание «постоянного успеха на пути продвижения по службе».

Декоративное блюдо «Антикварные редкости-1» (фарфор, подглазурная роспись, D 25 см, 2024) представляет современный образ «антикварных редкостей» (博古图, bó gǔ tú), отражающий широкое понимание древних и современных традиций любования предметами декоративно-прикладного искусства, сложившихся в традиционном Китае в эпоху Тан в среде чиновников-интеллектуалов вэньжэнь (文人 wén rén).

Декоративное блюдо «Благоприятный сюжет» (фарфор, подглазурная роспись, D 24 см, 2024) украшено изображением ученика, почтительно потчующего своего уважаемого учителя драгоценным чаем. Сюжет заимствован с традиционной китайской картины на тему «Воспитание ученика» (教子图, jiào zǐ tú). Эта тема подчеркивает важность, придаваемую образованию в традиционной китайской культуре. В ней отражается уважение к учителям, культ знаний и наследование традиционных концепций образования.

Тарелка «Персик» (фарфор, роспись у-цай («розовое семейство»), D 25 см, 2024) не только представляет в проекте Чжан Цзина традиционную технику росписи у-цай, именуемую в европейском искусствоведении «розовое семейство», но и отражает один из наиболее распространенных мотивов благопожелательной китайской символики. В китайской культуре персики считаются символом долголетия. Дарение персиков или их изображений – это традиционный народный обычай-пожелание пожилым людям долгой жизни.

Китайский дракон лун – самый яркий образ древней китайской культуры, фантастическое существо, олицетворяющее природные стихии, связанное с духовными ценностями народа. В искусстве фарфора сложилось множество приёмов изображения драконов (орнаменты лунвэнь), каждое из которых несёт в себе определенный символический смысл. Серия произведений фарфора «Китайские драконы» – творческая часть проекта, осуществлённого аспирантом Белорусской государственной академии искусств Чжан Цзином, который также опубликовал научную статью «Орнамент лунвэнь в фарфоре Цзиндэчжэня: к вопросу сохранения национальной культурной традиции» [3].

Проект «Китайские драконы» включает четыре блюда: «Красный дракон», «Белый дракон», «Карп превращается в дракона» и «Два дракона играют с жемчужиной» (фарфор, надглазурная роспись, D 24 см, 2023). По замыслу художника, каждое блюдо отражает одну из четырех наиболее харак-

терных технологий фарфора в Цзиндэчжэне, а также показывает традиционный «драконьи» сюжеты. Согласно философу Ван Фу (78–163), жившему во времена династии Хань, дракон заимствует черты не менее чем девяти животных: у него голова верблюда, глаза демона, уши быка, рога оленя и шея змеи. Кроме того, его тигриные лапы заканчиваются орлиными когтями. Тело дракона покрыто чешуйками, как у карпа. Китайский дракон обычно не имеет крыльев, но благодаря своему гребню он может взлетать и свободно парит среди облаков.

Блюдо «Белый дракон» представляет наиболее характерный тип фарфора – «цинхуа» (сине-белая роспись кобальтом). Фарфор «цинхуа», основанный на цветовой палитре цин, раскрывает богатство сине-белых сочетаний и символику синего цвета, ассоциирующегося с водой, весной, энергией и жизненной силой.

«Карп превращается в дракона» – символический сюжет, обращенный к поддержке амбициозных молодых людей. По китайским поверьям, дракон, подобно змее, рождается из яйца и проходит через различные метаморфозы. У детеныша-дракона голова карпа. Чтобы стать взрослым, ему нужно преодолеть водную преграду – взобраться на водопад. В Китае есть несколько водопадов и речных каскадов, именуемых «Драконьими воротами». Изображение карпа, превращающегося в дракона, символизирует благородное качество бесстрашия перед невзгодами, преодоления трудностей и достижения успеха. Это пожелание удачи на экзаменах, успехов в учёбе, карьерного роста.

Сюжет «Два дракона играют с жемчужиной» отражает древнюю легенду. Главное сокровище, хранителем которого являются драконы – большая жемчужина, которую они прячут под складками подбородка или в горле. Эта волшебная жемчужина приносит счастье, изобилие, мудрость своему счастливому обладателю. Блюдо с этим сюжетом по колориту росписи напоминает фарфор «сусанцай», один из самых ценных и красивых в Цзиндэчжэне. Это трёхцветная роспись на чёрном фоне, именуемая на Западе «чёрное семейство» и пользующаяся особой популярностью у коллекционеров.

На выставке в Галерее БГАИ также был представлен проект Чжан Цзина «Синий василёк» – серия декоративных тарелок, посвященных природе Беларуси. Васильки растут на полях и лугах, расцветая навстречу солнцу. Эти скромные цветы смиренно приветствуют нас, символически обозначая превосходные человеческие качества – дружелюбие и скромность. Василёк – один из символов гостеприимной страны Беларусь. Рисуя эти белорусские цветы в традиционной китайской технике росписи по фарфору синьцай, Чжан Цзин хотел показать через изображения васильков замечательную страну Беларусь и своё тёплое отношение к её чудесным людям.

Китайский художник из Цзиндэчжэня Чжан Цзин также принял участие в коллективном выставочном проекте по керамике и стеклу «Пласт. Квадрат», посвященном празднованию 110-летия произведения Казимира Малевича «Чёрный квадрат» (февраль 2024). На этой выставке были представлены ретроспективные работы, современные эксперименты, инновации, представленные художниками разных школ с помощью керамики и стекла.

Для выставки «Пласт. Квадрат» Чжан Цзин создал оригинальную работу «Танграм: Волшебные атрибуты даосских магов» (фарфор, 25x25 см, 2023). Танграм – головоломка, позволяющая складывать из семи простых геометрических фигур бесконечное множество креативных ситуэтов. Эта древняя китайская игрушка – не только развлечение, в танграме нашла отражение философская система китайской цивилизации. Автор работы Чжан Цзин украсил фигуры танграма изображениями волшебных атрибутов, которыми, по преданию, владели даосские мудрецы: магический меч для уничтожения демонов, волшебная тыква-горлянка – сосуд для снадобий, опахало, которое может поднимать мёртвых, флейта и кастаньеты, от музыки которых распускаются цветы, бамбуковый барабанчик, дарующий счастливую старость, и корзинка с цветами бессмертия.

Фарфоровые изделия Чжан Цзина демонстрируют уважение к традиционному наследию и новаторство молодых художников. Искусство может стать языком, который поможет преодолевать национальные границы и передавать культурные коннотации. Своими фарфоровыми работами Чжан Цзин не только выразил свою глубокую привязанность к китайской культуре, но и продемонстрировал неповторимое очарование фарфора Цзиндэчжэнь на выставках в Беларуси. Его работы – это одновременно дань традициям и взгляд в будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь – Китай. Сотрудничество и дружба [Электронный ресурс]: Национальный художественный музей Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://artmuseum.by/ru/events-news/belarus-kitai-supratcountictva-i-siabroustva>. – Дата доступа: 11.03.2024.
2. Калашник, Н. Коллекция декоративно-прикладного искусства Национального художественного музея Республики Беларусь – история и современность / Н. Калашник. // Музеи Литвы и Беларуси: пути и перспективы развития в XXI веке. – 2007. – С. 79–81.
3. Цзин, Чжан. Орнамент лунвэнь в фарфоре Цзиндэчжэня: к вопросу сохранения национальной культурной традиции / Чжан Цзин // Дзяржава і творчая асоба: Мат-лы XIII міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 15 красавіка 2022 г. / БДАМ. – Мн., 2022. – С. 101–105.
4. 曾宪勇. 宋代沉船南海 I 号. 广东: 广东人民出版社, 2013 年. — 137 页. = Цэн Сянь Юн. Кораблекрушение времен династии Сун, Южное море номер 1 / Цэн Сянь Юн. – Гуандун: Гуандунское народное издательство, 2013. – 137 с.

Информация об авторе:

Чжан Цзин – аспирант Белорусской государственной академии искусств, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 008:304.4(510)

ЧЖАН ЦЗЫСЮАНЬ

НОВЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ВТОРОЙ СТУПЕНИ В КНР (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНОГО КУРСА «ИСТОРИЯ»)

Статья посвящена реализации основных принципов новой культурной идеологии на примере учебного курса «История» для средней школы второй ступени. Этот курс повышает уровень национальной идентичности, укрепляет

сплоченность нации и помогает продвигать молодых китайцев на высшую ступень образования.

Ключевые слова: образовательный стандарт, учебный предмет «История», Си Цзиньпин, социализм с китайской спецификой новой эпохи.

ZHANG ZIXUAN

NEW EDUCATIONAL STANDARD FOR SECOND LEVEL SECOND SCHOOL IN THE PRC (BASED ON THE EXAMPLE OF THE HISTORY COURSE)

The article is devoted to the implementation of the basic principles of the new cultural ideology using the example of the “History” curriculum for high school. This course enhances national identity, strengthens national cohesion and helps propel young Chinese to higher levels of education.

Keywords: educational standard, academic subject “History”, Xi Jinping, socialism with Chinese characteristics of the new era.

Обучение истории всегда рассматривалось государством как необходимый способ патриотического воспитания и осознанного становления национального духа молодежи. В связи с этим составление учебных программ и выбор дидактических материалов по предмету «История» для средней школы второй ступени приобретает первостепенное значение. В процессе обучения предмету «История» реализуются историко-культурные, идеологические и педагогические взгляды на прогресс Китая в общем мировом пространстве. Изучение истории влияет на ориентацию и направление политики страны, на достижение национальных целей в области образования и на то, сможет ли у молодёжи в новое время сформироваться правильное мировоззрение, жизнепонимание и ценностные представления.

Стандарты учебных программ – это программные документы учебного плана, которые представляют собой базовые нормы и требования государства к качеству основной образовательной программы, сформулированные в соответствии с целями государства в области образования и задачами подготовки учащихся, отражающие ожидания государства в отношении результатов обучения учащихся и того, каких людей оно хочет культивировать.

Ли Цин, работающая в редакционном отделе издательства «Народное образование», отмечает в своей статье «Новые изменения в «Стандарте учебной программы по истории общеобразовательной средней школы второй ступени (издание 2017 года, переработанное и дополненное издание в 2020 году)» [3, с. 12-18], что основными причинами быстрой переработки стандарта (2017 года издания) для средней школы второй ступени являются следующие:

10 сентября 2018 г. на Национальной образовательной конференции Китая Си Цзиньпин подчеркнул, что «после XVIII Всекитайского съезда КПК государство выступило с предложением всесторонне укрепить партийное руководство образовательной работой вокруг коренного вопроса о том, каких людей нужно подготовить? Как и для кого их подготавливать? Придерживаться принципа по воспитанию образованных людей с высокими нравственными качествами». В то же время он вновь сделал акцент на трудовом воспитании: «Мы должны стремиться построить систему образования, всесторонне

воспитывающую нравственность, интеллект, физическую форму, эстетику и труд, и сформировать систему подготовки кадров высокого уровня» [4]. Эти важные выступления председателя Си Цзиньпина являются более высокими и комплексными требованиями к новой обстановке и новым задачам, стоящим перед развитием образования, указывают направление и цель развития образования [3, с. 13].

Приведём цитату Си Цзиньпина на 19-м съезде:

«Приоритетно развивать образование. Превращение Китая в державу образования – фундаментальная работа для осуществления великого возрождения китайской нации. <...> Возращивать всесторонне – нравственно, интеллектуально, физически и эстетически – развитых строителей и продолжателей дела социализма» [1].

2. Преклонение перед героями, учение у них и удержание в памяти о них требует дальнейшего воплощения в стандарте учебной программы.

29 сентября 2019 г. на церемонии вручения государственных наград КНР и присвоения государственных почетных званий КНР Си Цзиньпин отметил: «Если преклоняться перед героями, то в стране родится много героев. Если человек хочет стать героем, то он будет героем. Партия и государство всегда придавали большое значение награждению героев и сохранению легендарных образцов. Сегодня мы воздаем героям и образцам самые высокие почести, чтобы сохранить их отличительные черты – преданность, упорство и добросовестность» [5]. Героические люди и героический дух всегда были ценным достоянием, вдохновлявшим китайскую нацию на движение вперед, а героические люди и их подвиги всегда были важным материалом для учебников истории. Подтверждение исторического положения и роли героев в учебниках истории будет способствовать воспитанию у учащихся духа патриотизма, любви к Родине и почтения к национальным героям [3, с. 13].

3. Некоторые из откровений в области составления и обучения учебникам должны быть своевременно адаптированы к стандартам учебных программ.

С сентября 2019 г. по июнь 2020 г. прошел почти год, прежде чем был опубликован «Стандарт учебной программы по истории общеобразовательной средней школы второй ступени (издание 2017 года, переработанное и дополненное издание в 2020 году)», который был направлен на рассмотрение и утверждение экспертами группы по совершенствованию стандарта [3, с. 13].

Сущность содержания и воспитательного направления учебного стандарта по курсу «История» ориентировано на всестороннее развитие личности учащихся.

Культурный образовательный компонент является включённым в основное содержание гуманитарного курса «История».

История (историческая наука, историография) – это дисциплина, которая описывает и разъясняет ход (процесс) человеческой истории и её законы в соответствии с определённым взглядом на историю. Важной социальной функцией истории представляет собой поиск исторических правд, обобщение

исторического опыта, понимание законов истории и следование за тенденцией развития истории. История является важной частью человеческой культуры и играет незаменимую роль в распространении совместного наследия человеческой цивилизации и в качественном повышении культурного уровня граждан [6, с. 1].

Учебная программа по предмету «История» средней школы выполняет образовательную функцию. Изучая предмет «История» в средней школе, школьники расширяют свой исторический кругозор, развивают историческое мышление, повышают базовую грамотность по истории, понимают и идентифицируют основные ценности социализма и выдающуюся традиционную культуру Китая с точки зрения исторического развития, понимают и возвеличивают национальный дух, в основе которого лежит дух патриотизма и дух времени, совмещая их с реформами и инновациями, имеют широкий международный обзор, формируют правильное мировоззрение, жизнепонимание, ценностные представления и взгляды на историю, закладывают основу для своей будущей учебы, работы и жизни [6, с. 1].

Самым важным аспектом изучения предмета «История» является понимание учащимися роли семьи для развития государства, его богатства и могущества, для обретения счастья народом, наряду с формированием абсолютно го чувства идентификации, принадлежности, ответственности и долга перед страной (патриотизм) каждого отдельного члена общества. Изучение и исследование истории должно быть гуманистическим и следить за реальными жизненными проблемами, целенаправленно служить расцвету, самоусилению (самосовершенствованию) нации и прогрессу человеческого общества [6, с. 5].

Изучая предмет «Истории», школьники должны: 1) понимать национальную действительность Китая; 2) формировать чувство идентичности к Родине и правильное понимание государства; 3) осознавать историческую тенденцию развития китайской нации в единстве и многообразии; 4) формировать чувство идентичности с китайской нацией и правильный взгляд на национальный вопрос; 5) иметь национальную уверенность и гордость; 6) отождествлять себя с выдающейся традиционной культурой Китая, революционной и передовой социалистической культурой; 7) воспринимать легендарные образцы (личности) различных периодов китайской истории; 8) наследовать чувство национального достоинства; 9) уважать дух героизма; 10) признавать историческую ценность и актуальное значение китайской цивилизации. В ходе изучения истории учащиеся должны: 11) понимать многообразие исторического развития мира; 12) воспринимать и уважать культурные традиции всех стран и всех национальностей; 13) иметь широкий глобальный кругозор и правильное культурное мировоззрение; 14) идентифицировать себя с основными ценностями социализма; 15) принять, что следование по пути социализма с китайской спецификой является исторической необходимостью; 16) укреплять уверенность в собственном пути, теории, строе и культуре социализма с китайской спецификой; 17) уметь формировать активную жизненную позицию, чтобы создать крепкую личность и укоренить правильное мировоззрение, жизнепонимание и ценностные представления [6, с. 7].

Учебник «Исторические очерки в Китае и за границей» по предмету «Истории» в общеобразовательной средней школе второй ступени представляет собой обязательный курс, состоящий из трех частей: «Древняя история Китая», «Современная история Китая» и «Всемирная история». Через важные события, персонажи (личности, образцы) и явления в истории Китая и зарубежных стран учебник представляет ход развития человеческого общества с древнейших времен до настоящего времени, от разрозненного к целому и от низкого к высокому, чтобы школьники могли в дальнейшем понимать и знать основную линию развития человеческой истории, а также богатое и разнообразное историческое культурное наследие. «Государственное устройство и общественное управление», «Экономическая и социальная жизнь» и «Культурный обмен и коммуникация» являются факультативно-обязательными учебниками и выбираются в зависимости от индивидуальных интересов и потребностей в дальнейшем изучении к поступлению в последующее учебное заведение. Эти три книги включают несколько учебных тем, и конкретное содержание каждой темы представлено во временной последовательности, представляя важное содержание по различным сторонам китайской и зарубежной истории и приводя школьников на путь углубленного понимания истории с различных точек зрения, таких как политика, экономическая и социальная жизнь, культура [6, с. 9]. В то же время зависимость от предмета истории и других предметов в общеобразовательной средней школе второй ступени четко определена в «Стандарте учебной программы по истории общеобразовательной средней школы второй ступени (издание 2017 года, переработанное и дополненное издание в 2020 году)». Курсовой проект по истории призван обратить внимание на её связи с предметами «Идеология и политика», «Китайский язык», «Искусствоведение (или музыка и искусство)», «География», «Информационные технологии», а также способствовать изучению школьниками других предметов, активному стремлению содействовать развитию гуманитарной грамотности школьников [6, с. 11].

В процессе обучения по учебнику «Исторические очерки в Китае и за границей» учащиеся должны: 1) понять и усвоить основные взгляды материалистического взгляда на историю; 2) ощутить научность, понять непрерывность, изменение и развитие истории в различных условиях времени и пространства; 3) изучить основные методы изучения исторических источников (материалов) и уметь на этой основе делать правильные интерпретации истории; 4) углублять осознание исторической тенденции развития китайской нации в единстве и многообразии; 5) идентифицировать себя с основными ценностями социализма и выдающейся традиционной культурой Китая; 6) понять мировое разнообразие исторического развития; 7) осознавать и уважать культурные традиции различных стран и регионов мира; 8) расширять международный обзор и развивать открытое мировое сознание [6, с. 12–13].

Приведём цитату Си Цзиньпина на 20-м съезде:

«Углублять комплексные реформы в сфере образования, активизировать работу по составлению учебников и учебных пособий, а также управлению со-

ответствующей деятельностью, совершенствовать систему управления учебными заведениями и систему оценки качества образования, оздоравливать механизм воспитания учащихся посредством взаимодействия учебных заведений, семьи и общества» [2, с. 33].

Так, Книга 1 (первый учебник) включает в содержание современную историю Китая. Наиболее важные учебные материалы расположены в разделе о Си Цзиньпине (урок 29), разделенный на три пункта:

1. На 1-м пленуме ЦК 18-го созыва Си Цзиньпин был избран генеральным секретарем ЦК КПК [7, с. 190];

2. В 2017 году в Пекине состоялся 19-й Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. Си Цзиньпин на 19-м съезде четко обозначил, что «благодаря длительным усилиям социализм с китайской спецификой вступил в новую эпоху. Противоречие между постоянно растущими потребностями народа в прекрасной жизни и неравномерностью и неполнотой развития уже стало основным противоречием китайского общества. Изменение в основном противоречии китайского общества является исторической переменой, касающейся общей обстановки в целом, и это обстоятельство предъявляет к работе партии и государства немало новых требований». Съезд утвердил «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» в качестве руководящей идеологии. Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи являют собой продолжение и развитие идей марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, важных идей тройного представительства и научной концепции развития, новейшее достижение китаизации марксизма, важную составляющую теоретической системы социализма с китайской спецификой, а также руководство к действию при осуществлении партией и народом великого возрождения китайской нации. В долгосрочной перспективе необходимо руководствоваться этими идеями. Под руководством «идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи», коммунистическая партия Китая (КПК) ведет многонациональный народ страны к укреплению уверенности в собственном пути, теории, строе и культуре в социализме с китайской спецификой, неустанной борьбе за реализацию китайской мечты о великом возрождении китайской нации [1]».

3. 11 марта 2018 года первая сессия ВСНП (Всекитайское собрание народных представителей) 13-ого созыва проголосовала за принятие Поправок к Конституции Китайской Народной Республики. Поправки к Конституции закрепляют основные теоретические положения и основные направления политики, определенные XIX Всекитайским собранием КПК, в частности «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи», в основном законе страны, отражают новые достижения, опыт и требования развития партии и национального дела, способствуют тому, чтобы Конституция шла в ногу со временем и совершенствовалась на основе общего сохранения преемственности, стабильности и авторитета Конституции [7, с. 191].

Факультативный обязательный учебник 1 «Государственное устройство и общественное управление», используется в качестве дополнительного

учебника для обязательного курса, и он вновь содержит «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи»:

1. В октябре 2017 года состоялся 19-й Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (КПК), на котором было отмечено, что социализм с китайской спецификой вступил в новую эпоху [8, с. 26].

2. Поправки к Конституции КНР, принятые на первой сессии ВСНП 13-го созыва в 2018 г., закрепили в основном законе государства основные теоретические взгляды и основные направления и политику, определенные на 19-м Всекитайском собрании КПК, в особенности «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи», осуществляя, что руководящая идеология государства идет в ногу со временем и отражает общую волю многонационального народа страны и общую волю всего общества [8, с. 56].

3. В докладе XIX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (КПК) Председатель Си Цзиньпин отметил, что «Следует целиком и полностью претворять в жизнь национальную политику партии, углублять воспитательную работу в области национальной сплоченности и прогресса, укреплять сознание общности китайской нации, укреплять межнациональные контакты, обмены и связи, способствовать тесному сплочению всех национальностей Китая, как вплотную прилегающих друг к другу зернышек граната, чтобы совместно сплоченно бороться, совместно развиваться и процветать» [1]. Консолидация сознания единой китайской нации была записана в новой редакции Устава Коммунистической партии Китая (КПК), что придает новое (внутреннее) содержание и важную историческую миссию национальной работе и является конкретным воплощением «Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» в области национальной работы [8, с. 78].

В этом учебнике тесно связаны различные события и реалии, а также приводится вдохновляющий рассказ для школьников, призывающий молодых людей учиться у Хуан Даняня. Хуан Данянь был известным геофизиком, занимал должность профессора и руководителя аспирантов на факультете наук и технологий исследования Земли Цзилиньского университета. Он упорно учился, внедрял инновации и добился ряда крупных научно-технических достижений, заполнив ряд пробелов в отечественных технологиях. 8 января 2017 года Хуан Дайнянь скончался в возрасте 58 лет от болезни. Генеральный секретарь Си Цзиньпин сделал важные указания по поводу передового дела Хуан Даняня, он подчеркнул, что мы должны брать с товарища Хуан Даняня пример, учиться у него великодушию, искреннему патриотическому чувству к стране, учиться у него качеству обучения и воспитания, смелой инициативе и духу ответственного отношения к работе, учиться у него безразличию к богатству и славе, радости вклада в работу и высоким душевным качествам. Его патриотическая любовь, воля к служению стране в реформировании и развитии Родины свидетельствует о том, что великая борьба народа за создание истории начинается с себя, как для приближения «двух столетних юбилеев», так и для осуществления китайской мечты о великом возрождении китайской нации, отдавал мудрость и силу» [8, с. 59].

Стандарт учебной программы и содержание обучения на учебном материале по предмету «История» для общеобразовательной средней школы второй ступени имеют большое историческое значение для укрепления идентичности учащихся с Великой Родиной, китайской нацией, китайской культурой, Коммунистической партией Китая, для пути социализма с китайской спецификой, повышения их самосознания в культивировании и широкое внедрение в практику основных ценностей социализма, укрепление чувства национальной гордости и чувства исторической миссии, формирование чувства китайской этнической общности и укрепления «Четырех уверенностей» (уверенности в собственном пути, собственной теории, собственном строе и собственной культуре) [3, с. 18].

Новая культурная идеология ориентирована на народ, но самый высокий приоритет уделяется молодым людям. Молодёжь – это новое поколение страны, и обучение в средней школе второй ступени способствует пониманию китайской культуры и идентичности с ней, а также является важной частью патриотического воспитания. Школьники второй ступени должны понимать значение идей и политики национальных руководителей, любить партию, любить страну, любить социализм. Изучение предмета «История» способствует воспитанию идеалов и убеждений народа.

Фундаментальная работа по осуществлению великого возрождения китайской нации способствует превращению Китая в державу образования, при этом приоритетом является ускорение модернизации культуры. Образование имеет огромное значение для всестороннего развития социализма с китайской спецификой, повышения качества нации, укрепления «мягкой силы» государства, социальной гармонии и стабильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Си Цзиньпин. Доклад председателя КНР Си Цзиньпина на XIX съезде КПК (Синьхуа) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-11/04/content_41845752.htm. – Дата доступа: 10.01.2024.
2. Си Цзиньпин. Доклад председателя КНР Си Цзиньпина на XX съезде КПК (Синьхуа) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://russian.news.cn/20221025/b32a2a0cff064246838b0999eeedebaa/c.html>. – Дата доступа: 10.01.2024.
3. 李卿. «普通高中历史课程标准 (2017 年版 2020 年修订)» 新变化 / 李卿. – 天津: 历史教学, 2020. – №7. – 12–18 页. = Ли, Цин. Новые изменения в «Стандарте учебной программы по истории общеобразовательной средней школы второй ступени (издание 2017 года, переработанное и дополненное в 2020 году)» / Цин Ли. – Тяньцзинь: Лиши цзяоюэ, 2020. – № 7. – С. 12–18.
4. 习近平在全国教育大会上强调坚持中国特色社会主义教育发展道路 培养德智体美劳全面发展的社会主义建设者和接班人 = Си Цзиньпин на Национальной образовательной конференции Китая подчеркнул, что следование по пути развития социалистического образования с китайской спецификой, подготовка строителя и продолжателя социализма, отличающиеся всесторонние развития нравственных, умственных, физических, эстетических и трудовых качеств личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6052/moe_838/201809/t20180910_348145.html. – Дата доступа: 10.01.2024.
5. 中华人民共和国国家勋章和国家荣誉称号颁授仪式 = Си Цзиньпин. Церемония вручения государственных наград КНР и присвоения государственных почетных званий КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.xinhuanet.com/politics/70zn/qt/wzsl.htm>. – Дата доступа: 10.01.2024.

6. 中华人民共和国教育部制定. 普通高中历史课程标准 (2017 年版 2020 年修订) / 中华人民共和国教育部制. – 北京: 人民教育出版社, 2020.– 91 页.= Министерство образования КНР, Стандарт учебной программы по предмету «История» общеобразовательной средней школы второй ступени (издание 2017 года, переработанное и дополненное издание в 2020 году). – Пекин: Издательство «Народное образование», 2020. – 91 с.
7. 中华人民共和国教育部制. 普通高中教科书 历史 必修 中外历史纲要 (上) / 中华人民共和国教育部制. – 北京: 人民教育出版社, 2019.– 196 页.= Министерство образования КНР, Обязательный учебник общеобразовательной средней школы второй ступени Исторические очерки в Китае и за границей (первый учебник)». – Пекин: Издательство «Народное образование», 2019. – 196 с.
8. 中华人民共和国教育部制. 普通高中教科书 历史 选择性必修 1 国家制度与社会治理 / 中华人民共和国教育部制. – 北京: 人民教育出版社, 2020. – 112 页.= Министерство образования КНР. Факультативный обязательный учебник 1 общеобразовательной средней школы второй ступени Государственное устройство и общественное управление. – Пекин: Издательство «Народное образование», 2020. – 112 с.

Информация об авторе:

Чжан Цзысюань – магистр Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 761.1.04.036(510)

Е. Ф. ШУНЕЙКО

ВЫЯВЛЕНИЕ ТЕМАТИКИ ЖИЗНЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ НАРОДА В 30–40-Х ГГ. XX В. В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КИТАЙСКИХ МАСТЕРОВ ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВЕ

В статье дается историко-культурный экскурс о развитии искусства китайской ксилографии, которая пережила свой большой творческий и плодотворный период с момента появления в 1912 г. и до завершения гражданской войны в 1949 гг. В 30–40-х гг. XX в. китайские художники-графики ставят перед собой важные идейно-творческие задачи отобразить проблемы в жизни трудового народа, показать путь народа от лишений и страданий до борьбы за свободу и справедливость. Среди этих художников проявили себя Ху Ичунь, Чэнь Тяньгэн, Цзян Фэн, Ли Хуа, Чжан Янси, Чжэн Ефу, Хуан Синьбо, Ван Ци и др., ксилографическое наследие которых представляет большую художественную ценность и требует дальнейшего всестороннего исследования.

Ключевые слова: китайская ксилография, ведущие мастера-графики, тема жизненных испытаний.

Y. F. SHUNEIKO

IDENTIFYING THE THEMES OF THE LIFE TRIALS OF THE PEOPLE IN THE 1910s AND 1940s. IN THE WORKS OF CHINESE WOOD ENGRAVING MASTERS

The article gives a historical and cultural excursion about the development of the art of Chinese woodcuts, which has experienced its great creative and fruitful period since its appearance in 1912 until the end of the civil war in 1949. In the 1930-1940s. Chinese graphic artists set themselves important ideological and creative tasks to reflect the problems in the life of the working people, to show the people's path from deprivation and suffering to the struggle for freedom and justice. Among these artists were Hu Yichuan, Chen Tiangeng, Jiang Feng, Li Hua, Zhang Yanxi, Zheng Yefu, Huang Xinbo, Wang Qi and others whose woodcut heritage is of great artistic value and requires further comprehensive research.

Keywords: Chinese woodcuts, leading graphic artists, the theme of life's trials.

Гравюра на дереве, или ксилография, является одним из важных видов графического искусства, где рисунок сначала вырезается на доске, а затем

оттискивается с доски на бумагу при помощи печатной краски. Ксилография как искусство, для которого характерны черные и белые контрастные штрихи, и резкие черты, наиболее ярко и быстро отзывалась на прогрессивные культурные явления, социальные и политические изменения разных периодов времени. Этими качествами отличается еще мало известная в Беларуси китайская ксилография 30–40-х гг. XX в., о которой существовали до настоящего времени лишь отдельные сведения в советском искусствоведении [1]. Изучение китайских первоисточников, связанных с этой темой, которые стали доступны вначале нашего столетия, позволяют выявить ряд ксилографических произведений выдающихся китайских мастеров гравюры на дереве, обращенных к проблемам народной жизни в сложный период истории Китайской Республики [2, 3, 4, 5, 6, 7].

Гравюры на дереве Китайской Республики с 1912 по 1949 гг. занимают важное место в истории изобразительного искусства Китая. Можно выделить три важных периода становления и развития гравюры на дереве в Китае в 1912–1949 гг.: 1) этап становления в условиях революционных преобразований в обществе 1912–1929 гг.; 2) этап формирования национальной китайской гравюры на дереве под влиянием прогрессивных идей 1929–1937 гг.; 3) этап развития реалистичной направленности китайской гравюры на дереве 1937–1949 гг. Каждому периоду присущи свои художественные особенности, отраженные в произведениях, созданных китайскими художниками-граверами: от первых попыток приобщения к новаторскому опыту европейской графики до воздействия ксилографии на процессы демократизации китайского общества и его консолидации в борьбе с внешними и внутренними врагами, с проблемами социальных преобразований, с преодолением пережитков прошлого и т.п.

В условиях политической борьбы 30–40-х гг. XX в. в искусстве получило развитие демократическое направление в гравюрах на дереве, когда художники впервые начали изображать представителей трудового народа. По всей стране они создавали свои гравюры, а инструменты для резки использовали в качестве «оружия», разоблачающего бесчеловечность, взывающего к милосердию и помощи страдающим и униженным. Гравюра Ху Ичуаня «Голодающие» (1930) показывает последствия стихийных и социальных бедствий, которые привели к разорению большинства крестьян. Сюжетная линия произведения посвящена бездомной семье, спящей на улице холодной зимой. Художник изобразил ребенка, ухаживающего за больной матерью, а рядом с ними сидит, прислонившись к телеге, отец и беспомощно вздыхает [2, с. 35]. На гравюре Чэнь Тяньгэна «Мать и сын» (1933) изображена мать, молча смотрящая на сына и с тревогой ожидающая, что же ее муж принесет домой на ужин [2, с. 37]; [3, с.154]. Цзян Фэн в своей гравюре «Портовые рабочие» (1931) показал измученных рабочих, плетущихся вдоль берега реки Хуанпу. Они не обращают внимания на живописные пейзажи реки берега, а молча, склонив головы, идут по причалу, где их ожидает тяжелый физический труд. [3, с. 117]. На гравюре «Рассвет» (1933 г.) Е Фу изображен уборщик, который еще до наступления рассвета тащит повозку для нечистот, что-

бы начать уличную уборку [4, с.237]. Но были и протесты против социальной несправедливости. Гравюра «Борьба» (1933) Чжэн Ефу впервые изображает столкновение народа с военными и полицией 1-го мая 1933 г. На гравюре Ли Хуа «Кричи, Китай» изображен привязанный к деревянной балке молодой человек. Яростно крича, герой одной рукой тянется к кинжалу, чтобы перерезать все веревки и освободиться [3, с. 342]. Цикл из восьми гравюр Ван Шуи «Тюремные записки» демонстрирует борьбу политических заключенных, томящихся за решеткой [4, с. 345]. Среди гравюр, изображающих непосильный труд, «Бурлаки из Цзялин» (1943) Ван Жэньфэна являются наиболее значительным раскрытием темы. В произведении используется вертикальная композиция, бурлаки находятся на переднем плане, чтобы зрители могли четко видеть их облик, низко склонивших головы и тянущих баржу [5, с. 143]. Гравюры Ван Ци – работы «В ожидании воды» (1943), «Депо стало укрытием для беженцев» (1944) и др. правдиво показывают страдания людей во время войны [2, с. 157]; [5, с. 159]. Наиболее значимой работой Ван Ци является гравюра «Работа в каменоломне» (1945 г.), на которой изображены рабочие, добывающие руду. Автор показал тяготы людей, трудящихся под палящим солнцем, и одновременно силу народа, который способен сокрушать горы [5, с. 163]. Расцвет творчества Чжан Янси пришелся на период завершения японо-китайской войны. В гравюре под названием «Маленький чистильщик обуви» (1945) используется прием противопоставления двух детей, отличающихся друг от друга по происхождению. В образе ребенка, который чистит обувь, олицетворены страдания тех, кто борется с невзгодами. А сынок, которого обнимает тучная дама из обеспеченной семьи, живет на всем готовом, ему даже обувь чистит кто-то другой [6, с. 170].

Среди работ художников-ксилографов на территории, контролируемой долгое время Гоминьданом, работы Хуан Синьбо отличались использованием приема гротеска и сатиры. На гравюре «Рядом с районом Гонконга Хэппи Вэлли» (1948) изображена сцена с обездоленными и голодающими у жилого района для людей с высокими доходами. В длинную очередь выстроились бедняки, ожидающие пожертвований от богатых семейств [7, с. 123]. На гравюре Хуан Синьбо «Продающий кровь» (1948 г.) создан образ человека, страдающего от чрезмерной потери крови. Земля «уплывает» под ногами, небо кружится над головой, он прикрывает глаза руками, тело теряет равновесие, человек кричит, выражая резкий протест против ненавистного образа жизни [7, с. 230].

Созданная Ли Хуа гравюра «Отобранное зерно» (1946) показывает страдающую от лишений крестьянскую семью, у которой гоминьдановские солдаты не только отобрали все зерно, но и увели домашних животных. К сожалению, после победы над японскими захватчиками терпения простых людей не закончились. Началась жестокая гражданская война 1946–1949 гг. Цикл гравюр «Волна гнева» (1947) является самым характерным произведением Ли Хуа и состоит из четырех гравюр, запечатлевших страдания и наконец вступление в открытую борьбу крестьян. На одной из гравюр цикла «Из последних сил» (1947) изображена картина тяжелой жизни крестьян, когда односель-

чане вынуждены использовать людей, чтобы пахать на них землю плугом, вместо тяглового скота, угнанного военными реакционерами. Это – квинтэссенция стойкости и мужества народа, находящегося в борьбе за выживание [7, с. 247].

На второй гравюре цикла «Насильственное принуждение» (1947) показаны страдания крестьян, когда военные хватают и забирают из крестьянских семей всех трудоспособных мужчин, без которых невозможно прокормиться их женам, детям и престарелым родителям. На третьей гравюре цикла «Отказ от уплаты земельного налога» (1947) показан возмущенный сельский труженик, не желающий подчиняться указаниям полицейского и старосты, которые пришли к нему отбирать все, что он добился своим тяжелым трудом. И несмотря на то, что его повалили на землю, он, сжимая в руке камень, готов вскочить и сражаться за свои права. Издалека уже спешат ему на помощь соседи-крестьяне. Это – уже предвестник того, что самосознание крестьян крепнет, и «буря близко» [2].

Четвертая гравюра «Подъем» (1947) – образный финал всего цикла гравюр [1, с. 111]; [6, с. 238]. Крестьяне в неудержимой ярости, взяв в руки косы, самодельные пики, даже винтовки, поднялись на вооруженное восстание. Ли Хуа, используя утрированную мимику и усиливая динамику и мощь движений, создает народные образы крестьян, переполненных еще невиданной силой борьбы за свободу и справедливость. Эти обобщенные образы являют собой огромную силу, предзнаменование радикальных изменений в обществе, освобождения народа от вековых лишений и начала новой эпохи в жизни их страны.

В конце XX – начале XXI вв. искусство ксилографии периода Китайской Республики вновь начинает притягивать к себе пристальное внимание искусствоведов. Большое количество сохранных примеров графических произведений китайских ксилографов 30–40-х гг. XX в. позволяет говорить о большом художественном уровне их творчества, связанного с драматическими и прогрессивными событиями тех десятилетий, переломных для истории Китая.

Своими многочисленными ксилографическими произведениями художники доказали, что искусство графики обладает большой силой воздействия, если это искусство находится на передовой общественной жизни, правдиво отображает происходящие события и объединяет мужественный и стойкий народ в борьбе за свободу и мирную созидательную жизнь. Многие произведения таких выдающихся ксилографов, как Ху Ичуань, Чэнь Тяньгэн, Цзян Фэн, Ли Хуа, Чжан Янси, Чжэн Ефу, Хуан Синьбо, Ван Ци и др. имеют непреходящую художественную ценность и требуют дальнейшего всестороннего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Червова, Н. А. Современная китайская гравюра: 1931–1958 / Н. А. Червова. – М. : Изд-во вост. лит., 1960. – 169 с.
2. 李允经. 中国现代版画史 / 李允经. – 太原 : 山西人民出版社, 1996. – 235 页. = Ли Юньцзин. История современной китайской гравюры / Ли Юньцзин. – Тайюань : Шаньси, 1996. – 235 с.

3. 齐凤阁. 中国新兴版画发展史 (一九三一—一九九一) / 齐凤阁. — 长春: 吉林美术出版社, 1994. — 636 页. (Ци, Фэнгэ. История развития зарождающейся гравюры Китая, 1931–1991 гг. / Фэнгэ Ци. — Чанчунь: Изд-во изящ. искусств Цзилинь, 1994. — 636 с.).
4. 李桦. 中国版画新兴运动五十年 (1931–1981) / 李桦. — 沈阳: 辽宁美术出版社, 1982. — 498 页. (Ли, Хуа. Пятьдесят лет зарождающегося движения гравюр в Китае (1931–1981) / Хуа Ли. — Шэньян: Изд-во изящ. искусств Ляонина, 1982. — 498 с.).
5. 苏林. 国统区黑白木刻 / 苏林. — 南宁: 广西美术出版社, 2000. 245 页. (Су, Линь. Черно-белая гравюра на дереве / Линь Су. — Наньнин: Гуанс. изд-во изобраз. искусства, 2000. — 245 с.).
6. 李桦. 中国新兴版画五十年 / 李桦. — 沈阳: 辽宁美术出版社, 1981. — 438 页. (Ли, Хуа. Пятьдесят лет зарождающемуся движению гравюр в Китае / Хуа Ли. — Шэньян: Изд-во изящ. искусств Ляонин, 1981. — 438 с.).
7. 李树声. 寒凝大地——1930–1940 国统区木刻版画集 / 李树声, 李小山. — 长沙: 湖南美术出版社, 2000. — 379 页. = Ли, Шушэн. на территории Гоминьдана 1930-1940-х гг. / Шушэн Ли. — Чанша: Изд-во изящ. Искусств Хунани, 2000. — 379 с.

Информация об авторе:

Шунейко Евгений Феликсович — заведующий кафедрой истории и теории искусств Белорусской государственной академии искусств, кандидат искусствоведения, доцент, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 791.43-22(510)

ЯНЬ ХАОТЯНЬ

ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКИХ КИНОКОМЕДИЙ В ПЕРИОД НАЧАЛА РЕФОРМ И ПОЛИТИКИ ОТКРЫТОСТИ ПОД РУКОВОДСТВОМ ДЭН СЯОПИНА (1979-1989 ГГ.)

Автор исследует кинокомедии Китая 1979–1989 гг., выделяет их основные тематические мотивы (любовь, любовь и карьера, сельская жизнь, тема реформ) и отмечает их характерные особенности: тенденцию к формированию определенных сюжетно-фабульных схем, появление типических персонажей, а также использование определенных стилистических приемов.

Ключевые слова: кинокомедии периода начала реформ и политики открытости в Китае, жанрово-тематические особенности, сюжетно-фабульные схемы, типический персонаж.

YAN HAOTIAN

GENRE AND THEMATIC FEATURES OF CHINESE FILM-COMEDIES DURING THE BEGINNING OF REFORM AND OPENNESS POLICY UNDER THE LEADERSHIP OF DENG XIAOPING (1979-1989)

The author examines Chinese film comedies of 1979–1989, identifies their main thematic motifs (love, love and career, rural life, the theme of reforms) and notes their specific features: the tendency towards the formation of certain plot schemes, the appearance of typical heroes, as well as the use of certain stylistic methods.

Keywords: film comedies of the period of the beginning of reforms and the policy of openness in China, genre and thematic features, plot schemes, a typical character.

Период начала реформ и политики открытости в Китае под руководством Дэн Сяопина с 1979 по 1989 годы стал временем значительных социальных и культурных изменений, которые не обошли стороной и кинемато-

граф. Этот период характеризуется стремительным развитием китайской экономики, постепенным открытием страны для мирового сообщества и, как следствие, обновлением социальной динамики. В эти годы китайское общество искало новые формы самовыражения, а кинематограф стал одним из способов, посредством которого это происходило. Особенно ярко данная тенденция отразилась в комедийном жанре, который, пройдя через глубокую трансформацию, начал занимать значительное место в культурной жизни страны. Если жестокость «культурной революции» временно лишила людей способности смеяться, то комедийные фильмы 80-х гг. XX в. вновь актуализировали смех в только что открывшемся китайском обществе.

Комедийные фильмы XXI века, ориентированные в большей степени на развлечение, часто рассказывают истории, оторванные от социальной реальности и проблем, в то время как комедийные фильмы периода начала реформ и политики открытости под руководством Дэн Сяопина были больше сосредоточены на социальной реальности Китая 1980-х годов, используя жанр как средство рефлексии [3, с. 196]. При анализе эмпирического материала данного периода, можно выделить несколько тем, к которым обращались в своих комедиях китайские кинематографисты.

Так, доминирующим тематическим мотивом в комедийных фильмах в это время становится тема любви. Легкие романтические комедии составляют абсолютное большинство среди комедийных фильмов нового периода. Комедии на тему сельской жизни и реформ занимают важное место в различных исследовательских монографиях и теоретических статьях, при этом романтическим комедиям часто не уделяется много внимания. Однако создание большого количества романтических комедий как раз отражает стремление зрителей к любви в новую эпоху, которая также является катарсисом эмоций, подавленных во время «культурной революции». Любовь и смех – одни из самых распространенных, но скрытых психологических потребностей новой эпохи.

Среди комедий о любви данного исторического периода наиболее значимыми являются «Молодое поколение» (реж. Ван Цзяи, 1979), «Эти двое и те двое» (реж. Санг Ху, 1979), «О, любовь, как твоя фамилия?» (реж. Ян Би-ли, 1980), «Дополняя друг друга» (реж. У Иньсюнь, 1981), «Смех и радость» (реж. Цинь Чжию, 1981), «Девушка с подносом» (реж. Ма Цзиньву, 1981), «Лучше смеяться, чем плакать» (реж. Ма Цзиньву, 1981), «Дочерний опыт» (реж. Бао Цичэн, 1981), «Цветной мост» (реж. Джинь Ин, 1982), «Прилетевший зять» (реж. Чжуншу Хуан, 1982), «Счастье приходит с трудом» (реж. Тянь Ран, 1982), «Почтовые отношения» (реж. Санг Ху, 1983), «Она и он» (реж. Юй Шибин, 1985), «Две пары и половина» (реж. Ван Чжицзе, 1986), «Мужчина для женщины-директора» (реж. Ян Яньцзинь, 1987), «Молодые парни и девушки» (реж. Ло Сяолин, 1987) и др.

«Культурная революция» только что подошла к концу, и люди всё ещё не могли открыто обсуждать тему любви. Таким образом, в комедиях о первой любви часто использовался усложненный нарратив в варианте «любовь и работа». Главными героями в таких комедиях обычно являлись молодые люди, ищущие идеалы и отстаивающие свои убеждения. Встреча с возлюблен-

ными, прогрессивными молодыми персонажами, вдохновляет героев на изменения, профессиональный рост, улучшение своих навыков или получение образования. Важно, что в финале фильма главные герои получают не только любовь, но и реализуют себя в труде.

Наиболее показательными с точки зрения такой сюжетно-фабульной схемы в данный период являются комедии режиссера Сан Ху, каждая из которых следует этому образцу. В его фильмах элементы комедии изначально не являются доминирующими, и главные герои не являются комедийными персонажами. Однако мастер «городских» комедий Сан Ху через тщательно сконструированные комедийные ситуации создает множество забавных совпадений, недопониманий, комических ошибок и смешных столкновений. Так, в фильме «Эти двое и те двое» активная и стремящаяся к прогрессу пара влюбленных и отстающая ленивая пара являются как будто двумя одинаковыми парами близнецов. Таким образом, после многочисленных недопониманий и смешных ситуаций обе пары в конце концов достигают счастья, стремясь к прогрессу вместе. В картине «Почтовые отношения» отстающий молодой человек, потерявший интерес к жизни из-за увлечения мелочами, встречает трудолюбивую и стремящуюся к знаниям девушку-почтальона. После этого герой начинает учиться и активно стремится к прогрессу, в итоге завоевывая ее сердце [2, с. 64].

Перечисленные фильмы представляют собой не только легкое развлечение в жанре романтической комедии, но и передают основную идеологию общества того времени. Например, в фильме «Молодое поколение» лозунги, которые произносят с экрана молодые герои могут казаться сегодня несколько неуклюжими и натянутыми в сочетании с историями любви, но они вполне отражают активность большинства молодых людей того времени в строительстве социализма [2, с. 64]. Энтузиазм молодых работников в обучении и их стремление к инновациям имеет смысл в контексте запросов нового времени к молодым людям стать «новым типом человека, обладающим идеалами, способностями, ответственностью и достижениями».

Еще одной ведущей темой в комедиях конца 1970-х–1980-х годов становится тема деревни. В начале 1980-х годов комедийные фильмы на сельскую тематику посвящены жизни крестьян. Среди таких картин следует назвать «Сладкое дело» (реж. Се Тянь, 1979), «Полные радости дома» (реж. Жао Хуаньчжан, 1981), «Смех в Лунной бухте» (реж. Сю Сулин, 1981), «Широкая дорога для врагов» (реж. Линь К, 1981), «Праздник с фонарями» (реж. Цао Чжэн, Цай Юаньюан, 1982), «Чжао Цянь Сунь Ли» (реж. Лю Зынун, 1982), «Путь к богатству» (реж. Се Тянь, 1983) «Наш столетний бык» (реж. Жао Хуаньчжан, 1985), «Наш демобилизованный солдат» (реж. Жао Хуаньчжан, 1985), «Очаровательный оркестр» (реж. Ван Хаовэй, 1985), «Счастливая встреча» (реж. Жао Хуаньчжан, 1988) и др. Самым заметным режиссером, работавшим в данном жанрово-тематическом направлении, является Жао Хуаньчжан. Его фильмы, созданные в излюбленном жанре деревенской комедии, представляют собой панораму сельской жизни того времени. Эти фильмы создают оптимистический настрой благодаря своему идеализму. Ценность работ режиссера при этом заключается в том, что, несмотря на оп-

тимизм и идеализм, в них все же сохраняется изображение реальных проблем деревни, хотя и решаемых в комедийном ключе. Таким образом, рефлексивность и идеализация, характерные для кино нового периода, сохраняют свою актуальность и в комедийных фильмах [4, с. 176].

Любовь и интерес Жао Хуаньчжана к сельской жизни превратили его творчество в страстную оду новой социалистической деревне. Он наполнил свои работы искренними переживаниями о настоящем и будущем деревни, создавая картины, полные юмора. Можно поспорить о том, соотносится ли такая идеальная картина с реальностью времени, или она в большей степени мифологична, но среди простых зрителей такие фильмы имели большой отклик. Анализ сельской трилогии Жао Хуаньчжана («Полные радости дома», «Наш столетний бык», «Наш демобилизованный солдат») показывает, что несмотря на большую уверенность режиссера в правильности экономической политики нового периода в сельской местности, его вера не была слепой. В данной трилогии нашли отражение некоторые актуальные проблемы, возникавшие в процессе реализации политики нового периода, хоть и показаны они в комедийном ключе.

Еще одно тематическое направление в жанре комедии в исследуемый период – тема реформ. Комедийные фильмы на тему реформ – это уникальное явление новой эпохи. Реформы как движущая сила социального развития оказывают значительное влияние на все аспекты общественной жизни, меняя психологическое состояние и образ жизни людей. Комедии о реформах – это фильмы, основанные на новых реалиях социальной жизни и идеях строительства нового общества в период реформ и открытости. В таких фильмах часто оказывались так называемыми «производственными» комедиями, в которых использовалась сюжетная модель «комедия и работа». Это ярко проявилось в таких фильмах, как «Смотри на эту семью» (реж. Ван Хаовэй, 1979), «Как же это раздражает» (реж. Ву Иньсюн, Гао Бу, 1980) «Переполюх на дорогах» (реж. Лу Рэннь, 1981), «Все счастливы» (реж. Луо Шуци, 1981), «Приключения братьев» (реж. Чжан Ци, 1981), «Маленькая станция четвертого класса» (реж. Чжан Цифу Цзиньгун, 1984), «Братья находят удачу» (реж. Цуй Дуншэн, 1988) и др.

В комедиях на тему реформ часто противопоставляются персонажи, одни из которых поддерживают изменения, а другие сопротивляются им. Те, кто стремится к реформам, активны и прогрессивны, в то время как консерваторы отстают и сохраняют старые взгляды. В конечном итоге, после серии конфликтов и забавных ситуаций, консервативная сторона наконец принимает новые идеи и меняется. Подобный нарративный шаблон использовался в истории конфликта между консервативным старым директором завода и его зятем, стремящимся к техническим инновациям, в фильме «Смотри на эту семью», в истории противоречий между электриком, увлекающимся мелкими изобретениями, и его непонимающей женой в «Братья находят удачу» и т. д.

По сравнению с серьёзными фильмами о реформах того времени, комедии о реформах конца 70-х – середины 80-х гг. XX в. демонстрируют здоровый и яркий оптимизм. Этот оптимизм связан с изменениями, которые про-

изошли в китайском обществе с завершением «культурной революции» и началом времени реформ и открытости, он отражает атмосферу, полную жизни и радости.

Таким образом, китайские кинокомедии периода начала реформ и политики открытости под руководством Дэн Сяопина (1979–1989 гг.) отличаются глубокой социальной рефлексией и активным использованием жанра как средства обсуждения и критического осмысления изменений в обществе. В этот период кинематограф становится не просто инструментом развлечения, но и способом осмысления окружающей действительности, он отражает разнообразие переживаний и стремлений населения Китая.

Во время данного периода кинофильмы постепенно отошли от единой политической тематики времен «культурной революции» к ситуации множественного сосуществования тем, включая политические, любовные и семейные аспекты. Ведущими темами для комедий данного периода становятся любовь, любовь и карьера, сельская жизнь, тема реформ. Обращение комедии к данным темам вносит большой вклад в развитие жанра, демонстрируя уникальное для китайского комедийного кино сочетание развлечения и серьезного содержания. Эти фильмы исследуют социальные изменения, личностные преобразования и идеалы нового общества через призму юмора, любви и человеческой доброты, отражая оптимизм и веру в прогресс. В тоже время в комедиях такого рода начинают формироваться определенные сюжетно-фабульные схемы (достижение карьерного и социального успеха благодаря влюбленности, перевоспитание героя в духе нового времени и т. д.), появляться типические для таких разновидностей комедий герои (реформаторы, ретрограды и сомневающиеся герои, молодые прогрессивные люди нового типа и др.). Также авторы прибегают к таким стилистическим приемам, как гиперболизация характеристик героев, социальные аллегории, противопоставление характеров и т. д. Эти особенности придавали китайским кинокомедиям обозначенного периода более разнообразный и богатый характер по сравнению с комедиями прошлых лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. 丁聪, 徐明. 改革开放以来国产城市喜剧电影的创作研究[J]. 戏剧之家, 2019(15):69-70. = Дин Конг, Сюй Мин. Исследование создания отечественных городских комедийных фильмов периода реформ и открытости / Дин Конг, Сюй Мин // Drama House. – 2019. – №15. – С. 69–70.
2. 刘起. 新时期中国喜剧电影的形式、题材与风格 (1979–1989 年) [J]. 电影评介, 2020(01):63-68. = Лю Ци. Формы, темы и стили китайских комедийных фильмов новой эпохи (1979–1989) / Лю Ци // Кинокритика. – 2020. – №1. – С. 63–68.
3. 饶曙光. 中国喜剧电影史, 北京: 中国电影出版社, 2005 年, 第 196–250 页 = Рао Шугуан. История китайских комедийных фильмов / Рао Шугуан // China Film. – 2005. – С. 196–250.
4. 修侗. 新时期中国喜剧电影的风格流变:1978—1989[J]. 华中学术, 2014 (01):174-184. = Сю Ти. Эволюция стиля китайских комедийных фильмов в новую эпоху: 1978–1989 / Сю Ти // Huazhong Academic. – 2014. – №1. – С. 174–184.

Информация об авторе:

Янь Хаотянь – аспирант Белорусской государственной академии искусств, г. Минск, Республика Беларусь.

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

**В. А. ГУТЫРЧИК
С. Ф. СВИЛАС**

КИТАЙСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В XXI ВЕКЕ

В статье рассматриваются исторические предпосылки, современное состояние и перспективы сотрудничества Китая и Франции в сфере культуры. Выявлена взаимосвязь культурного диалога с взаимодействием в политической и экономической областях. На основе анализа деятельности Институтов Конфуция и Франкофонии раскрыт механизм реализации китайско-французских культурных связей, выделены направления и формы сотрудничества.

Ключевые слова: Китай, Франция, глобализация, культурное сотрудничество, Институты Конфуция, Франкофония, студенческие обмены.

**V. A. GUTYRCHIK
S. F. SVILAS**

CHINESE-FRENCH CULTURAL COOPERATION IN THE 21ST CENTURY

The article examines the historical background, the current state and prospects of cooperation between China and France in the field of culture. The interrelation of cultural dialogue with interaction in the political and economic fields is revealed. Based on the analysis of the activities of the Confucius and Francophonie Institutes, the mechanism for the implementation of Chinese-French cultural ties is revealed, directions and forms of cooperation are highlighted.

Keywords: China, France, globalization, cultural cooperation, Confucius Institutes, Francophonie, student exchanges.

Франция и Китай имеют богатую историю и культурные достижения, которые в значительной степени влияют на развитие мировой культуры. Поскольку оба государства обладают ценным опытом культурного развития и вносят значительный вклад в развитие мирового искусства, науки и литературы, именно взаимодействие в гуманитарной сфере играет огромную роль в их двусторонних отношениях.

В XXI веке произошла активизация сотрудничества, в том числе в гуманитарной сфере. В 2003-2005 годах состоялись перекрестные Годы языка и культуры во Франции и Китае, которые запустили новые форматы культурного взаимодействия, успешно реализуемые по сегодняшний день [2]. Как Франция, так и Китай располагают своими инструментами мягкой силы, с помощью которых продвигают национальные язык и культуру на международной арене: Китай развивает сеть Институтов Конфуция, а Франция действует с помощью своей организации – Франкофонии.

Во Франции действуют 17 Институтов Конфуция и учебный класс, которые играют важную роль в распространении китайской культуры и языка. Они предлагают курсы китайского языка для студентов и общественности, организуют культурные фестивали, конференции и мастер-классы, которые позволяют французскому населению глубже понять китайскую культуру и искусство, активно сотрудничают с местными университетами, школами и культурными организациями [5].

Один из наиболее известных институтов Конфуция во Франции находится в её столице. Он был открыт в 2006 году в Парижском университете и с тех пор стал важным центром для изучения китайского языка и культуры французами. Институт предлагает широкий спектр курсов, с начального уровня до продвинутого, проводит конференции и встречи экспертов в различных сферах, предоставляет доступ всем желающим к крупной библиотеке, проводит кинопоказы и иные культурные мероприятия. Помимо этого, с 2019 года в Париже действует специализированный Институт Конфуция при бизнес-школе ESCP, который, помимо культурных мероприятий, также проводит специализированные программы для бизнеса и туризма [4].

Институты Конфуция во Франции также способствуют академическому обмену. Они организуют стажировки и программы обмена для студентов и преподавателей, что способствует укреплению связей между двумя странами и его продвижению. В 2014 году в ходе своего визита во Францию китайский лидер Си Цзиньпин подчеркивал, что сотрудничество стран в образовательной сфере достигло значительных успехов, поскольку в студенческих обменах участвовали более 50 тыс. человек [3].

В целом, институты Конфуция во Франции играют важную роль в распространении китайского языка и культуры. Они создают платформу для обмена знаниями и опытом, способствуя глубокому пониманию и уважению культурных различий, что благоприятно влияет на развитие отношений между странами, в том числе и в политической и экономической сферах. Институты Конфуция организуют разнообразные виды культурных мероприятий, которые направлены на популяризацию китайской культуры и языка, в частности, культурные фестивали, включающие традиционные танцы, музыку, оперные представления, акробатические выступления и народные шоу [3].

Действующие во Франции Институты Конфуция регулярно приглашают преподавателей и экспертов по китайской культуре и искусству для проведения лекций и семинаров о китайской философии, истории, литературе, каллиграфии, живописи, кулинарии, организуют выставки китайского искусства и мастер-классы по различным аспектам национальной культуры, что позволяет еще глубже погрузиться в неё.

Еще одной интересной формой культурного сотрудничества являются проводимые Институтами Конфуция фестивали китайского кино, где показываются самые яркие и популярные фильмы. Фестивали предоставляют возможность французской публике погрузиться в мир китайского кинематографа и понять многие аспекты жизни китайцев. Кинофестивали проводятся при сотрудничестве с Центром документации китайского кино в Париже и способствуют дальнейшему развитию культурного обмена между двумя странами.

У Франции в качестве одного из инструментов мягкой силы выступает Международная организация Франкофония – сообщество стран, официальным языком которых является французский. Китай, хотя и не является членом этой организации, активно участвует в её деятельности, поддерживает экономическое, культурное и образовательное сотрудничество с сообществом и отдельными его членами [1].

В Китае для деятельности Франкофонии характерны активность и разнообразие. Поскольку китайцы проявляют интерес ко французскому языку, Франкофония поддерживает программы и проекты, направленные на его преподавание. Она сотрудничает с университетами, колледжами и школами, организуя обучение французскому языку и поддерживая развитие французского языкового образования. В этом преуспевает также и Альянс Франсэз (Alliance française) – организация, действующая при посольствах Франции по всему миру. Они предлагают курсы французского языка не только для студентов, но и для взрослых, которые стремятся расширить свои знания и навыки.

Франкофония занимается организацией различных культурных мероприятий, чтобы познакомить китайскую публику с французской культурой. Это включает в себя концерты, выставки, кинофестивали, литературные встречи, которые способствуют обмену и взаимопониманию. Как и Институты Конфуция, действующие во Франции, Франкофония в Китае поддерживает обмены и стажировки. Она способствует укреплению связей между университетами, школами и культурными организациями в обеих странах, что обеспечивает обмен знаниями и опытом в различных областях, включая язык, культуру, науку и искусство, что благоприятно влияет на последующее сотрудничество в других сферах [5].

Франкофония в Китае также поддерживает франкоязычные сообщества и организации. Она предоставляет поддержку в развитии франкоязычных клубов, ассоциаций и культурных центров, которые способствуют сохранению и продвижению французского языка и культуры в Поднебесной. Французские организации в Китае сотрудничают с китайскими университетами и исследовательскими центрами в области науки, образования и культуры, оказывая поддержку в научных исследованиях, обмене экспертами и организации научных конференций и семинаров [8].

Промышленное и экономическое сотрудничество между Китаем и франкофонными странами также является важной составляющей деятельности Франкофонии. Культурный обмен и экономические связи укрепляются благодаря регулярным выставкам, конференциям и форумам, организуемым франкоязычными организациями и посольствами франкофонных стран в Китае. Одним из примеров такого сотрудничества является ежегодный фестиваль «Croisements», в ходе которого можно не только познакомиться с французскими культурными явлениями – кино, литературой, искусством – но и узнать о Франции от известных китайских деятелей культуры, которые могут поделиться своим пониманием этой страны [6].

Помимо того, что Франкофония стремится привлечь интерес к французской культуре, для Китая такие мероприятия становятся эффективным механизмом взаимодействия и с другими франкоязычными странами, многие из которых являются перспективными партнерами. В целом, Франкофония и другие организации, занимающиеся популяризацией французского языка и культуры в Китае, поддерживают образование и культурный обмен, проводят тематические мероприятия, встречи и выставки. Она способствует укреплению

нию связей и взаимопониманию носителей разных культур, стимулируют развитие отношений не только с Францией, но и другими франкоязычными странами.

Таким образом, можно отметить, что сотрудничество между странами в XXI веке является достаточно активным, при этом имея перспективы для дальнейшего развития. Обе страны понимают важность «мягкой» силы для укрепления авторитета на мировой арене и развивают свои институты, которые способствуют этому.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гутырчик, В. А.* Франкофония: роль организации в системе международных отношений / В. А. Гутырчик // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов: сб. ст / Издательство «Четыре четверти» : редкол. Н. С. Анцух [и др.]. – Минск, 2021. – С. 28–30.
2. *Тимофеев, О. А.* Структура и модель развития китайско-французского партнерства: уроки и возможности для России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2016. – №21. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-i-model-razvitiya-kitaysko-frantsuzskogo-partnerstva-uroki-i-vozmozhnosti-dlya-rossii>. – Дата доступа: 14.02.2024.
3. *Чжан, Х.* Институт Конфуция в Европейском союзе [Электронный ресурс] / Х. Чжан // Режим доступа: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/33557/1/55-63.pdf>. – Дата доступа: 18.02.2024.
4. About EBCI [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ebci.eu/about-ebci/>. – Дата доступа: 17.02.2024.
5. Confucius Institute [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ci.cn/en/gywm/pp>. – Дата доступа: 17.02.2024.
6. Festival Croisements [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://faguowenhua.com/nos-festivals/festival-croisements-2023/>. – Дата доступа: 18.02.2024
7. La Francophonie en bref [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.francophonie.org/la-francophonie-en-bref-754>. – Дата доступа: 18.02.2024.
8. Li, Zh. La francophonie en Chine : perspectives linguistique et culturelle [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://rifrancophonies.com/index.php?id=506?id=506>. – Дата доступа: 18.02.2024.

Информация об авторах:

Гутырчик Валерия Александровна – студент факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

Свилас Светлана Францевна – профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КОНФУЦИАНСТВА В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ СУН

В статье проанализировано распространение конфуцианства в странах Восточной Азии в период правления династии Сун (960–1279 гг.). На основе анализа отмечено, что конфуцианство в династии Сун не только стало официальной идеологией империи Сун, но и оказало существенное влияние на формирование политики и системы образования в Японии, Корее, Вьетнаме.

Ключевые слова: Китай, империя Сун, конфуцианство, политика, образование, Япония, Корея, Вьетнам.

REN XUE

THE SPREAD OF CONFUCIANITY IN EAST ASIAN COUNTRIES DURING THE SONG DYNASTY

The article analyzes the spread of Confucianism in East Asian countries during the reign of the Song Dynasty (960-1279). Based on the analysis, it is noted that Confucianism in the Song Dynasty not only became the official ideology of the Song Empire, but also had a significant impact on the formation of politics and education systems in Japan, Korea, and Vietnam.

Keywords: China, Sung Empire, Confucianism, policy, education, Japan, Korea, Vietnam.

Конфуцианство играло важную роль в развитии китайской духовной культуры, политической жизни, общественного устройства. Во времена правления династии Сун (960–1279 гг.) оно обновилось на основе устранения пробелов и недостатков предшествующих форм конфуцианства. В неоконфуцианской форме (ли сюэ) оно, как и в прежние времена, было положено в основу имперской идеологии средневекового Китая.

Как утверждает немецкий синолог, профессор Д. Кун, система ценностей древнего конфуцианства была возрождена усилиями ученых в XII веке, и по глубине мысли достигла своего наивысшего расцвета в истории. Вплоть до полной гибели имперской системы она служила главенствующей идеологией, определявшей поведение китайской элиты и опосредовавшей выработку внутренней и внешней политики государства [5, с. 100].

Вместе с тем, во времена правления династии Сун конфуцианство (неоконфуцианство) продолжало оказывать влияние на страны Восточной и Юго-Восточной Азии.

Японский исследователь Дж. М. Китагава указывал, что первыми распространителями конфуцианства в Японии в сунский период стали дзэн-буддисты [2, с. 212]. Термин 尊主 (цзунь чжу, почитание императора), который мы встречаем у Чжу Си в трактате «Путь правления», был использован японской феодальной аристократией, выступавшей против усиления власти сёгунов в государстве. Конфуцианская теория *чжэн-мин* в интерпретации Чжу Си активно использовалась проповедниками, философами и писателями Японии как во времена феодализма, так и в период проведения реформ в японском государстве в XIX веке [4, с. 239].

В корейском государстве Корё государственные экзамены по конфуцианскому образцу были введены королевским указом в 958 г. Конфуцианские установки составляли основу экзамена для отбора чиновников на должности. Также по образцу, принятому в империи Сун, была выстроена корейская система образования, которая состояла из государственных школ в столице и уездных школ. Учебные материалы в этих школах были в значительной мере связаны с китайской историей. В XIV веке неоконфуцианство, акцентируя внимание на необходимости соблюдения норм морали и отбора людей на высшие должности страны в соответствии с их способностями, подталкивало корейское общество к реформам и стало идеологическим фундаментом деятельности корейских чиновников-садэбу [3, с. 132].

До установления во Вьетнаме (государство Дайковьет, с 1054 г. – Дайвьет) династии Ли (1009–1225) правители этой страны отдавали предпочтение буддизму, а не конфуцианству. Во время правления династии Ли позиции конфуцианства во вьетнамском обществе начали укрепляться, оно стало действенным средством укрепления централизованной политической системы, иерархической системы класса феодалов и привития духа преданности монарху [1, с. 113].

В 1075 г. при дворе Ли был проведен первый экзамен с целью отбора людей, пригодных для государственной службы [1, с. 112]. Несмотря на то, что для сдачи государственного экзамена были использованы не только классические конфуцианские труды, но и произведения буддистов и даосов, сочетание конфуцианства с карьерным ростом поспособствовало укреплению его позиций во Вьетнаме. Образованные конфуцианцы стали новым слоем феодальной интеллигенции, вызванной к жизни потребностями развития централизованного государства [1, с. 113]. В столице было учреждено Государственное училище (Куок хоквьен) для детей аристократии и высшего чиновничества; позже в него был открыт доступ детям ученых-конфуцианцев. Кроме государственных школ, в деревнях стали открываться классы, где преподавали образованные конфуцианцы [1, с. 147]. После прихода к власти во Вьетнаме новой династии Чэнь (1225–1400 гг.) ее правители сделали доброжелательность основополагающей частью управления миром. Содержание императорских экзаменов при Чэнь стало основываться исключительно на конфуцианстве. Параллельно с укреплением централизованной власти господствующий класс стремился опереться на конфуцианство и систему конкурсных экзаменов, принятую в феодальном Китае, чтобы установить свое господство над духовной жизнью народа [1, с. 147]. Можно сказать, что в X–XIII вв. конфуцианство сыграло важную роль в развитии и прочности феодальной системы во вьетнамском обществе, и его статус существенно повысился.

Таким образом, можно констатировать, что конфуцианство во времена правления династии Сун не только сохранило статус официальной идеологии Китая, но оказывало влияние на формирование политики и системы образования в Японии, Корее и Вьетнаме. В большей мере это влияние проявилось в Корее и Вьетнаме.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Вьетнама / отв. ред. С. А. Мхитарян; пер. с вьет. – М.: Наука, 1983. – 297 с.
2. Китагава, Дж. М. Религия в истории Японии / Дж. М. Китагава ; пер. с англ. Н.М. Селиверстова. – СПб.: Наука, 2005. – 588 с.
3. Курбанов, С.О. История Кореи с древности до начала XXI в. / С.О. Курбанов. – СПб.: Изд-во С.– Петерб. ун-та, 2009. – 680 с.
4. Радуль-Затуловский, Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии / Я.Б. Радуль-Затуловский. – М. : Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 452 с.
5. 迪特库恩. 儒家统治的时代宋的转型/库恩 迪特–北京: 中信出版集团, 2016. 364 页= Дитер, Кун. Эпоха конфуцианского правления: трансформация Сун / Кун Дитер. – Пекин: Изд-во СИТИК, 2016. – 364 с.

Информация об авторе:

Жэнь Сюэ, аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 327

Д. В. ЗУБКОВА
С. Ф. СВИЛАС

СОТРУДНИЧЕСТВО БРАЗИЛИИ И КИТАЯ В БРИКС

В статье рассмотрена динамика двусторонних отношений между Бразилией и Китаем в рамках БРИКС. Отмечено, что они получили новый импульс после начала кооперации на платформе объединения. Прослежены промежуточные результаты сотрудничества. Особое внимание уделено VI саммиту БРИКС. Особое внимание уделено таким институтам, как Новый банк развития, Резервный фонд БРИКС. Проанализирована Совместная декларация двух стран об углублении всеобъемлющего стратегического партнерства (2023) с целью определения роли БРИКС в современном двустороннем дискурсе.

Ключевые слова: Китай, Бразилия, БРИКС, Новый банк развития, бразильско-китайские отношения, VI саммит БРИКС.

D. V. ZUBKOVA
S. F. SVILAS

CHINESE-FRENCH CULTURAL COOPERATION IN THE 21ST CENTURY

The article examines the dynamics of bilateral relations between Brazil and China within the BRICS framework. It is noted that they have gained new impetus after the start of cooperation on the platform of association. The intermediate results of the combined efforts have been traced. Special attention is paid to the VI BRICS Summit. The content of such concepts as the New Development Bank, the BRICS Contingent Reserve Arrangement were disclosed. The Joint Declaration of the two countries (2023) was analyzed in order to determine the role of BRICS in modern bilateral discourse.

Keywords: China, Brazil, BRICS, New Development Bank, Brazil-China relations, VI BRICS Summit.

С момента нормализации дипломатических отношений между Бразилией и Китаем в 1974 году и вплоть до начала институционального оформления клуба развивающихся держав БРИКС в XXI веке двухстороннее сотрудничество развивалось по следующим направлениям: политический диалог, экономика, наука и технологии, социальная сфера. При этом особое внимание

уделялось именно научно-техническому вектору в рамках основанной в 1988 году Китайско-бразильской спутниковой программы по ресурсам Земли (СBERS) [2].

С 2009 года Китай становится крупнейшим торговым партнером Бразилии, а двусторонние отношения между странами возводятся в ранг «всеобъемлющего стратегического партнерства». За 2004–2021 гг. двусторонний товарооборот вырос с 9 до более чем 135 млрд дол., Бразилия превратилась в главного бенефициара китайских инвестиций на континенте с внушительной цифрой в 47% от общего потока (это 66 млрд дол. за 2007–2020 гг.) [8]. Прямые инвестиции Китая первоначально поступали в энергетический и сельскохозяйственный сектора, а позднее стали затрагивать инфраструктуру и транспортную промышленность. Так Бразилия, не являясь участником китайской инициативы «Один пояс – один путь», связала свои глобальные интересы с китайской внешнеэкономической деятельностью.

Как за столь короткий промежуток времени произошел подобный качественный скачок в развитии двусторонних и, в частности, экономических отношений между двумя гигантами? Многие исследователи указывают на то, что драйвером послужили именно диалог и координация действий на полях международных структур и механизмов, среди которых особое место отводится БРИКС.

БРИКС – это межгосударственное неформальное объединение девяти динамично развивающихся крупных государств, которое было основано в 2006 г. и преследует цель улучшения благосостояния стран-членов в экономической, политической, финансовой, гуманитарной, научно-технической и других сферах развития общества; акцент при этом делается на приоритетное экономическое сотрудничество. Ведущая роль БРИКС на международной арене определяется внушительными демографическими и природными ресурсами стран-участниц, политическим и интеграционным потенциалами; все это делает объединение одним из главных центров глобального экономического развития.

Оформление объединения значительно активизировало торговые, дипломатические и технологические обмены между Китаем и Бразилией, которая превратилась в одного из главных поставщиков сырья на китайский рынок и основного получателя китайских инвестиций в Латинской Америке. На сегодняшний день около трети всего объема произведенной в Бразилии сельскохозяйственной продукции приходится на Китай [10].

Помимо значительного наращивания объема экспорта на китайский рынок, для Бразилии результатами сотрудничества с Китаем в рамках БРИКС стали увеличение политического веса страны на мировой арене и значительный приток китайских инвестиций. Для КНР же двустороннее сотрудничество нашло отражение в улучшении обеспечения собственной экономики необходимым сырьем, усилении присутствия на латиноамериканских рынках, углублении политического влияния в регионе в целом.

Поистине знаковым событием в истории как объединения, так и двусторонних отношений Бразилии и Китая стало проведение VI саммита БРИКС в

городах Форталеза и Бразилиа (2014 г.). Участниками были подписаны важные документы, оформившие дальнейшую структуру площадки:

1) Соглашение об учреждении Нового банка развития БРИКС (с начальным капиталом в 100 млрд дол. США);

2) Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС (Резервный фонд БРИКС) [1].

Особого внимания в данном контексте заслуживает Новый банк развития (НБР, ранее Новый банк развития БРИКС). Это международная финансовая организация, созданная в 2015 году для финансирования инфраструктурных проектов и инициатив устойчивого развития в государствах БРИКС и развивающихся странах. Президентом НБР с марта 2023 года была избрана бывший президент Бразилии (2011-2016 гг.) Дилма Русеф. Как отметил во время официального визита в Китай (апрель 2023 года) действующий президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва относительно инаугурации Д. Русеф, ее председательство подтверждает приверженность Бразилии к БРИКС, готовность консолидировать укрепление Банка перед лицом вызовов и необходимости постоянного совершенствования его институциональной и операционной деятельности [6]. В целом диалог по принятым позициям заметно укрепил китайско-бразильские двусторонние связи в банковском и финансовом секторах.

Кроме того, по итогам встреч на высшем уровне было объявлено о заключении 56 новых соглашений между Бразилией и Китаем в двустороннем формате. В области энергетики и горнодобывающей промышленности переговоры способствовали открытию новых предприятий в области энергетики, руд и агропродовольственных товаров. Китай подтвердил готовность увеличивать инвестиции в бразильские электрические распределительные сети «Smart Grids». Было согласовано дальнейшее сотрудничество в области ветроэнергетических технологий и приобретение Бразилией у Китая солнечных и фотогальванических технологий. В области сельского хозяйства отменялось китайское эмбарго на экспорт бразильской говядины, установленное двумя годами ранее, что позволило возобновить торговлю данным продуктом. Наконец, важным торговым соглашением стало приобретение Китаем 60 самолетов Embraer семейства EMB 190 [2].

К 2024 г. бразильский экспортный пакет в Китайскую Народную Республику выглядит следующим образом. Бразилия экспортирует преимущественно сырьевые товары, где три основные позиции занимают сырая нефть, железная руда и соевые бобы [2]. Китай, в свою очередь, торгует технологиями для автомобилей, мотоциклов, самолетов и запчастей, электронными продуктами, био-, нано- и информационными технологиями, а также продукцией со средней и высокой добавленной стоимостью [4].

Объем экспорта Бразилии в Китай в 2023 году стал рекордным, он увеличился на 16,5% по сравнению с предшествовавшим годом и составил 105,7 млрд долл., то есть 30% всей её внешней торговли. Китай также остается основным бразильским импортером с долей в 22,1%. Профицит двусторонней торговли с Китаем также достиг максимума, превысив 51 млрд дол. [7].

Хотя экспорт Бразилии в Китай стремительно рос с активизацией этих стран на полях БРИКС, достигнув рекордной цифры в 2023 году, отметим, что основное внимание в торговле продолжает уделяться сельскохозяйственному и горнодобывающему секторам бразильской экономики в ущерб производственному сектору, который, как правило, имеет более высокую добавленную стоимость [9]. Высокий спрос на сырьевой экспорт требует большего использования ресурсов и приносит сравнительно меньший доход. Это обстоятельство не ставит под сомнение взаимовыгодный характер торговли в целом и не является преградой на пути развития дальнейших отношений.

Современное видение официальными Пекином и Бразилиа двустороннего сотрудничества в формате БРИКС в общих чертах можно проследить в тексте Совместной декларации между Федеративной Республикой Бразилиа и Китайской Народной Республикой об углублении всеобъемлющего стратегического партнерства (Пекин, апрель 2023 г.). Так, стороны положительно оценили диалог и координацию государств в рамках международных структур, особо выделив ООН (и, в частности, ВТО, ВМФ ВБ), G20, БРИКС и BASIC. Китай выразил готовность поддерживать Бразилию во время ее председательства в БРИКС в 2025 году.

Помимо констатации необходимости развития сотрудничества по всем направлениям БРИКС, были выделены новые приоритеты в областях климатической повестки дня и здравоохранения. В частности, в структуре китайско-бразильской Комиссии высокого уровня по координации и сотрудничеству (COSBAN) создавался Подкомитет по окружающей среде и изменению климата, а на БРИКС возлагалась обязанность по поддержанию диалога и координации в вопросах изменения климата и экологии. Для углубления сотрудничества в области здравоохранения было решено использовать платформу Центра исследований и разработок вакцин БРИКС (2022) и системы раннего предупреждения об эпидемиях, а также содействовать научному обмену в таких областях, как производство фармацевтических препаратов и вакцин, а также ранняя борьба с эпидемическими болезнями [5].

Таким образом, двусторонние отношения стратегических партнеров – Бразилии и Китая – получили новый импульс после начала их кооперации на платформе БРИКС. Многостороннее сотрудничество привело к усилению дипломатических, торговых и технологических обменов, увеличению и диверсификации китайских инвестиций в экономику Бразилии, получению Китаем статуса главного торгового партнера латиноамериканского гиганта. Бразилия диверсифицировала и увеличила свой экспорт в Китай, повысила собственный политический вес в мире, а Китайская Народная Республика усилила свое политическое и экономическое влияние на латиноамериканском направлении, обеспечила свои рынки значительными поставками сырья и других необходимых товаров. Диалог по банковским, финансовым, а также другим общеэкономическим аспектам активизировался после создания Резервного фонда БРИКС и Нового банка развития.

Как отметил Лула да Силва во время визита в Китай в 2023 г., цитируя бразильскую поговорку в контексте бразильско-китайских отношений, –

«Дружба подобна бутылке вина: чем она старше, тем лучше» [3]. Действительно, двусторонние отношения и доверие между сторонами с каждым годом только крепнут, а БРИКС становится связующим звеном, позволяющим выводить обоюдную выгоду на новый уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. История БРИКС [Электронный ресурс] // Национальный Комитет по исследованию БРИКС, Россия. – Режим доступа: [https://www.nkibrics.ru/pages/history-brics#:~:text= Согласно%20подписанным%20документам%2C%20создаваемый%20Пул,фонда%20составит%20100%20миллиардов%20долларов](https://www.nkibrics.ru/pages/history-brics#:~:text=Согласно%20подписанным%20документам%2C%20создаваемый%20Пул,фонда%20составит%20100%20миллиардов%20долларов) – Дата доступа: 05.03.2024.
2. Brasil, a China e a VI Cúpula do BRICS [Recurso Eletrônico] // SciELO. – Modo de acesso: <https://www.scielo.br/j/cint/a/WMXHGwTxPtrvw8SXtrdtGWh/?lang=pt> – Data de acesso: 05.03.2024.
3. Brazilian president speaks highly of Brazil-China relations, BRICS cooperation [Electronic source] // BRICS PartNIR Innovation Center. – Mode of access: <http://www.bricspic.org/En/Pages/Home/NewsDetail.aspx?rowId=482> – Date of access: 05.03.2024.
4. China and Brazil: Economic Impacts of a Growing Relationship [Electronic source] // Journal of Current Chinese Affairs. – Mode of access: <https://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jcca/article/view/494/492.html> – Date of access: 05.03.2024.
5. Declaração Conjunta entre a República Federativa do Brasil e a República Popular da China sobre o Aprofundamento da Parceria Estratégica Global [Recurso Eletrônico] // Ministério das Relações Exteriores (Brasil). – Modo de acesso: https://www.gov.br/mre/pt-br/canais_atendimento/imprensa/notas-a-imprensa/declaracao-conjunta-entre-a-republica-federativa-do-brasil-e-a-republica-popular-da-china-sobre-o-aprofundamento-da-parceria-estrategica-global-pequim-14-de-abril-de-2023 – Data de acesso: 05.03.2024.
6. Discurso do presidente da República, Luiz Inácio Lula da Silva, na cerimônia de posse de Dilma Rousseff na Presidência do NBD [Recurso Eletrônico] // Site do Governo Federal (Brasil). – Modo de acesso: <https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/discursos-e-pronunciamentos/2023/discurso-do-presidente-da-republica-luiz-inacio-lula-da-silva-na-cerimonia-de-posse-de-dilma-rousseff-na-presidencia-do-nbd> – Data de acesso: 05.03.2024.
7. Exportações do Brasil para China bateram recorde em 2023 [Recurso Eletrônico] // Ibrachina. – Modo de acesso: <https://www.ibrachina.com.br/exportacoes-do-brasil-para-china-bateram-recorde-em-2023/> – Data de acesso: 05.03.2024.
8. Sixth Meeting of the Sino-Brazilian High Level Commission for Consultation and Cooperation (COSBAN) [Electronic source] // Ministério das Relações Exteriores (Brasil). – Mode of access: <https://www.gov.br/mre/en/contact-us/press-area/press-releases/sixth-meeting-of-the-sino-brazilian-high-level-commission-for-consultation-and-cooperation-cosban-may-23-2022> – Date of access: 05.03.2024.
9. Testing the limits of China and Brazil’s partnership [Electronic source] // Brookings Institution. – Mode of access: <https://www.brookings.edu/articles/testing-the-limits-of-china-and-brazils-partnership/> – Date of access: 05.03.2024.
10. The Welcomed Rise of China: An overview of Beijing’s relations with Brazil and other BRICS countries [Electronic source] // BRICS Journal of Economics. – Mode of access: <https://brics-econ.arphahub.com/article/110895/> – Date of access: 05.03.2024.

Информация об авторах:

Зубкова Дарья Владимировна – студент факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

Свилас Светлана Францевна – профессор кафедры международных отношений ФМО БГУ, доктор исторических наук, доцент, г. Минск, Республика Беларусь.

**КИТАЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
(К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
ОБРАЗОВАНИЯ КНР)**

В статье раскрывается феномен китайской цивилизации как единственной в мире светской цивилизации. Этот феномен обусловил тождество китайской цивилизации и природы человека как доброго существа. Подобное тождество лежит в основе китайской инициативы построения сообщества единой судьбы человечества, что и обусловило лидирующую роль Китая в современном мире.

Ключевые слова: китайская цивилизация, природа человека, фарисейская цивилизация, национальный интерес, судьба человечества, современный мир.

L. E. KRYSHTAPOVICH

**CHINA IN THE MODERN WORLD
(Dedicated to the 75-th anniversary of establishing
the People's Republic of China)**

The article reveals the phenomenon of the Chinese civilization as the only secular civilization in the world. This phenomenon solidified the identity between the Chinese civilization and human nature as a good being. The same identity lies in the foundation of the Chinese initiative to build the community of the shared fate of the humanity and solidified the leading role of China in the modern world.

Keywords: Chinese civilization, human nature, Pharisee civilization, national interest, fate of the humankind, modern world.

«Китайский шок»

Мировая экономика в конце 1990-х – начале 2000-х годов пережила «китайский шок» – резкий наплыв дешевой продукции из КНР. Все это привело к банкротству ряда отраслей промышленности на Западе, особенно в США, которые не выдерживали конкуренции с китайскими товарами. Надо отметить, что США долгое время поддерживали уровень жизни в стране за счет низких цен на китайский импорт. Судите сами: в 1991 году доля Китая в промышленном импорте США составляла 4,5%, а в 2011 – уже 23,1% [1].

Американцы не рассчитывали на столь ужасные последствия «китайского шока» для своей экономики, надеясь, что им удастся осуществить переход к третичному и четвертичному секторам: сфере услуг и экономике знаний. Во главу угла был положен принцип: «Мы (американцы) изобретаем, они (китайцы) потеют» [1]. Но из этого вышел пшик, поскольку Китай обогнал США не только в промышленном производстве, но и в сфере высокотехнологичных производств, как раз базирующихся на экономике знаний и искусственном интеллекте. «Если говорить не об экономике в целом, а о производстве, то КНР стала единственной мировой сверхдержавой (если не гипердержавой). Дело в том, что она производит конкретных и материальных товаров больше, чем девять идущих вслед за ней вниз по рейтингу стран вместе взятых. И, в частности, производит втрое больше, чем США, и в шесть раз больше, чем Япония» [2]. По мнению экономистов, скоро следует ожидать повторения ситуации, так как Пекин наращивает экспорт с целью усиления своей экономики. Как подчеркивают эксперты, вторая волна «китайского шока» «окажет более разрушительный эффект на экономику США, поскольку»

ку Китай теперь конкурирует в выпуске высокотехнологичной продукции» [3]. «Общепланетное понимание того, что мировой центр инноваций и прочей науки сместился из США в Китай – это факт» [4].

Страхи западных экономистов о катастрофических последствиях второй волны «китайского шока» для западной экономики рельефно высвечивает фарисейскую сущность западной политики с ее претензиями на универсальность западной цивилизации для современного мира. Оказывается, когда западные товары за счет своих низких цен разрушали хозяйство незападных народов, то все было хорошо. Такова, как говорили жрецы западного бизнеса, была воля «невидимой руки рынка». Но когда китайские товары превращают западную экономику в ржавчину, то все уже очень плохо. А как же быть в таком случае с «невидимой рукой рынка» и «свободой конкуренции»? Выходит, Западу можно конкурировать, а Китаю – нельзя. «Сегодня в мире опять находятся силы, которые пытаются *«призвать Китай к порядку»*. Запад боится превращения КНР в глобальную сверхдержаву, пытается сдерживать её постоянную модернизацию и неуклонное развитие. Его ненависть особенно усиливает тот факт, что Пекин выступает выразителем антиколониальных интересов современного мира. Сам этот мир иногда называют Глобальным Югом. На самом же деле речь идёт о мировом большинстве, а значит о всём человечестве» [5].

Заметьте: в отношении Запад отрицает все «священные принципы» буржуазного права и рыночной экономики. Это и есть чистейшее фарисейство западных политиков и экономистов, которые на словах выглядят праведниками, а в реальной жизни являются лицемерами. Евангельская притча о фарисее и мытаре как бы специально была адресована Христом западным буржуазным фарисеям. В этой притче закодирована вся история западной цивилизации. «Вся европейско-американская история, несмотря на христианизацию, является историей завоеваний и стяжательства. Самые высокие ценности нашей жизни – быть сильнее других, одерживать победы, покорять других и эксплуатировать их» [6, с. 142].

Феномен китайской цивилизации

А сейчас рассмотрим феномен китайской цивилизации.

Во-первых, китайская цивилизация – это единственная в современном мире цивилизация, которая сохранилась с древнейших времен.

Во-вторых, китайская цивилизация – это единственная светская цивилизация в истории человечества. Китай, как отмечает профессор Ван Ивэй, «представляет собой возрождение восточной цивилизации, а также единственной в истории человечества светской цивилизации» [7, с. 19].

Как единственная цивилизация, сохранившаяся с древнейших времен, китайская цивилизация характеризуется исторической связью времен, гармонией традиций и новаций. То есть только китайская цивилизация является подлинной исторической цивилизацией.

Как единственная светская цивилизация в истории человечества, китайская цивилизация лишена фарисейства и является подлинно гуманной цивилизацией, соответствующей природе человека как гуманного существа.

Все религиозные цивилизации являются фарисейскими цивилизациями, а следовательно, антигуманными цивилизациями, поскольку они поклоняются не богу, а мамоне, противоречат природе человека, которой не свойственны несправедливость, зло, лицемерие. Даже если религиозные цивилизации продекларировали светский характер своего государственного устройства, тем не менее они продолжают оставаться фарисейскими, поскольку неисповедимость путей господних всего лишь заменяется неодолимой силой «невидимой руки рынка».

Феномен китайской цивилизации основывается именно на природе человека. В этом плане китайская цивилизация не только уникальна, но и универсальна. Ущербность или ограниченность всех фарисейских цивилизаций, в том числе и западной, состоит в том, что они извращают природу человека, порывают связь с человеческим бытием.

А какова природа человека? Природа человека вытекает из смысложизненной установки человека. Человек хочет быть счастливым – это его жизненное кредо. Все люди хотят быть счастливыми. Нет людей, которые хотели бы быть несчастными. Из этой жизненной аксиомы вытекает следующее положение: человек по своей природе доброе, гуманное существо. Если бы человек по своей природе был недобрым существом, то он изначально был бы несчастным существом, что противоречило бы его жизненной аксиоме – быть счастливым. Ведь никто не согласится с утверждением, что злой, недобрый человек может быть счастливым человеком. Следовательно, мы имеем право утверждать, что все люди, все народы одинаковы по своей природе, все они хотят быть счастливыми, а значит все они имеют одну и ту же единую судьбу. И в отношениях между ними нет места несправедливости, насилию, злу, лицемерию.

Все религиозные цивилизации, наоборот, искажают, извращают природу человека, поскольку исходят из признания человека греховным существом, носителем первородного зла. А раз человек грешник – значит он несчастный. Грешникам уготован ад, а не рай, то есть несчастье, а не счастье.

Важно понять, что сознание человека обусловлено природой человека как доброго, справедливого существа. Любой человек хочет, чтобы к нему относились справедливо. Нет ни одного человека, который бы добровольно согласился с несправедливым к нему отношением. Такова природа человека. Такова сущность сознания человека. Китайская цивилизация как раз и включает в себе знание того, как устроено человеческое сознание. Как отмечал китаевед Бронислав Виноградский, «и это знание очень высокого уровня, которого до сих пор не может достичь современная наука, психология и философия. В Китае было принято понимать человека в целостности его поведенческих стереотипов» [8].

Китайское знание о сознании человека как раз и основывается на знании природы человека как доброго, гуманного существа. В этом плане показательна конфуцианская роспись человеческих качеств: «почтительность, великодушная честность сметливость», иерархию которых венчает доброта. Как говорит Конфуций, только добрый человек «может распоряжаться, то есть

управлять людьми» [9, с. 634]. В этом и заключается принципиальное различие между китайской и западной буржуазной ментальностью. Американский психолог Эверетт Шостром писал, что стиль жизни западного человека базируется на четырех китах: «ложь, неосознанность, контроль и цинизм» [10, с. 34]. Поэтому совершенно несостоятельны попытки западных идеологов объяснить феномен Китая в современном мире путем экстраполяции западного буржуазного мирозерцания на современную китайскую действительность и политику.

Китайский философ Чжао Тиньян в своей книге «Система Поднебесной: введение в философию мировой системы» (2013) изобразил китайскую модель мирового порядка, которая в корне отличается от западной модели, базирующейся на «идеологии империи» [11, с. 4]. На основании анализа работ мыслителей Древнего Китая Чжао Тиньян показал, что понятие «поднебесная» означало вселенную, которая является беспредельной, то есть бесконечной. И этот взгляд на мир радикально отличается от западной модели борьбы интересов, субъектами которой выступают национальные государства. Придерживаясь иерархии от большого к малому: «поднебесная – государство – семья», китайские мудрецы неизменно стремились к достижению гармонии между всеми уровнями.

«Система поднебесной» в отличие от «идеологии империи» не признает, что существуют враждебные или конкурирующие «другие», она исходит из того, что каждый «другой» является составной частью этой беспредельно необъятной «поднебесной», поэтому в этой системе абсолютно исключены всякие «битвы цивилизаций». «Система поднебесной» в отличие от «идеологии империи», которая остается философско-культурной матрицей западной цивилизации, представляет собой универсальную концепцию и новый способ мышления крайне необходимыми современному миру.

Здесь необходимо понять, что национальный интерес (общий интерес) нельзя сформировать на основе философско-культурной матрицы (частный интерес, частная собственность) западной буржуазной цивилизации. Национальный интерес как общий интерес нельзя основать на частном интересе. Дело в том, что частный интерес стремится к привилегиям, а общий – к равенству. Сущность национального интереса как раз имеет своей предпосылкой общий интерес. В этом смысле те политические системы, которые основываются на частном интересе, то есть на философско-культурной матрице западной цивилизации, подменяют общий интерес интересом меньшинства и, по сути своей, не имеют подлинно национального интереса. Здесь и кроется несостоятельность западной системы, когда правящий класс под видом национального интереса подсовывает своим гражданам интересы олигархических групп. В международном плане такая политика входит в противоречие не только с интересами незападных стран, но и с интересами большинства граждан самих западных государств. Вот почему подлинно национальные интересы одних стран не противоречат национальным интересам других стран, поскольку как общие интересы они основываются на принципе равенства. Отсюда должно быть понятно, что западная модель объективно проти-

воречит как интересам мирового сообщества в целом, так и интересам тех стран, власти которых основывают стратегию развития своих государств на частном интересе.

Именно в этом и состоит важный смысл трактовки Председателем КНР, Генеральным секретарем КПК Си Цзиньпином диалектики справедливости и выгоды в международных отношениях. Правильный взгляд на этот вопрос означает, что надо придерживаться нравственности и справедливости, учитывать интересы других стран, преследуя свои интересы, в некоторых случаях даже следует предоставить выгоды другим странам, а свой выбор остановить на справедливости [12, с. 4]. Таким подходом к строительству новых международных отношений Китай принципиально отличается от западных государств, которые ставят свои интересы выше интересов других стран, а во многих случаях даже не останавливаются перед использованием вооруженной силы для продвижения своих интересов на международной арене. Китай смог достичь своих грандиозных успехов, придерживаясь мирного пути развития на основе принципа справедливости в международных отношениях. Отсюда и китайский гуманистический проект построения Сообщества единой судьбы человечества, который как раз и основывается на единой природе всех людей и всех народов, исповедующих принцип справедливости.

Принципы справедливости и доброты, которые лежат в основе китайской ментальности, совершенно по-иному, чем западное буржуазное сознание, трактуют природу бизнеса.

Западное сознание подходит к бизнесу через призму конфликтов и постоянной войны между конкурентами, цель которых, как говорил Сорос, не содействие развитию конкурентной среды, а подавление конкурентов. «Американский образ жизни и ныне действующая мораль предлагают быть настойчивыми и агрессивными и убирать конкурентов со своего пути» [10, с. 38]. Все преступления против человечности, которые совершались в прошлом и совершаются в настоящее время обусловлены западной практикой ведения бизнеса.

Китайская практика ведения бизнеса абсолютно противоположна западной. В китайском сознании ведение бизнеса рассматривается не через призму конфликтов и войн между конкурентами, преследующих исключительно только свою выгоду, а как способ разрешения конфликтов на основе гармонии выгоды и справедливости, ведущей к удовлетворению интересов всех участников данного бизнес-сообщества. Примечательно, что эта идея ведения бизнеса как способ решения конфликтов была еще сформулирована в древнекитайском трактате выдающегося мыслителя Сун Цзы «Искусство войны». Самое парадоксальное состоит в том, что этот трактат правильнее назвать не столько искусством войны, сколько искусством мира. Вслушайтесь в афоризмы Сун Цзы: «Самая лучшая война – разбить замыслы противника». «Тот, кто не понимает до конца всего вреда от войны, не может понять до конца и всю выгоду от войны». «Лучшее – покорить чужую армию, не сражаясь». «Одержать сто побед в ста битвах – это не вершина воинского искусства. Повергнуть врага без сраженья – вот вершина». Прав Бронислав

Виноградский, что «этот трактат не только не теряет свою уникальность, но и, наоборот, в значительной степени помогает постичь» роль Китая в современном мире [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ржавый пояс забвения: как в США погибла тяжелая промышленность, а вместе с ней – десятки городов. – Режим доступа: m.fishki.net. – Дата доступа: 15.03.2024.
2. *Косырев, Д.* Американские финансисты напали на Китай и отступили / Д. Косырев. – Режим доступа: gia.ru/20240302. – Дата доступа: 9.04.2024.
3. WSJ: мир испытает второй «китайский шок» с обилием дешевых товаров // *kommer-sant.ru/doc/6551613*. – Дата доступа: 05.03.2024.
4. *Косырев, Д.* Китай нашел ахиллесову США / Д. Косырев // *gia.ru* – Дата доступа: 09.04.2024.
5. *Новиков, Д.* Мировое значение китайской модернизации будет неуклонно расти / Д. Новиков. – Режим доступа: kprf.ru. – Дата доступа: 22.03.2024.
6. *Фромм, Э.* Иметь или быть? / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 238 с.
7. *Ван Ивэй.* Сближение Китая и России даст тройной стратегический эффект / Ивэй Ван // Китай. – 2014. - № 3. – С. 19.
8. О чем на самом деле «Искусство войны» // *eksmo.ru*. – Дата доступа: 20.03.2024.
9. Беседы и суждения Конфуция. – СПб.: «Кристалл» 1999. – 1120 с.
10. *Шостром, Э.* Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор / Э. Шостром. – Минск: Полифакт, 1992. – 127 с.
11. *Юэ, Дайюнь.* Мир нуждается в «новой идее» Китая / Дайюнь Юэ // Китай. – 2013. – № 11. – С. 4.
12. *Фу Ин.* «Как Китай повлияет на мир?» / Ин Фу // Китай. – 2014. - № 2. – С. 4.

Информация об авторе:

Криштапович Лев Евстафьевич – доктор философских наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и рекламы Белорусского государственного университета культуры и искусств, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 327

**А. О. ЛЕВЧУК
С. Ф. СВИЛАС**

КИТАЙСКИЙ ВЕКТОР КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ ФРАНЦИИ

В статье раскрываются роль и значение китайского вектора в культурно-образовательной дипломатии Франции. Авторы рассматривают стратегии и деятельность Франции в сфере культурного и образовательного обмена с Китаем. Выделены платформы, механизмы, основные направления и формы сотрудничества. Подчеркнуто влияние китайской культуры на французское образование и национальную идентичность, значение культурного фактора в укреплении политического диалога между Парижем и Пекином.

Ключевые слова: Китай, Франция, французский язык, Франкофония, образование, культурный обмен, передовые технологии.

**A. O. LEVCHUK
S. F. SVILAS**

THE CHINESE VECTOR OF FRANCE'S CULTURAL AND EDUCATIONAL DIPLOMACY

The article reveals the role and significance of the Chinese vector in France's cultural and educational diplomacy. The authors consider the strategies and activities of France in the sphere of cultural and educational exchange with China. Platforms, mechanisms, main directions and

forms of co-operation are highlighted. The influence of Chinese culture on French education and national identity, the importance of the cultural factor in strengthening the political dialogue between Paris and Beijing is emphasized.

Key words: China, France, French, Francophonie, education, cultural exchange, advanced technologies.

Высшее образование, исследования и инновации являются ключевыми областями международного сотрудничества Франции. Осуществляемые на протяжении многих лет акции позволяют укреплять связи, углублять взаимопонимание, консультироваться в условиях глобальных вызовов, поддерживать инновации и инициативы на благо всех.

В центре «триптиха знаний» находятся Служба сотрудничества и культурных мероприятий, Французский институт в Китае (Scac-IFC), посольства Франции, компания в сфере высшего образования, исследований и разработок инноваций ESRI [5].

Посольства и консульства Франции в Китае способствуют развитию франко-китайского сотрудничества и признанию французского высшего образования, исследований и инноваций путем обеспечения связи между властями двух стран; проведения целенаправленного и перспективного мониторинга последних событий в китайских учреждениях и компаниях; содействия объединению участников, в частности посредством программ мобильности, поддержки создания совместных структур и организации научных мероприятий; продвижения передового опыта Франции в сфере высшего образования, исследований и инноваций, а также преподавателей, исследователей и ученых в государственном и промышленном секторах, заинтересованных в сотрудничестве [1].

Партнер официальных служб Китая в области высшего образования, исследований и инноваций, компания ESRI, играет центральную роль в объединении участников из двух стран. Указанная структура поддерживает тесные отношения с французскими высокотехнологичными компаниями, присутствующими в Китае, а также с учреждениями, операторами и местными властями во Франции и Китае. Кластер ESRI обеспечивает координацию действий Франции в тесном сотрудничестве с местными представительствами французских организаций (CNRS, CNES, CEA, совместный офис IRAE-CIRAD в Китае, исследовательские институты и лаборатории на местах). Кластерная команда ESRI выполняет свою миссию по всему материковому Китаю, от Пекина до консульств.

Служба по сотрудничеству и культурной деятельности Французского института Китая (SCAC-IFC) поддерживает распространение французской культуры, а также культурных и творческих индустрий в Китае, чтобы укрепить позиции Парижа как важнейшего культурного партнера. Это требует активной политики приглашения деятелей культуры и поддержки структурного партнерства между культурными учреждениями, присутствия всех сегментов французской культуры и развития культурных и творческих индустрий. Служба активно содействует обсуждению идей и интеллектуальному влиянию Франции, Европы и Франкофонии в Китае, а также поддерживает формирование китайского гражданского общества [1]. Усилия Службы направ-

лены на расширение преподавания французского языка в Китае за счет развития сети партнерских учреждений, укрепления статуса французских альянсов, увеличения числа местных преподавателей, говорящих по-французски, а также студентов в Сети французских школ.

Французское присутствие также предполагает продолжение политики привлекательности, направленной на продвижение французского высшего образования, увеличение количества аспирантов, укрепление университетского сотрудничества посредством политики стипендий за выдающиеся достижения для студентов из Китая.

Продолжается техническое сотрудничество на высоком уровне, особенно в областях, представляющих взаимный интерес (устойчивое развитие, биоразнообразие, сохранение наследия, здравоохранение, архитектура, туризм, гастрономия и спорт). В области науки цель состоит в том, чтобы выполнить обязательства 14-го заседания Совместной комиссии путем проведения семинаров высокого уровня по приоритетным темам и выборочного развития научно-технического сотрудничества между учеными, университетами, лабораториями, всеми заинтересованными сторонами [5].

Реализация этих целей Службой культурного сотрудничества и действий происходит через Французский институт Китая (SCAC-IFC), который является местом проведения культурных программ и расположен на одной площадке с главным офисом Alliance Française в Пекине и кампусом Campus France. SCAC-IFC пилотирует сети французских школ в Китае в сотрудничестве с Азиатско-Тихоокеанским региональным координатором агентства по французскому образованию за рубежом и обеспечивает координацию 14 французских альянсов в Китае [4].

Французский институт Китая опирается на европейскую координацию. SCAC представляет посольство Франции в этой стране на европейских встречах по вышеуказанным темам и является членом сети европейских культурных центров EUNIC China (Национальные институты культуры Европейского Союза).

Французский институт Китая управляет сетью французского сотрудничества и культурными мероприятиями в КНР («материковом Китае»). В эту сеть входят: 5 представительств при генеральных консульствах материкового Китая (Кантон, Чэнду, Шанхай, Шэньян и Ухань); 14 французских союзов; 6 кампусов Франция-Китай в Пекине и 5 консульских городах, а также 8 филиалов (Чунцин, Ханчжоу, Харбин, Цзинань, Куньмин, Нанкин, Тяньцзинь, Сиань), расположенных преимущественно в рамках французского альянса [4].

SCAC-IFC (Французский институт Китая) имеет около 190 агентов по всей стране, около половины из которых базируются в Пекине. В его состав входят отдел по связям с общественностью и развитию, а также отдел меценатства и партнерства. SCAC-IFC возглавляет посланник совета по культуре, образованию и науке г-н Николя Пиллерель, которому помогают два заместителя: советник по сотрудничеству, образованию и культуре Жан-Филипп Роус и советник по высшему образованию, исследованиям и инновациям Марк Дамас [4].

Французский, третий по популярности иностранный язык в Китае, преподается на всех уровнях – от начального до высшего образования. В школах реформа программ иностранных языков 2018 года официально ввела французский язык в программы старших классов китайской национальной системы образования. На университетском уровне количество французских факультетов за 10 лет удвоилось (с 86 в 2009 году до 160 в 2018 году). Французские альянсы, разбросанные по всему материковому Китаю, приветствуют разнообразную аудиторию, от самых маленьких до взрослых, и являются экзаменационными центрами для получения французских дипломов DELF и DALF; также можно сдать тест по французскому языку в Campus France в Китае (с целью профессиональной или студенческой мобильности).

Французское образование в Китае представлено Французским международным лицеем имени Шарля де Голля в Пекине (он непосредственно подчиняется Агентству французского образования за рубежом), Французским лицеем в Шанхае (заведение по соглашению с Agence pour l'enseignement français à l'étranger (AEFE) и партнерские учреждения AEFE в Гуанчжоу, Шанхае, Шэньчжэне и Ухане [3].

Французский институт Китая стремится реализовывать стратегии и проекты, способствующие взаимному обогащению культур. На протяжении 25 лет Месяц франкофонии (Mois de la francophonie) является одним из главных достижений этого учреждения. Указанное мероприятие, олицетворяющее культурное разнообразие франкоязычных стран, а также общность их ценностей и судеб, проходит в первый месяц весны и завершается Международным днем франкофонии 20 марта.

Под патронажем Groupe des Ambassadeurs Francophones (GAF) и франкоязычных дипломатических миссий Китая фестиваль посвящен французскому языку, франкоязычной культуре и полностью соответствует политике образовательного и лингвистического сотрудничества посольства Франции в Китае, одной из основных миссий которого является поддержка изучения французского языка.

Особенно ярко культурное сотрудничество демонстрирует фестиваль Croisements, сумевший адаптироваться к драконовским санитарным условиям, и организация крупных выставок французских художников в Китае. 2024 год заявлен как Год культурного туризма между Францией и Китаем.

Сотрудничество в области окружающей среды и устойчивого развития имеет три основных приоритета: борьба с изменением климата, сохранение окружающей среды и биоразнообразия, содействие устойчивому городскому развитию. Французское агентство развития работает в Китае с 2004 года, профинансировано 47 проектов в области климата и биоразнообразия [1].

Франция имеет давние традиции и ноу-хау в проведении крупных международных спортивных мероприятий. После летних Олимпийских игр 2008 года в Пекине Китай также регулярно принимал крупные национальные, региональные и международные спортивные мероприятия. В 2022 году Пекин передал олимпийский огонь Парижу, предоставив двум странам с большими спортивными амбициями возможность обменяться опытом и сотрудничать

как в организации самого мероприятия, так и в превращении его в экономический, социальный, культурный, образовательный и экологический актив. Спорт является одной из сильных сторон франко-китайского диалога на высоком уровне, третьим столпом франко-китайского стратегического диалога, который объединяет молодежь, образование и языковое сотрудничество. Основными направлениями партнерства являются: поощрение обмена молодыми спортсменами и содействие их участию в спортивных соревнованиях, проводимых в обеих странах, а также содействие обмену опытом для подготовки технических менеджеров и тренеров по спортивным дисциплинам.

«Спортивный клуб Франции» поддерживает контакты с представителями китайского спорта, проявляющими интерес к сотрудничеству. Эта структура, созданная министерствами спорта, экономики и иностранных дел совместно с компаниями и игроками-любителями, предлагает объединить французский опыт во всех трех областях, благодаря которым страна признана на международном уровне.

Франция имеет большой опыт организации крупных международных спортивных мероприятий (GESI). В 2015-2024 годах было проведено более тридцати спортивных мероприятий международного масштаба, среди которых Летние Олимпийские и Паралимпийские игры 2024 года. Эта политика позволила заинтересованным сторонам приобрести признанные ноу-хау во всех сферах деятельности, связанных с организацией GESI: услуги, управление международными волонтерами, досуг, безопасность, архитектура, строительство, урбанизация, инновации [2].

Обеспечивая их успех за счет долгосрочных выгод с экономической, социальной, культурной, образовательной и экологической точек зрения, Министерство спорта стремится воздать должное французской спортивной инженерии, чей опыт и качество признаны во всем мире, в частности, в области подготовки тренеров, судей, спортсменов, а также в направлении структурирования национальных технических управлений, территориальной организации и организации соревнований. С Китаем активно сотрудничают французские федерации футбола, регби, волейбола, баскетбола, лыжного спорта, фехтования, дзюдо, верховой езды, тенниса, автоспорта и экстремальных видов спорта [2].

GESI как средство повышения привлекательности принимающих территорий способствует их международной известности, предоставляет неоспоримую возможность стимулировать экономическую активность. Информационное сопровождение обеспечивает международную известность принимающей стране. Оставшиеся после мероприятий спортивные объекты дополнительно приспособляются для использования в туристических целях. Проведение подобных мероприятий дает импульс для масштабной государственной политики. «Спортивный клуб Франции» предлагает виртуальную демонстрацию опыта и ноу-хау в востребованной области горного дизайна [2]. Этот инструмент предназначен также для оказания помощи французским компаниям в их оценке международными регулирующими органами.

Франция и Китай имеют давнюю историю культурного, образовательного, научно-технического и спортивного сотрудничества. Обе страны работа-

ют вместе над укреплением взаимопонимания и уважения между своими народами. Двухсторонние культурные обмены имеют давние традиции, а французская литература, искусство, музыка и кино высоко ценятся в Китае.

Франция всегда была популярным местом для китайских студентов, желающих получить высшее образование. Многие французские университеты предлагают курсы китайского языка и культуры, чтобы удовлетворить растущий спрос со стороны китайских студентов. Научно-техническое сотрудничество также находится на подъеме, обе страны вкладывают значительные средства в исследования и разработки в таких областях, как возобновляемые источники энергии, биотехнологии и освоение космоса. Французские компании участвовали в нескольких крупных инфраструктурных проектах в Китае, среди которых – высокоскоростные железнодорожные сети. Набирает обороты и спортивное сотрудничество: обе страны проводят крупные спортивные мероприятия, такие как Олимпийские игры. В целом культурное, образовательное, научно-техническое и спортивное сотрудничество между Францией и Китаем является важным компонентом двусторонних отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. AFD en Chine [Ressource électronique] // Ambassade de France en Chine. – Mode d'accès: <https://cn.ambafrance.org/L-AFD-en-Chine> – Date d'accès: 08.03.2024.
2. France Sport Club. Ambassade de France en Chine. – Mode d'accès: <https://cn.ambafrance.org/France-Sport-Club> – Date d'accès: 08.03.2024.
3. La coopération éducative et universitaire. Ambassade de France en Chine. – Mode d'accès: <https://cn.ambafrance.org/La-cooperation-educative-et-universitaire> – Date d'accès: 08.03.2024.
4. Relations bilatérales [Ressource électronique] // Ministère des Affaires étrangères. – Mode d'accès: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/chine/relations-bilaterales/> – Date d'accès: 08.03.2024.
5. Service de coopération et action culturelle. Ambassade de France en Chine. – Mode d'accès: <https://cn.ambafrance.org/Service-de-cooperation-et-d-action-culturelle-SCAC> – Date d'accès: 08.03.2024.

Информация об авторах:

Левчук Анастасия Олеговна – студент факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

Свилас Светлана Францевна – профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, доктор исторических наук, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 327

М. А. ЛОПАН
С. Ф. СВИЛАС

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ БРАЗИЛИИ В XXI ВЕКЕ (ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье содержится краткий анализ китайского фактора во внешней политике Бразилии в XXI веке. Выделены предпосылки, современное состояние и основные достижения двух государств в совместной экономической политике,

рассмотрены её механизмы, направления и формы. Подчеркнут прогресс в эволюции отношений КНР и ФРБ, результативность их взаимодействия на мировой политической арене.

Ключевые слова: Бразилия, Китай, внешняя политика, персональная дипломатия, визиты на высшем уровне, экономическое сотрудничество, БРИКС, «Один пояс – один путь».

**M. A. LOPAN
S. F. SVILAS**

THE CHINESE FACTOR IN THE FOREIGN POLICY OF BRAZIL IN THE XXI CENTURY (ECONOMIC ASPECT)

The article contains a brief analysis of the Chinese factor in the foreign policy of Brazil in the XXI century. Prerequisites, current state and main achievements of the two states in the common economic policy are highlighted, its mechanisms, directions and forms are observed. The progress in evolution of relations between the PRC and the FRB, the effectiveness of their interaction in the global political arena are emphasised.

Keywords: Brazil; China; foreign policy; personal diplomacy; high-level visits; economic cooperation; BRICS; “One Belt — One Road”.

Китайская Народная Республика и Федеративная Республика Бразилия – два государства, расположенные в разных частях света, имеющие разную историю и культуру, однако этих мировых гигантов связывают тесные экономические отношения, а также участие в таких международных организациях и объединениях, как ООН, БРИКС, G-20 («Группа двадцати»).

Начало бразильско-китайскому сотрудничеству было положено в мае 2004 года, когда президент Лула да Силва впервые посетил Китай с официальным визитом. Наиболее важным результатом визита стало подписание китайской и бразильской нефтегазовыми компаниями Sinopec и Petrobras контракта, предусматривающего сотрудничество в области продажи, разведки, добычи и переработки нефти, а также в сфере инженерных услуг и технологий. Сразу после этого Petrobras открыла офис в Пекине. Подтверждением того, что партнерство принесло хорошие плоды, стало подписание в апреле 2006 года очередного договора о сотрудничестве между указанными компаниями, который предусматривал совместное строительство газопровода в Бразилии [14].

В 2009 году Китай стал главным торговым партнером Бразилии, вытеснив США. Толчком к такому исходу событий стало не только сотрудничество нефтегазовых компаний КНР и ФРБ, но и повышенный спрос восточно-азиатского государства на бразильские сою, железную руду и другие товары, вызванный глобальным экономическим кризисом [7]. По оценке президента Луиса Инасиу Лулы да Силва и других бразильских политических деятелей, Китай является наиболее перспективным бизнес-партнером и стратегическим союзником Бразилии.

Примером сотрудничества стала реализация с 1988 года программы технологического сотрудничества по разработке и эксплуатации спутников наблюдения Земли. Этот проект получил название «китайско-бразильская спутниковая программа по ресурсам Земли» (CBERS) [12, с. 1]. На данный момент в рамках инициативы уже разработано шесть спутников, которые предоставляют соответствующую информацию, что помогает добиваться

успеха в таких областях, как сельское и лесное хозяйство, управление водными ресурсами, городское планирование и др. [2]. По оценке ответственного представителя CNSA, двухстороннее сотрудничество в данной сфере способствует также прогрессу в области космических технологий двух стран и даже стимулирует глобальное сотрудничество по применению дистанционного зондирования [2].

В число проектов СВЕРС входит расположенный возле Рио-де-Жанейро, Витории и Кампус-дус-Гойтаказис крупнейший *портово-промышленный комплекс Бразилии Порту-ду-Асу*, который предоставляет Китаю доступ к столь необходимым ему природным ресурсам (железная руда, зерно, соя, нефть) и позволяет укрепить базу поддержки в развивающихся странах. В 2010 году, во время строительства этого комплекса, министр экономического развития штата Рио-де-Жанейро Хулио Буэно заявил, что этот проект знаменует собой новый этап в бразильско-китайских отношениях [9].

Радостные впечатления от достигнутых результатов омрачило начало *валютной войны между США и Китаем*. Этот термин ввел в обращение министр финансов Бразилии Гвидо Монета, констатировавший: «Мы находимся в эпицентре международной валютной войны всеобщего ослабления валют. Это угрожает нам, потому что лишает нас конкурентоспособности» [16]. Под «валютной войной» понимается одновременное применение несколькими странами заниженного курса национальных денежных единиц в целях стимулирования экспорта товаров и услуг, сдерживания импорта, выравнивания торгового и платежного балансов, стабилизации общей экономической ситуации в своей стране [10]. Политику снижения курса юаня проводила КНР, а в ответ Соединенные Штаты пошли на снижение курса доллара. Китаю данная стратегия экономического соперника не понравилась. По мнению губернатора Центрального банка КНР Чжоу Сяочуаня, установление чрезвычайно низких процентных ставок (имелись в виду США) наносило удар по развивающимся странам. Среди государств, поддержавших позицию Китая, были не только Индия, Таиланд, но и Бразилия [5]. Однако она не преминула упрекнуть своего союзника, указывая на то, что занижение курса национальной валюты не дает возможность другим странам конкурировать с китайским экспортом [15].

В июле 2014 года в бразильских городах Форталеза и Бразилиа состоялся **VI саммит БРИКС**, в котором принял участие председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин. Он также встретился с президентом Дилмой Русеф и бразильскими парламентариями. В ходе переговоров было подписано 32 соглашения – от строительства железных дорог до покупки Китаем 60 бразильских коммерческих самолетов Embraer за 3,2 млрд долл. и совместного инвестирования 300 млн долларов в бразильский завод по производству строительного оборудования [11]. После этого китайский лидер направился с визитами в Аргентину, Венесуэлу и Кубу с целью укрепить влияние Пекина в регионе [6].

Несмотря на некоторые трудности и противоречия, торговля между КНР и Бразилией продолжала расти, а экономическое сотрудничество наращивало

свой потенциал. Это подтвердил и премьер Госсовета КНР Ли Кэцян во время своего визита в Латинскую Америку в 2015 году, заявив, что оба государства являются крупнейшими развивающимися странами Восточного и Западного полушарий, а активизация двухстороннего сотрудничества будет способствовать восстановлению мировой экономики [9].

Примером такой активизации стало подписание соглашения с компанией China Communications Construction (СССС), которая специализируется на строительстве объектов транспортной инфраструктуры и является одним из мировых лидеров в области проектирования и строительства портов (2017 год). Предмет соглашения – строительство частного порта в городе Сан-Луис, расположенного на севере Бразилии. Заместитель главы СССС Сунь Цзыной подчеркнул, что данный проект нацелен на содействие экономическому развитию штата Мараньян, столицей которого и является город Сан-Луис. По его прогнозу, новый порт создаст много возможностей для трудоустройства, разрешит проблему недостаточной пропускной способности в экспортной логистике местного продовольствия и другой качественной продукции [3].

Этот проект стал компонентом новой волны китайских инвестиций в крупнейшую экономику Латинской Америки, а Китай получил доступ к природным ресурсам и укрепил свои позиции в регионе, традиционно находящемся под коммерческим влиянием США [10].

Как уже отмечалось, Бразилия экспортирует в Китай сою (в 2018 году на восточноазиатскую страну приходилось более 40 % всего экспорта этого товара). Этому способствовали не столько торговые разногласия Пекина с Соединенными Штатами, сколько строительство порта в Сан-Луисе [16].

Нельзя оставить без внимания *визовую политику* двух стран. В октябре 2019 года, в первый год нахождения на посту президента *Жаира Болсонару*, ультраправого политика, был отменен визовый режим для туристов и бизнесменов Китайской Народной Республики. Это решение было принято во время государственного визита главы южноамериканского государства в Китай. Отметим, что ранее безвизовый режим был введен Жаиром Болсонару по отношению к США, Канаде, Японии, Австралии и Индии [8].

Подчеркнем результаты визита *Лулы да Силва* в Китай (апрель 2023 года) с целью вывести отношения на новый уровень, прежде всего в аграрном секторе. О важности пятидневного визита свидетельствует внушительная делегация, которая сопровождала президента, – семь министров, пять губернаторов, председатель сената и более 200 предпринимателей и топ-менеджеров, в основном из сельскохозяйственного сектора [17].

Визит в Китай стал третьей зарубежной поездкой главы Бразилии с момента его вступления в должность (после Аргентины и США), что подтвердило желание Лулы нормализовать отношения Бразилии со стратегическим партнером после того, как его предшественник Жаир Болсонару отодвинул Китай на второй план во внешней политике. В преддверии поездки Лула да Силва предложил создать совместный с Китаем «клуб мира» для посредничества в прекращении конфликта в Украине [17], однако проект так и остался нереализованным.

Ближайшая запланированная встреча между главами двух государств произойдет 18-19 ноября 2024 года в рамках саммита G-20 в Рио-де-Жанейро.

А в феврале 2024 года в этом городе состоялась встреча министров иностранных дел «большой двадцатки», где обсуждалась реформа ООН, МВФ и Всемирного банка [4].

Подводя итог, подчеркнем значимость китайского фактора во внешней политике Бразилии: именно Китай на протяжении уже пятнадцати лет является главным экономическим партнером этого латиноамериканского государства. История их отношений показывает, что посредством обоснованного выстраивания политического курса, правильной расстановки приоритетов, умения четко аргументировать свою позицию и не поддаваться на провокации можно добиться высокого уровня доверия, тесных взаимоотношений и не просто стабильного, а постоянно увеличивающегося двухстороннего товарооборота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валютные войны и Китай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://geopolitikum.org/valyutnye-vojni/>. – Дата доступа: 21.02.2024.
2. Китай и Бразилия совместно разработали шесть спутников в рамках проекта CBERS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2024/0212/c31517-20133192.html>. – Дата доступа: 20.02.2024.
3. Компания СССР (КНР) финансирует строительство порта в Бразилии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://portnews.ru/news/237178/>. – Дата доступа: 22.02.2024.
4. Лавров завершил латиноамериканское турне саммитом G20 в Бразилии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/02/22/1021687-lavrov-zavershil-latinoamerikanskoe-turne-sammitom-g20-v-brazilii?from=read_also=4. – Дата доступа: 22.02.2024.
5. Между Китаем и США разгорается валютная война [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vladnews.ru/2010-10-11/17559/mezhd_kitaem. – Дата доступа: 22.02.2024.
6. A money rich China and Brazil dispute influence in Latam [Electronic resource] : MercoPress. South Atlantic News Agency. – Mode of access: <https://en.mercopress.com/2014/07/19/a-money-rich-china-and-brazil-dispute-influence-in-latam>. — Date of access: 22.02.2024.
7. Brazil and China cement ties [Electronic resource] : FINANCIAL TIMES. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20150204105624/http://cachef.ft.com/cms/s/0/3f513830-440b-11de-a9be-00144feabdc0.html#axzz1Bx8GCKTl>. — Date of access: 20.02.2024.
8. Brazil says it will no longer require visas from Chinese, Indian citizens [Electronic resource]: REUTERS. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-brazil-visas/brazil-says-it-will-no-longer-require-visas-from-chinese-indian-citizens-idUSKBN1X32AX/>. — Date of access: 22.02.2024.
9. Brazil's huge new port highlights China's drive into South America [Electronic resource]: The Guardian. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2010/sep/15/brazil-port-china-drive>. – Date of access: 21.02.2024.
10. China and Brazil are becoming BFFs. Should we be worried? [Electronic resource]: The Washington Post. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/05/20/china-and-brazil-are-becoming-bffs-should-we-be-worried/>. – Date of access: 22.02.2024.
11. China Expands Brazil Frontier as Investment Grows During Crisis [Electronic resource]: Bloomberg. – Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-04-25/china-expands-brazil-frontier-as-investment-grows-during-crisis>. – Date of access: 22.02.2024.
12. Chinese Leader Seeks to Woo Latin America [Electronic resource] : NDTV WORLD. – Mode of access: <https://www.ndtv.com/world-news/chinese-leader-seeks-to-woo-latin-america-589854>. – Date of access: 22.02.2024.

13. Henriques da Silva, D. The China-Brazil Earth Resources Satellite: policies and program : Min. of Sc. and Techn. : 10.13140 / D. 3. Henriques da Silva – Brasília, 2016. – 16 p.
14. Meeting the Dragon's Appetite: The Importance of Latin America in China's Energy Strategy [Electronic resource] : 江时学 / Jiang Shixue. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20120312171415/http://blog.china.com.cn/jiangshixue/art/902733.html>. – Date of access: 21.02.2024.
15. Trade war looming, warns Brazil [Electronic resource] : FINANCIAL TIMES. – Mode of access: <https://www.ft.com/content/6316eb4a-1c34-11e0-9b56-00144feab49a#axzz1B2G5UIY4>. – Date of access: 22.02.2024.
16. Why China Is Hungry For Brazilian Soy [Electronic resource] : Forbes. – Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/stratfor/2018/04/10/why-china-is-hungry-for-brazilian-soy/?sh=30b03821321d>. – Date of access: 22.02.2024.
17. World gripped by 'international currency war' [Electronic resource] : The Guardian. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/business/2010/sep/28/world-in-international-currency-war-warns-brazil>. – Date of access: 21.02.2024.
18. Reise von großer geopolitischer Relevanz [Elektronische Ressource] : tagesschau. – Zugriffsmodus: <https://www.tagesschau.de/ausland/asien/lula-pekings-101.html>. – Datum des Zugriffs: 22.02.2024.

Информация об авторах:

Лопан Мария Александровна – студент факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

Свилас Светлана Францевна – профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 339.926

**А. В. ЛУКАШЕВИЧ
Е. В. ВЕРНИКОВСКАЯ**

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КИТАЯ И КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МИРЕ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Анализируется культурный обмен между Китаем и рядом стран, приведены результаты опроса, раскрывающие заинтересованность белорусских учащихся в китайской культуре. Автор подчеркивает важность популяризации культуры усилиями государств и общественных организаций для привлечения внимания к уникальным аспектам культурного наследия.

Ключевые слова: Китай, Россия, Казахстан, Япония, Беларусь, популяризация, конференция, форум, сфера взаимодействия.

**A. V. LUKASHEVICH
E. V. VERNIKOVSKAYA**

POPULARIZATION OF CHINA AND CHINESE CULTURE IN THE WORLD AND THE REPUBLIC OF BELARUS

The article analyzes the cultural exchange between China and a number of countries, and provides the results of a survey revealing the interest of Belarusian students in Chinese culture. The author emphasizes the importance of popularizing culture through the efforts of states and public organizations to draw attention to the unique aspects of cultural heritage.

Key words: China, Russia, Kazakhstan, Japan, Belarus, popularization, conference, forum, sphere of interaction.

Проведенный среди учащихся опрос показывает, что 62,7% среди них в течении всей своей жизни сталкиваются с китайским языком на постоянной

основе. Популяризация Китая как быстро развивающейся страны с богатой культурой и историей является важной задачей для китайского правительства и общества. В ходе анализа опроса было выявлено, что популяризация чаще всего происходит благодаря использованию средств массовой информации, таких как социальные сети, новости, телевидение, газеты. Распространение китайской культуры влияет на различные аспекты жизни человека: культурные связи, профессиональные перспективы, развитие в сфере туризма и образования. Технологический прогресс и экономическое развитие также привлекают внимание международного сообщества к этой стране.

Для стимулирования популяризации на мировом уровне используются самые различные практики и методы. Одним из примеров является проведение культурных мероприятий, конференций, фестивалей и выставок. Это не только помогает сохранить богатое культурное наследие страны и передать его следующему поколению, но и поделиться знаниями и культурой на глобальном уровне.

Конференции являются площадкой для публикации научных статей, докладов, что способствует распространению знаний и исследований в научном сообществе.

В свою очередь, культурные мероприятия помогают не только расширить свои знания на разнообразные темы, но и несут развлекательный характер.

Однако, стоит учитывать, что популяризация в разных странах не идентична и имеет свои особенности и отличия из-за культурных, языковых и социальных различий между странами. Например, восточные страны могут быть более склонны к потреблению традиционных форм искусства, в то время как западные страны могут уделять больше внимания инновациям и современным тенденциям.

Таким образом, популяризация играет важную роль в укреплении культурных и экономических связей между народами, приводит к взаимопониманию между культурными субъектами.

Популяризация в России. Россия активно сотрудничает с Китаем в экономической, туристической, культурной и образовательной сферах. Каждый год проводятся конференции по различным направлениям: кино, искусство, наука, экономика, медицина. Конференции проходят в различных уголках России: Москва, Казань, Владивосток и др. Организатором большей части этих конференций выступает Российско-Китайская Палата, она организует ряд Форумов и Конференций: Российско-Китайская Конференция «Возможности сотрудничества в сфере киноиндустрии. Тенденции и возможности импорта и экспорта кинопроката», Российско-Китайская Конференция «Сотрудничество в сфере сельского хозяйства. Инвестиции, импорт, экспорт», Форум «Китайско-российское промышленное и инвестиционное сотрудничество», Международный форум "РОСТКИ: Россия и Китай - взаимовыгодное сотрудничество" г. Казань, Юридический форум «Россия – Китай»[8], а также, выставка «Китай глазами современных русских художников».

Благодаря этим выставкам, форумам и конференциям люди узнают об экономическом развитии Китая. Участие позволяет понять, как Китай управ-

ляет своей экономикой, какие отрасли являются приоритетными для развития, и какие стратегии используются для привлечения инвестиций. А также в ходе данных мероприятий, мы можем узнать о последних тенденциях в области технологий, исследований и разработок. Мероприятия, посвященные культуре и искусству Китая, привлекают внимание туристов и путешественников, делая страну более привлекательной для посещения.

Участие в культурных мероприятиях может вызвать у людей интерес к изучению китайского языка, традиций, кухни, искусства и других аспектов культуры [12]. Участие китайских компаний в бизнес-мероприятиях и выставках способствует продвижению их товаров, технологий и услуг на международном рынке. Участие в конференциях и форумах позволяет обмениваться опытом и знаниями с представителями других стран, что способствует взаимному пониманию и сотрудничеству.

Китай и Россия создали первую российско-китайскую образовательную программу по природно-климатическим проектам при участии факультета географии и геоинформационных технологий НИУ ВШЭ. Также, во многих университетах есть факультеты китайского языка и культуры и Институты Конфуция. Например, при Московском государственном лингвистическом университете функционирует Институт Конфуция, который обеспечивает возможность изучения китайского языка и культуры Китая в целом [3].

Популяризация в Казахстане. Китай и Казахстан выступают за сотрудничество средств массовой информации, оказывают поддержку академическим обменам между научными кадрами двух стран, участвуют в совместном создании литературных произведений, кино и телевизионного контента, развивают отношения в сфере перевода, туризма, укрепляют сотрудничество в научных областях, здравоохранении, спорте, в молодёжном обмене.

Проводится множество мероприятий, помогающих расширить свои знания по теме «Китаеведение в Казахстане».

Таким образом, в Институте философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК (ИФПР) состоялась международная научно-практическая конференция на тему «Международное сотрудничество Казахстана и Китая на пути формирования глобальной цивилизации: творчество без границ». Организатором мероприятия выступил ИФПР. В ходе конференции участники обсудили широкий спектр вопросов двусторонних отношений Казахстана и Китая, 10-летие глобальной инициативы Китая «Один пояс – один путь», годовщину с момента избрания К.К. Токаева Президентом РК на внеочередных выборах Президента Республики Казахстан 21 ноября 2022 года. Как отметили спикеры, терпимость и уважение друг к другу являются единственным условием нахождения взаимопонимания между народами [7].

Не осталась без внимания и выставка «Казахстан – Китай: Диалог тысячелетий», которая демонстрирует историко-культурные связи двух стран с древних времен до современности. В экспозицию вошли около 40 археологических артефактов и предметов декоративно-прикладного и изобразительного искусства из фондов Национального музея Республики Казахстан, Центрального государственного музея, Музея Первого Президента и Государ-

ственного музея искусств им. А. Кастеева. Как рассказали лидеры Казахстана и Китая, структура выставки состояла из пяти разделов, отражающих центральную идею экспозиции – показ преемственности развития материальной и духовной культуры казахского и китайского народов [9].

Сотрудничество Китая и Казахстана в области научных конференций и мероприятий играет важную роль в укреплении взаимодействия двух стран и способствует развитию науки и образования в регионах.

Популяризация в Японии. Одним из способов продвижения китайской культуры в Японии является организация культурных мероприятий, выставок, фестивалей и концертов с участием китайских художников, музыкантов и танцоров. Благодаря таким мероприятиям японские зрители могут познакомиться с традиционным и современным китайским искусством.

Следует отметить «Год продвижения молодежных обменов между Японией и Китаем». Более двух тысяч молодых людей – студентов и школьников – приняли участие в различных мероприятиях, направленных на знакомство с национальными культурами, образовательными учреждениями, при организационной поддержке «Китайской ассоциации народной дружбы с зарубежными странами», «Японского фонда», посольств, университетов, коммерческих компаний и других заинтересованных субъектов [14].

Также в Пекине была проведена ярмарка China Education Expo, организованная «Японской организацией обслуживания студентов» (JASSO) и «Китайской ассоциацией образования для международного обмена» (CEAIE), в рамках которой китайские преподаватели и студенты могли получить доступ к актуальной и достоверной информации о высшем образовании и научной деятельности в Японии, а также к индивидуальным консультациям и организационной поддержке. [15]

Традиционным направлением сотрудничества стала организация курсов на знание языка и литературы. В Пекинском педагогическом университете состоялся четырнадцатый конкурс японской литературы и устной речи. В Японии провели конкурс китайского языка в университете города Нагасаки. Японские студенты, изучающие китайский язык, выступали на темы «Как продвинуть коммуникацию китайской и японской молодежи» и «Весь мир – одна семья».

Знаменательным событием стала организация концертов ансамбля японских барабанов Кодо Тайко в Гуанчжоу, Пекине и Шанхае.

Таким образом, распространение китайской культуры в Японии способствует укреплению культурных связей между двумя странами и обогащению культурного опыта обеих сторон.

Популяризация в Беларуси. В нашей стране проводится много различных мероприятий, направленных на распространение китайской культуры. Организуются различные научные конференции, форумы, например, Форум «Беларусь-Китай: мост для инноваций 2023». В рамках данного форума проходили следующие научно-практические мероприятия: Научно-практическая конференция «Беларусь-Китай: контуры инновационно-технологического сотрудничества»; Увлекательный научно-практический семинар по молодежному пред-

принимательству с проведением конкурса инновационных стартап-проектов «Инновационная Инициатива 2023» [11]. Подобные мероприятия помогают сформировать представление об экономике, технологиях и культуре.

Мероприятия по популяризации китайской культуры также проводит БНТУ. Так в 2023 году прошел X Белорусско-китайский инновационный форум «Новые горизонты – 2023» [2]. При Научно-технологическом парке БНТУ «Политехник» есть Белорусский центр научно-технического сотрудничества с Китайской Народной Республикой, который проводит стажировки. Они включают в себя прием специалистов, организацию лекций и семинаров, посещение ведущих предприятий и университетов Республики Беларусь, крупных научно-исследовательских центров. Открываются совместные центры по разработке инновационной продукции и технологий. Проводятся научные, культурные и спортивные мероприятия (Международный конкурс технического перевода, Новые Горизонты) [1].

Стоит отметить еще одно событие: 20 апреля 2023 года в Белорусском национальном техническом университете прошел фестиваль китайской культуры и искусства, приуроченный к Международному дню китайского языка. Этот фестиваль по науке и технике проводится с 2010 года Институтом Конфуция БНТУ, Северо-Восточного университета (КНР), Центра языкового образования и сотрудничества Министерства образования КНР и посольства Китайской Народной Республики в Республике Беларусь [13]. Это мероприятие направлено на распространение китайского языка и ознакомление обучающихся с традициями Поднебесной. Приглашенные гости участвовали в мастер-классах, таких, как традиционное чаепитие, обучение каллиграфии и живописи Китая, посетили выставочную экспозицию достижений Китайской Народной Республики и наблюдали за творческими номерами на праздничном концерте [10].

Также проводятся различные выставки, например, в национальном Художественном музее. С 20 января по 12 марта 2023 года проводилась выставка «Беларусь – Китай. Сотрудничество и дружба». Выставочный проект посвящен развитию дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой. На выставке были представлены различные виды и техники декоративно-прикладного и изобразительного искусства Китая XVII – начала XXI в. Также Национальный художественный музей в рамках этого проекта проводил различные мастер-классы по каллиграфии, вырезанию из бумаги, плетению узлов. Посетители приняли участие в чайной церемонии, узнали о жанре пекинской оперы и нарисовали маски персонажей из неё.

В Международный день музеев (в народе этот день называется «Ночь музеев») в национальном художественном музее работала секция, посвященная Китаю. Там проводились лекции и мастер-классы по китайской культуре. Посетители познакомились с искусством китайской каллиграфии и историей развития китайской письменности, а также имели возможность попробовать себя в написании иероглифов. Позже прошла лекция об особенностях китайской живописи, после которой слушатели могли попробовать себя в различ-

ных её направлениях. Была проведена лекция о китайском традиционном костюме, в ходе которой участники были ознакомлены с его историей и проследили за изменением стандартов красоты в китайской культуре с течением времени. После лекции у каждого участника была возможность сплести себе традиционный узел удачи. Также была проведена лекция по искусству ксилографии, в течении которой слушатели ознакомились с историей его развития и особенностями изготовления эстампов. После лекции каждый желающий мог получить оттиск с изображением одного из животных китайского календаря.

Особенным и необычным мероприятием в нашей стране является день китайской культуры [6]. Последний раз такое мероприятие проводилось 27 мая 2023 под названием «Чай для гармонии мира». В рамках этого мероприятия проводилась презентация одежды этнических меньшинств китайской провинции Юньнань, выступления с этническими песнями и танцами, а также литературные и художественные номера Институтов Конфуция. Была проведена дегустация блюд китайской кухни и китайского чая. На празднике также прошла книжная выставка и мастер-классы по вырезанию из бумаги и каллиграфии.

Китайский Культурный Центр в Минске также проводит ряд мероприятий. Это официальное учреждение культуры, созданное правительством Китая в Беларуси. Это важная платформа для знакомства белорусов с китайской культурой и духовным наследием, а также китайско-белорусского культурного и туристического обмена. Это учреждение проводит различные мастер-классы, лекции, кинопоказы, турниры. Например, лекция «История Китайского веера», просмотр документального фильма о Китайском Новом годе, турнир по шахматам сянци «Праздник Весны» [5].

Непосредственно, хочется отметить выставку живописи, которая проходила в Национальном художественном музее – Хань Юйчэня «Образы Китая».

Один из пунктов ранее упомянутого опроса звучит следующим образом: «Как вы считаете, китайская культура вызывает интерес у жителей Республики Беларусь в целом?». Результаты показали, что большая часть учащихся ответила на вопрос положительно и только 4.4% среди них ответили отрицательно. Исходя из результатов опроса можно сделать вывод о том, что мероприятия, которые проходят сейчас в нашей стране, выполняют важнейшую функцию популяризации Китая и китайской культуры и активно привлекают людей участвовать в различных мероприятиях и познавать культуру Поднебесной.

Туристическая сфера взаимодействия стран. Туризм играет важную роль в культурном обмене между разными странами, способствует сохранению и популяризации исторических и культурных памятников, а также межкультурному взаимопониманию.

Туризм между Китаем и Россией в настоящее время активно развивается и предлагает множество интересных возможностей для туристов. Обе страны богаты историческими, культурными, природными достопримечательностями, которые привлекают туристов со всего мира. В Китае наиболее популяр-

ными туристическими местами являются такие достопримечательности, как Великая Китайская Стена, Запретный Город, Великое Поднебесное Озеро и многие другие удивительные места. Россия также привлекает туристов своими уникальными достопримечательностями, такими как Красная Площадь, Эрмитаж, Байкал и другие культурные и природные объекты.

Китай и Казахстан имеют длительную историю сотрудничества в области туризма, которая продолжает развиваться. Туры в Казахстан могут включать посещение Алматы, Нур-Султана, Шымкента, поездку в Казахские степи, поход в горы Тянь-Шань и многое другое. В свою очередь, туристы из Казахстана могут посетить множество популярных туристических мест в Китае.

О том, что туристические отношения между странами продолжают развиваться, говорит нам проведение в 2024 году Форума приграничных регионов Республики Казахстан и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР г. Урумчи. В форуме приняли участие более 100 представителей туристических компаний Республики Казахстан и СУАР КНР. В ходе проведения Форума был выявлен план перспективного развития совместных туристических маршрутов Казахстана и Китая, который поможет расширить выбор для туристов и увеличить взаимный обмен туристическими группами. Для этого предлагается проводить совместные туристические ярмарки на территории Казахстана и Китая с участием первых руководителей областей Казахстана и провинций Китая [4].

Туризм между Китаем и Японией является одним из наиболее популярных видов туризма в Азии. На мировом рынке представлено множество традиционных туристических маршрутов. Существуют также специальные программы и туры, которые позволяют путешественникам погрузиться в культуру и историю обеих стран более глубоко. Например, поездки по Древним монастырям или мастер-классы по японской чайной церемонии.

Туризм между Республикой Беларусь и Китаем имеет большой потенциал для развития. Проведенный опрос среди учащихся тому доказательство – 80,2% среди них задумывались о посещении Китая. Хочется упомянуть про существование возможности обучения для белорусов в китайском бакалавриате и магистратуре. Для этого необходимо выбрать университет в Китае и пройти процедуру поступления. Для поступления на бакалаврскую программу в Китае часто требуется предоставить результаты тестов, таких как HSK и HSKK, рекомендации от преподавателей, мотивационное письмо и другие документы. Также стоит учитывать, что для учебы в Китае потребуются виза студента. В целом, обучение в Китае – это интересный опыт для белорусов, который помогает им расширить свой культурный кругозор и приобрести новые знания и навыки в сфере образования.

Стоит ещё отметить, что Китай ввел безвизовый режим на 30 дней для граждан Беларуси и Казахстана. Этот шаг стимулирует обмен знаниями, опытом и практиками между народами, способствует укреплению дружественных отношений и сотрудничеству на различных уровнях.

Вывод схожести менталитета и примеры взаимовлияния Китая и Республики Беларусь. Как показывает проведенный среди учащихся опрос,

Китай оказывает существенное влияние на различные сферы деятельности человека, как внутри страны, так и за ее пределами. Среди 91 человека, прошедшего опрос 59,3% изучают китайский язык, из которых 30,8% начинающие, и лишь 5,5% бывалые китаисты, изучающие китайский язык более 5 лет. 44,4% планируют продолжить своё обучение в дальнейшем. Китайский язык открывает возможности как для профессионального, так и для личного роста. 41% учащихся изучает китайский в учебных целях, 35,2% – для личного развития, 15,4% – для путешествий, 8,4% – в других целях.

Исходя из результатов опроса, большинство традиций и обычаев в Беларуси и Китае отличаются между собой. Однако оба народа характеризуются трудолюбием и стремлением к достижению высоких результатов в работе и образовании, относятся с уважением к старшим поколениям, семейным ценностям и традициям как к важной части своей культуры.

Таким образом, популяризация культуры требует совместных усилий государств, общественных организаций и индивидуальных деятелей, чтобы привлечь внимание к уникальным аспектам культурного наследия и сделать его доступным для широкой аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорусский центр научно-технического сотрудничества с Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belarus-china.bntu.by/>. – Дата доступа: 03.02.2024.
2. В БНТУ прошел X Белорусско-китайский инновационный форум «Новые горизонты – 2023» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/v-bntu-proshel-x-belorussko-kitayskiy-innovatsionnyu-forum-novye-gorizonty-2023.html>. – Дата доступа: 03.02.2024.
3. Люй, Ида. Роль событийных мероприятий в продвижении образовательных услуг Республиканского института китаеведения имени Конфуция БГУ / Ида Люй // Международные отношения: история, теория, практика : материалы XI науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений Белорус. гос. ун-та, Минск, 4 февр. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 380–384.
4. Казахстан предложил Китаю проводить совместные туристические ярмарки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inbusiness.kz/ru/last/kazakhstan-predlozhit-kitayu-provodit-sovmestnye-turisticheskie-yarmarki>. – Дата доступа: 03.02.2024.
5. Китайский Культурный Центр в Минске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ccsminsk.by/>. – Дата доступа: 03.02.2024.
6. Ся, Лэй. Дни культуры как форма репрезентации национального искусства / Лэй Ся // Аўтэнтычны фальклор: праблемы захавання, вывучэння, успрымання : зборнік навуковых прац удзельнікаў VIII Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 25-27 красавіка 2014 г.) / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў. – Мінск, 2014. – С. 35–36.
7. Международное сотрудничество Казахстана и Китая на пути становления глобальной цивилизации: творчество без границ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iph.kz/events/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-kazakhstan-i-kitaya-na-puti-stanovleniya-globalnoy-tsivilizatsii-tvo/>. – Дата доступа: 03.02.2024.
8. Российско-Китайская палата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru-cn.org/>. – Дата доступа: 03.02.2024.
9. Токаев и Си Цзиньпин осмотрели выставку "Казахстан – Китай: Диалог тысячелетий" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nur.kz/politics/universe/1987783-tokaev-i-si-tszinpin-osmotreli-vystavku-kazahstan-kitay-dialog-tysyacheletiy/>. – Дата доступа: 03.02.2024.

10. Фестиваль китайской культуры и искусства на Международный день китайского языка – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studyinby.com/news/festi-val_kitayskoy_kultury_i_iskusstva_na_mezhdunarodnyy_den_kitayskogo_yazyka_2023/. – Дата доступа: 03.02.2024.
11. Форум «Беларусь-Китай: мост для инноваций 2023» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://icm.by/forum-belarus-kitay-most-dlya-innovaciy-2023-2>. – Date of access: 03.02.2024.
12. Цзин, Л. Распространение китайской культуры через обучение китайскому языку как иностранному //Filologické Vědomosti. – 2020. – №. 2. – С. 17-20.
13. Цзиньцзюнь Ш. Институты Конфуция в Республике Беларусь: основные направления деятельности, трудности и пути их преодоления //Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – Т. 10. – №. 184. – С. 142-148.
14. China-Japan Youth Friendly Exchange Convention Successfully Held in Beijing [Electronic resource]. – Mode of access: <https://cpaffc.org.cn/index/news/detail/id/6651/lang/2.html>. – Date of access: 03.02.2024; Culture: Arts and Cultural Exchange. The Japan Foundation China Center [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.jpfc.go.jp/e/project/culture/>. – Date of access: 03.02.2024; Sumitomo Corporation cosponsors China Festival 2019 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.sumitomocorp.com/en/easia/news/topics/2019/group/20190930>. – Date of access: 03.02.2024.
15. Study in Japan Fair 2019 (International Education Fair: China) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.studyinjapan.go.jp/en/other/event/2019/china/>. – Date of access: 03.02.2024.

Информация об авторах:

Лукашевич Анна Валерьевна – учащаяся филиала МГЛУ «Лингвогуманитарный колледж», г. Минск, Республика Беларусь.

Верниковская Екатерина Викторовна – учащаяся филиала МГЛУ «Лингвогуманитарный колледж», г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 339.926

А. Д. МИНКО

КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР УСПЕХА БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Рассматривается важность учета восточного этикета и особенностей китайской культуры при работе с китайскими партнерами. Статья также рассматривает влияние конфуцианства на современное общество, управленческие практики и китайское менеджмент. Кроме того, автор анализирует формирование современной внешнеполитической стратегии Китая, учитывая его исторические корни и уникальную систему межгосударственных отношений.

Ключевые слова: китайская культура, конфуцианство, внешнеполитическая стратегия.

A. D. MINKO

CULTURAL EXCHANGE AS A KEY FACTOR IN THE SUCCESS OF THE BELARUSIAN-CHINESE PARTNERSHIP

The article discusses the importance of taking into account oriental etiquette and the characteristics of Chinese culture when working with Chinese partners. The article also examines the influence of Confucianism on modern society, management practices and Chinese management. In addition, the author analyzes the formation of China's modern foreign policy strategy, taking into account its historical roots and unique system of interstate relations.

Keywords: Chinese culture, Confucianism, foreign policy strategy.

В настоящее время Китай оказывает значительное влияние на все сферы жизни в мировом масштабе. За последние 30 лет Китай поборол внутренний кризис, набрал обороты внешней торговли и стал ведущим игроком мировой экономики. Все это говорит о том, что в ближайшие годы Китай будет лишь повышать качество торговли и совершенствовать свою внешнюю политику, выходя на новые уровни. И так как Китай является важным деловым партнером для стран по всему миру, крайне необходимо учитывать все особенности восточного этикета при работе с китайцами [4].

Культура и традиции страны – важная составляющая ее жизнеспособности, которая обеспечивает сплоченность нации и гарантирует прогресс, процветание и развитие потенциала государства. Конфуцианство – нить, связывающая Древний Китай с современным. Основные принципы данного направления завязаны на гармонии, человеколюбии, почитании предков и внутреннем совершенствовании. Все это оказывает неоспоримое влияние на современное общество, особенности межкультурного взаимодействия и специфику ведения внутренней и внешней политики. Идеи конфуцианства также стали основой управленческих практик и идеологии китайского менеджмента [2].

Формирование современной внешнеполитической стратегии Китая зародилось не во время провозглашения независимой КНР, а гораздо раньше. Многие столетия в Китае существовала уникальная система межгосударственных отношений, что сформировало особенности современного государства. Традиционное китайское мышление, конечно, было подвергнуто влиянию процесса развития всех сфер в 20-21 веках. Развитие мировой экономики, идеологии и культуры заставило китайцев отказаться от некоторых концепций дипломатии. Тем не менее, это же и стало новым витком в развитии деловых отношений со стороны Китая.

Одной из особенностей современной Китайской Народной Республики является способность к построению стратегий на десятки лет вперед. В этом так же можно отследить отголоски конфуцианства, ведь учение всегда основывалось на стремлении к совершенству и общественному порядку. Конфуцианство точно внушает людям, что «если даже у варваров *и* и *ди* и появятся свои правители, им никогда не сравниться со всеми *ся*, лишенными правителей». В данном случае сравниваются три народа: варвары *и* – этнос, живущий на востоке, *ди*, проживавшие на севере и *ся* – сами китайцы. Конфуцианство показывает, что, будучи гармонично слаженным государством с высоким уровнем организации, Китай всегда будет сильнее, даже при временном отсутствии правителя, чем нации, которые не обладают этими качествами. Данный принцип хорошо прослеживается в формировании стабильного и устойчивого государства во все времена существования Китая.

Также важной основой конфуцианства являлась идея о социальной иерархии. Эта особенность была явно заметна во времена правления династии Цин. Со временем конфуцианство утратило свой статус и такую высокую значимость, но никто не может отрицать его влияние и на современное общество. В наше время в Китае также видна определенная социальная иерархия. В деловой среде все решения принимаются сверху вниз. Все зада-

чи и важные вердикты выносит управляющий, а его подчиненные ждут четких указаний. На всех переговорах лучше присутствовать самому начальнику компании или кому-то приближенному, ведь статус имеет огромное влияние в Китае.

Иерархия также хорошо отражена в семейных отношениях. Конечно, в современном мире «полное послушание отцу» уходит на второй план. Собственная независимость и индивидуальное развитие берут верх. Молодое поколение являются сторонниками равного диалога вне зависимости от возраста собеседника и статуса, но это еще молодая тенденция, которая лишь потихоньку развивается, так что в массах иерархия все еще присутствует [6].

Таким образом, невозможно отрицать влияние конфуцианства на современное общество Китая. Его черты прослеживаются в политике всего времени страны. Конфуцианство оказало значительное влияние на формирование трудовой этики в Китае и Юго-Восточной Азии, пропагандируя ценность усердного труда, верность обязанностям, экономность, самоотдачу, гармоничные отношения, ценность образования и мудрости, а также заботу о социальной ответственности. Все эти особенности помогли сформировать уникальное государство, основанное на принципах и обычаях, и в то же время, идущее в ногу со временем, и даже обгоняющее его.

В наше время Китай является важным партнером для всех стран, в том числе для Беларуси, поэтому при работе с китайцами крайне необходимо учитывать все особенности их культуры. Культурная осведомленность играет важную роль в деловых переговорах, особенно при ведении международного бизнеса. Понимание различий между партнерами помогает избежать недоразумений, конфликтов и ошибок, которые могут возникнуть из-за расхождений в обычаях, ценностях и восприятии мира. Также понимание культурных особенностей позволяет установить более тесные отношения и построить доверие между партнерами [4]. Это особенно важно при ведении долгосрочного и взаимовыгодного сотрудничества, как например между Беларусью и Китаем, чьи отношения лишь развиваются и укрепляются. Страны активно поддерживают друг друга на международной арене и все больше белорусов заинтересовано в сотрудничестве с китайской стороной. И поэтому для того, чтоб понимать поведение партнеров и повысить уровень успешно завершённых переговоров, необходимо быть сведущим в теме китайских традиций и особенностей.

Для начала стоит отметить, что китайцы – высококонтекстуальный народ. В китайском языке существует выражение «暗送秋波», переводящееся как «Симпатия выражается с помощью мимики» [7]. Это означает, что для них огромную роль в общении играют невербальные знаки: ваши жесты, поза, одежда, интонация и прочее. Поэтому приезжим стоит быть готовым к тому, что в переговорах они будут использовать многозначительные паузы и много слушать, изучая поведение. Вероятнее всего, они сразу же обратят внимание на то, в каком порядке участники переговоров или конференции заходят в помещение, выделив иерархию и статус партнеров. Если вы находитесь на вашей территории, то они обратят внимание на наполненность

офиса, количество сотрудников, оформление и прочие аспекты, которые не замечают многие европейцы. [5] Это связано с тем, что Китай имеет крайне длительную и сложную культурную историю, и структуру, что привело к высококонтекстуальности народа. Невербальная коммуникация – самый древний вид коммуникации и зародился еще в первобытном обществе. Так как Китай одна из самых древних культур, неудивительно, что жесты и знаки играют большую роль в жизни китайцев. В последствии на протяжении всей истории появлялись и популяризировались определенные действия, которые могли без слов передать уважение, приветствие, упрек и многое другое. Самым известным является пример приветствия с поклоном, которое зародилось еще более 2000 лет назад и откликается в еще одной китайской поговорке «爱不是占有, 是欣赏», которая дословно переводится «любовь не во владении, а в уважении» [7].

Возвращаясь к вопросу о приверженности китайцев везде соблюдать строй и иерархию, стоит упомянуть, что лучший способ показать то, что вы настроены серьезно – отправить главу компании или максимально приближенное к ней лицо. Присутствие начальника на переговорах показывает, что данный вопрос действительно важен для компании и обсуждение его необходимо. Статус партнеров автоматически влияет на исход. Если китайцы отправили главу компании, а вы обычного сотрудника, то диалог может не заладиться, ведь это значит, что китайская сторона больше заинтересована, а вторая относится к делу несерьезно. Происхождение такого четкого иерархического строя легко объяснимо, ведь в течение большей части истории в Китае правили императоры. Императорская система установила строгую социальную подчиненность, где власть была концентрирована в руках правителей, а общество было организовано в соответствии с четко определенными социальными классами. Также Китай длительное время был весьма изолированной страной, и все ровнялись лишь на императора. Этот иерархический строй был подкреплен и конфуцианством, которое в те времена было самым распространенным учением. В Китае принято считать, что четкий государственный строй приведет страну к гармонии и развитию.

Структура социальных классов менялась с течением времени, но одно оставалось неизменно: подняться по социальной лестнице в Китае можно лишь упорным трудом. Трудолюбие и усердие здесь ценятся еще со времен Древнего Китая. Это хорошо видно и на примере истории Конфуция, ведь немногие знают, что при рождении Конфуция его семья обеднела и мать, будучи простой наложницей, после смерти отца Конфуция и притеснения со стороны других жен, отправилась на родину и воспитывала мальчика самостоятельно. До этого семейство принадлежало к знатному роду, но вот так вот в момент потеряв статус, жить дальше оказалось непросто, и мать все детство говорила Конфуцию о том, что в будущем ему необходимо стать достойным продолжателем рода. Это и мотивировало Конфуция к постоянному совершенствованию. В последствии он не раз говорил в своих учениях о необходимости трудолюбия. Но в Китае усердный труд также должен быть и честным. Китайцы всегда стремились к совершенствованию себя. Всегда

считалось, что человек, не научившийся управлять собой, не сможет управлять другими. Поэтому высшей должности в Китае можно добиться, в основном, лишь путем упорного труда и работы над собой. В тоже время считается, что, каким бы статусом ты не обладал, необходимо помнить о гуманности и обращаться к коллегам и сотрудникам лишь так, как хочешь, что б обращались к тебе, помня, что «единственная ошибка – не исправлять своих прошлых ошибок». Все это означает, что предприниматели обязаны следовать не только закону, но морали и традициям национальной культуры. [1] До сих пор в Китае считается, что люди, не обладающие человеколюбием, не обладают и стабильностью в поведении, а значит могут привести к хаосу и нестабильности. Так что китайцы стараются приводить к власти «правильных людей», ведь «если хорошие люди будут править страной в течении ста лет, то они смогут победить насилие и убийства».

Но выбор подходящего правителя – это лишь полдела. В процветании страны должен быть в первую очередь заинтересован сам народ. Максимального успеха достигают лишь те страны, где все население является приверженцами одной цели. Это же касается и китайских компаний, где все трудятся во благо одного дела.

Еще со времен Древнего Китая все было основано на единстве народа. В Китае даже есть фраза «ценят общую красоту цветка, а не отдельный лепесток». Опираясь на это, все китайские сотрудники всегда заинтересованы в престиже компании больше, чем в своем личном. Все китайцы работают с полной и искренней отдачей, стараясь внести свой вклад в развитие фирмы. Ван Шо, китайский писатель, однажды писал «人心齐,泰山移» что переводится как «если люди едины, то и гору Тайшань смогут передвинуть». Так что единство китайского народа легко заметить и сейчас, все китайцы приверженцы того, что вместе результат будет лучше и быстрее.

Тем не менее, на самом деле скорость выполнения задач здесь не главное. Ведь лучше потратить чуть больше времени на принятие важного решения, но сделать это тщательно и внимательно. В таком случае результат будет более долгоиграющим. В Китае даже есть поговорка «欲速则不达» имеющая значение «если гнаться за быстротой – не достигнешь» [7]. Здесь важна не скорость принятых решений, а их качество. В деловых переговорах это также имеет прямое отражение. Китайцы не имеют временных рамок в обсуждении важных вопросах. Они привыкли делать все неспешно и размеренно, уделяя внимание деталям. Кроме того, важной особенностью является то, что китайцы редко планируют что-то с четким временным ограничением и понятие «встретиться после обеда» значит встретиться в любое послеобеденное время. Европейцы часто могут прийти сразу в 13:00 и прождать китайских партнеров не один час. Так что лучше попросить заранее оговорить рамки с китайцами, ведь для них это не всегда свойственно.

Качество работы играет важную роль и в общем деле, и в индивидуальном. Как уже говорилось, статус имеет очень большое значение, и китайцы сделают все, чтобы сохранить его. Причем они также будут стараться, чтобы партнёр тоже не утратил своего достоинства. Так, чтобы ни происходило, вы

не встретитесь с открытым выражением недовольства. В Китае считается, что интеллектуальное превосходство имеет тот, кто избегает провокационных тем и умеет уделить внимание положительной стороне разговора, нежели критикующей или оскорбительной. В случае, если вы ведете переговоры с китайцем, который находится среди своих коллег или подчиненных, стоит помнить, что все, что вы говорите, имеет огромный вес и должно носить больше похвальный характер, а не осудительный. В общении с китайцами вообще нельзя допускать унижения или обмана, иначе это сразу же приведет к враждебным отношениям. «Потерять лицо» в Китае недопустимо. Для важных встреч этот народ всегда выбирает лучшие места, чтобы сразу же произвести хорошее впечатление [5].

Подводя черту, стоит сделать вывод о том, что в современном мире необходимо больше внимания уделять изучению особенностей культуры различных стран и народов для того, чтобы успешно взаимодействовать на международном уровне. Диалог культур является неотъемлемой частью современного мирового контекста. В процессе взаимодействия между различными культурами происходит обмен знаниями, навыками и технологиями, что способствует развитию стран и процветанию взаимовыгодного партнерства, а также укреплению связей между людьми двух культур. Изучение культурного бэкграунда экономических субъектов позволяет более эффективно понимать особенности поведения потенциальных партнеров, что, в свою очередь, позволяет проникать на зарубежные рынки, находить общий язык с иностранными партнерами и устанавливать долгосрочные партнерские отношения.

Беларусь всегда была и остается надежным и востребованным партнером для других стран благодаря географическому положению, культурному и историческому наследию и высокому уровню экономического развития. Кроме того, наша страна остается миролюбивой и неконфликтной, старается не только заключать выгодные для обеих сторон соглашения, но и познавать традиции, жизнь, историю и современность той страны, с которой сотрудничает. В настоящее время в Беларуси образуется все больше организаций, которые занимаются распространением не только китайского языка, но и культуры. Одна из таких организаций – Институт Конфуция, который играет важную роль в содействии межкультурному взаимопониманию, в развитии языковых и культурных навыков, а также в укреплении дружественных отношений между странами. В рамках своей деятельности Институт Конфуция проводит различные мероприятия, курсы, семинары, конференции, выставки и другие мероприятия, способствующие распространению китайского языка и культуры. Все это увеличивает интерес среди молодого поколения к Китаю и увеличивает число желающих связать свою жизнь с Китаем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галенович, Ю. М.* Трудности общения. Впечатления участника встреч, прошедших под девизом «Год России в Китае» // Азия и Африка сегодня / Ю. М. Галенович. – М., 2007. – № 2. – С. 74–78.
2. *Долгих, О.* Конфуцианство: традиции и современность // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2003. – Т. 10. – №. 1. – С. 101–110.

3. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – Москва: Новое литературное обозрение, 2004. – 581 с.
4. Льюис, Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе / Р. Д. Льюис. – М. : Дело, 2001. – 446 с.
5. Син, Лю. К вопросу об исследованиях невербальной коммуникации в китайской русистике / Лю Син, Чжан Сяолин // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2021. – Вып.126 – С.164–170.
6. Соболевников, В. В. Менталитет, ментальность и этнопсихологические особенности китайцев: монография / В. В. Соболевников. – Новосибирский государственный педагогический университет. – М. : Вузовский учебник, 2020. – 160 с.
7. *Vaike.baidu.com* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E6%AC%B2%E9%80%9F%E4%B8%8D%E8%BE%BE/2912099>. – Дата доступа: 02.03.2024.

Информация об авторе:

Минко Анна Дмитриевна – учащаяся филиала МГЛУ «Лингвогуманитарный колледж», г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 821.581

С. Е. ОЛЕЙНИК

БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИЧЕСТВА МГЛУ И УВО КНР)

В статье на примере сотрудничества Учреждения образования «Минский государственный лингвистический университет» с УВО КНР рассмотрен процесс развития двусторонних связей, показаны основные направления взаимодействия сторон в данной области в контексте сотрудничества РБ и КНР в сфере образования.

Ключевые слова: Беларусь, Китай, двустороннее сотрудничество в сфере образования, взаимодействие МГЛУ с УВО КНР.

S. ALEINIK

BELARUSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE SPHERE OF EDUCATION (COOPERATION BETWEEN MSLU AND PRC UNIVERSITIES)

The author uses the example of cooperation between the Educational Establishment “Minsk State Linguistic University” and PRC universities to consider the development of bilateral relations, and shows the main directions of such interaction within the context of cooperation between Belarus and China in educational sphere.

Keywords: Belarus, China, bilateral cooperation in the field of education, cooperation of MSLU PRC universities.

Беларусь и Китай давно поддерживают доверительные и всесторонние стратегические отношения (дипломатические отношения были установлены 20 января 1992 года), основанные на взаимовыгодном сотрудничестве, которые включают множество проектов в разных областях, и одной из активно развивающихся сфер является образование.

Началу развития двухсторонних связей послужило подписание в Пекине в ноябре 1992 г. межправительственного соглашения о культурном сотрудничестве, которое предусматривало «содействие развитию и повышению эф-

фективности прямого взаимодействия между вузами обеих стран, взаимное предоставление стипендий, обмен учеными». Важным шагом к активизации образовательных связей стала работа Комиссии по сотрудничеству в области образования в рамках Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству, созданного в соответствии с Соглашением между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики от 4 сентября 2014 г. в целях содействия развитию всестороннего взаимодействия между Беларусью и Китаем в области образования, науки и молодежной политики [6].

В период работы Комиссии была сформирована договорно-правовая база для успешной реализации двухстороннего сотрудничества в данной сфере:

1) соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере образования, подписанное в г. Минске 10 мая 2015 г., которое предусматривает эквивалентный обмен студентами, аспирантами, научными и педагогическими работниками в количестве до 40 человек ежегодно;

2) программа развития сотрудничества в сфере образования между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой на 2016-2020 годы, утверждена первым заместителем Министра образования в январе 2016 г.;

3) план мероприятий по взаимодействию Министерств образования Беларуси и Китая на 2016-2017 годы (утвержден 22 мая 2016 г. на совместном заседании Комиссии в г. Гуанчжоу);

4) перечень приоритетных направлений профессиональной подготовки белорусских студентов, аспирантов в КНР с учетом новых реалий в политическом и экономическом партнерстве. Перечень составлен в соответствии с предложениями белорусских учреждений высшего образования, в установленном порядке согласован с госорганами Республики Беларусь и Министерством образования КНР в феврале 2016 г.;

5) программа направления на обучение белорусских юношей и девушек в учреждения высшего образования КНР на 2017-2020 годы (согласована 22 мая 2016 г. на совместном заседании Комиссии в г. Гуанчжоу).

6) меморандум между Министерством образования Республики Беларусь и Министерством образования Китайской Народной Республики в области совместной подготовки кадров (подписан 29 сентября 2016 г.) [4].

Развитие двусторонних образовательных связей приобрело особую динамику в 2019 году, который был объявлен Годом образования Беларуси в Китае. На церемонии закрытия этого года 11 февраля 2020 года в Минском государственном лингвистическом университете Министр образования И. В. Карпенко отметил, что интенсивность сотрудничества в образовательной сфере достигла беспрецедентных уровней. В 2019 году было подписано 32 соглашения о сотрудничестве между вузами двух стран, более 40 делегаций образовательных учреждений Китая посетили Беларусь, и более 30 раз белорусские делегации выезжали в КНР [2]. Также было заключено важное соглашение между правительством Республики Беларусь и правительством КНР о взаимном признании документов об образовании и документов об ученых степенях (подписано 23 мая 2019 г.).

По данным Министерства образования Республики Беларусь, к концу 2023 года был сформирован «колоссальный потенциал для развития двухстороннего взаимовыгодного сотрудничества» в сфере образования между двумя странами [3]. Так, между учреждениями образования Республики Беларусь и Китайской Народной Республики подписано более 560 прямых договоров о сотрудничестве, при этом более 100 из них подписаны в период с 2022 по 2023 гг. Результатом тесного взаимодействия учреждений образования является подготовка 10 новых совместных образовательных программ, реализация 6 из которых начата в 2022/2023 учебном году. Всего университетами Республики Беларусь и Китайской Народной Республики реализуются 40 совместных образовательных программ. На базе учреждений образования двух стран функционируют 10 совместных образовательных и научных структур (3 лаборатории, 5 центров и 2 института). На взаимной системной основе расширяется сотрудничество в области организации изучения китайского языка в учреждениях образования Республики Беларусь и белорусского языка в учреждениях высшего образования Китайской Народной Республики. В белорусских учебных заведениях открыты 6 Институтов и 8 классов китаеведения имени Конфуция. В китайских университетах функционируют 12 центров изучения Беларуси. В 2023 году в Беларуси обучается около 8 тысяч китайских граждан по различным специальностям и направлениям [8].

Активную роль в расширении и укреплении двусторонних белорусско-китайских образовательных связей сыграл МГЛУ, который первым в Республике Беларусь ввел китайский язык в образовательный процесс, проведя набор в 1993 году на направление специальности «Современные иностранные языки (перевод)». С целью укрепления методической школы китаеведения и обеспечения преподавания китайского языка в университете в период с 1992 по 2000 было заключено 3 договора с университетами КНР. Следующее десятилетие характеризуется увеличением количества двухсторонних договоров до 11, при этом, помимо принятых договоров о сотрудничестве, были заключены соглашения о направлении на обучение в МГЛУ граждан КНР.

Следующим этапом в укреплении двухсторонних белорусско-китайских образовательных отношений стало открытие Института Конфуция в МГЛУ 18 сентября 2011 г. при поддержке Юго-Восточного университета. Министр образования С. А. Маскевич, присутствующий на официальной церемонии открытия, отметил, что присутствие председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей У Банго на этом значимом событии подчеркивает важность открытия второго Института Конфуция в Беларуси для качественного взаимодействия в экономической и политической областях. Он также выразил уверенность, что этот институт станет успешным гуманитарным проектом, необходимым для нашей молодежи, поскольку интерес белорусов к изучению китайского языка и культуры значительно возрос [5]. Сейчас Институт Конфуция в МГЛУ продолжает популяризировать китайский язык в стране, открывая новые классы Конфуция на базе учреждений общего среднего образования, ежегодно проводит различные культурные мероприятия с целью знакомства с китайской культурой, ор-

ганизует различные конкурсы, мастер-классы. Одновременно институт выступает площадкой для обеспечения образовательной мобильности студентов университета, которые выезжают на обучение в УВО КНР на год или полгода в рамках Международной стипендии учителей китайского языка.

Начиная с 2014 года представители МГЛУ участвуют в переговорном процессе, входя в состав делегаций Министерства образования РБ и университетов РБ, направляемых в КНР, а также в разработке договорно-правовой базы межгосударственного образовательного сотрудничества между двумя странами. В состав Комиссии по сотрудничеству в области образования Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству с белорусской стороны входят ректоры МГЛУ: Баранова Н. П. с 2014 по 2021 и Н. Е. Лаптева с 2021 по настоящее время. В период с 2014 по 2018 были заключены 6 договоров и соглашений о сотрудничестве с различными УВО КНР, а также программа по обмену студентами.

Одним из ключевых направлений двустороннего сотрудничества в области образования стало взаимодействие по подготовке специалистов, владеющих китайским языком, а также реализация совместных учебных программ и проектов. Ведущими в этом направлении стали МГЛУ и Восточно-Китайский педагогический университет, в результате чего в ходе взаимных визитов делегаций в апреле и декабре 2015 года и в июне 2017 года был создан факультет китайского языка и культуры на базе МГЛУ, торжественное открытие которого состоялось 2 марта 2018 года. На факультете планировалось готовить преподавателей и переводчиков китайского языка, специалистов по межкультурной коммуникации в сфере внешнеэкономических связей и связям с общественностью, а также в области международного туризма.

Новым импульсом в развитии сотрудничества в области образования стало проведение Года образования Беларуси в Китае в 2019 году. Представители МГЛУ приняли участие в разработке плана мероприятий в рамках года и вошли в состав делегации Министерства образования РБ на мероприятиях по открытию Года в г. Даляне (КНР). За этот год МГЛУ значительно нарастил потенциал взаимодействия с учебными заведениями Китая, заключив более 10 различных договоров о взаимодействии и дополнительных соглашениях, которые обозначали векторы сотрудничества в образовательном, научно-инновационном и в культурном направлениях. С участием МГЛУ была открыта научно-исследовательская педагогическая лаборатория во Втором Пекинском университете иностранных языков, создан Центр изучения Беларуси в Пекинском университете иностранных языков, была организована совместная образовательная программа для студентов Тяньцзиньского университета иностранных языков, изучающих белорусский язык, и студенты китайского УВО в сентябре 2019 впервые приехали повышать знания и компетенции в белорусском языке в МГЛУ.

Значимым шагом в развитии белорусско-китайских отношений в сфере образования стало создание Китайско-Белорусской Ассоциации университетов в ноябре 2023 года, в которую вошло более 80 белорусских и китайских университетов. Целью данного объединения стало постоянное углубление

обмена и сотрудничества в сфере высшего образования и научных исследований между университетами Китая и Беларуси. В частности, планируется содействие многосторонним межуниверситетским обменам и сотрудничеству, совместная подготовка профессиональных и междисциплинарных специалистов, публикация научных работ, организация мероприятий и др. Первый заместитель министра образования А. Г. Баханович подчеркнул, что подписанное Соглашение даст возможность разрабатывать новые совместные образовательные программы, осуществлять подготовку научных кадров, и самое главное – «выходить на создание совместных объединений университетов с высокотехнологичными предприятиями наших стран, по заказу которых будут проводиться научные исследования, опытно-конструкторские работы и коммерциализация наших университетских ученых для экономики» [1]. МГЛУ включился в работу ассоциации: представители университета участвовали в разработке плана мероприятий работы ассоциации, университет возглавил совместно с Пекинским университетом иностранных языков кластер белорусских и китайских университетов «Диалог цивилизаций», председателем которого с белорусской стороны является ректор МГЛУ Н. Е. Лаптева.

В настоящее время МГЛУ активно реализует взаимодействие с 20 УВО КНР. Заключены договора о взаимодействии в образовательной, научно-исследовательской деятельности, в рамках существующих договоров заключаются дополнительные соглашения, направленные на определенные направления сотрудничества: соглашения о программах академических обменов, об открытии совместных образовательных программ, о создании совместной аспирантуры и др.

При этом, как показала практика, весьма эффективной формой работы является сотрудничество с университетами определенного кластера. МГЛУ является лидером языкового образования в Республике Беларусь и соответствующие договора были заключены университетами, которые также специализируются в сфере лингвистического образования: Пекинский университет иностранных языков, Второй Пекинский университет иностранных языков, Тяньцзиньский университет иностранных языков, Шанхайский университет иностранных языков, Сианьский университет иностранных языков, Цзилиньский университет иностранных языков, Гуандунский университет иностранных языков, Сычуаньский университет иностранных языков, Чжэцзянский университет иностранных языков, Пекинский университет языка и культуры. Результатом такого тесного специализированного сотрудничества стало вступление МГЛУ в Международную ассоциацию университетов иностранных языков (GAFSU), которая является платформой для международного обмена и сотрудничества в сфере науки и образования и более тесного взаимодействия между лингвистическими вузами разных стран.

Для обеспечения качественного образовательного процесса по дисциплинам переводческого цикла, в частности синхронному и последовательному переводу, МГЛУ совместно с Высшей школой перевода Харбинского университета направлял студентов, будущих переводчиков, для участия в со-

ответствующих курсах перевода, организованных по инициативе профессора Хэйлунцзянского университета Чжао Вэйя, в г. Харбин. Следует отметить, что указанные курсы проводились и во время пандемии в дистанционном формате, в результате чего более 30 студентов под руководством китайских специалистов смогли усовершенствовать навыки устного перевода на материале видео-выступлений Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и членов Правительства Республики Беларусь, размещенных на соответствующих официальных сайтах (ссылки на данные выступления были предоставлены белорусскими преподавателями).

Еще одним важным взаимовыгодным направлением сотрудничества МГЛУ с китайскими университетами является организация повышения квалификации белорусских преподавателей китайского языка, которая реализуется в двух направлениях. Приглашение китайских специалистов для проведения лекционных занятий для преподавателей китайского языка в МГЛУ (в 2018 году были прочитаны лекции по методике преподавания китайского языка как иностранного профессорами Университета образования Гонконга) или участие преподавателей китайского языка в специализированных курсах, в дистанционном формате (подобного рода курсы, в которых приняли участие преподаватели кафедры теории и практики китайского языка, были организованы Тяньцзиньским университетом иностранных языков в 2021 и 2022 гг.).

В Китайской Народной Республике на базе высших учебных заведений созданы и функционируют 11 центров изучения Беларуси и 1 институт изучения Беларуси, на базе которых проводятся различные научные мероприятия и лекции с целью популяризации Беларуси и белорусской культуры, а также по тематике белорусско-китайских отношений. Ряд центров обеспечивают подготовку китайских студентов по специальности «Белорусский язык» [8]. МГЛУ принимал активное участие в открытии таких центров и в настоящее время оказывает содействие и сопровождение 6 Центрам изучения Беларуси при Восточно-Китайском педагогическом университете, Втором Пекинском университете иностранных языков, Пекинском университете иностранных языков, Тяньцзиньском университете иностранных языков, Сианьском университете иностранных языков, Сычуаньском университете иностранных языков, направляя в центры государственную символику Республики Беларусь, учебно-методическую и художественную литературу, страноведческие и презентационные материалы. На базе МГЛУ проходила стажировку директор Центра изучения Беларуси при ПУИЯ Чжао Синь, результатом которой стало издание учебного пособия по белорусскому языку для студентов ПУИЯ в 2019/2020 учебном году. Кафедрой белорусского языка и культуры была разработана программа повышения квалификации для директоров центров изучения Беларуси и успешно реализована в дистанционном формате в июне 2023 года.

Особенно важным аспектом сотрудничества с УВО КНР, в реализации которого участвует только МГЛУ, представляется обеспечение академической мобильности студентов, граждан КНР, которые изучают белорусский

язык. Начиная с 2019 года студенты 3 курса Тяньцзиньского университета иностранных языков, с 2022 года – студенты Сианьского университета иностранных языков и в 2022 году – в дистанционной форме студенты Пекинского университета иностранных языков обучались в МГЛУ по совместной образовательной программе «Белорусский язык как иностранный» в МГЛУ. С целью научно-методического обеспечения данной программы на кафедре белорусского языка и культуры МГЛУ в рамках ВНУ был разработано и проходит апробацию учебное издание «Падручнік па беларускай мове як замежнай для студэнтаў устаноў вышэйшай адукацыі КНР». Помимо обучения, студенты активно вовлекались в внеучебную деятельность, посещали места всемирной памяти белорусов – Мемориальный комплекс «Хатынь» и Мемориальный комплекс «Брестская крепость – герой». Китайские студенты, изучавшие белорусский язык в МГЛУ, показали хорошие результаты на сертификационном тестировании по белорусскому языку как иностранному и показали уровень В2 и С1. Высокий уровень подготовки по белорусскому языку студенты подтвердили, став победителями Первого всекитайского интеллектуально-творческого конкурса по белорусоведению «От Синеокой до Поднебесной», проведенного совместно МГЛУ и ТУИЯ в 2022 году. Участники демонстрировали знания в онлайн-викторине по страноведению, исполняли творческие номера на тему «Признаюсь тебе в любви, страна с голубыми глазами», а также презентовали групповые информационно-творческие и образовательно-просветительские проекты.

В ходе проведенных встреч и переговоров ректора МГЛУ Н. Е. Лаптевой с представителями китайских УВО в рамках существующих договоров намечены новые направления сотрудничества. МГЛУ договорился со Вторым Пекинским университетом иностранных языков о разработке интерактивной карты достопримечательностей г. Пекина по образцу с её белорусским аналогом на иностранных языках, создание которой инициировали группа студентов факультета китайского языка и культуры, а позже инициатива была поддержана студентами других факультетов. Направлены предложения в Пекинский университет языка и культуры по составу рабочей группы для создания совместного учебного пособия по методике преподавания китайского языка и его содержанию. Ведется разработка совместных образовательных программ в формате 2+2 на уровне бакалавриата с Цзилиньским университетом иностранных языков, в рамках которой на основе интеграции ресурсов ЦУИЯ и МГЛУ обучающимся будут выданы документы об образовании университетов-партнеров. Реализация такого проекта, на наш взгляд, будет способствовать успешному формированию у обучающихся профессиональных компетенций, востребованных на рынке труда РБ и КНР.

Хочется подчеркнуть еще один аспект взаимодействия МГЛУ в образовательной сфере с КНР. Университет является постоянным очным участником крупнейшей образовательной выставки «China Education Expo» в составе делегации белорусских университетов, представляющих на этой выставке образовательные услуги Беларуси и университета, в частности, с целью увеличения экспортных образовательных услуг.

Таким образом, анализ состояния, основных направлений и перспектив развития белорусско-китайского сотрудничества в сфере образования на примере взаимодействия МГЛУ и УВО КНР позволяет сделать следующие выводы.

МГЛУ одним из первых приступил к налаживанию взаимодействия с китайскими университетами. Важными условиями успешного развития двустороннего сотрудничества стало участие МГЛУ в разработке договорно-правовой базы на всех этапах взаимодействия двух стран в сфере образования, что способствовало повышению степени интеграции образовательных систем РБ и КНР.

Сотрудничество МГЛУ и УВО КНР развивалось достаточно динамично, при этом наращивались как его количественные, так и качественные параметры.

Образовательные связи МГЛУ и китайских университетов развивались по следующим направлениям: расширение и наращивание двустороннего межвузовского сотрудничества в целях совместной подготовки кадров и реализации совместных учебных программ (открытие Института Конфуция, подготовка по специальности «Белорусский язык как иностранный» и т.п.); открытие и поддержка Центров изучения Беларуси при университетах КНР; участие представителей университета в составе делегаций Министерства образования и вузов республики на крупных мероприятиях и в крупных международных выставках.

Значительный импульс расширению и углублению образовательных связей в новых направлениях дало участие МГЛУ в комплексе мероприятий Года образования Беларуси в Китае в 2019 г.

Эффективной формой развития двусторонних связей в области образования явилось сотрудничество в кластере с лингвистическими университетами КНР, что позволило качественно и детально усилить степень межвузовского взаимодействия.

Отмечая реальные успехи и достижения в развитии образовательного взаимодействия МГЛУ с китайскими УВО, следует подчеркнуть, что не всегда рост количественных показателей данного сотрудничества подкреплялся последующей целенаправленной работой сторон. Сотрудничество с отдельными китайскими университетами начиналось и практически завершалось подписанием соответствующего протокола или меморандума об установлении дружественных связей и в дальнейшем не имело продолжения.

Вместе с тем, следует отметить, что активная и системная работа МГЛУ по развитию сотрудничества в сфере образования между Беларусью и Китаем способствовало признанию МГЛУ в качестве надежного партнера для взаимодействия среди УВО КНР, в результате чего китайские университеты нелингвистического профиля рассматривают возможности заключения договоров о сотрудничестве с университетом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь и Китай подписали соглашение о создании ассоциации университетов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: belta.by/society/view/belarus-i-kitaj-podpisali-soglasenie-o-sozdanii-assotsiatsii-universitetov-600861-2023/. – Дата доступа: 19.02.2024.
2. Белорусско-китайское сотрудничество в образовательной сфере динамично развивается – Карпенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belta.by/society/view/belorus->

sko-kitajskoe-sotrudnichestvo-v-obrazovatelnoj-sfere-dinamichno-razvivaetsja-karpenko-3792-49-2020/. – Дата доступа: 19.02.2024.

3. В сфере образования Беларуси и Китая сформирован колоссальный потенциал для развития двустороннего взаимовыгодного сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: edu.gov.by/news/v-sfere-obrazovaniya-belarusi-i-kitaya-sformirovan-kolossalnyy-potentsial-dlya-razvitiya-dvustoronne. – Дата доступа: 19.02.2024.
4. Комиссия по сотрудничеству в области образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: belaruschina.by/ru/committee-1586/-1588.html. – Дата доступа: 19.02.2024.
5. Маскевич: открытие института Конфуция в МГЛУ – важный шаг навстречу дружбе Беларуси и Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: belta.by/society/view/maskevich-otkrytie-instituta-konfutsija-v-mglu-vazhnyj-shag-navstrechu-druzhbe-belarusi-i-kitaja-119927-2011. – Дата доступа: 19.02.2024.
6. *Мацель, В. М.* Развитие белорусско-китайских отношений в сфере образования (на примере сотрудничества с регионами Восточного Китая) / В.М. Мацель // Журнал международного права и международных отношений. – 2020. – № 3-4 (94-95). С. 22–33.
7. Сотрудничество в сфере образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/humanitarian/education>. – Дата доступа: 19.02.2024.
8. Центры изучения Беларуси в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: china.mfa.gov.by/ru/bilateral/humanitarian/education/centrs. – Дата доступа: 19.02.2024.

Информация об авторе:

Олейник Сергей Евгеньевич – декан факультета китайского языка и культуры УО «Минский государственный лингвистический университет», кандидат филологических наук, доцент, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 327

**К. И. ТКАЧУК
С. Ф. СВИЛАС**

КИТАЙСКИЙ ВЕКТОР ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ БРАЗИЛИИ

Статья содержит анализ истории, институтов, форм и направлений публичной дипломатии Бразилии на китайском векторе. Отмечается растущая популярность бразильской культуры и активное сотрудничество в области кино, рассмотрена деятельность бразильских компаний и диаспоры. Подчеркнуто, что с 2012 г. публичная дипломатия реализуется в условиях всеобъемлющего стратегического партнерства Бразилии и Пекина, имеет значительный потенциал и способствует достижению внешнеполитических целей обоих государств.

Ключевые слова: Китай, Бразилия, португальский язык, футбол, капоэйра, самба, бразильские компании, Бразильский банк.

**K. I. TKACHUK
S. F. SVILAS**

THE CHINESE VECTOR OF BRAZIL'S PUBLIC DIPLOMACY

The article analyses the history, institutions, forms and directions of Brazil's public diplomacy on the Chinese vector. It notes the growing popularity of Brazilian culture and active cooperation in the field of cinema, examines the activities of Brazilian companies and the diaspora. It is emphasized that since 2012, public diplomacy has been implemented in the context of a comprehensive strategic partnership between Brasilia and Beijing, has significant potential and contributes to the foreign policy goals of both states.

Keywords: China, Brazil, Portuguese, football, capoeira, samba, Brazilian companies, Brazilian Bank.

15 августа 1974 года Китай и Бразилия установили дипломатические отношения, но в течение первых десяти лет после этого события обе страны

были практически изолированы друг от друга, имея минимальные контакты и знания о друг друге. Ситуация начала меняться в 1984 г., когда президент Бразилии Жоан Фигейредо совершил исторический визит в Китай, что открыло новую главу в двухсторонних отношениях, которые с тех пор становились все более тесными [10].

В 2012 г. Бразилиа и Пекин констатировали достижение всеобъемлющего стратегического партнерства, в рамках которого было создано несколько институциональных механизмов, включая Китайско-бразильскую комиссию по консультациям и сотрудничеству на высоком уровне (COSBAN) [6].

Язык как инструмент общения, носитель идей и проводник двусторонних контактов стал неотъемлемым компонентом обмена между Китаем и Бразилией. Основными направлениями языкового сотрудничества между двумя странами являются преподавание языка и языковое тестирование. За преподавание языков отвечают высшие учебные заведения и агентства по распространению культуры. Португальский язык, как один из самых распространенных языков в мире, привлекает внимание студентов и ученых. Первый курс португальского в Китае был открыт в 1960 г. в Пекинском институте радиовещания, который теперь известен как Университет связи Китая [3].

Пекинский университет языка и культуры, где уже десять лет существует отделение португальского языка, является одним из лидеров в области его преподавания. С 2008 г. португальский язык преподается в университете портового города Далянь (провинция Ляонин), а также в Шанхае, Гуанчжоу и Макао – бывшей португальской колонии, которая в 1999 г. была возвращена Китаю и всегда активно распространяла язык и культуру Португалии [3].

По мере того, как отношения между Китаем и Бразилией становятся все более тесными, растет и интерес обоих народов к изучению культуры страны-партнера. В ответ на эту потребность, тематическое образование стало важным инструментом для развития взаимопонимания между странами. Оно часто поддерживается частным сектором и, хотя не является институциональным и систематическим, отличается разнообразием. Самым популярным компонентом тематического образования является футбол, который стал символом культурного обмена между двумя странами.

Бразилия с ее давними и успешными традициями в этой области имеет полную систему подготовки игроков и может удовлетворить потребности китайской стороны во внедрении этого вида спорта в школах. Основываясь на взаимодополняемости, обе стороны заключили следующие соглашения о сотрудничестве: Китайская футбольная ассоциация и Бразильская конфедерация футбола подписали меморандум о взаимопонимании (2017 г.) с целью углубления сотрудничества по подготовке тренеров; Университет Тунцзи и клуб «Сантос ду Бразил» подписали рамочное соглашение о сотрудничестве (2018 г.) с целью развития преподавания футбола в школах; средняя школа Линьцзян (г. Линьхай провинции Чжэцзян) и футбольная школа «Высший мост» (штат Сан-Паулу) достигли консенсуса в установлении партнерских отношений и создании совместной футбольной школы. Несколько школ практиковали контракты с преподавателями футбола бразильской национальности [8].

Такое сотрудничество не только способствует развитию футбола в Китае, но и укрепляет культурные связи между двумя странами, расширяя понимание и уважение культурных различий и сходств. Это, в свою очередь, способствует укреплению дипломатических отношений и, в конечном итоге, представляет важный шаг на пути строительства сообщества единой судьбы человечества. Бразильская и китайская культуры находятся на большом расстоянии друг от друга, однако имеют уникальные связи и взаимное влияние. Карнавал, самба и футбол находят отклик в Китае – стране с богатой историей и традициями.

Будучи двумя крупнейшими развивающимися экономиками и членами БРИКС, Китай и Бразилия поддерживают растущие отношения в различных сферах. Тем не менее, они ещё не достигли значительных успехов в области культурного обмена, оба народа мало знают друг о друге. В 2007 г. в Пекине была создана некоммерческая организация BRAPEQ (Brasileiros em Beijing). Ее цель – содействие интеграции бразильской общины в Пекине и популяризация бразильской культуры с помощью мероприятий, семинаров и лекций [7]. Согласно опросу, проведенному бразильским МИД в 2021 году, в Китае проживало более 10 тыс. бразильцев, большинство из них были сосредоточены в городах Кантон (2500 человек), Шанхай (2083 человек) и Гонконг (700 человек). Однако по данным на 2022 год, численность бразильской диаспоры сократилось до 5940 человек [9]. Это можно объяснить рядом факторов. Во-первых, замедлением экономического роста в Китае, связанным с глубокими преобразованиями в экономике страны, что могло повлиять на возможности трудоустройства и привлекательность Китая для бразильцев. Во-вторых, сокращением бразильского экспорта в Китай на 11,2% в 2022 году из-за блокировки производства в этой азиатской стране. В-третьих, сопутствующими пандемии ограничениями.

В Китае бразильская культура представлена в различных формах. 10 мая 2010 года в Пекине прошел День бразильской культуры, организованный группой Pau-Brasil – некоммерческой гражданской организацией, цель которой – продвижение бразильской культуры в Китае. На мероприятии были показаны выступления капоэйры и самбы. «Мы стараемся привлечь больше китайцев к знакомству с бразильской культурой. У нас есть самба, боссанова, опера, сериалы, фильмы и многое другое. Китайцы все еще не очень хорошо знакомы с бразильской культурой. У нас еще много возможностей для культурного сотрудничества между Китаем и Бразилией», – отметила Лигия Лю, директор организации Brapreq [5]. Благодаря усилиям организаций, таких как BRAPEQ и Pau-Brasil, бразильская культура продолжает проникать в китайское общество, укрепляя связи и взаимопонимание между двумя странами, служит мощным инструментом дипломатии и сближения народов.

Бразильский кинематограф, известный своими яркими и эмоциональными фильмами, находит все больше поклонников в Китае. Это неудивительно, ведь он славится своей уникальностью и разнообразием, представляет синтез различных культур, что делает его особенно привлекательным для китайской аудитории, которая ценит культурное разнообразие и новые перспективы.

В феврале 2017 года состоялась встреча министра культуры Бразилии Жоау Батишты де Андраде и заместителя министра культуры Китая Яна Чжицинью, на которой обсуждались вопросы расширения двустороннего культурного сотрудничества (экономика культуры, литература, музейный обмен). Участники отметили популярность в Китае бразильских сериалов и перспективы сотрудничества в области кинематографии и кинопроката [2]. В том же году было подписано соглашение о совместном кинопроизводстве, по которому такие фильмы получили доступ к механизмам государственного финансирования в обеих странах [1].

Одним из успешных результатов сотрудничества стали показы бразильского художественного фильма «Низе – сердце безумия» (режиссера Роберто Берлинер) в 600 китайских кинотеатрах. В 2017 г. фильм получил премию «Панда» на II кинофестивале БРИКС в Чэнду и был выбран для открытия Недели бразильского кино в Пекине, организованной Китайским киноархивом. Фильм основан на реальных событиях, происходивших в 1944 г. в пригороде Рио-де-Жанейро, и посвящен бразильскому психиатру Низе да Сильвейра, которая изменила представления о психиатрическом лечении [1]. В ноябре 2019 года China Media Group (CMG), крупнейшая коммуникационная группа в Китае, подписала меморандум о сотрудничестве с бразильской конгломератной корпорацией Grupo Globo в Рио-де-Жанейро, предусматривающий сотрудничество в области кино, телевидения, спорта, развлечений, 5G и других областях. Соглашение включает обмен фильмами и телевизионными программами, а также продвижение бразильских кинофестивалей в Китае и китайских кинофестивалей в Бразилии [1].

В последние годы фестивали бразильского кино набирают все большую популярность в Китае, что является ярким свидетельством растущего интереса к бразильской культуре и искусству. В 2022 г. фестиваль успешно прошел в таких городах как Пекин, Шанхай, Шэньчжэнь, Гуанчжоу, Куньмин, Ханчжоу, Нинбо и Чэнду [12]. Он был организован посольством Бразилии в Китае и кинотеатром Broadway Cinematheque MOMA с целью создания уникального окна в культурное и ландшафтное разнообразие этой латиноамериканской страны и охватывал различные темы, жанры и кинематографические языки, созданные настоящими профессионалами из разных штатов. Фестиваль предоставил возможность для обмена опытом между бразильскими и китайскими кинематографистами, что способствовало дальнейшему развитию киноиндустрии в обеих странах, стимулировало культурный обмен и укрепило бразильско-китайские дипломатические связи.

В эпоху глобализации и экономической интеграции, бразильские компании активно ищут новые рынки для расширения своего бизнеса. Один из таких рынков – Китай, вторая по величине экономика мира. «Embraco», которая специализируется на системах охлаждения и является мировым лидером на рынке герметичных компрессоров, стала одной из первых бразильских компаний в Китае, открывших совместное предприятие (со «Snowflake», 1995 год, Пекин). Следом за «Embraco» в Китае начали работу и другие бразильские компании. «Embraer», например, открыла офис в Пекине в 2000 го-

ду и заключила договор о создании совместного предприятия с двумя местными компаниями, контролируемые государственным гигантом China Aviation Industry Corporation. На заводе в Харбине «Embraer» собирала региональные и частные самолеты, но контракт был аннулирован в ходе переговоров с Boeing. После провала этих переговоров компания рассматривает возможность возобновления деятельности в Китае [11].

Текстильная компания «Vicunha» открыла свой первый филиал в Шанхае в 2005 году. В следующем году «Vale» создала совместное предприятие с китайской компанией «Zhuhai YPM» для строительства установки по производству окатышей, а в 2020 году объявила о создании еще одного совместного предприятия, уже с «Ningbo Zhoushan Port», для строительства и эксплуатации проекта «West III» в порту Шуланху (провинция Чжэцзян) [14].

30 мая 2014 года Banco do Brasil вошел в историю, став первым бразильским банком, открывшим отделение в Китае, крупнейшем торговом партнере Бразилии. Это событие стало результатом десятилетнего присутствия банка в стране, начавшегося с открытия представительства в 2004 г. и завершившегося преобразованием его в полноценный филиал спустя десять лет [4]. Основная цель Banco do Brasil заключается в обслуживании бразильских компаний, работающих в Китае, а также китайских компаний в Бразилии. Банк стремится развивать партнерские отношения не только с клиентами, но и с местными банками для обеспечения наиболее эффективного и взаимовыгодного сотрудничества.

Выбор Шанхая для открытия филиала неслучаен: там расположены офисы крупнейших транснациональных корпораций. Учитывая особенности этого китайского региона, филиал Banco do Brasil стал важным ориентиром для компаний, ведущих бизнес с Бразилией и ищущих финансовые решения для своих нужд. Филиал Banco do Brasil предлагает широкий спектр услуг, включая торговое финансирование, ведение текущих счетов, обмен валюты, консультационные услуги, предоставление гарантий, кредитование и финансирование для юридических лиц. Это делает его незаменимым инструментом для компаний, стремящихся расширить свое присутствие на мировом финансовом рынке [13].

Бразильские компании продолжают укреплять свое присутствие на китайском рынке, адаптируясь к его особенностям и используя возможности, которые он предлагает, демонстрируют свою конкурентоспособность. Это свидетельствует о стратегическом значении Китая для бразильского бизнеса и подчеркивает потенциал бразильских компаний в дальнейшем развитии китайской экономики. Банк Banco do Brasil играет важную роль в этом процессе, обслуживая их в Китае и предлагая широкий спектр финансовых услуг. Это подчеркивает значимость Китая как стратегического партнера для бразильского бизнеса в эпоху глобализации. В перспективе следует ожидать дальнейшего углубления этих связей, поскольку бразильские компании продолжают искать новые возможности для роста и развития на китайском рынке.

С момента установления дипломатических отношений в 1974 г., Китай и Бразилия прошли долгий путь в развитии своих двусторонних связей, от ред-

ких контактов до формирования всеобъемлющего стратегического партнерства, продемонстрировали значительный прогресс в области образования, культуры и экономики. Язык и культура стали мостами, соединяющими две страны, в то время как сотрудничество в области футбола и кино – символом культурного обмена. Несмотря на некоторое сокращение числа бразильцев, проживающих в Китае, интерес к бразильской культуре и искусству продолжает расти, как показывает успех фестивалей бразильского кино. В эпоху глобализации бразильские компании активно ищут новые возможности для расширения своего бизнеса в Китае, что подчеркивает важность и прагматизм этих двусторонних отношений. В целом, Китай и Бразилия продолжают укреплять свои связи, стремясь к дальнейшему сотрудничеству и взаимопониманию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ткачук, К. И.* О некоторых аспектах взаимодействия между Бразилией и Китаем в духовной и социальной сферах / К. И. Ткачук, С. Ф. Свилас // Пути Поднебесной : сб. науч. тр. редкол. : А. Н. Гордей (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2022. – Вып. IX – С. 254–257.
2. *Ткачук, К. И.* Aspectos da interação entre Brasil e China nas esferas espiritual e social / К. И. Ткачук // Иностранные языки и современный мир : сб. материалов междунар. науч. конф. студентов, Брест, 15 апр. 2022 г. / Брест. гос. ун-т. имени А. С. Пушкина ; редкол.: Л. М. Максимук, [и др.]. – Брест : БрГУ, 2022. – С. 353–356.
3. A China quer aprender português [Recurso Eletrônico] // Amanhã. – Modo de acesso: <https://amanha.com.br/categoria/mundo/a-china-quer-aprender-portugues>. – Data de acesso: 18.02.2024.
4. Banco do Brasil inaugura 1ª agência na China [Recurso Eletrônico] // G1. – Modo de acesso: <https://g1.globo.com/economia/negocios/noticia/2014/05/banco-do-brasil-inaugura-1-agencia-na-china.html>. – Data de acesso: 18.02.2024.
5. Beijing tem Dia da Cultura Brasileira [Recurso Eletrônico] // Embaixada da República Popular da China no Brasil. – Modo de acesso: http://br.china-embassy.gov.cn/por/whjy/201005/t20100510_4466854.htm. – Data de acesso: 18.02.2024.
6. China e Brasil concordam em impulsionar sua parceria estratégica [Recurso Eletrônico] // Embaixada da República Popular da China no Brasil. – Modo de acesso: http://br.china-embassy.gov.cn/por/zbqx/201202/t20120215_4348989.htm. – Data de acesso: 18.02.2024.
7. Comunidade brasileira na China mostra aos chineses um Brasil além de futebol e samba [Recurso Eletrônico] // Embaixada da República Popular da China no Brasil. – Modo de acesso: http://br.china-embassy.gov.cn/por/whjy/201111/t20111121_4466888.htm. – Data de acesso: 18.02.2024.
8. Cooperação educacional China-Brasil: situação atual, desafios e perspectivas [Recurso Eletrônico] // Walter de Gruyter. – Modo de acesso: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/sai-2022-0018/html>. – Data de acesso: 18.02.2024.
9. Diáspora brasileira [Recurso Eletrônico] // Wikipedia. – Modo de acesso: https://pt.wikipedia.org/wiki/Diáspora_brasileira. – Data de acesso: 18.02.2024.
10. Embaixada Pequim [Recurso Eletrônico] // Governo do Brasil. – Modo de acesso: <https://www.gov.br/mre/pt-br/embaixada-pequim/a-embaixada>. – Data de acesso: 18.02.2024.
11. Empresas brasileiras conquistam mercado chinês além do agronegócio [Recurso Eletrônico] // Exame. – Modo de acesso: <https://exame.com/negocios/empresas-brasileiras-conquistam-mercado-chines-alem-do-agronegocio/>. – Data de acesso: 18.02.2024.
12. Festival de Filmes Brasileiro chega em Beijing após Festival da Primavera de 2022 [Recurso Eletrônico] // Ibrachina. – Modo de acesso: <https://www.ibrachina.com.br/festival-de-filmes-brasileiro-chega-em-beijing-apos-festival-da-primavera-de-2022/>. – Data de acesso: 18.02.2024.
13. O Banco do Brasil na China [Recurso Eletrônico] // Banco do Brasil. – Modo de acesso: <https://www.bb.com.br/pbb/pagina-inicial/atendimento/bb-no-mundo/banco-do-brasil-na-china/#/>. – Data de acesso: 18.02.2024.

14. Vale do Rio Doce fecha primeira parceria na China [Recurso Eletrônico] // Exame. – Modo de acesso: <https://exame.com/negocios/vale-do-rio-doce-fecha-primeira-parceria-na-china-m0112758/>. – Data de acesso: 18.02.2024.

Информация об авторах:

Ткачук Карина Ивановна – студент факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

Свилас Светлана Францевна – профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, доктор исторических наук, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 327

**А. В. ТРАДЧИК
С. Ф. СВИЛАС**

КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА В ИСПАНИИ

В статье содержится краткий анализ жизни китайской диаспоры в Испании. Рассмотрено влияние китайского населения на экономику, социокультурную среду и межэтнические отношения в этой стране. Выделены особенности миграционных потоков китайцев в Испанию, показан процесс их интеграция в общество посредством бизнеса и торговли. Подчеркнута роль диаспоры в сохранении культурной идентичности хуацяо.

Ключевые слова: диаспора, Китай, Испания, национальная идентичность, коммерческая деятельность, концентрация бизнеса, китайские предприятия.

**A. V. TRADCHIK
S. F. SVILAS**

CHINESE DIASPORA IN SPAIN

This article is devoted to the study of the Chinese diaspora in Spain, considering its impact on the economy, sociocultural environment and interethnic relations in the country. The article analyzes the characteristics of the migration flows of Chinese to Spain, their integration into society, participation in business and trade, as well as the preservation of cultural identity.

Keywords: diaspora, China, Spain, national identity, commercial activity, business concentration, Chinese enterprises.

Китайское присутствие в Испании имеет более чем вековую историю, хотя заметным оно стало относительно недавно и совпадает со значительным общим увеличением иностранного населения в Испании, особенно с начала XXI века. 10,3% из 47 миллионов жителей Испании – иностранцы. Китайцы являются седьмой по численности диаспорой с наибольшим количеством разрешений на жительство в Испании: 228 564 человека. Прибытие и расселение китайцев на испанской территории было тесно связано с характерной динамикой движения китайской диаспоры, которая с середины XIX века начала обосновываться на всех континентах мира. Испания долгое время являлась для китайских поселений пространством, полным возможностей для процветания, которое укрепилось в 1986 году, после вступления страны в Европейское экономическое сообщество (ныне Европейский Союз) [2].

Первыми китайцами в Испании, о которых имеются сведения, если не считать непостоянных визитов торговцев и китайцев, проживавших в испанской колонии на Филиппинах, были немногочисленные бывшие заключен-

ные, приехавшие с Кубы и отбывавшие наказание в тюрьмах Сеуты и Мелильи, и с 1876 г. оставшиеся жить в Испании [1]. Со второй волной иммиграции в Испанию прибыли торговцы с юга провинции Чжэцзян, которые гастролировали по Европе от Москвы до Лиссабона в 1920-х и 1930-х годах. К этой волне также можно отнести несколько китайских цирков, которые основали свою европейскую базу в Мадриде и китайских добровольцев в составе интернациональных республиканских бригад во время Гражданской войны в Испании. Третий же этап расселения китайцев характеризуется установлением дипломатических отношений с Тайванем (1954-1973 гг.), с последующим прибытием оттуда студентов, некоторые из которых остались проживать в Испании на постоянной основе.

подавляющее большинство китайцев начали прибывать в страну в 1980-х годах. 1986 год стал решающим для превращения Испании в привлекательное место для китайской диаспоры. Именно это время характеризуется масштабным прибытием в Испанию китайцев, которые обосновались и открыли дочерние компании своих предприятий (ресторанов китайской кухни) в регионах Испании, воспользовавшись благоприятной конъюнктурой, обусловленной развитием международного туризма (в первую очередь, это Малага, Канарские острова, Балеарские острова, Аликанте и Валенсия). Хотя в основном китайцы прибывали из Европы, их происхождение можно проследить до Гонконга (и соседней провинции Гуандун) и до юга провинции Чжэцзян [5, с. 62]. Постепенно они прибывают напрямую из Китая, когда испанская база китайцев-европейцев консолидировалась и уровень жизни в стране повысился с последующими изменениями в пищевых привычках, среди которых появилось питание вне дома. Китайские рестораны предлагали дешевое и «экзотическое» меню, а их рассредоточение по территории Испании было лишь вопросом времени, так что к середине 1990-х годов они уже присутствовали во всех уголках испанского королевства.

Пятая фаза расселения китайцев приходится на рубеж XX и XXI столетий. Её основными характеристиками являются значительное увеличение числа переселенцев, отчасти благодаря реализации различных процессов регуляризации (воссоединение семей, прямой найм на работу по происхождению и по рождению в Испании). В это время разнородность происхождения китайцев в королевстве увеличилась. Испания является единственной страной в мире, где большая часть китайской общины (около 70%) происходит из района Цинтян, расположенного на юге провинции Чжэцзян, а также из соседних регионов, однако в последние годы наблюдается приезд китайцев из провинции Фуцзянь, а также из провинций Северо-Восточного Китая (Маньчжурии): Цилинь, Ляонин и Хэйлуцзян. Кроме традиционной концентрации в сфере услуг, увеличивалось и внедрение китайских граждан в производственные секторы (строительство, промышленность). Отметим также, что число китайских студентов, приезжающих получать высшее образование в Испании, как и в других европейских странах, постепенно увеличивается [4].

С самого начала города Мадрид и Барселона составляли фундаментальную основу для поселения китайцев. Автономные сообщества Мадрида и Ка-

талонии в настоящее время объединяют более половины всех китайцев в Испании, за ними следуют Валенсия и Андалусия (около 20% от общего числа), а Канарские острова занимают крайнюю позицию. Китайцы завершили составление карты своего географического расселения по Испании в 1991 году, когда во всех провинциях страны уже проживал хотя бы один китайский житель.

Происходит постоянное увеличение численности китайской диаспоры в Испании (с 4 тысяч жителей в 1990 году до 207 тысяч к 2024 году), при этом они предпочитают жить вместе. Причиной таких людских сосредоточений считаются экономические и трудовые проблемы, связанные с работой в сфере промышленности или же с оптовой коммерческой деятельностью по продаже одежды, обуви, изделий из кожи и подарочных изделий. Еще один тип концентрации бизнеса – это предоставление услуг для китайского сообщества, которые реализуются в центральных районах (например, улица Леганитос в Мадриде), где расположено множество супермаркетов китайской еды, китайских ресторанов быстрого питания или региональной китайской еды, интернет-кафе с китайским программным обеспечением, парикмахерские, автошколы, консультации, клиники китайской и некитайской медицины, языковые академии, туристические агентства и т.д. [3].

В каждом случае концентрация бизнеса подчиняется разной динамике. Один из примеров – классическая профсоюзная стратегия группировки магазинов определенного типа на одной территории. В Барселоне и Аликанте расположение оптовых торговцев китайской одеждой совпадает с местами, где раньше эта торговля уже существовала, но находилась в руках коренных испанцев. Прибытие китайцев означало этнические изменения, но не радикальное преобразование городского пространства. Тем не менее, в Лавапьес (Мадрид), а также в районе автовокзала Аликанте гражданские активисты и городской совет предприняли ряд действий с целью ограничить расширение коммерческой деятельности китайского населения. Это спровоцировало серию конфликтов, которые остаются открытыми: китайская община публично защищает свои интересы, вплоть до проведения демонстраций на улицах Мадрида. Самый серьезный случай сопротивления экономической деятельности китайцев в Испании произошел в сентябре 2004 года в промышленной зоне Эль-Каррус-де-Эльче, где протестующие обвинили китайских торговцев обувью в кризисе района, традиционно предназначенного для испанцев, подожгли склады и грузовой транспорт при бездействии полиции [1].

Параллельная стратегия географического рассредоточения обусловлена также экономическими причинами. Рестораны китайской кухни, которые в течение долгого времени были символом сферы услуг, в которой было занято большинство китайского населения, требовали разумного разделения предприятий для получения собственной клиентуры и обеспечения достаточной прибыльности, что и привело к первой географической экспансии вокруг китайских ресторанов, которая завершилась в середине 1990-х годов. Постоянный приток новых членов в сообщество, а также наличие капитала для открытия новых предприятий вызвали второе расширение диаспоры, но на этот раз вокруг базаров или сувенирных магазинов, которые к 2005 году появились во всех уголках Испании.

Одновременно происходит расширение диаспоры за счет внедрения китайцев в другие сектора экономики; в текстильной промышленности, производстве одежды и строительстве они были обнаружены с середины 1990-х годов. Кроме того, перенос баров, кафе и ресторанов в другие районы без изменения их традиционного предложения является еще одной тенденцией, вызывающей расселение китайцев по территории Испании. Процессы рассредоточения и концентрации китайского населения происходят одновременно. Вместе с тем, концентрация китайского населения в испанских городах, за некоторыми исключениями, незначительна [8, с. 35].

Китайская диаспора в Испании отличается от остальных групп иностранцев высоким процентом членов, которые зарегистрированы в системе социального обеспечения как «самозанятые». И хотя эти данные не являются точными для определения количества фактически существующих китайских предпринимателей, этот показатель указывает на явление, которое можно наблюдать все чаще – появление большого количества новых китайских предприятий по всей Испании. Многие китайские мигранты прибывают в Испанию без экономического капитала. Сверхурочная работа, сокращение расходов до минимума, применение бережливости и потребление только самого необходимого в течение нескольких лет позволяет экономить капитал, который, даже если его недостаточно, может заложить основу для открытия бизнеса с другими членами диаспоры, которые прошли тот же опыт работы и сбережений.

Среди китайской диаспоры существует иерархия видов деятельности. Компании с наименьшим престижем и начальным капиталом – это швейные мастерские. Работа в швейном производстве всегда временная, а текучесть рабочей силы в отрасли постоянна. Эта деятельность, характеризующаяся большой мобильностью рабочей силы, предшествует открытию другого типа бизнеса, пользующегося признанием в обществе. Далее – базары и сувенирные магазины, которые требуют немного больше капитала, и, наконец, сектор, который традиционно считается более престижным, – рестораны китайской кухни. В настоящее время импортно-экспортные компании предполагают наибольшие инвестиции и, следовательно, составляют экономическую элиту китайского сообщества. Также необходимо отметить, что не все китайцы являются предпринимателями, большинство из них – это наемные работники в сфере услуг, промышленности и строительстве [6, с. 109].

Отметим наличие христианских церквей, которые проводят службы на китайском языке. Примерно 15% китайцев в Испании – это христиане, принадлежащие к разным конгрегациям, созданным в Китае, то есть они были христианами до приезда в Испанию. Воскресные собрания в их религиозных центрах становятся важными местами социальной адаптации, для встреч и обмена информацией. Эти центры способствуют социальной сплоченности и взаимопомощи.

Одной из основных функций первых китайских сообществ, появившихся в Испании, было создание и управление школами китайского языка и культуры, предназначенными для обучения чтению и письму на китайском языке де-

тей, родившихся в Испании или прибывших в Испанию для воссоединения семьи до получения образования в Китае. Эти школы работают после уроков, обычно по субботам, являются частной инициативой и оцениваются как привилегированные центры социальной артикуляции коллектива [7, с. 74].

Описанная выше модель жизни китайского гражданина в Испании в основном соответствует жителям, происходящим с юга провинции Чжэцзян, которые составляют большинство китайцев в Испании. Они родом из традиционно бедной сельской местности с относительно низким уровнем образования по сравнению с жителями крупных городов (Шанхай или Пекина), отличаются от нынешнего потока мигрантов из Северо-Восточного Китая (их ожидания не заключаются в приобретении бизнеса и владении им, а ограничиваются получением оплачиваемой работы). Наконец, у сегмента студентов и аспирантов есть и другие перспективы, отличающие их от большинства диаспоры.

Таким образом, исследование китайской диаспоры в Испании позволяет понять сложные взаимоотношения между этническими группами, культурными традициями и экономическими реалиями. Китайцы, проживающие в Испании, играют значительную роль в экономической жизни страны, внося свой вклад в различные сферы бизнеса и торговли. В то же время они сталкиваются с вызовами интеграции в новое общество и сохранением своей культурной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатов, А. С. Мировая экономика и международные отношения / А. С. Булатов // Интеллектуальная система тематического исследования наукометрических данных. – 2017. – С. 745–779.
2. Вишневский, А. Г. Глобальные демографические процессы в XX — начале XXI века / А. Г. Вишневский, Р. В. Дмитриев // География мирового развития. – 2016. – № 3. – С. 197–229.
3. Касаткин, П. И. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС / П. И. Касаткин, Н. В. Ивкина // Сравнительная политика. – 2018. – № 1. – С. 26–36.
4. Кондратьева, Т. С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия [Электронный ресурс] / Т. С. Кондратьева // Фонд исторической перспективы. – Режим доступа: https://www.perspektivy.info/book/diaspory_v_sovremennom_mire_evolicija_javlenija_i_ponatiya_2010-02-27.htm. – Дата доступа: 21.02.2024
5. Коробков, А. В. Крупнейшие миграционные системы мира: общие тренды и различия / А. В. Коробков // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы. – 2016. – С. 313–327.
6. Кузнецова, Т. Ю. Демография с основами этнографии / Т. Ю. Кузнецова // Демографический ресурсный центр. – 2012. – С. 94–152.
7. Ларин, А. Г. Китай и зарубежные китайцы / А. Г. Ларин // Институт Дальнего Востока. – 2008. – С. 32–46.
8. Полоскова, Т. В. Современные диаспоры: внутривосточные и международные аспекты / Т. В. Полоскова // Научная книга. – 2002. – С. 253 – 264.

Информация об авторах:

Традчик Анастасия Витальевна – студент факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

Свилас Светлана Францевна – профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, доктор исторических наук, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 008(510:581) «2001/2024»

ХЭ БИЦЗЮАНЬ

КИТАЙСКО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ (2001-2024 ГГ.)

В статье определены предпосылки и основные направления развития взаимодействия Китая и Афганистана в культурной сфере. Автор отмечает, что взаимодействие Китая и Афганистана в культурной сфере содействует всестороннему восстановлению Афганистана, повышению стабильности афганского общества, а также играет определенную роль в экономическом развитии страны.

Ключевые слова: сотрудничество в культурной сфере; КНР; Афганистан; защита культурного наследия ; китайско-афганские отношения.

HE BIJUAN

CHINESE-AFGHAN RELATIONS IN THE CULTURAL SPHERE (2001-2024)

The article defines the prerequisites and main directions of development of interaction between China and Afghanistan in the cultural sphere. The author notes that interaction between China and Afghanistan in the cultural sphere contributes to the comprehensive restoration of Afghanistan, increasing the stability of Afghan society, and also plays a certain role in the economic development of the country.

Keywords: cultural cooperation; China; Afghanistan; protection of cultural heritage; Chinese-Afghan relations.

Китай и Афганистан являются странами с древней историей и культурой. Гуманитарные обмены между двумя странами были очень тесными со времен существования древнего Шелкового пути. В этом отношении есть много ярких примеров. Статуи Будды в Бамианской долине Афганистана оказали глубокое влияние на китайскую буддийскую скульптуру. Великие последователи китайского буддизма, такие как Фасянь и Сюаньцзан, путешествовали по Афганистану и оставили ценные письменные свидетельства о нем. Благодаря древнему Шелковому пути мир узнал и Китай, и Афганистан.

После создания временного правительства Афганистана в 2001 г. страна начала восстановление гуманитарных связей с внешним миром. В то же время, по мере роста экономического и политического влияния Китая, руководство КНР стало подчеркивать важность культурной дипломатии как средства усиления «мягкой силы» страны [8]. В 2013 г. Китай предложил инициативу «Один пояс – один путь», которая по аналогии с древним Шелковым путем вновь предоставила платформу для активизации культурного сотрудничества между странами. Будучи важной древней цивилизацией на Шелковом пути, Афганистан не только обладает объектами всемирного культурного наследия, такими как культурный ландшафт Бамиана и минарет Джам, но также хранит огромное количество древних культурных реликвий, которые демонстрируют взаимообмен между восточной и западной цивилизациями. Однако

в Афганистане защита культурного наследия сталкивается с серьезными угрозами со стороны участников военных действий и террористических групп. С одной стороны, афганские культурные реликвии являются общим культурным наследием всего человечества, и их защита имеет важное гуманитарное значение. Китай в качестве ответственной державы обязан участвовать в этом процессе. С другой стороны, приверженность Китая защите культурных реликвий в Афганистане и принципам мирного восстановления соседней страны также соответствует интересам его собственной безопасности.

В культурной сфере Китай и Афганистан осуществляют широкое сотрудничество по направлению защиты культурного наследия. Еще в 2006 г. в ходе визита президента ИРА Х. Карзая в Китай, стороны подписали «Меморандум о сохранении и защите культурного наследия между Государственным управлением культурного наследия КНР и Министерством информации и культуры ИРА». Этот документ устанавливал механизм регулярной связи между органами культурного наследия двух стран и способствует обменам и сотрудничеству в области культурного наследия [10]. Впоследствии «Меморандум» по обоюдному согласию был продлен в 2012 г. [2].

В рамках инициативы «Один пояс – один путь» Китай активно поддерживает защиту культурного наследия Афганистана. С 2006 г. серия культурных реликвий Национального музея Афганистана, демонстрировалось в различных странах мира, а в 2017 г. собрание прибыло в Китай. После выставки во Дворце-музее в Пекине, эти сокровища изначально планировалось доставить в США, однако американская сторона отменила выставку. Из-за нестабильной ситуации в Афганистане Китай решил продолжить защиту культурных реликвий Национального музея Афганистана посредством организации передвижной выставки на территории Китая. С 2017 по 2020 гг. коллекция была продемонстрирована во многих районах Китая, вызвав повышенный интерес китайцев к афганской культуре и став одним из важных символов послевоенного культурного возрождения Афганистана. Главный хранитель Национального музея Афганистана Айнуддин Сайдакат заявил, что передвижная выставка афганских культурных реликвий в Китае является «свидетельством китайско-афганской дружбы» [5].

В 2015 г. группа ученых из Китая использовала технологии архитектурной проекции, чтобы успешно восстановить игру света и тени бамианского Будды «Сесар» высотой 53 метра в Афганистане. Таким особым образом было выражено восхищение древними цивилизациями мира и продемонстрирована глубокая дружба китайского народа с Афганистаном [7].

Как страна с наиболее богатым культурным наследием в Азии, Китай всегда был активным сторонником гуманитарных обменов в области культурного наследия. В мае 2019 г. председатель Китая Си Цзиньпин впервые предложил инициативу по защите азиатского культурного наследия, продемонстрировав международную ответственность Китая в данном вопросе [4]. В рамках инициативы Китай и Афганистан активизировали обмены и сотрудничество в области защиты культурного наследия.

С 18 по 23 декабря 2019 г. в Урумчи (Синьцзян) успешно прошел Форум культурного наследия Китая, Афганистана и Пакистана [6], а в мае 2021 г.

три государства подписали Совместное заявление о сотрудничестве в рамках «Действий по защите азиатского культурного наследия» [3]. Впервые азиатская страна подписала документ о двустороннем сотрудничестве в рамках «Действий по защите азиатского культурного наследия».

После прихода к власти Талибана в 2021 г. существовали опасения относительно культурного наследия страны. Однако крупномасштабных военных действий и уничтожения культурного наследия практически не последовало. В то же время Китай и Афганистан не сокращали масштабы сотрудничества в сфере защиты культурного наследия. В 2022 г. Фонд сохранения азиатского культурного наследия – Китайский фонд сохранения культурных реликвий – официально запустил международный проект общественного значения «Караульщик Бамиана», направленный на содействие защите достопримечательностей Бамианской долины. Команда проекта объединила экспертов и ученых из Национального музея Афганистана, Кабульского университета, Бамианского университета, Пекинского университета, Фуданьского университета, Шанхайского университета международных исследований и группу волонтеров. По выходным для местных школьников был организован «Урок Наан». Сущность педагогической новации сводилась к следующему: каждый раз, когда дети посещали специальное занятие по защите культурных реликвий, они могли получить местный основной продукт питания наан [9]. «Полевой онлайн-урок» и другие формы обучения были предназначены для молодых специалистов и местных детей, чтобы восполнить недостатки образования в области защиты культурного наследия, а также оказать некоторую срочно необходимую материальную помощь [1].

Защита культурных реликвий является важным аспектом китайско-афганского культурного сотрудничества. С 2001 г. Китай и Афганистан продолжают внедрять инновации в этой области. Китай систематически наращивает свои усилия по данному направлению. Так, инициатива «Действия по защите азиатского культурного наследия» способствовала дальнейшему сотрудничеству между странами в области защиты культурных реликвий. Проект «Караульщик Бамиана» не только популяризировал историческое и культурное образование среди местного населения и детей, но и помог местным жителям решить некоторые проблемы повседневной жизни.

Афганистан имеет богатое историческое и культурное наследие, а действия по защите культурных реликвий помогают его сохранить, чтобы афганский народ мог понять и унаследовать свою собственную историю и культуру. Являясь носителем культуры, реликвии могут укрепить национальную идентичность и социальную сплоченность, помочь афганскому народу найти общую культурную основу и духовную поддержку в беспокойной среде и стать важным фактором социальной стабильности. Защищая и демонстрируя культурные реликвии, улучшая имидж Афганистана и привлекая инвестиции, Китай способствует прогрессу инициативы «Один пояс – один путь» в Афганистане. Кроме того, защита культурных реликвий Афганистана может способствовать развитию культурного туризма и создать новые возможности для экономического развития страны, что соответствует политике Китая по оказанию помощи развивающимся странам.

ЛИТЕРАТУРА

1. “感谢中国朋友！”–中国学者助力阿富汗文物保护 = «Спасибо китайским друзьям!» – китайские ученые помогают защитить афганские культурные реликвии. [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа. – Режим доступа: http://www.news.cn/world/2022-08/11/c_1128908198.htm. – Дата доступа: 14.10.2024.
2. 励小捷在京会见阿富汗信息与文化部部长拉辛一行 = Ли Сяоцзе встретился с министром информации и культуры Афганистана Рахимом. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства КНР. – Режим доступа: https://www.gov.cn/gzdt/2012-06/07/content_2155707.htm. – Дата доступа: 14.10.2024.
3. 亚洲国家首次签署《关于协同开展“亚洲文化遗产保护行动”的联合声明》 = Впервые страны Азии подписали «Совместное заявление о координации действий по защите азиатского культурного наследия». [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства КНР. – Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2021-05/11/content_5605839.htm. – Дата доступа: 14.10.2024.
4. 亚洲国家首次签署《关于协同开展“亚洲文化遗产保护行动”的联合声明》 = 4. Азиатские страны впервые подписали «Совместное заявление о совместном осуществлении действий по защите азиатского культурного наследия». [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства КНР. – Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2021-05/11/content_5605839.htm. – Дата доступа: 14.10.2024.
5. 这才叫国际道义！中国接力守护流浪的阿富汗文物 = Это называется международная мораль! Китай берет на себя защиту странствующих афганских культурных реликвий. [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/world/2019-05/14/c_1210133847.htm. – Дата доступа: 14.10.2024.
6. 中国阿富汗巴基斯坦文化遗产论坛在新疆乌鲁木齐召开 = Форум культурного наследия Китая, Афганистана и Пакистана прошел в Урумчи Синьцзяна. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института исследования китайского культурного наследия. – Режим доступа: <http://www.cach.org.cn/tabid/76/InfoID/2440/frtid/78/Default.aspx>. – Дата доступа: 14.10.2024.
7. 中国高科技使阿富汗巴米扬佛像“重生” = Китайские высокие технологии приносят «возрождение» буддийским статуям в Бамиане, Афганистан. [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/world/2015-07/05/c_127985662.htm. – Дата доступа: 14.10.2024.
8. 中国文化外交：战略、政策和实施 = Культурная дипломатия Китая: стратегия, политика и реализация [Электронный ресурс] // Carnegie Endowment for International Peace. – Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/events/2015/04/chinas-cultural-diplomacy-strategy-policy-and-implementation?lang=zh>. – Дата доступа: 14.10.2024.
9. 中国文物保护基金会“巴米扬守护人”项目启动 = Запущен проект Китайского фонда сохранения культурных реликвий «Караульщик Бамиана». [Электронный ресурс] // China Dairy. – Режим доступа: <https://cn.chinadaily.com.cn/a/202211/08/WS636a4c3aa310ed1b2aca629c.html>. – Дата доступа: 14.10.2024.
10. 中国与阿富汗发表联合声明 = Китай и Афганистан опубликовали совместное заявление. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД КНР. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200606/t20060620_7947036.shtml. – Дата доступа: 14.10.2024.

Информация об авторе:

Хэ Бицзюань – аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь

УДК 327

**ЧЖОУ ЦЗЕ
С. Ф. СВИЛАС**

**ИСТОРИОГРАФИЯ КИТАЙСКО-
ВЬЕТНАМСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Данная статья посвящена использованию историографии для анализа сотрудничества между Китаем и Вьетнамом в области высшего обра-

зования с 1993 по 2023 год. Цель данной работы – выделить основные направления и центры исследований по указанной проблематике, а также проанализировать работы отдельных специалистов. Материалы авторов будут полезны для специалистов, преподавателей и студентов.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования, международное сотрудничество, Китай, Вьетнам, инициатива «Один пояс – один путь», историография.

**ZHOU JIE
S. F. SVILAS**

HISTORIOGRAPHY OF CHINA-VIETNAM COOPERATION IN HIGHER EDUCATION (1993-2023)

This article is devoted to the use of historiography to analyze cooperation between China and Vietnam in the field of higher education from 1993 to 2023. The purpose of this paper is to highlight the main directions and centers of research on this issue, as well as to analyze the works of individual specialists. The authors' materials are available for professionals, teachers and students.

Keywords: internationalization of higher education, international cooperation, China, Vietnam, Belt and Road Initiative, historiography.

Китай и Вьетнам – соседи с общей историей и культурными связями, протяженность их границы составляет около 1 300 километров. В разные времена и на разных уровнях между двумя странами происходили обмены и взаимодействия, при этом сфера образования является одним из наиболее важных [1, с. 3]. Поскольку тема китайско-вьетнамского сотрудничества в сфере высшего образования в белорусской историографии не изучалась, а экспертами Китая и Вьетнама рассматривались лишь отдельные её аспекты, авторы выделяют основные направления исследований, центры китайско-вьетнамских обменов и сотрудничества в сфере высшего образования за последние два десятилетия, а также анализируют работы отдельных ученых. После более глубокого осмысления исторических истоков, текущего состояния и будущих направлений такого сотрудничества можно надеяться на появление новых систематизированных исследований в области китайско-вьетнамского образовательного взаимодействия.

Современные образовательные обмены и сотрудничество между Китаем и Вьетнамом начались с 1950-х годов, когда две страны установили дипломатические отношения. В 1950-1970-е годы Китай и Вьетнам имели очень тесные отношения, и сотрудничество в области образования также было активным. В годы борьбы Вьетнама с Францией и США ситуация с образованием была крайне сложной, Демократическая Республика Вьетнам обращалась за помощью к китайскому правительству. При активной поддержке и помощи Китая вьетнамская сторона организовала ряд школ в Китае [2, с. 206].

Отношения между двумя странами переживали взлеты и падения, особенно в ходе и после китайско-вьетнамской пограничной войны 1979 года, сотрудничество в области образования было прервано до 1991 года, когда две государства официально возобновили дипломатические отношения. В условиях реализации политики реформ и открытости на высшее образование повлияли стратегии и концепции развития стран. Шао Шицюань и Чжан Синьинь (1997, Университет Хубэй) [3, с. 1] отмечают, что новый этап реформы выс-

шого образования в Китае начался в 1985 году. Решением ЦК КПК о реформе системы образования, принятым в том году, высшим учебным заведениям разрешалось сотрудничать с внешними организациями для проведения научных исследований и технологических разработок, создавать консорциумы по преподаванию, научным исследованиям и производству, а также инициировать сотрудничество со школами на региональном и местном уровнях [4].

Вьетнамский ученый Нгуен Кхак Хунг (2014, Восточно-китайский педагогический университет) в своем сравнительном исследовании реформ высшего образования в Китае и Вьетнаме отмечает, что в августе 1987 года во Вьетнаме была проведена национальная конференция по высшему образованию с целью системной оценки текущей ситуации [5]. Конференция сосредоточилась на решении проблем высшего образования в условиях неудовлетворительного финансирования и предложила три решения: реформирование системы процесса поступления; усиление адаптации к социально-экономическим мегатенденциям и улучшение методов обучения; переход от централизованной бюрократической модели управления к гибкой. Именно с этого события начинается, по оценке упомянутого автора, реформа современного высшего образования во Вьетнаме [5; 6, с. 2].

В XXI веке, в условиях заметного роста товарооборота, Китай и Вьетнам воспользовались естественными преимуществами и уже созданной основой для образовательных обменов; взаимодействие в области образования укрепляется. Го Мин (2007, Китайская ассоциация исследований Юго-Восточной Азии) в своей книге о новой эре китайско-вьетнамских отношений отмечает, что в 1993 году были подписаны протокол об образовательных обменах и сотрудничестве, а также меморандум об образовательных обменах и сотрудничестве на 1994-1996 годы. Определялись формы сотрудничества: взаимные визиты делегаций, обмен преподавателями и студентами, организация академических мероприятий, поощрение прямых связей, в том числе между школами [7, с. 76].

Лян Чжимин (2012, Центр исследований Юго-Восточной Азии, Пекинский университет) в книге о китайско-иностранных культурных обменах отметил, что в 1994 году вьетнамская делегация работников образования посетила Шанхай и Гуанчжоу с целью изучения опыта, а спустя два года китайская делегация во главе с директором Государственной комиссии по образованию КНР Чжу Кайсюанем подписала Соглашение об образовательных обменах по 2000 год [8, с. 40].

Шан Зивэй (2011, факультет педагогических наук Гуансийского университета национальностей) приводит следующую статистику: с 1995 по 2000 год в общей сложности 179 вьетнамских студентов получили стипендии от китайского правительства для обучения в Китае, а 28 китайских студентов получили стипендии от вьетнамского правительства. Увеличилось число вьетнамских студентов, обучающихся за счет собственных средств. По состоянию на 2000 год 647 вьетнамских студентов обучались в Китае, и более 20 университетов и колледжей Вьетнама наладили сотрудничество с 40 учебными заведениями Китая. В Законе об образовании, принятом во Вьетнаме

(2005), говорится, что «государство поощряет и создает необходимые условия для международного сотрудничества в области образования» [9, с. 44].

В ноябре 2005 года заместитель министра образования Китая Юань Гирен во главе делегации посетил Вьетнам и подписал с заместителем министра образования и подготовки кадров этой страны Тран Ван Ронгом Соглашение об образовательных обменах между Китаем и Вьетнамом на 2005-2009 гг., которое предусматривает, что Китай и Вьетнам будут продолжать укреплять обмен визитами, поощрять и поддерживать прямые обмены и сотрудничество между высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими институтами двух стран, развивать обмен преподавателями и иностранными студентами. Стороны решили сотрудничать в области подготовки преподавателей китайского языка и разработки учебников, а также увеличили количество стипендий: число стипендиатов для вьетнамской стороны возросло с 37 до 130, а вьетнамская сторона предложила 15 мест для студентов, проходящих повышение квалификации. Китайская сторона обязалась ежегодно предоставлять вьетнамской стороне определенное количество стипендий для летних курсов подготовки преподавателей китайского языка, а также сотрудничать в разработке учебных материалов и подготовке преподавателей китайского языка во Вьетнаме [10].

Ли Тайшэн (2011, Институт экономики и культуры АСЕАН, Наньнинский институт профессиональных технологий) обратил внимание на то, что общее число вьетнамских студентов в Китае в 2009 году составило почти 12 250 человек, из которых 1 000 получали стипендии правительства Китая – это является одним из самых больших показателей. Академия общественных наук Юньнань (YASS) и Академия общественных наук Вьетнама (VASS), Ханойский университет и другие организации осуществляли академические обмены; Институт Красной реки Юньнань (YRI) и провинция Лао Кай Вьетнама инициировали ежегодную встречу сотрудников Министерства культуры, спорта и туризма КНР (МСТР); Институт Красной реки (RI) провинции Юньнань и Департамент культуры, спорта и туризма провинции Лао Кай Вьетнама ежегодно организовывали «Международный форум по бассейну Красной реки» [11, с. 14].

В исследовании, посвященном международным культурным отношениям в условиях глобализации, Цзян Сюминь (Даляньский технологический университет, 2011) отметила, что китайское правительство активно содействует международному сотрудничеству и обмену в области образования и в полной мере использует его для продвижения стратегии культурной дипломатии страны. Образовательные обмены рассматриваются как важная форма китайской культурной дипломатии, способствующая взаимопониманию между странами и народами [12, с. 272].

Яньцзюань Цинь (2019, Школа марксизма, Гуансийский нормальный университет) и Шуцянь Хань (2019, Департамент образования, Гуансийский педагогический университет) в статье о достижениях и проблемах китайско-вьетнамского сотрудничества в сфере высшего образования в контексте «Пояса и пути» указали, что с 2010 по 2014 год Китай и Вьетнам были вынужде-

ны снизить уровень сотрудничества из-за проблемы Южно-Китайского моря. В 2014 году численность вьетнамских студентов в Китае достигла самого низкого показателя за всю историю, при этом численность китайских студентов, выбравших изучение вьетнамского языка в качестве второго иностранного, сократилась с 60 % до менее 5 %. Колледжи и университеты Гуанси не могли набрать вьетнамских преподавателей, а факультеты вьетнамского языка в университетах Гуанси – студентов, преподаватели вьетнамского языка оказались без работы [13, с. 69].

В 2013 году китайское правительство выдвинуло инициативу строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Реализация проекта «Один пояс – один путь» позволяет Китаю проводить более активную стратегию открытия внешнего мира, и уже в декабре 2014 года Ханойский университет в сотрудничестве с Гуансийским педагогическим университетом основали Институт Конфуция [14].

В 2015 году китайско-вьетнамские отношения улучшились: совместное коммюнике декларировало общие интересы, схожие политические системы, пути развития и судьбы обеих стран [15]. В 2016 году Министерство образования Китая разработало Меры по содействию совместному строительству системы образования «Один пояс – один путь», которые обязывают местные власти использовать региональные преимущества и местные особенности, осуществлять широкое сотрудничество и обмены со странами, расположенными вдоль маршрута «Один пояс – один путь». Правительство Вьетнама, со своей стороны, запустило ряд соответствующих образовательных программ. В 2017 году число вьетнамских студентов на долгосрочном обучении в Китае превысило 2 тыс. человек, а на краткосрочном – почти 1,4 тыс., что оценивается как очень хороший показатель по сравнению со многими странами. По состоянию на 2017 год более 10 тыс. вьетнамских студентов обучались в примерно 100 школах двадцати провинций, автономных районов и муниципалитетов, включая 40 городов [16].

В феврале 2019 года правительство КНР приняло «Цели модернизации образования Китая к 2035 году», где одной из них стало «создание нового способа открытия образования для внешнего мира», что стимулировало продвижение идеи модернизации образования, Сообщества человеческой судьбы и инициативы «Один пояс – один путь» [17; 18, с. 11]. В июне 2020 года Министерство образования и восемь других ведомств выпустили «Мнения об ускорении открытия образования миру в новую эпоху» [19].

1 января 2022 года вступило в силу Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РВЭП), которое официально реализуют шесть стран-членов АСЕАН (Бруней, Камбоджа, Лаос, Сингапур, Таиланд и Вьетнам), а также четыре страны, не входящие в АСЕАН (Китай, Япония, Новая Зеландия и Австралия) [20]. Согласно официальному сайту Министерства коммерции Китая, основным содержанием RCER является экономическое и торговое сотрудничество для продвижения «открытого, всеобъемлющего, сбалансированного и бесприморного развития» в регионе; оно также включает сотрудничество в области культуры, образования и подготовки

кадров. В августе 2022 года министр образования и подготовки кадров Вьетнама Нгуен Ким Шон принял участие в третьем круглом столе министров образования Китая и стран АСЕАН в режиме онлайн, выразив надежду, что обмен опытом и инициативами будет способствовать расширению сотрудничества и усилиям по достижению процветания и развития, построению «общего дома мира и дружбы» [21].

В Генеральном плане развития высшего образования Вьетнама на 2021–2030 годы Министерство образования назвало модернизацию, повышение качества, развитие научных исследований и технологий главными приоритетами, поддерживаемыми финансовыми инвестициями и реструктуризацией [22]. Совершенствование высшего образования должно основываться на контроле качества, включая оптимизацию, актуальность учебных программ, улучшение работы преподавателей, проведение академических исследований в соответствии с международными стандартами. Сотрудничество в этой области становится эффективной движущей силой экономического и социального развития. В апреле 2023 года Министерство образования и Народное правительство провинции Хайнань приняли Временное положение о работе иностранных высших учебных заведений в свободном торговом порту Хайнань с основными принципами работы там иностранных высших учебных заведений, расширяя их возможности в контексте реализации инициативы «Один пояс – один путь» [22].

Современные исследования в основном посвящены истории и текущей ситуации с пребыванием вьетнамских студентов в Китае (овладение языком, межкультурной коммуникацией и т. д.). Приводятся примеры обучения вьетнамских студентов в определенной провинции или университете, что дает возможность понять общую ситуацию.

Авторы предлагаемой статьи опираются на результаты предыдущих исследований, чтобы полнее проанализировать историографию китайско-вьетнамского сотрудничества в области высшего образования с 1993 по 2023 год и использовать ее в качестве основы для анализа исторических истоков, текущей ситуации и будущего направления развития китайско-вьетнамского сотрудничества в области высшего образования.

Следует особо подчеркнуть, что приграничное сотрудничество между Китаем и Вьетнамом, несмотря на благоприятные условия, подверглось негативному влиянию дефицита доверия, вызванного особенностями исторической ретроспективы и проблемой Южно-Китайского моря. В то же время, благодаря приоритету АСЕАН во внешней политике Китая, инициативе «Один пояс – один путь» и реализации соглашения РСЕР китайско-вьетнамское сотрудничество в области высшего образования имеет многообещающее будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. 张力玮. “一带一路” ——中越教育合作与交流的重要倡议——访越南驻华大使邓明奎 / 张力玮, 吕伊雯. —世界教育信息, —2017, —11 期, —3-5 页. = Чжан Ливэй. «Один пояс – один путь»; – крупная инициатива по сотрудничеству и обмену в области образования между Китаем и Вьетнамом – интервью с послом Вьетнама в Китае Дэн Минь-

- куй / Чжан Ливэй, Лю Ивэнь // Информация об образовании в мире. – 2017. – № 11. – С. 3–5.
2. 农立夫. 中国与越南现代教育合作回顾与展望 / 农立夫. —学术论坛, —2012, —2 期, —206-210 页. = Нун Лифу. Обзор и перспективы сотрудничества в сфере современного образования между Китаем и Вьетнамом / Нун Лифу // Академический форум. – 2012. – № 2. – С. 206–210.
 3. 邵士权. 高等教育合作目标初探 / 邵士权, 张新银. —江苏高等教育研究, —1997, —2 期, —59–63 页. = Шао Шицюань. Первоначальное исследование целей сотрудничества в высшем образовании / Шао Шицюань, Чжан Синьинь // Исследования высшего образования в Цзянсу. – 1997. – № 2. – С. 59–63.
 4. 中共中央办公厅、国务院办公厅印发《中共中央关于教育体制改革的决定》[电子信息]. // 中华人民共和国中央人民政府. – 存取方式: <https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1985/gwyb198515.pdf> – 存取时间: 01.02.2024. = Офис Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Офис Государственного совета опубликовали «Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая о реформе системы образования» [Электронный ресурс] // Правительство КНР. – Режим доступа: <https://www.gov.cn/gongbao/shuju/1985/gwyb198515.pdf>. – Дата доступа: 01.02.2024.
 5. 范明学. 越南教育: 现状与未来展望. / 范明学. —河内, Gioi 出版社, —1998, —33 期, —14–45 页. = Фань Минсяо. Образование во Вьетнаме: текущее состояние и перспективы / Фань Минсяо // Gioi. – 1998. – № 33. – С. 14–45.
 6. 阮克雄. 中越高等教育改革的比较研究. / 阮克雄. —华东师范大学, —2014, —195 页. = Руань Кэсюн. Сравнительное исследование реформ высшего образования в Китае и Вьетнаме: дис. ... д-ра образования: G649.1 / Руань Кэсюн; Восточно-Китайский педагогический университет. – Шанхай, 2014. – 195 с.
 7. 郭明. 中越关系新时期. / 郭明. —北京时事出版社, —2014, —195 页. = Го Мин. Новый этап отношений между Китаем и Вьетнамом / Го Мин. – Пекин: Изд-во текущих событий, 2007. – 301 с.
 8. 梁志明. 当代留学大潮与中外文化交流. / 梁志明. —公共外交季刊, —2012, —10 期, —47-52 页. = Лян Чжимин. Современные тенденции в области обучения за рубежом и культурного обмена между Китаем и другими странами / Лян Чжимин // Квартальник публичной дипломатии. – 2012. – № 10. – С. 47–52.
 9. 陈明映. 中越文化外交研究. / 陈明映. —云南大学, —2012, —44-45 页. = Чэнь Миньин. Исследование культурной дипломатии между Китаем и Вьетнамом / Чэнь Миньин. – Куньмин; Университет Юньнань, 2012. – С. 44–45.
 10. 中国政府奖学金管理条例 [电子信息]. // 中华人民共和国教育部. – 存取方式: – 存取时间: 18.02.2024. (Правила управления стипендиями правительства Китая [Электронный ресурс] // Министерство образования Народной Республики Кита. – Режим доступа: . – Дата доступа: 18.02.2024.)
 11. 李太生. 中国-东盟自由贸易区背景下中国与越南高等教育合作对策研究. / 李太生. —东南亚纵横, —2011, —10 期, —13-16 页. = Ли Тайшэн. Исследование стратегий сотрудничества в высшем образовании между Китаем и Вьетнамом на фоне создания зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН / Ли Тайшэн // Поперечник Юго-Восточной Азии. – 2011. – № 10. – С.13–16.
 12. 姜秀敏. 全球化时代的国际文化关系研究. / 姜秀敏. —北京: 中央编译出版社, —2011, —306 页. = Цзян Сюйминь. Исследование международных культурных отношений в глобализирующемся мире / Цзян Сюйминь. – Пекин: Изд-во Центрального переводческого бюро, 2011. – 306 с.
 13. 覃艳娟. “一带一路”背景下中越高等教育合作的成就、挑战与对策. / 覃艳娟, 韩书争. —民族教育研究, —2019, —5 期, —66-72 页. = Тань Яньцзюань. Достижения, вызовы и стратегии сотрудничества в высшем образовании между Китаем и Вьетнамом на фоне "Одного пояса, одного пути" / Тань Яньцзюань, Хань Шуцзэн // Исследования образования национальностей. – 2019. – № 5. – С. 66–72.
 14. 河内大学孔子学院由越南河内大学和中国广西师范大学合作创办成立 [电子信息]. // 越南留学服务网. – 存取方式: – 存取时间: 01.02.2024. (Институт Конфуция в Ханое был

- создан совместно Вьетнамским университетом в Ханое и педагогическим университетом Гуанси [Электронный ресурс] // Служба поддержки студентов Вьетнама. – Режим доступа: . – Дата доступа: 01.02.2024.)
15. 中越联合公报 [电子信息] // 中华人民共和国中央人民政府. – 存取方式: – 存取时间: 01.02.2024. = Совместное коммюнике Китая и Вьетнама [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство Народной Республики Китай. – Режим доступа: . – Дата доступа: 01.02.2024.
 16. 推动共建“一带一路”教育领域行动计划 [电子信息]. // 中华人民共和国教育部. – 存取方式: – 存取时间: 01.02.2024. = Содействие совместному строительству «Одного пояса, одного пути» в области образования [Электронный ресурс] // Министерство образования Народной Республики Китай. – Режим доступа: . – Дата доступа: 01.02.2024.
 17. 中国教育现代化 2035 [电子信息]. // 中华人民共和国中央人民政府. – 存取方式: – 存取时间: 01.02.2024. = Содействие совместному строительству «Как понять цели модернизации образования на период до 2035 года [Электронный ресурс] // Центральное народное правительство Народной Республики Китай. – Режим доступа: . – Дата доступа: 01.02.2024.
 18. 贾介学. “一带一路”框架下科技和人文交流趋势研究. / 贾介学. —科学管理研究, —2015, —6期, —9–12页. = Цзя Шаосюэ. Исследование тенденций научно-технических и гуманитарных обменов в рамках инициативы «Один пояс – один путь» / Цзя Шаосюэ // Научные управленческие исследования. – 2015. – № 6. – С. 9–12.
 19. 教育部等八部门联合印发《关于加快和扩大新时代教育对外开放的意见》 [电子信息]. // 中华人民共和国教育部. – 存取方式: – 存取时间: 01.02.2024. = Министерство образования и другие восемь департаментов совместно опубликовали «Мнения о ускорении и расширении открытости образования на новом этапе» [Электронный ресурс] // Министерство образования Народной Республики Китай. – Режим доступа: . – Дата доступа: 01.02.2024.
 20. 《区域全面经济伙伴关系协定》（简称 RCEP）正式生效 [电子信息]. // 中华人民共和国商务部. – 存取方式: – 存取时间: 01.02.2024. = Региональное соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве (RCEP) [Электронный ресурс] // Министерство коммерции Народной Республики Китай. – Режим доступа: . – Дата доступа: 01.02.2024.
 21. 越南教育培训部部长阮金山以在线形式出席第三届中国—东盟教育部长圆桌会议 [电子信息]. // 越南留学服务网. – 存取方式: – 存取时间: 01.02.2024. = Министр образования и подготовки кадров Вьетнама Нгуен Ким Сон принял участие в третьем круглом столе министров образования Китая и стран АСЕАН в онлайн-формате [Электронный ресурс] // Вьетнамская служба поддержки студентов. – Режим доступа: . – Дата доступа: 01.02.2024.
 22. 越南《2021-2030 年高等教育总计划》 [电子信息]. // 中华人民共和国教育部. – 存取方式: – 存取时间: 01.02.2024. = Общий план высшего образования Вьетнама на 2021-2030 годы [Электронный ресурс] // Министерство образования Народной Республики Китай. – Режим доступа: . – Дата доступа: 01.02.2024.

Информация об авторах:

Чжоу Цзе – студент Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь.

Свилас Светлана Францевна – профессор кафедры международных отношений ФМО БГУ, доктор исторических наук, доцент, г. Минск, Республика Беларусь.

СОДЕРЖАНИЕ

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 3

Астрамецкий В. С. Знаковая система модернизма как элемент китайской картины мира 5

Атрохова В. А. Вариативность китайских иероглифов с ключом 鱼 «рыба» 14

Барский К. М., Урывская Т. А. Способы выражения кратности в китайском языке (на материале официальных документов и текстов общественно-политической тематики) 19

Гибкий П. В. Время как языковая категория 24

Карпович А. А. Омонимия как мост, соединяющий язык и традиционную живопись Китая 29

Макарова Е. А. Проблема восприятия и воспроизведения третьего тона 35

Михалькова Н. В. Семантические категории сложносоставных иероглифических знаков китайского языка с детерминативами различного типа 42

Рачковская К. Т. Сравнительный анализ фразеологизмов-зоонимов, обозначающих характер человека 47

Романовская Е. В. Фасцинация как разновидность информации 50

Святощик М. И. Метод рекурсивной реконструкции в синтаксическом анализе предложений 57

Слепцова А. С. Структурно-семантическая классификация фразеологизмов с компонентами 生 и 死 61

Стрельчяня П. В. Особенности перевода англоязычных наименований иностранных брендов на китайский язык с сохранением коннотации оригинального наименования 66

Судакова П. В. Национальные традиции и современность Китая: отражение культурного наследия предков в молодежной моде 70

Сяо И. Семантический анализ идеограмм китайской письменности цзягувэнь 75

Филимонова М. С. Типологические особенности китайского письма 82

КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ 87

Аксёничкова-Бирюкова А. А. Пространственная лексика как средство выражения эмоционального состояния в поэзии Ли Цинчжао 92

<i>Журко Л. С.</i> Архаические солярные мотивы в древнекитайском памятнике «Шаньхайцзин».....	90
<i>Коваль В. И., Сулима Е. С.</i> К вопросу интерпретации текста «Большая мышь» из древнекитайской «Книги песен»	95
<i>Ли И.</i> Тема поэтического творчества и образ поэта в изобразительном искусстве Китая эпохи Сун.....	103
<i>Луань Ин.</i> Фольклорный образ сороки в китайских традиционных праздниках и сопровождающих их песнях	106
<i>Можейко М. А.</i> Парадигма нелинейного мышления в современной культуре: новые перспективы диалога Востока и Запада	111
<i>Пэн Синьчжэн.</i> Актуальные социальные проблемы в отражении современной пейзажной живописи Китая	118
<i>Устинова Е. С., Ван Цзиньлин.</i> Древняя китайская поэзия как объект перевода: обязательства и мера свободы переводчика.....	123
<i>Цзяньюй Ван.</i> Влияние Шелкового пути на взаимодействие и развитие китайского искусства.....	130
<i>Чжан Сынин.</i> Поклонение природе и тотемам в истории Китая.....	135
<i>Чжан Цзин.</i> Репрезентация фарфора из цзиндэчжэня в современном экспозиционно-выставочном процессе Республики Беларусь	139
<i>Чжан Цзыюань.</i> Новый образовательный стандарт для средней школы второй ступени в КНР (на примере учебного курса «история»).....	144
<i>Шунейко Е. Ф.</i> Выявление тематики жизненных испытаний народа в 30–40-х гг. XX в. в произведениях китайских мастеров гравюры на дереве.....	152
<i>Янь Хаотянь.</i> Жанрово-тематические особенности китайских кинокомедий в период начала реформ и политики открытости под руководством Дэн Сяопина (1979–1989 гг.).....	156
КИТАЙ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	161
<i>Гутырчик В. А., Свилас С. Ф.</i> Китайско-французское культурное сотрудничество в XXI веке	163
<i>Жэнь Сюэ.</i> Распространение конфуцианства в странах Восточной Азии в период правления династии Сун	167
<i>Зубкова Д. В., Свилас С. Ф.</i> Сотрудничество Бразилии и Китая в БРИКС.....	169
<i>Криштанович Л. Е.</i> Китай в современном мире (к 75-летию со дня образования КНР)	174

<i>Левчук А. О., Свилас С. Ф.</i> Китайский вектор культурно-образовательной дипломатии Франции.....	179
<i>Лопан М. А., Свилас С. Ф.</i> Китайский фактор во внешней политике Бразилии в XXI веке (экономический аспект)	184
<i>Лукашевич А. В., Верниковская Е. В.</i> Популяризация Китая и китайской культуры в мире и Республике Беларусь	189
<i>Минко А. Д.</i> Культурный обмен как ключевой фактор успеха белорусско-китайского сотрудничества	197
<i>Олейник С. Е.</i> Белорусско-китайские отношения в сфере образования (на примере сотрудничества МГЛУ и УВО КНР)	203
<i>Ткачук К. И., Свилас С. Ф.</i> Китайский вектор публичной дипломатии Бразилии.....	211
<i>Традчик А. В., Свилас С. Ф.</i> Китайская диаспора в Испании.....	217
<i>Хэ Бицзюань.</i> Китайско-афганские отношения в культурной сфере: (2001-2024 гг.).....	222
<i>Чжоу Цзе, Свилас С. Ф.</i> Историография китайско-вьетнамского сотрудничества в области высшего образования	225

На обложке:
Пагоды Солнца и Луны
города Гуйлинь провинции Гуанси КНР

Научное издание

ПУТИ ПОДНЕБЕСНОЙ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК XI

В авторской редакции

Компьютерная верстка *П. В. Гибкий, А. Ю. Москалёва, В. С. Астралецкий*

Обложка *П. В. Гибкий, А. Н. Гордей*

Ответственный за выпуск *А. Н. Гордей*

Подписано в печать 25.11.2025. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография.

Усл. печ. л. 13,72. Уч.-изд. л. 16,67.

Тираж 50 экз. Заказ 46.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования
«Белорусский государственный
университет иностранных языков».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337.

ЛП № 38200000064344 от 17.09.2025 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.